Мы на земле,
где вы живете...

ЗЕМЛЯКИ

Нижегородский альманах
Выпуск двадцать третий

«КНИГИ»
Нижний Новгород
2017

УДК 821.161.1(082)
ББК 84 (2 Рос-Рус)6 я43

З53

Редактор-издатель *О. А. Рябов*
Редактор *А. И. Иудин*
Составители *А. И. Иудин, О. А. Рябов*

Общественная редколлегия:
Н.А.Бенедиктов, И.С.Горюнова, Е.Н.Крюкова, З.Прилепин, В. И. Седов, А. М. Цирульников, Г. В. Щеглов, Е. Р. Эрастов

Адрес редакции: 603057, Нижний Новгород, ул. Бекетова, 24/2, издательство «Книги». Тел. (831) 412-16-04
E-mail: zemlyaki-nn@yandex.ru
Рукописи не рецензируются и не возвращаются

Издание осуществлено при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям

З53 **Земляки**. Нижегородский альманах. Выпуск двадцать третий. Сост. А.И. Иудин, О.А. Рябов. – Нижний Новгород: издательство «Книги», 2017. – 464 с.

Очередной выпуск альманаха составлен из произведений писателей и поэтов – как наших земляков, так и проживающих в других городах России и за ее пределами.
Тема Великой Отечественной войны отражена в сборнике в стихах и прозе наших современников, а также ее свидетелей и непосредственных участников.
Ряд публикаций посвящены различным аспекитам культурного наследия России и Нижегородского края.
Отдельной рубриков представлены произведения, предназначенные для читателей детского и подросткового возраста.

Альманах зарегистрирован в Управлении Роскомнадзора по Нижегородской области.
Свидетельство о регистрации: ПИ № ТУ 52-0246
© Иудин А. И., Рябов О. А. Составление, 2017
© Издательство «Книги», 2017
ISBN

Содержание

Нижегородский почерк. 6
Олег РЯБОВ 6
БОРИС БОРИСОВИЧ И ЕГО ЖЕНЫ 6
УБИЙСТВО ОТЪЕМОВА 17
ПОСЛЕДНЯЯ ОХОТА РЫЖЕГО 24
Владимир СЕДОВ 30
ЛУНТИК 30
Антон ЛУКИН 38
БЕСЕДА 38
ДЯДЯ ВАСЯ 45
Пётр РОДИН 52
ВЕНКА 52
АТАСКИНО СЧАСТЬЕ 56
Павел ТУЖИЛКИН 60
КУЗНЕЦ 60
Венедикт ПОНОМАРЕВ 72
ТЕМНОТА 72
Лирический портрет 106
Евгений ЭРАСТОВ 106
ЗВУК 106
Зураб БЕМУРЗОВ 113
...И ВРЕМЯ ЧИТАЕТ ПО БУКВАМ 113
МОЮ ЖЕ ЛАДОНЬ 113
Из свежей прозы 117
Николай ТОЛСТИКОВ 117
ИЛЬИНКА 117
Николай ЛЕУШЕВ 128
МОЛОКО С ТВОРОГОМ, СИНИЕ ТАПОЧКИ 128
Ксения СПЫНЬ 136
ПРОЛЕТЕВШЕЕ 136
Александр КРАМЕР 141
НЕПРИЛИЧНАЯ ИСТОРИЯ 141
СОМНЕНИЕ 148
Галина СОЛОВЬЕВА 156
КОММЕРЧЕСКИЙ РЕЙС 156
Лирический портрет 183
Владимир ГОФМАН. 183
ДУССЕ-АЛИНЬ 183

Надежда БОЛТЯНСКАЯ . . . 193
(1963–2015) . . . 193
МЕЖДУ ОБЛАЧНЫХ ТЕНЕЙ . . . 193
Михаил ТИМОНИН . . . 199
(1910–1977) . . . 199
МНЕ УЛЫБАЛИСЬ НЕБО И ТРАВА... . . . 199
Из будущих книг . . . 208
Евгений ШЕСТОВ . . . 208
ФИЛАРМОНИЯ . . . 208
Светлана ЛЕОНТЬЕВА . . . 231
ГРИБНОЙ ДОЖДЬ ДЛЯ ЛЁВЫ . . . 231
Вехи памяти . . . 304
Александр ЛОМТЕВ. . . . 304
ДВЕНАДЦАТЬ МГНОВЕНИЙ СЕМНАДЦАТОГО . . . 304
Евгений ЧИРИКОВ . . . 363
(1864–1932) . . . 363
КАК МЫ БЕЖАЛИ . . . 363
Фёдор СУХОВ . . . 371
(1922–1992) . . . 371
ПИСАТЕЛЬ ЗЕМЛИ И ЧЕЛОВЕКА . . . 371
(А.М. Горький И С.А. Есенин) . . . 371
Далекое — близкое . . . 376
Павел ШАРОВ . . . 376
ЛЕСНЫЕ СКИТАЛЬЦЫ . . . 376
Александр ЦИРУЛЬНИКОВ . . . 397
ДОРОГА ДЛЯ ГРОМЫКО . . . 397
Сергей КРИВОРОТОВ . . . 403
БЕГИ, СОБАКА, БЕГИ . . . 403
Детские странички . . . 407
Алина РЕЙНАР . . . 407
НОВОГОДНИЙ БИЛЕТИК . . . 407
Ирина ЧЕРКАСОВА. . . . 412
ГЕРОИ ПРИЗРАЧНОГО МИРА . . . 412
Галина СТРЕЛКОВА . . . 415
ПРИТЧИ . . . 415
Галина Зеленкина . . . 418
Павел ТИМОФЕЕВ . . . 419
Русский смех . . . 421
Евгений ОБУХОВ . . . 421
ЭНТОТ . . . 421

Земляки-21

ШЛАГБАУМ . . . 424
Григорий ДОЛГАНСКИЙ, Владимир ДУБИНСКИЙ. . . . 426
ЗАЩИТА ЛУЖИНА, . . . 426
Ефим ГАММЕР. . . . 430
ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛФАВИТ . . . 430
РУССКОЯЗЫЧНОГО ИЗРАИЛЯ. . . . 430
ЛЕКАРСТВО . . . 432
ОТ ИЕРУСАЛИМСКОГО СИНДРОМА . . . 432
Николай СИМОНОВ . . . 433
Олег ЗАХАРОВ. . . . 434
ПАРОДИИ . . . 434
Татьяна УТКИНА . . . 435
СКАЗКИ В ЛИМЕРИКАХ . . . 435
Павел ТИМОФЕЕВ . . . 437
Людмила ЕДИГАРЬЕВА . . . 438
Юрий ТУБОЛЬЦЕВ . . . 439
МИНИАТЮРЫ . . . 439
Стихи по кругу . . . 440
Николай ПЧЕЛИН. . . . 440
Татьяна БОБЫШЕВА . . . 441
Пётр РОДИН . . . 444
Елена СОМОВА . . . 444
Владимир ЛЕБЕДЕВ . . . 445
Ксения БУРЛАК . . . 446
Вита ПУНСКАЯ . . . 447
Ксения ГОРОХОВА . . . 448
Михаил СТРИГИН . . . 448
Вадим ДЕМИДОВ . . . 449
Михаил ПОТАЧЁВ. . . . 451
Дарья МАКСИМОВА . . . 452
Прощальное слово . . . 453
Александр ЦИРУЛЬНИКОВ . . . 453
ВСПОМИНАЯ СЕРГЕЯ ЧУЯНОВА . . . 453

Нижегородский почерк

Олег РЯБОВ

БОРИС БОРИСОВИЧ И ЕГО ЖЕНЫ

1

Это даже не художественный текст – это то, что современные продвинутые деятели от литературы называют «нон-фикшн», то есть тут почти всё правда. Даже фамилии подлинные. Если какие-то детали, сопутствующие описываемому факту, я и позабыл, то от их присутствия ничего бы не поменялось.

Был у меня в молодости приятель Борис Борисович Кругляк. Человек он был умный, старательный, энергичный, один у него был недостаток: влюблен он был в свою фамилию. Каких только ему в школьные и студенческие годы прозвищ не придумывали из-за этой фамилии: и Круглый, и Шарик, и Кубик, а он только всё больше и больше ей гордился. И ещё он считал, что у матери его была тоже красивая фамилия – Шкаденко. Я ему прямо говорил, что памятник людям с такими фамилиями вряд ли поставят. Ну что – ты подойдёшь к памятнику, а на нём надпись: Кругляк, или ещё смешнее – Шкаденко! Для памятника нужна фамилия простая, вроде: Жуков или Гагарин, или Романов на крайний случай.

Случилось всё это ещё при советской власти: окончил Борис Борисович автомобильный факультет Горьковского

политехнического института имени Жданова и получил законное распределение поработать на каком-то оптико-механическом заводе в городе Свердловске, будто в городе Свердловске нет своего политехнического института. А был закон такой: отучился ты бесплатно в вузе да, может, ещё и стипендию получал – отработай на том предприятии, где твоя специальность требуется, два года, а после – как хочешь, так и живи.

Город Свердловск в советское время почти ничем не отличался от города Горького; они как два родных брата были: закрытые для иностранцев полуторамиллионники, индустриальные муравейники, работающие на оборонку. Половина населения давали подписку о неразглашении секретного чего-то, и, встречая какого-нибудь эстонца или якута, говоривших немножко с акцентом, шарахались зашоренные горожане от него, как от агента ЦРУ. Эта закрытость создавала эффект глубокой провинции, а, учитывая, что в молодости, которая прошла у этих городов несколько веков назад, оба они были когда-то центрами средоточия патриархального старообрядческого купечества, потому и архитектура их была схожа: доходные дома с дворцовыми фасадами, особнячки полукаменные купеческие и бараки с сырыми подвалами и выгребными ямами.

Даже школа невьянской иконы, расцветшая вокруг дореволюционного Екатеринбурга, была создана выходцами-старообрядцами из нижегородской Балахны.

И вот приехал мой Борис Борисович, а пока что Боря, в назначенный ему город Свердловск, оформился на работу, прописался в общежитии. Очень скоро вырос он у себя на заводе до мастера и стал цениться начальством. Квартиру ему выделили ведомственную однокомнатную, что редко делается для молодых специалистов, да к тому же не женатых. Вместе с тем и личная жизнь у него наладилась, да так наладилась, что не каждому так повезёт: завел он себе девушку, притом не одну, а двух сразу, и пошла у него дружба, любовь в смысле, с обоими с ними. Ну, не вместе он с ними стал жить, как татарин какой, а в гости они к нему стали наведываться попеременно. Девчонки про эту игру

Борину всё знали. Да уж больно нежный Боря был человек и обходительный – не хотелось им с Борей отношения обострять.

Так как в советские времена в церковь мало кто ходил, а в церковных вопросах – вообще никто ничего не понимал, то Боря всем – и подружкам своим, и знакомым, которые про его двойное увлечение знали, – легко лапшу на уши вешал. Боря был крещен, носил нательный крестик и не скрывал этого факта. Небесным покровителем его был (так повезло!) по крещению как раз мученик князь Борис, первый русский святой. Так как внешностью своей, кудрявостью и сообразительностью Боря чем-то напоминал библейскую нацию, то ему не раз приходилось защищать свое имя, объясняя, что оно самое святое и самое русское. Приходилось ему не раз объяснять и свое поведение нестандартное: что, если, мол, не венчан он ни с кем из девчонок, то и греха в этом никакого нет.

Кроме всего этого дошло до того, что Боря познакомил между собой подружек своих, а звали их Соня Синичка и Таня Журавлева. А так как Боря Кругляк очень много большое значение придавал своей фамилии, то он и в девчоночьих фамилиях пытался разглядеть какой-то смысл – вроде как синица в руках, а журавель в небе. Потом даже в модный ресторан «Старая крепость» как-то раз они все вместе втроем сходили. Он мне уже в зрелом возрасте этот эпизод объяснил – чтобы всё честно было!

Как и многие технари той эпохи, Боря любил на досуге просматривать всяческого рода научно-популярные журналы типа «Знание – сила», «Техника – молодёжи», «Вокруг света», «Здоровье» и так далее. Много их выходило в те годы.

И вот в одной статейке научной или полунаучной вычитал он, что всё развитие человечества происходит за счёт мутаций особей мужского пола, то есть мужской пол как бы экспериментальный, и передает он, мужчина, весь свой жизненный опыт, всю информацию, скапливаемую за всю свою жизнь, женщине, а та эту информацию только трансформирует в своих детей. У Бори братьев не было, и у Бориного папы тоже братьев не было, и у дедушки Бориного

братьев не было, а глубже Боря уже и сам не знал, кто был и что делал. И этого уже достаточно!

Получается, что если у Бори не будет сыновей, то жизнь и вся эволюция последних как минимум трёх поколений прекрасной фамилии Кругляк – коту под хвост. Боря мне всю эту теорию подробно потом объяснял: и про мутации, и про X и Y хромосомы, и про то, что мальчиков больше рождается, а выживает меньше, и про то, что выкидыши человеческие при неудачной беременности – чаще зародыши мужского пола. Я, в общем, ничего не понял, но это важно для продолжения Бориной истории.

Житейская народная мудрость про то, что хороших мужиков ещё щенками разбирают, Боре была с детства известна, и он сумел без потерь пройти возраст созревания и глупого возмужания, когда нас, мужиков, как раз и разбирают. И вот уже взрослым и имеющим даже какой-то социальный статус, он встал перед проблемой продолжения рода. Тут уже не до любви было.

Собрал он в «Старой крепости» своих подружек Соню и Таню, чтобы не было никаких недоразумений, а наоборот: совместно решить задачу продолжения рода Кругляков. Было Бориным подружкам тогда по двадцать лет, и похожи они были друг на друга удивительно: обе – низкорослые, коренастые, широкоскулые, только волосы у Сони каштановые, а у Тани – светло-русые, почти соломенные, и работала Соня в аптеке, а Таня в парикмахерской, и жили они обе в общежитиях, но в разных.

И Соне, и Тане было к тому времени уже известно о существовании соперницы, и им было даже любопытно познакомиться друг с другом – тоже, те ещё экземплярчики были. Так, чокаясь шампанским и закусывая черной икрой, Боря объявил подружкам, что женится только на одной из них, а вот на которой – зависит от них. Кто первая родит ему наследника, сына, Борю, та и может рассчитывать.

2

Тут перестройка грянула, кооперативы расцвели пышным цветом, раскрылись глазоньки у населения

с предпринимательской жилкой. Миллионеры настоящие появились – партийные взносы-то (кто партийные билеты не выбросил, может похвастать!) тысячами да десятками тысяч начали платить. Легендарный, прогремевший на всех телеканалах, советский миллионер Артем Тарасов не единственный, кто девяносто тысяч за месяц взносов родной партии заплатил.

Боря Кругляк в партии не состоял, но кооператив, который они с заместителем председателя облисполкома и с командиром одной из воинских частей замутили, процветал. Начали с лесопилок, с леспромхозов обычных, а там нелегкая понесла.

Но, видимо, остался Боря чужаком в Свердловске – вынужден он был оттуда бежать в свой родной город Горький. Я не понял, что тогда произошло неприятного в коллективе учредителей первого Бориного кооператива, только сбежал он вместе с пакетом заказов и договоров очень солидным, оставив компаньонов без перспектив. Всё своё ношу с собой – любил поговаривать Боря в те годы. Лесов-то в родной Горьковской области, да и в соседней, Кировской – не вырубишь и за две жизни. Боря быстро нашел компаньонов нужных на своей родине: бывшего председателя областной «Сельхозтехники» и директора солидного лесного хозяйства, и очень скоро новый кооператив уверенно поднялся на ноги и зашагал.

А тут и Таня прислала телеграмму, что родила она маленького Борю и что большой Боря может приехать и посмотреть на своего наследника. К слову сказать, Соня тоже родила через месяц после Тани, но девочку и назвала дочку Машей, а потому телеграмму посылать не стала. Борис, приехав в Свердловск, чтобы забрать с собой будущую жену с сыном на новое постоянное место жительства, даже не вспомнил о своей второй подружке. Только спустя уже какое-то время, Таня, которая всё знала про соперницу, рассказала ему о Соне и нежданной его дочке Маше, которую Боря так и не увидел в тот поспешный свой заезд.

Свадьбу сыграли уже в Горьком скромную, но в ресторане, с белым платьем, фатой и шампанским. Квартиру

сняли трехкомнатную, няньку наняли. Боря ездил к тому времени уже на собственной черной «Волге ноль второй» с водителем. Деньги лежали в спальной комнате под кроватью, упакованные в полиэтиленовые банковские большие брикеты, перевязанные шпагатом – девать их было некуда… пока. Но приватизация пришла.

Боря Кругляк нанял целую команду ребят, которые работали на вокзалах и рынках, скупая ваучеры у простаков и алкоголиков за какие-то гроши, а иной раз и за бутылку водки…

Скучно всё это вспоминать: перестройка, кооперативы, ваучеры, приватизация, бандиты, миллиардеры, загородные коттеджи, больше похожие на замки, готовые к осаде…

Быстро это как-то проскочило мимо Бори или вместе с Борей, и вспоминается сегодня как странный сон, причем даже не верится, что это был не сон. Особенно для Бориса! Для Бориса весь этот сон, вся эта суета, вся эта кутерьма завершилась как ударом головой об стену: оказалось, Боря младший болен, болен неизлечимо – аутизм. Проявилось это у мальчика в шесть лет, а к десяти годам стало ясно, что все предпринятые виды лечения бессмысленны, настолько был очевиден прогресс болезни. Да, это не смертельно, но для Бориса Борисовича и его Тани это казалось в тот момент полной катастрофой всей жизни.

Борис Борисович был вынужден принять жесткое решение и продал весь свой бизнес, чтобы иметь возможность заняться сыном и семьей в целом, так как Таня его стала потихоньку, без скандалов, но изрядно выпивать. Он же стал классическим рантье, разместив свои капиталы в инвестиционных фондах Швейцарии и Австрии, и даже как «рантье» стал записывать свою специальность и место работы в анкетах, когда это требовалось. Борино неотлучное присутствие в своем большом двухэтажном особняке, где постоянно были ещё и супруга, и прислуга, и медсестра, ничуть не улучшало здоровья мальчика, а лишь повышало градус напряжённости.

В конце концов Таня как последнюю надежду высказала Борису свою мысль о возможности поездки в Китай,

на остров Хайнань, в специальную клинику, о которой она читала какие-то просто фантастические отзывы в интернете. Боря не возражал – он готов был пойти на самые сумасшедшие авантюры, только бы не сидеть без дела, только бы вылечить сына. Таня улетела с мальчиком и с медсестрой в качестве помощницы и компаньонки в далёкую непонятную клинику с нетрадиционной китайской медициной.

Сначала шло всё, как хотелось: и перезванивались каждый день, и надежда в голосе Тани звучала, и надежду эту в Таню поселили не местные врачи, а пациенты клиники, с которыми она там познакомилась. Потом в разговорах появились интонации, в которые Борис Борисович верить не хотел, но компаньонка Тани всё худшее подтвердила – Таня выпивает. Но Кругляк ничего сделать не успел – трагедия случилась.

Не хочу пересказывать то, чему не был сам свидетелем, – Таня утонула, утонула вместе с сыном Борей в бассейне спа-отеля при этой мудрёной китайской больнице.

Так закончилась семейная жизнь Бориса Борисовича Кругляка. Стал он в сорок с небольшим похож на настоящего старика-пенсионера: седой, с животиком, в очках, бороду неряшливую козлиную отпустил, волосы космами нечесаные во все стороны торчат, брови пучками, мало того – волосы и из ноздрей и из ушей стали расти. Остались у него, правда, пара интересов в жизни: стал он коллекционировать портсигары и табакерки всех времён и народов, и постоянно ремонтировал он и реконструировал свой двухэтажный дом на берегу Волги. Для этих всех ремонтов был у него «кухонный мужик», как он сам его называл – старый его товарищ, с которым он ещё в институте учился, тот и мастеров нанимал, и следил за качеством работ, и садовничал, и шофером личным у Бориса Борисовича был. Была ещё в доме тетка, приходящая из ближайшей Печерской слободы для всяких женских дел: прибраться, полы помыть, пыль вытереть, обед, ужин сготовить, рубашку постирать, погладить, да мало ли что ещё!

Дом Бориса Борисовича был хорош тем, что стоял он в полугоре между городским Гребным каналом и крепостной стеной Печерского монастыря, в который повадился теперь ходить Борис Борисович и на службы, и на исповедь. Ещё завел Борис Борисович себе собачонку серенькую, маленькую, глупую и лохматую, странной породы какой-то, вроде цвергшнауцер, с отвратительным характером, но впечатляющей родословной. Звали собачку по документам сложно как-то, вроде как «Графиня де Луи де Сен-Фаль», а то так и ещё серьезнее, но Боря звал её просто Баськой. И, как это часто бывает, собачка со временем стала походить на своего хозяина так, что издалека было видно – данная конкретная псина имеет своего конкретного хозяина в лице Бориса Борисовича.

3

Перестал ездить Борис Борисович заграницу в Швейцарию и Австрию, где у него всё еще были какие-то финансовые дела – все решения принимал сидя на диване в своем бревенчатом домике-избушке, стоящем на берегу Волги посреди яблонь и вишен. И в Москву, и в Питер перестал ездить в антикварные магазины да на аукционы, где раньше покупал себе всякие курительные безделушки – через интернет начал заказывать. Зато повадился он ходить в монастырь к игумену монастырскому, с которым часами мог пить чаи и разговоры вести безобидные и умные. Иногда и рюмку водки позволяли они себе, когда не было уставом запрещено.

Игумен монастыря был личностью значительной, габаритной и многообразно грамотной. Много чего интересного Борису Борисовичу он рассказывал про свой монастырь: про летописца Лаврентия, который здесь первую русскую летопись писал, и про подземный каземат, в котором якобы царь Иван Шестой сидел до того, как его в Шлиссельбург перевели, и про детей Карамзина, которые здесь, на монастырском погосте, нашли свой последний приют, и о том, как братия в раскол уходила за Волгу из этого монастыря, унося с собой и книги древние, и иконы. Но всё же это не часто случалось, такие чаепития с беседами, – только по приглашению.

Ежедневным же его маршрутом для прогулок с Баськой стала тропинка вдоль стен монастыря. Выйдет дорожкой заасфальтированной Борис Борисович Кругляк на площадку для туристических автобусов, посидит на скамеечке, полюбуется на просторы волжские – собачка его рядом под скамейкой подремлет, – и назад, по тропочке между кустами сирени и бузины, вниз, к своей двухэтажной избушке-теремку.

Однажды на этой смотровой площадке для туристов и случилось у Кругляка замечательное знакомство, перевернувшее его устоявшуюся, уже стариковскую, как ему казалось, жизнь. Совершенно неожиданным образом подошла к нему интересная и довольно молодая дама из числа приехавших на туристическом автобусе и с извинениями за нетактичность обратилась к Борису Борисовичу:

– Прошу меня простить, если я вас беспокою, но не расскажете ли вы мне что-нибудь интересное про породу вашей собаки? Это ведь цвергшнауцер?

– Да, это цвергшнауцер, – ответил чуть-чуть удивленный Кругляк.

– А расскажите мне, пожалуйста, об этой породе. Моя близкая подруга собирается себе такого же завести. У меня-то у самой ротвейлер. Подруга мне показала фотографии родителей щенка, которого она решила взять, и те, родители его, прямо как копии с вашего песика. Вот обучается она, эта порода, легко? И как кормили вы её в детстве? И как она с детьми себя ведёт? Меня зовут Катя, а вас?

– А меня Борис, – ответил Боря. – Как с детьми она себя ведет – не знаю, потому что детей у меня нет. Обучается она, как и любая собака, трудно, но я сам с ней работал, и поэтому все, чего мне хотелось, у меня получилось. А вот кормить – здесь есть одна сложность, но на пальцах я не смогу объяснить. Я покупал колхозное молоко, заквашивал его хлористым кальцием и делал из него творог. В общем, если интересно, я могу вам все рецепты по электронной почте сбросить, а на словах – бессмысленно, все забудется.

– А дайте мне вашу электронную почту, я её своей подруге передам, и она с вами свяжется.

– Да, запишите. А как вашу подругу-то зовут?

– Маша. Мария Борисовна Синичка.

– Как-как говорите ей фамилия?

– Синичка! Красивая фамилия?

– Красивая. А где она живет?

– В Екатеринбурге.

– А сколько ей лет? – Бориса Борисовича как током ударило.

– Ей уже двадцать. Вот уже месяц она думает, не знает: то ли ей замуж выйти, то ли собаку завести, – что-то говорила Катя, эта новая знакомая Бориса, присев рядом с ним на скамеечку и совершенно не интересуясь тем, что рассказывает экскурсовод их группе. Но Борис также не слушал того, о чем говорит ему Катя, он как бы занырнул в какой-то туман, его голова быстро заполнилась гулом воспоминаний и расчетом вероятности, что это его…

Приехал Кругляк в Екатеринбург выбритым, постриженным, отутюженным, подтянутым, в белоснежной рубашке, в итальянском костюме, во французском галстуке и так далее. Борис Борисович не узнал Екатеринбург, в котором жил и работал двадцать лет назад, даже больше, чем двадцать. Нет, конечно, не вылизанным город ему показался теперь, но каким-то ухоженным и приспособленным для того, чтобы жить и работать в нем.

Сравнивать его с родным Нижним Новгородом было невозможно: в родном городе годами перед глазами убитые дороги с раскуроченными тротуарами, вечная грязь незавершенок в центре и расстраивающие все надежды, жестяные синие строительные заборы.

Хотя объяснение такому очевидному явлению Борис нашел моментально: в течение десяти лет их земляк Ельцин был главой государства, и у руководства этого города не было проблем выбить любые деньги из московских министерств для приведения родового гнезда президента в божеский вид. У нижегородцев свой глава государства когда-то тоже был, Свердлов, но недолго; были главы правительств, но тоже недолго: Булганин – два года, Силаев – год,

а Кириенко и вообще несколько месяцев. Понятно, что за такие сроки приличных денег на благоустройство родного города выделить не успевали.

Ну, в общем-то, вот и весь рассказ: разыскал Борис Борисович Кругляк вторую подругу своей бесшабашной юности, в смысле Соню, познакомился со своей дочкой Машей и привез он их в свой город Нижний Новгород. С Соней они расписались и повенчались, Машу выдали замуж, и родила она двух мальчиков – Бориса и Глеба. Они пока ещё маленькие, но уже видно, что «кругляки».

УБИЙСТВО ОТЪЕМОВА

История, которую мне хочется рассказать, на самом деле не история, так как я её выдумал всю сам от начала до конца. А, может, наоборот: раз выдуманная, то это и есть самая настоящая история, потому что я слышал, что и история Древнего Египта, и история КПСС, да и все остальные истории выдуманы самими историками. Ну, конечно, кроме истории Фоменко, потому что Фоменко-математик.

Если кто не был в Большом театре, то рекомендую, хотя это удовольствие не из дешевых. К тому же во время спектакля приходится сидеть в партере или в ложе, а по театру-то больно и не походишь и на красоту рукотворную не полюбуешься. Вот в Вене, помнится, тоже театр есть знаменитый: Венская опера. Так там местные крохоборы-австрияки регулярно собирают в вестибюле небольшой коллектив желающих, человек десять-пятнадцать: китайцев, алжирцев, поляков разных и в свободное от спектаклей и репетиций время водят их на английском языке за небольшую денежку по зданию. И показывают им всё: все службы, кроме буфета, конечно, даже на колосники залезают с главными энтузиастами, а оттуда вид – как с крыши пятиэтажного дома.

Вот если в Большом такие экскурсии устраивать, то я бы и буфет под них открывал – есть ведь на что посмотреть в буфетах тех.

Сколько человек артистов разных в Большом театре на государственных зарплатах сидят, не знает даже налоговая инспекция. И этим я нисколько не хочу ущемить деятельность налоговиков, а наоборот – им, инспекторам, надо количество точно знать, а у них каждый раз с десятыми

да с сотыми долями получается. То уволятся и на какую-то халтуру уедут сорок человек, то новых девчонок молоденьких из Пермского хореографического училища пару десятков возьмут в кордебалет под очередную премьеру. А вообще, мне говорили, что в отделе кадров их там, в Большом, тысячи числятся.

Простому человеку просто не понять, какой это огромный комбинат Большой театр. Там и филиалы разные есть, и мастерские, и общежития. Одних сцен всевозможных: малых, репетиционных да вспомогательных – не считано! А на сцене есть поворотный круг, а круг этот на подшипниках крутится, а за каждым подшипником механик закреплен, и смазывает этот механик подшипник свой специальным солидолом и бархоточкой замшевой его каждый день протирает. А охраны сколько надо – тут же президенты бывают, и не только наши. А сколько микрофонов и прослушивающих устройств понаставить надо, что бы ихних слушать. А какие тут праздники и банкеты можно закатывать. А какие бордели тут были – ну, я имею в виду в царское время.

Я в Большом не работал и точно правил ихних не знаю, но я работал дежурным электриком в нашем городском Театре оперы и балета и видел я этих балерин наших в своих грим-уборных, когда они вызывали меня лампочки перегоревшие поменять или утюг перемотать. Видел я их: худые, кожа да кости, а кости ещё и торчат, спины все в прыщах от кремов и пудр, которыми они себя без конца мажут, потом бабьим всё там провоняло, да так, что уж и не до эротики какой-то, а только плюнь и беги. Эротика это для сцены: там и свет специальный, и блестит всё, и музыка, и прыгают все радостные такие.

Я, может, и до сих пор работал бы в нашем оперном, но непонятки у нас возникли с главным энергетиком театра, а он был моим единственным непосредственным начальником. Приказал он мне снять главную люстру, что над зрителями в зале висит, и помыть её. В диаметре эта люстра метров пять. И как снимать её оттуда, я ума не мог приложить. Хотя я и думал об этом.

Думал я про нашу люстру, сидя в артистическом буфете. В оперном театре, как и в любом солидном учреждении, есть два буфета: один для посетителей, а другой для работников. И вот в маленьком артистическом буфете, что за сценой и не для всех, в бытность моей службы там продавали пиво «Бархатное» темное и пиво «Двойное золотое» в маленьких рельефных витых бутылочках. Там окорок тамбовский на бутербродах был со слезой (буфетчица сама нареза́ла его), а буженина была обязательно с сочным жирком, ну а московская колбаса и икра были с виду, как везде, но очень вкусные.

Главный энергетик пил пиво тоже в артистическом буфете, как и я, хотя коньяк он пил в буфете для зрителей. Так вот, этот энергетик мне и сказал, когда мы вместе сидели и пили «Бархатное» в буфете, чтобы я искал инженерное решение, это – про люстру. А я просто взял да уволился из оперного и поступил в политехнический институт учиться на инженера. Правда, перед этим я пообещал набить морду главному энергетику, если он не прекратит приставать к моим девчонкам из кордебалета. Энергетик был маленький, ну просто мелкий, а такие всегда очень обидчивые на простые и ничего не значащие слова; ну разве обиделся бы на такие мои слова человек весом в сто килограммов?

Становится понятно из всего выше сказанного, что я кое-что знаю про жизнь оперных театров изнутри, и потому имею право пересказать вам историю, которую поведал мне журналист Нюхов, известный обозреватель по вопросам культуры с нашего телевидения, про смерть Николая Отъемова. Отъемов был его хорошим товарищем и коллегой по работе: он также освещал вопросы культуры, но в другом областном центре, где тоже есть областной оперный театр. Журналистам можно верить: ведь если бы не журналисты, мы бы ничего не знали ни про снежного человека, ни про космос, ни про жизнь всяких мировых футбольных и эстрадных звезд, я имею в виду американских, французских и других.

Дураку понятно, что очень многие культурные мероприятия и даже целые учреждения культуры держатся на плаву только за счет спонсоров. И не только в культуре так обстоят дела: кому-то нравится церкви строить, кто-то хоккейные команды содержит, а кто-то книги в библиотеки

дарит. И ловко это было придумано: создание всякого рода попечительских советов. На самом деле любой такой совет означает одно – дай денег! Понятно, что вопрос «на что дать денег?» обсуждается ,и спонсор говорит: на Мацуева и на Башмета дам, а на покраску крыши не дам или наоборот. А другой спонсор, опять же из попечительского совета говорит: на крышу дам я.

Помнится, что основным попечителем Мариинки был император, а основным спонсором Большого опять же кто-то там из Кремля или даже Абрамович. Ведь в Большом миллионом-то не отделаешься, если серьёзная премьера готовится – там сотнями миллионов пахнет.

И сейчас это спонсорство распространилось повсеместно. Вот географию нашу на министра обороны повесили, а тигров премьер спасает.

Журналист Николай Отъемов, про которого мне поведал Нюхов, был легендой в своём родном городе: летчик-испытатель, Герой России, он в сорок лет в звании полковника вышел в отставку и стал заниматься журналистикой, и не просто журналистикой, а стал писать на темы искусства, культуры, театра, балета. Будучи человеком серьёзным, обстоятельным и неглупым, он с первых же публикаций проявил чудеса эрудиции и профессионального, с точки зрения журналистики, такта по отношению как к артистам, так и к администраторам. А поскольку журналисты – люди творческие, то по отчеству Николая Отъемова больше никто не величал. Правда звезду Героя позволял он себе надевать, когда шел в присутственные места и на ответственные встречи.

Его знание предмета, я имею в виду балета, было настолько тонким и глубоким, что стали его приглашать на московские премьеры, статьи его печатать в центральных журналах, а выступления его на областном телевидении, где он вел три различных культурных программы, имели самый высокий местный рейтинг. Умудрялся он в своё время одновременно вести переписку и с Майей Михайловной Плисецкой и с Катей Максимовой, и все это не эсэмэсками, а в настоящем эпистолярном виде, с почтовыми марками и почтовыми конвертами. Ну и конечно хватало у

него ума никогда и нигде не упоминать о Мише Барышникове и Рудольфе Нуриеве, но это уже издержки советского воспитания.

Был, однако, у Отъемова один существенный недостаток, исходя из нормальных социальных рамок: был он холост, и детей у него в ближайшем окружении не наблюдалось. Но таких сейчас пруд пруди.

Надо понимать, что в различных уголках нашей планеты размеры театральных сцен разные. И если в цирках всего мира диаметр манежа тринадцать метров, чего требуют дрессированные лошади и разные номера каскадеров и акробатов, то считается, что артист балета не дурак и края видит. Хотя бывало, что и не видит, и падали самые прыгучие из них в оркестровые ямы. Да и оркестры везде разные: полный симфонический оркестр – почти сто двадцать человек, а в провинциях «половинки», чуть больше пятидесяти. И с музыкой тоже: Чайковский написал «Лебединое озеро» на три с лишним часа, а у нас в театре спектакль шел два часа. Помню, как в нашем театре ругались, а точнее дискутировали главный балетмейстер и главный дирижер насчет постановки великого балета и один другому говорил: «Ну откуда же мог знать Петипа, что родится на свет наш оперный театр, где на сцену не убираются все его лебеди!». А другой ему вторил: «Да и Чайковский не знал, что его будут в полтора раза урезать». Потому в любом театре существуют проблемы не только с деньгами, но и творческие.

И вот Отъемов возглавил попечительский совет своего родного уже театра оперы и балета, чтобы помочь ему материально. Вошли в совет, как и полагается, пара банкиров да пара директоров заводов, да директор телекомпании, а ещё включил туда Отъемов своего родного брата Ивана Отъемова, который к тому времени стал начальником областной налоговой инспекции области, то есть генералом двухзвездным. Хитрый такой ход – мало кто из членов попечительного совета откажет в просьбе налоговому генералу.

И работал такой попечительский совет продуктивно и без сбоев, знали члены совета о всех возникающих про-

блемах и решали их. Но была назначена директором театра, после ухода на пенсию старой директрисы, некая Карпина Дешиновна Кыскина, дама солидная, уверенная, хваткая, лет сорока. Поговаривали, что есть у неё мохнатая рука в Москве, хотя это на дело не влияло, так как дело своё она любила и знала. Только не надо ей было влезать в работу попечительского совета. Хотя директора как правило входят в эти советы, но если совет работает хорошо, не надо советовать.

Понятно, что с такой фамилией в школе Карпину Дешиновну звали «киской». Только теперь она уже на киску никак не походила – такая мощная котяра выросла. Да и забыла Кыскина, как она в школе-то уже училась.

Видимо демократизм журналистской работы напрочь выжигает из сознания людей понятия субординации и уважения к начальству. А будучи настоящим полковником, если и приходилось нашему герою встречать в жизни старших по званию, то нечасто. Переделал Николай Отъемов Карпину Дешиновну в «Крепдешиновну»; был когда-то, в давно прошедшие времена, такой натуральный дорогой шелк, ткань для богатых, крепдешин – позабыли уже! Этакие шутливые эскапады Кыскина могла терпеть сколько угодно и не обращала внимания на новое словообразование, воспринимала его как сложный каламбур. Но как-то Отъемов неудачно пошутил в присутствии прочих членов попечительского совета, что и киска у нашего директора, видимо, тоже в крепдешине.

Реакция была моментальной, значит, был у нового директора ещё и административный резерв где-то: три программы на телевидении, которые вел Отъемов, были в течение месяца закрыты. Готовящуюся премьеру «Аиды» отменили, а уже были заплачены спонсорами попечительского совета пять миллионов рублей на костюмы, которые шились портнихами-надомницами из самых эксклюзивных тканей, привезённых из Индии и Турции, да расшивались стразами от Сваровски, и солисты оперы ходили еженедельно на примерки; деньги выкинуты. А Отъемову было жестко заявлено, причем лично, а не через какие-то третьи уста, что участие его в работе попечительского совета прекращается и что появление его в служебных помещениях театра больше не желательно и в объяснениях это решение не нуждается.

От жесткости и даже металла, звучащего в словах директора театра Отъемов ошалел. С ним, летчиком-испытателем, полковником, Героем России, говорили словно с нашкодившим мелким пакостником. Но, видимо, так оно и было.

Отъемов запил. И пил-то он недолго – дней десять или двенадцать, – но крепко и в одиночку. Последний раз его живого видела директор выставочного комплекса, куда на открытие новой экспозиции Отъемов явился небритый, в грязной майке и домашних тапочках; узнав, что фуршета не будет, развернулся он и, неуверенно выбирая направление, ушел.

Судя по всему, он пролежал дома мертвым дней пять или семь, пока кто-то из соседей не хватился, что по ночам во всей квартире горит свет. Хоронили Отъемова в закрытом гробу: крысы успели его попортить. На похороны никто из администрации области и от местного департамента культуры не пришел. Для прощания с Героем России выделил военкомат оркестр и четырех солдатиков с карабинами для салюта, да друзья- журналисты пришли, да брат-генерал.

ПОСЛЕДНЯЯ ОХОТА РЫЖЕГО

(Сказка)

1

Почему его в детстве назвали Рыжим, он не мог понять всю свою жизнь. Уж если говорить про цвет его шерсти, то у него был скорее серо-зеленый какой-то, близкий к цвету хаки, с поперечными тигровыми полосами, настоящий мужской цвет. А по существу – это вообще просто его кличка, или погоняло, или, как модно сейчас говорить, погремуха. А погремуха может в течение жизни много раз меняться. И лично ему на эту погремуху вообще наплевать – он себе цену знает, и что такое альфа-самец, он тоже знает. И все в деревне хорошо знают, кто такой Рыжий. Да и в городе, куда он уезжает на зиму с хозяевами, он быстренько наводит порядок в своем дворе и на ближайших улицах. Этот порядок стоил ему и рваного уха, и ещё кое-каких увечий.

Жизнь в деревне ни по каким показателям, с городской не сравнится – качественнее она здоровее и полезнее и в смысле распорядка, и в смысле экологии, и в отношении пропитания, конечно. Ну подумайте: можно ли сравнивать деревенское молочко и творожок с городскими сухарями «вискас»! А где ты в городе свежей рыбкой полакомишься? А тут – сбегал на пруд, и там ребятишки обязательно двух-трех красноперок живых, прямо с крючка, тебе бросят. И чтобы подружку найти, тут по чердакам шастать не приходится, они сами к Рыжему

на огород приходят, когда у них потребность возникает. Хотя вам этого не понять.

Опять же под его контролем и соседние две деревни: до одной пять километров, до другой семь. Добежать туда – пустяк. Если дело какое или дождь пойдет – можно там и заночевать. Хотя после дождя лучше всего на русской печке сохнуть. Пусть её и не топят летом (только подтопок!), все равно там сохнется быстрее и качественнее, чем на кухне под лавкой.

Семь лет назад хозяева себе под летнюю дачу купили и приспособили деревенскую бревенчатую избу-пятистенок. Ничего они в ней не ломали, и печки обе, и русскую, и голландку, оставили, только двор скотный вычистили и устроили там гараж для двух машин. Вот даче этой хозяйской семь лет, и Рыжему семь лет. Рыжему иногда кажется, что они купили эту дачу для него.

У хозяев дети есть, два пацана-погодки, Лешка и Сашка. Когда Рыжий котенком был, а мальчишкам по пять-шесть лет, они с ним играли. А сейчас у них другие интересы, и у Рыжего тоже свои.

Почти каждый день Рыжий ходит в луга – там мышей-полёвок тьма-тьмущая. Надо и по перелескам всем прогуляться – конечно, не грибы-ягоды его в лесу интересуют, а разные мелкие пичужки. Кроме того надо знать, а Рыжий знает, что глухари, тетерева, рябчики да и утки тоже строят свои гнезда на земле, и выводки молодых цыплят и утят – славная добыча для него. Опять же объект важный – заброшенный скотный двор с тучей голубей. Раньше там только сизари жили, а теперь и лесные вяхири прилетают на чердак ночевать. Потому ночью прогуляться по огромному чердаку, где в тишине слышится лишь глупое шевеление сотни сонных птиц, надо – без добычи не останешься.

Так что проблем с пропитанием у Рыжего никаких. Молочка парного с утра или ложку сметаны ради разнообразия он может съесть только из уважения к хозяевам, к тому же в нехотячку.

Но это все забавы. Хотя и связаны они с жизненно важным процессом пропитания, Рыжий помнит, что есть

ещё и работа. Летом мыши, если и живут в полях, то на зиму они все стараются перебраться в теплые человечьи дома. А многие семьи мышей и круглый год в этих избах живут. Если изба жилая, если в шкафчике, в буфете да на кухне у хозяйки припасено что-то съестное, чего в ней не жить.

Решать проблему с мышами в доме – обязанность Рыжего, и он её решает регулярно и успешно. Претензий к нему никаких.

2

Мыш был местным деревенским царьком в своем мышином царстве. Жил он со своим многочисленным семейством, которое пополнялось несколько раз в год, в большой хорошей жилой избе вместе со стариком и старухой и горя не знал. И пшено, и сахарок, и сало у хозяйки имелись, причем в изобилии. И хозяйка к мышам своим домашним относилась со снисхождением и не бесилась от их присутствия. Равнодушно к ним относилась, даже с сочувствием.

Да только в прошедшую зиму старики померли один за другим, как-то сразу, не сговариваясь, родственники из города приехали, похоронили их, а избу заколотили. И остался дом нежилым, холодным и голодным.

Пришлось Мышу и всему его огромному семейству перебираться на прокорм в соседнюю избу, которую контролировал здоровенный и агрессивный котяра Рыжий. Мыш давненько про него, причем много нехорошего, слышал и знал, что потери в семействе будут, но куда деваться!

Новым местом жительства мышиного семейства была такая же изба деревенская, только переоборудованная под дачу современную и обитая изнутри вагонкой сосновой, что было очень удобно для устройства новых мышиных гнезд: надрал пакли, которой межвенцовые пазухи пробиты, там же за досками уложил её мягонько, и вот тебе домики мышиные, и прятаться не надо. Плодитесь, мышата.

Если в старой родной избе Мыш и все его родственники выходили на прокорм не стесняясь даже в присутствии хозяев: те за столом чай пьют, а мыши под столом ходят крошки подъедают и никого не боятся, то в новых условиях пришлось осторожничать. Этот проклятый Рыжий просто с ума сошел: устроил просто какой-то геноцид мышиный.

С некоторых пор перестал он покидать свой дом: ни на рыбалку на пруд, ни на охоту в лес, ни к кошечкам в соседнюю деревню его не тянет больше. Перестал котяра хозяйскую еду есть – а они ему каждый день и свежее молочко и творожок в блюдечки подкладывают. Как больной стал – целые дни стережет мышей, ждет, когда кто-то их них покажется, и цоп! И днем лежит то на стуле, то на диване – подглядывает одним глазом и ухом подергивает, будто мешает ему что-то. И ночью он около выхода мышиного дежурит. Каждую ночь двух-трех мышей, а поймает и тащит их, дохлых, к хозяевам на кровать, кладёт на подушку, хвастается своими успехами. Ладно бы жрал он их, а то ведь и не жрет. Редко когда – и то не от голода, а со злости. А злится этот зверюга, когда долго не может какого-то мышонка словить.

Как-то лунной ночью этот Рыжий вообще озверел: сделал вид, что ушел гулять в поле, а сам в палисаднике притаился. Потом осторожненько вернулся в избу через открытое окно и сумел за ночь задушить пятнадцать мышат. Это всё вранье, что в лунную ночь охота плохая, у Рыжего все случилось наоборот – мышата очень любят погулять в лунные ночи, побаловать себя вкуснятинкой.

Выложил зверюга проклятый серенькие комочки у двери входной в рядок, чтобы хозяев порадовать. Мыш видел все это, притаившись на карнизе под потолком, притаившись тихонечко. Слезами обливался!

Так за неделю расправился Рыжий со всем огромным Мышиным семейством: почти всех передавил, а остальные со страху убежали в другие избы лучшей доли искать, а кто-то и просто в поле – лето было. Остался Мыш без семьи.

3

Мыш был не просто умной мышью – он был ещё и грамотным, не в том смысле, что читать умел – читать он не умел, а в том смысле, что знал он много такого, о чем другие мыши только догадываться могли. Известно было ему, что не только кошками и мышеловками борются с его сородичами в других человечьих домах. Слышал он про разную химию, и про крысиные яды, и про мышиные. И задумал Мыш месть страшную Рыжему за погибель своего огромного семейства, которое за неделю извел этот страшный котяра.

Мыш был хитрый и умный, он без труда мог бы обманывать Рыжего всю жизнь и спокойно мог жить-поживать в этой новой, пусть и неприветливой, избе. Мог он и другой дом себе найти и новую семью завести. Но спокойно спать после того, как какая-то зверюга извела весь твой род в сто голов, Мыш не мог.

Три ночи он злил, выводил Рыжего из себя: то у одного мышиного лаза поскребется – кот туда, уляжется, глазищами сверкает, ждет. Мыш между досками и половицами проберётся в другой конец комнаты и скребётся там. Рыжий к другой мышиной щели – ждёт там. А Мыш уже вылезает в третью щель и сидит, делает вид, что лапами умывается. Рыжий бросится за ним, а Мыш в дыру и был таков. А то так просто между досками лазает Мыш, шебаршит, скребется.

Три дня и три ночи играл Мыш таким образом с Рыжим. И вот увидел Мыш наконец в глазах Рыжего тот блеск, который означал, что тот разозлился. Только тогда бросился Мыш в дом на краю деревни, в котором хозяин готовил конскую колбасу «козе» для всей округи и у которого в подвале жили крысы.

Как известно мыши и крысы рядом не живут: не любят они друг друга. Но тут случай особый: смертельный!

Прибежал Мыш к Крысиному королю и рассказал ему о своей беде. Проникся Крысиный король. Показал Крысиный король, который жил в подвале колбасника, где хранится у того крысиный убийственный яд. Рассказал Крысиный

король, сколько надо сожрать самому Мышу этого крысиного яда, чтобы быстро не сдохнуть и живым добраться до своей избы, притом чтобы смертельная доза в брюхе сохранилась. А для начала накормил он гостеприимно и дружески Мыша салом медвежьим, чтобы яд не так быстро из желудка в кровь всосался.

Всё у Мыша получилось: и яда крысиного он сожрал, сколько надо, и до избы своей успел добежать, и разозленному Рыжему сумел в лапы попасться. Сожрал Рыжий Мыша вместе с ядом, потому что злой на него был.

А вот выжил Рыжий или нет – не знаю. Знаю, что долго хворал.

Владимир СЕДОВ

ЛУНТИК

Сегодня их опять били.

Били открыто, прямо в магазине, у входа. Ни полиция, ни охрана не вмешивались и даже не подошли. А покупатели, продавцы и просто зеваки смотрели. Без всякого участия. Как в местном клубе на скучном представлении. Смотрели молча, смотрели, как бьют двух парней: Луна (Лунина Александра) и Пата (Патрушева Анатолия). И в этом молчании чувствовалась поддержка тех, кто бил, а не тех, кого били.

Лун и Пат были «голубая» парочка. Единственная известная в этом городе. Может, были и другие такие парочки, скорее всего, были, но о них никто не знал… Все было шито-крыто. А о Луне и Пате трещали все местные газеты, телевидение и даже, забытое, отставшее от жизни, муниципальное проводное радио.

Вначале Лун и Пат тоже жили тихо и мирно на съемной квартире. Они никого не трогали, их тоже никто не трогал. Так, иногда косились соседи. Но Пат, насмотревшись и наслушавшись представителей всяких там правозащитных организаций, решил, что они с Луном имеют право жить по-другому, не тихо и скромно, а громко и звездно. Лун отговаривал Пата. Ему и так было хорошо под защитой и покровительством такого сильного и самостоятельного парня. Но Пат решил по-иному.

В этом городке, как и по всей кондовой России, люди воспринимали нетрадиционные отношения, гей-парады и лесбийские фестивали как что-то не естественное, инородное. Ну, есть это в Европе и пусть есть. Богатые с жиру бесятся. А тут, в России, в глубинке не до жиру, быть бы живу.

Если что и происходило похожее, то где-то по уголкам. Там, за закрытыми дверями, в тишине, вполне возможно, творились даже более безнравственные дела. И о некоторых таких случаях даже знали, слышали, но все это хоронилось от чужих взглядов и пересудов как можно дальше.

А эти двое свои необычные отношения выставили напоказ. Причем нагло, громко, ударив по не раз битому, и потому наиболее уязвимому месту – Вере.

Пат объяснил Луну, что раз они живут, как муж с женой, надо узаконить их отношения, как в Европе, но раз их Российское государство не позволяет это сделать, значит, надо обвенчаться.

Пусть они будут первыми, но зато их все будут знать. Они будут знаменитыми. Луну не больно хотелось быть звездой. Ему хотелось наоборот – тишины и покоя. Но Пат сходил в местную церковь, дал попу-пьянице денег, и он их обвенчал. Пат тут же выставил видео с венчания в Сети. Шустрые, падкие до сенсаций журналисты быстро растиражировали все это по СМИ. Вначале залепили всё фотографиями венчания, потом дали интервью Пата на телевидении. Городок загудел. Пату хоть бы что. Он был очень рад этой популярности.

В городок полетели иностранные деятели, шустрые правозащитники. Погудели, посвистели, покрутились и уехали. Городок скучный, тоскливый, не развернешься. Да еще священник столь широкой популярности испугался и отказался от обряда венчания, сказал, что был неправ, а патриархат задним числом уволил его за пьянство. И получилось, что и венчание было как бы незаконным.

Но Лун с Патом стали знаменитой городской парочкой. Все теперь их узнавали, на них оглядывались, про них шептались. И на улице, и в автобусе, и в магазинах. А они, как напоказ, всегда вместе. За ручку.

Лун вырос в детском доме.

Здание детского дома было когда-то большой конюшней кавалерийского полка. Старинное, кирпичное, огромное,

с отдельно стоящей котельной. В холода оно отапливалось углем, двумя огромными немецкими котлами. Днем работал один котел, а на ночь, когда холодало, топили второй. Работал там инвалид и пьяница дядя Витя, не имевший ни семьи, ни детей, ни жены, ни родных и близких. Он был и сторожем, и плотником, и слесарем, поэтому, как правило, отсутствовал в котельной, но ночевал там, за неимением своего жилья.

В детском доме Луну было плохо, его, хиленького, светленького, все обижали. Особенно женщины-воспитатели. Толстые, здоровые и гадкие. От их побоев и унижений Саша убегал к дяде Вите в котельную. Дядя Витя хорошо относился к этому хиленькому, голубоглазому мальчишке и звал его Лунтик. Лунтик часто прятался у него. А в холодные дни даже грелся в одном из остывших котлов.

Из-за матери, которая его подбросила в этот детский дом, из-за безжалостных нянек и грубых учителей ненавидел всех женщин на свете. За свою детскую и юношескую жизнь он прошел все круги ада детдома, пинки и унижения. Покинув детдом, Лун на женский пол и смотреть не мог без ужаса и содрогания. А кочегар на это всегда твердил ему: «Эх, паря, пропадешь ты без женского пригляда, пропадешь». Как в воду глядел.

Пат, наоборот, был здоровым парнем. Его отец постоянно сидел в тюрьме, мать пила. И он по «малолетке» попал в колонию. Там он и пристрастился к мальчишкам. Вышел. Встретил Луна. У этого парня мошенники отнимали квартиру, которая ему была положена по закону, настоящую гнилушку. Но даже и эту у него отнимали и отняли. Пан Луна пожалел. Поддержал. Пригрел, снял жилье. Стал защищать. И пошло, и поехало. Лун неожиданно почувствовал к себе человеческое отношение. Он плакал от счастья. Но и Пата как заклинило. Вцепился в Луна, стал цветы дарить. Подарки делать. Куда его наглость делась! И Лун очумел. Никто никогда за него не заступался, никто ничего ему не дарил. А тут: такой парень, высокий, сильный – и перед ним робеет и пылинки с него сдувает. Лун впервые в жизни стал жить как за каменной стеной. Без страхов и бессониц.

Если кто не то что обидеть, а даже только посмотреть хотел в сторону Луна, Пат просто ударом валил его с ног, и они с Луном, обнявшись, шли дальше. Но это было все до того, как они стали знаменитой парочкой.

Неприятности начались, когда стало утихать обращенное к ним внимание журналистов и правозащитников. Их все реже фотографировали, перестали брать интервью, перестали приглашать на телевидение. Интерес к ним пропал и у журналистов, и у жителей городка. Казалось, что люди в городке просто решили: «Живут себе и живут, они никого не трогают, их никто не трогает». Казалось, что всем жителям городка глубоко наплевать, кто, с кем и как живет, своих проблем хватает.

Но это было не так.

Их вдруг стали задевать. То на улице толкнут, то из очереди выпихнут, то в подъезде свет погасят. А тут стали дверь расписывать обидными словами.

И наконец их стали бить. Каждый день, Луна вырубали сразу. Да он и не сопротивлялся. Слишком был слабеньким. Очухивался он обычно уже на руках Пата, дома либо в больничке.

А вот с Патом было сложнее. В начале Пат еще давал сдачи. Но все реже и реже. Ему ломали то руки, то ребра. И наконец стали бить по-серьезному, стараясь нанести увечье.

Пат долго хорохорился. Говорил, что он всех достанет. Всех положит. Он еще грозил «им».

Но после того, как ему пробили ушную перепонку и повредили глаз, грозить «им» перестал.

Лун, понимая, что происходит что-то более страшное, непоправимое, но похожее на то, как его травили в детском доме, предлагал уехать. Пат не соглашался.

«Выживем», – повторял упрямо. Правда, опять появились правозащитники. Всё доставали, зудели с утра до вечера, что они помогут. Писали заявления в полицию, делали репортажи. Но, по ходу, сами Лун с Патом их мало интересовали – их жизнь, их чувства, почему они вместе и что с ними будет. Правозащитников больше интересовала шумиха, интервью и гонорары за отснятые материалы.

Пату надоела их болтовня, и он как-то раз по-блатному послал их подальше. Эти люди потом пытались повлиять на Луна. Но Лун во всем слушался Пата. Верил ему. И во всем с ним соглашался.

Наконец все их помощники исчезли окончательно. Но бить их не перестали, только теперь били одного Пата. И Пат с Луном перестали появляться вместе.

Пат начал понимать,что дело может кончиться инвалидностью. Не до любви будет.

Местная шпана закусилась. Устроила постоянное дежурство у их подъезда. Пат дрался. Сопротивлялся. Но с каждым днем его били все сильнее. И Пат начал сдаваться.

Вначале он заговорил с Луном о том, что этих сволочей тоже надо понять. Что они с Луном слишком вызывающе себя ведут. Лун не стал напоминать Пату, что он был против всей этой шумихи, венчанья, интервью. И Пат стал говорить Луну, что и они тут что-то перебрали – не учли, что живут не в толерантной Европе. Не учли, что здесь, в России, все гораздо сложнее. А для Луна эти философствования вообще были очень далеки. Ему было просто страшно.

Пат перестал выходить на улицу. Он как-то уменьшился в размерах, в нем появилась раздражительность. За продуктами стал ходить Лун. Луна вообще не трогали. Его без Пата считали почему-то жертвой и даже не обращали на него внимания. Да и как не считать невысокого, беленького, хиленького паренька, больше похожего на девчонку, за жертву во всем? Конечно, весь город считал виновным Пата, здорового, под два метра ростом, мускулистого, судимого парня. Но и этот высокий, мускулистый сломался. Он даже стал плакать по ночам, прижимался теперь уже он к Луну. Совсем, как Лун в начале их встреч. Но Лун тогда плакал от счастья, а Пат, очевидно, от безысходности.

И теперь Лун говорил Пату те же ласковые слова, которые раньше говорил тот ему. И теперь Лун гладил Пата по голове и что-то рассказывал хорошее об их будущей жизни.

Поздней осенью к ним пришла хозяйка квартиры, которую они снимали, поскандалила и дала им сутки, чтобы они выметались.

Лун стал собирать вещи. Пат лежал на диване лицом к стене и не двигался с места. Лун спросил его, какие вещи он возьмет.

Пат сказал в стену, что он никуда не пойдет, что пусть Лун уходит один.

– Как? – спросил Лун.

– Так. Тебе надо уходить. Если ты уйдешь, меня перестанут бить. Ты во всем виноват, – опять в стену сказал Пат.

Лун так растерялся, что не знал, что и ответить. Всегда кто-то за него принимал решения. Он просто плыл по течению в мутном потоке жизни. А тут тот, кто олицетворял для него все: и отца, и мать, и брата, и любовь, и радость, и силу, надежный плот, за который он держался в этом мутном потоке, говорит, что он, Лун, должен уйти куда-то. А куда?

Лун спросил об этом Пата.

Пат всё так же в стенку сказал, что не знает, куда идти ему, Луну.

У Луна все похолодело внутри. В горле пересохло. Он еле выдавил из себя: «Ты что, меня гонишь?»

Пат молчал.

Лун с тоской через окно посмотрел на улицу. Там, в сквере у подъезда, дежурили их обидчики. Сидели у детской песочницы и спокойно пили пиво из банок.

«Все, – подумал Лун. – Очевидно, он прав. Бьют только его. И если я уйду, если я исчезну, то его перестанут бить».

Лун как в тумане стал медленно собирать свои вещи, но потом не выдержал и подсел к Пату на диван. Попытался прижаться к нему, поцеловать.

Пат впервые его оттолкнул и закричал, обозвав низко и грубо.

У Луна что-то взорвалось в голове. Он как будто попал назад в детдом, где на него так же орали, так же обзывали.

Лун застыл. Не мог поверить в то, что произошло.

А Пат, вскочив с дивана, стал ковылять по комнате и твердил, что ему все надоело, что поиграли и хватит, что во всем виноват Лун, надо было ему, Луну, отговорить его, Пата, от этого венчания, от интервью, от... всего

остального. И что теперь он еще немного и будет инвалидом, а Лун спокойно смоется от него, он же понимает, что Лун ищет только повод, чтобы смыться, его не трогают и не тронут, все во всем считают виноватым Пата, а виноват во всем он, Лун, Лун… Лун.

Пат уже не говорил – он орал, распаляя себя. Он замахнулся на Луна и, не удержав равновесия, задел ногой за стул и упал, больно ударившись спиной об пол. Он завыл по-волчьи.

Лун бросился к нему, но Пат, извернувшись, толкнул Луна в живот. Лун как пушинка отлетел от Пата. Встал. Боли он не чувствовал. Молча собрал что-то там в рюкзак и, задевая стулья и стены, вышел из квартиры.

На улице его молча проводила взглядами дежурившая шпана, и также молча все они отвернулись от Луна, как от ненужной им вещи.

Лун ничего не соображал.

Он просто шел.

Куда? Зачем?

Жизнь для него закончилась.

Для чего его родили?! Для чего дали эту жизнь?! Поиздеваться, что ли, над ним или просто посмеяться?!

Лун всегда верил, что там, на небесах, есть нечто злое и злобное, и оно просто смотрит, как мучается он и получает от этого удовольствие.

Единственный раз, когда он встретил Пата, ему показалось, что он неправильно представляет мироустройство и что на небесах есть существо, которое всё же умеет творить не только зло, но и добро.

Но, видимо, это не так.

Но Лун же встретил Пата. И им так было хорошо вдвоем! У них был свой мир, приятный и понятный им. Мир, в котором не надо было врать друг другу, скрывать свои чувства и желания. Им было очень хорошо.

Но теперь, очевидно, это все *было*? Просто *было*?

Лун шел и плакал. Плакал и плакал. Шел и шел под холодным дождем. Не чувствовал ни холода, ни ветра. Куда шел, он не понимал.

Очнулся Лун у забора родного детдома. Пошел вдоль забора. Нашел знакомый лаз. Пролез на территорию, очутился за котельной. Постучался в подсобку.

Дверь была открыта. Заглянул, в подсобке никого не было.

Открыл дверь в кочегарку. У котлов тоже никого не было. Один котел работал. Второй уже остыл. Но не совсем.

Лун, как и раньше, открыл задвижку в остывшем котле и залез туда. Зарылся в уголь. Было душно, но тепло. Он подложил под голову рюкзак. Согрелся. И уснул.

К ночи пришел дядя Витя, чтобы растопить дополнительный котел. На улице сильно похолодало. Накидал угля, плеснул на уголь солярки. Нашел старую газету, стал сворачивать ее в жгут, чтобы разжечь котел. Когда поджигал газету, заметил там фото венчающихся парней. Два парня и поп. Один из парней был похож на Сашу Лунина.

Хороший мальчишка, но какая-то с ним история глупая произошла в городе.

Газета разгорелась, и дядя Витя, так и не разглядев фото и не прочитав статью, бросил факел в топку котла.

В котле вспыхнуло. Дядя Витя закрыл чугунную литую дверку котла, сел к столу, открыл чекушечку водки. Выпил. Закусил котлетой из столовой. После выпитого тепло разлилось по всему телу. Потянуло в сон.

В голове вспыхивали какие-то образы, и даже промелькнуло лицо бывшего воспитанника Саши Лунина. «Жалко паренька, – подумал дядя Витя, пьяно засыпая. – Жалко, что жизнь отрубила от него женщин. Пропадет, как я пропадаю. Мужику без бабы нельзя. Мужику без бабы смерть. Мужик мужика может только поддержать на время, а полную жизнь ему дает женщина и при рождении, и по судьбе… Жалко Лунтика…»

Антон ЛУКИН

БЕСЕДА

Как только солнце красочным пожаром разгоралось на горизонте, старик Афанасий выходил выгуливать собаку. Темно-рыжая дворняга Динга свободно носилась по пыльной дороге. Старик шел следом, наслаждаясь прохладой тихого утра. Собака старалась не ускользать из виду и далеко не убегала. Маршрут был хорошо известен обоим. Вдоль улицы, на которой стоял их дом, мимо старой школы и до оврага, где старик поставил скамью. Поначалу смастерил лавочку, но потом пригвоздил спинку, и получилась весьма добрая скамейка. Присядет Афанасий, поставит рядом клюку, передохнет. Пока Динга ходит по нужде и игриво носится туда-сюда, можно полюбоваться пейзажем. Вид в этих местах открывался необыкновенный. Вдали сосновый бор, а внизу узенькой тропинкой петляет река. Обычно в это время от реки шел туман. В небе ярким костром полыхают облака, а внизу веет прохладой. Забавно.

Этим утром Афанасий так же вышел из дому чуть свет и не спеша поковылял по улице, опираясь изредка на клюку. Проходя мимо школы, где когда-то учились его дети, остановился. Как и каждое утро, доброй волной нахлынули теплые воспоминания. Старик улыбнулся, передохнул и пошагал дальше. Сейчас школы нет, и детей возят в соседнее село за семь километров. А когда-то, еще лет восемь назад, в этом месте, где пустует двухэтажное здание, стоял неутолимый веселый гам. Жизнь шумела вовсю. Где дети, там и жизнь. Рядом с юностью и старики чувствуют всегда себя моложе.

Приближаясь к оврагу, Афанасий заприметил еще издали чей-то силуэт. Кто-то сидел на скамье. Подойдя ближе, старик узнал сидящего: это был Егор Конюшкин.

– Утро доброе, – поздоровался Афанасий и присел рядом.

– Привет! – отозвался Егор.

– Чего скучаем?

– Да-а, – Конюшкин мотнул головой. – Не будет закурить?

Афанасий достал из переднего кармана рубахи «примачка» и протянул собеседнику. Егор прикурил, поблагодарил, сделал глубокую затяжку.

– Продрог весь, как бирюк, – прохрипел мужчина. Затянулся. Сплюнул. Перевел взгляд на собаку, что гуляла рядом. – Очнулся у реки – не живой не мертвый. Трясусь, тела не чувствую.

– У себя чего не спалось?.. Повздорил?

– Повздоришь тут, когда она, окаянная, даже слушать меня не желает. Слова лишнего не скажи, ноздри раздует, – Егор затянулся, стряхнул толстым мизинцем пепел. – Ей слово, она десять. Что за ушлая баба. Нет бы помолчать – что ты! – потер щетинистый подбородок, вздохнул. – Из трюма я.

– Опять?

– А чего? Я там теперь чаще, чем дома, бываю. Зараза.

О том, что последнее время Егор не уживался с супругой, старик знал. Знали многие. Бранились, как на войне, – с выбитыми стеклами, с разбитой мебелью, с приездом полиции. Ссоры, конечно, бывали и раньше у них, но чтобы так… Никогда дело не доходило до «обезьянника». Последние полгода в семействе Конюшкиных это стало частым явлением.

– Башкою своей не думает, на что жить будем. Гоже еще, что Прохор терпит. Отца покойного уважал и любил. Но и у него нервы не каменные. Пошлет на три советских сегодня, и куда я пойду? Сама нигде не работает и меня последнего заработка лишает, ведьма.

– Пытайся сдерживать себя. В любом конфликте соглашение найти можно.

– Как же, поговоришь с ней со змеюкой такой. Так она и послушает.

– Ну а руки распускать каждый раз это тоже не дело.

– Я ее пальцем ни разу не тронул, – Егор бросил окурок на землю, растоптал ботинком. – Ни разу. Всю мебель

побил, а ее… Кричать кричал, но чтобы силой обидеть. Никогда.

– Просто так забирать не станут.

– Свояк у меня там работает. Подкаблучник поганый. Так моя чуть что, сразу сестре – помоги, убивают. А с самой волосок не один не упал. Они приедут, я на нервах. В избе все переворошил. Так они меня, голубчика, под белые рученьки – пожалуйста. Не впервой я у них.

– Действительно второй дом нашел, – с досадой протянул старик. – Ну и как там?

– Чего как? А-а, да ниче. Кормят, кстати, неплохо. Есть время подумать, поразмышлять о жизни. Только вот относятся, как к скоту последнему, словно человек и оступиться не может. Первые разы еще не замечают. А когда уже зачастил, и обматюгать могут, и дубиной приложить по спине, запросто, – Егор провел ладонью по небритой щеке. – Весной этой утопленичка вылавливали. Вода прохладная была, но уже купались. А тут дожди пошли, колотун стоял несусветный. Так нас пятерых в «буханку» покидали и вперед. Тоже вот, не каждого попавшего взяли. Пьянчуг всяких да бродяг. И меня к ним сунули, гады. Привезли к пруду и велят нырять. Эти-то сразу одежду с себя побросали и в воду, а я еще копошусь. Получил по загривку. Обматюгали с ног до головы. Голос злой. Видно, не до шуток им – жмурика найти надо. Пришлось раздеться. А вода холодная. Промерзли до посинения.

– Нашли?

– Нашли. Куда он от нас денется. Потом неделю соплями харкались, – Конюшкин для убедительности покашлял в ладонь. – Так что вот так. А вчера вечером выпустили, домой решил не идти. Обида таилась. Выговориться хотелось. Чего доброго опять упекла бы. Дай, думаю, самогонкой душу вылечу. Пошел к Клавке, у ней хорошая. Взял в долг, нарвал яблок и на реку. Ноченька какая была, а! Звездная, теплая. Всю душу истеребил, пока размышлял о жизни. А поутру очнулся, себя не чую, – Егор сморщил лоб, опустил голову. Немного помолчал. – Вот так и живем, дед.

– Н-да, – протянул Афанасий. – Что тут скажешь… Ничего хорошего.

– Кто бы спорил. Да только как ее, жизнь-то, лучше сделать, а? Да никак. Не по любви сошлись, вот и мучаем друг друга. Раньше хоть какая-то малость уважения была, сейчас и ее нет.

– Тогда и жениться нечего, коль не по любви.

– Легко сказать. А поди найди ее, любовь-то. Она за каждым углом, что ли, прячется? Полюбишь какую-нибудь кокетку еще, потом в петлю залезешь. Нет уж, спасибо. Да и кому я нужен с такой работой и заработком. Смолоду не набрался ума, теперь вот кусай локоть. Рядом, а фигушки. Дураком был, что в армии не остался. Другая жизнь была бы, думаю.

– А так по трюмам лучше мотаться? – спросил Афанасий. – Это не жизнь.

– Одному жить тоже не дело. Одиночество быстрей сгубит. А то что не по любви... Да больше половины так живут. То ли, как и я, не любя сошлись, то ли потом узнали, что не та она, оказывается, единственная. И ничего же, живут. Можно же жить и притворяться, что все хорошо.

– Нельзя.

– Да можно, можно! Еще как можно! – Егор встал на ноги, нервно прошелся взад вперед. – Живут же люди. Живут, я знаю, – опустил голову, провел ладонями по лицу. – Всем охота семью. И юным, и сорокалетним. Всем. Никто не желает быть один. Так почему бы не притворяться, что все хорошо. Ведь так?

– Нет, Егор, не так.

– Да как же не так-то?! Все так. Так. Можно же и на притворстве счастье построить. Ну… – Конюшкин приумолк, перевел дыхание, жалобно произнес: – Ну ведь можно же, дед! Можно.

Афанасий склонил голову. Что говорить, не знал. Да и что тут скажешь. В голосе Егора чувствовалась такая боль, что не возможно было сейчас спорить и опровергать его слова. Но разве есть в них правда? Разве можно на притворстве счастье обрести? Ведь они с Евдокией сорок семь лет прожили вместе и через всю жизнь пронесли любовь друг к другу. А ведь тоже и ссоры были, и обиды, и недопонимания… Как без этого. Но всегда были открыты друг перед

другом, жили с правдой. Никакого притворства, никакой лжи. Не мог Афанасий, как бы и ни старался, понять, как можно жить с человеком, который стал тебе чужим, без уважения и доверия, притворяться, что все хорошо. Не мог.

– Допустим, – кивнул старик. – Но что же тогда у тебя не все ладно? Что же не счастлив?

– У меня... Я… – Егор зажмурил глаза, помолчал, открыл, сдвинул брови. – Я детей хочу. Дочку. Сына. Хочу малышей. Тридцать восемь лет прожил, дед, а сказать нечего. Как один день пролетела жизнь. Ничего путного не было. Вся жизнь в двух словах. Сядешь, бывает, вечером на крыльце, закуришь, и до того одиноко и тоскливо становится, что хоть волком вой. В груди все от боли сжимается, так и хочется вырвать сердце и растоптать. Для чего живу, зачем? Были бы дети, хоть какой-то смысл появился. А так… Ведь во мне доброта есть, я знаю. Только вот за одиночеством, за недопониманием и за злобой спряталось так глубоко внутри, что не найти. Я ведь, когда к Прохору в избу захожу, так у меня сердце в радостях бьется как шальное, когда внучка его встречать выбегает. Возьмешь на руки, прижмешь к себе, а она за нос тебя схватит и смеется. Самой всего три годика, а столько радости, мне, взрослому дураку, приносит. Начну с ней играть, а сам чувствую, как внутри меня все хорошее просыпается. Так охота весь мир приобнять и сделать что-нибудь доброе. Так… – у Егора задрожал подбородок, он еще сильнее нахмурил брови и отвернул взгляд.

– Так в чем же дело? – спросил Афанасий.

– Не хочет она детей.

– Почему?

– Не знаю. Не хочет и все, – Егор снова попросил закурить. Афанасий достал сигарету, отдал. Конюшкин прикурил, сделал глубокую затяжку, выдохнул носом. – В прошлом браке, говорит, натерпелась. Хватит. Привязанной быть ни к кому не хочет. Поначалу как-то откладывали все на потом, теперь и вовсе не желает. Не нужны ей дети.

– Детей воспитывать в любви и гармонии нужно. А если как у вас – то мир, то война… Сам должен понимать. Нехорошо это.

– Я все понимаю, дед. И ей об этом же не раз твердил. Роди ребеночка, да я тебя на руках носить буду, ноги целовать, слова грубого не скажу… У нас ведь последнее время только на этой почве ругань и происходит. Я ей про детей, она – отстань. Да какое отстань! Скоро на кладбище место выбирать, а ей все отстань. Все хихоньки да хахоньки, – Егор поднялся на ноги, нервно перебирая губами сигарету. – Придешь с работы – на столе пусто. В холодильнике остатки вчерашнего супа. Чем, спрашиваю, весь день занималась? Ничем. На диване пролежит, а мужа с работы встретить по-людски не удосужится. Трудно на стол накрыть, чтобы как у всех – зашел в избу, а тебя аромат свежего борща встречает. Сама нигде не работает… Согласен, у нас тут с работой не просто. Но хотя бы по дому занимайся, по хозяйству. Женщина ты или не женщина, в конце концов! Какого поросенка и того завести не можем.

Егор бросил окурок под ноги, растоптал каблуком. Присел на скамью.

– Роди мне ребеночка, слова лишнего не скажу. Сиди хоть до старости дома. Только воспитывай. До ночи работать буду, – Конюшкин посмотрел на старика. – Только и знает нос воротить. Это не так, то не то. Извини, министром не стану.

В небе в сторону реки пронеслась утка. Где-то на задах пропел песню петух. Поглядывая на макушки сосен, Афанасий вспомнил Евдокию и сыновей. Жену схоронил, дети давно разъехались по городам, но каждое лето и в новогодние праздники навещают старика. Не забывают, кто перед сном целовал им ручки и рассказывал сказки. Приятно с возрастом осознавать то, что и ты внес в этот мир частичку себя, из маленького комочка воспитал таких орлов, которые, пусть и далече от дома, но всегда будут славить родного отца и нести людям свет. В этом большой смысл. С годами осознается это особенно.

– Начнем с Настенькой в прятки играть…

– Что, прости? – Афанасий задумчиво перевел взгляд.

– Я, говорю, когда у Прохора в гостях бываю, с внучкой его в прятки играем. Больно уж ей нравится. А тут как-то

спряталась, значит, за занавеской, я нашел. А на подоконнике у них кактус стоит. Она мне – дядь, погладь цветок. Я – зачем? Она – надо. А я-то знаю, что он колется. Коснулся пальцами иголок, сделал вид, что укололся, машу ладонью, а Настя смеется. Ах, ты, говорю, хитрюнька такая, – Егор впервые за всю беседу улыбнулся. И сказано из его уст было и вправду смешно, Афанасий расплылся в доброй улыбке. – Обманула, говорю, дядю. Обманула.

– Дети они такие. Лишь бы пошалить, – согласился Афанасий. – У меня же парни росли, сорванцы еще те. Прихожу домой как-то раз, уселся обедать, слышу, под столом Барсик песни распевать стал. Глотку тянет, голос противный. Ну и пнул я его разок тапкой. А он, бедный, с боку на бок переваливается, а на лапах устоять не может. Не пойму сначала, в чем дело, заболел, думаю, может. Потом выяснилось, что валерьянкой его напоили. Вот архаровцы. Сами, спрашиваю, додумались или услыхали от кого да решили попробовать? Сами – смеются. Вот и скажи… сооброжалку какую иметь надо, а?

Егор тоже тихонько закряхтел, засмеялся. Весело мотнул головой, глаза сузились. Старику было приятно, что из задумчивой, грустной беседы перешли на легкий разговор. О детях и правда было интересно поговорить. Смешных и веселых историй он знал много. Да и Егору, как ему показалось, захотелось послушать и поговорить о чем-то более оживленном и веселом. Ну ее, печаль, к такой-то бабушке. Погрустили и хватит. Все наладится. Обязательно наладится. Не всегда жизнь идет белой полосой, понимать это тоже нужно.

– Ты голодный, наверное? – спросил Афанасий.

– Есть немного.

– Вот что, пошли-ка ко мне, перекусим малость, – сказал старик, и они с Егором не спеша вышли на улицу. Динга бежала впереди, указывая дорогу и виляя весело хвостом. – А тут еще случай был…

Засмеялся Афанасий, и Егор, глядя на старика, тоже улыбнулся.

ДЯДЯ ВАСЯ

– Посмотри, какой он маленький и голодный, давай оставим его у нас, – просила сестренка. Я стоял рядом и держал в руках котенка, который только недавно открыл глаза.

– А куда мы Базьку денем? – спрашивала мама.

– Никуда. Будут жить вместе. Он станет ему папой, – отвечала Валюша.

Мама вздыхала. Мы с сестрой смотрели на нее с таким лицом, словно нам только что показали игрушку, но играть ей пока не велят. Мама шла на хитрость:

– Тогда придется Базилио уйти жить на улицу.

– Ничего, – заявляла Валюшка. – Он не пропадет.

– И тебе его не будет жалко?

Валя молчала. Я постарше сестренки и знаю, что никуда Базьку не выгонят. Ага, так он и ушел.

– Не будет, – утверждал я.

Котенка оставляли до поры до времени. И пока мы с сестрой поочереди тискали и кормили живую игрушку, мама размышляла, кому бы его отдать. Как правило, долго котята у нас не задерживались. Но на смену одним приходили другие. И мы все так же упрашивали маму оставить этот дрожащий пушистый комочек у нас. Не представляли мы детским сердечком, как можно такого кроху бросить одного на холоде и под дождем. Мама понимала это. Но также знала и то, что если каждый раз поддаваться нашим уговорам, квартира в скором времени превратится в звериный приют. И потому котят всегда оставляли до первого хозяина, который, правда, появляться не спешил.

Из всех котов, что у нас жили, мне хорошо запомнились Базилио и Васька. Хотя много их было. Только отчего-то

все не уживались подолгу. Базилио прожил с нами семь лет. Любимец отца. Папка любил кошек. Когда вечерами смотрел телевизор, Базилио всегда лежал рядом. Стоило отцу уйти на кухню, кот шел следом. Раздавалось громкое просящее мяуканье. Иногда слышался папин крик:

– На! На! Когда же ты лопнешь.

Наш кот имел одну странную и раздражавшую всех привычку. Он постоянно хотел есть. Был жадным на еду. Сколько ему ни дай, все будет мало. Уже и не лезет, и не хочет, а все равно орет. От меня всегда получал тапкой. Наверное, поэтому шуточки свои со мной такие не выкидывал. Только папка шел на поводу у избалованного Базьки. Но и он иногда срывался и кричал на наглую кошачью морду.

А вот кота Ваську я любил. Он был такой же в полоску окраски, как и Базилио, только не ленивый. Васька был грозой птиц. Ловко карабкался по деревьям, быстро бегал и умело охотился на голубей и воробьев. Любил подраться. Всех котов побил в нашем дворе. Забегал и в чужие дворы схлестываться с местными котами. Мальчишки прогоняли его то палками, то камнями, но тот все равно забегал в их двор и хозяйничал. Я уважал Ваську.

– Эх, Васек-Васек, не умрешь ты своей смертью, – говорила бабушка. Мама забинтовывала побитому хулигану лапы, мазала зеленкой уши, лоб и соглашалась с бабушкой.

Бывало, и в нашем дворе доставалось ему от соседей. Поймает голубя, распотрошит – одни перья кругом. Кому это понравится? Особенно доставалось ему от старика Василия, который часто мешал охоте. Заприметит кота, крадущегося к воробьям, что беззаботно трепыхаются в пыли, щелкнет кнутом. Васька в одну сторону, птицы в другую.

– Чаво глазами рыщешь? – спрашивал меня дядя Вася. – Разбойника свово любимого потерял? Не ишшы. В крапиве он.

– Как?

– Так. Сколь раз говорил, будет озорничать, пришибу.

Я заглядывал в крапиву, обжигался, топтал ногами жгучую траву и никого там не находил.

– Нету? – ухмылялся дядя Вася. – Ниче. Не седня завтра там будет. Ушибу чем-нибудь.

– Только попробуй.

– Поговори мне ишо. Заступничик нашелся. Я ему за голубя... Божью птицу губит.

– А чего они здесь разлетались?

– Ишь ты! Тебя забыли спросить. Мал ишо так рассуждать.

Старик Василий присаживался на лавку, поправлял кепку, смотрел на меня добрыми глазами.

– Зачем кота Васькой назвал? Рази можно животному имя человечье давать? Антоном, небось, не кличешь. А чаво? Вышел из дому и кричи, чтоб все слышали: «Антошка! Антошка!» А я посмеюсь.

Дядя Вася шутя бранился. Я отмахивался рукой, молчал. Любил он порой без злобы за что-нибудь меня проучить. Я как правило не молчал и тоже говорил в ответ что-нибудь умное. Дядя Вася в шутку сердился, щурил глаза, но кончики губ его улыбались. Я видел это и потому отчаянно спорил. Но так бывало не всегда. Если случалось где набедокурить, тут уж держись. Мог и по спине огреть. Старик не был злым, но озорства не терпел. Только вот кто не озорует мальчишкой? Но дяде Васе это не объяснишь.

Был он большим тружеником. С раннего утра и до позднего вечера всегда чем-нибудь занимался. Небольшого роста, ходил в зеленой рубахе, рукава которой заворачивал по локти, и синем трико. При работе на руках его взбухали толстые вены. Очки, которые он надевал, когда что-нибудь делал, крепились обычной резинкой. Во дворе, перегородив небольшой участок забором под огород, трудилась его супруга – тетя Нина. За деревянным общим туалетом стоял их хлев с огромными сушилами наверху. Живность у дяди Васи имелась. Свиньи, козы, овцы, куры и даже теленок, которого он выгонял поутру и привязывал к иве. Коз и овец пас, а чтобы те не разбегались кто куда, у дяди Васи висел на плече настоящий пастуший кнут. Щелкнет им, аж в ушах звенит. Тут поневоле по струнке заходишь. Я тоже научился бить кнутом. И даже неплохо у меня выходило. Но не сразу он стал слушаться в моих ладонях. Бывало, махнешь разок – как розгой ударил по земле. Полоса длиннющая.

– Кто так бьет? – говорил дядя Вася. – Выше задирай. Сильней лупи.

И я лупил. Старался как можно резче и сильней хлестануть о землю. Но ничего не получалось.

– Э-э, – кивал головой дядя Вася. – Это не со старшими пререкаться. Гляди суда!

Дядя Вася брал кнут. Тот оживал в его крепкой ладони и вытворял чудеса. И со спины, и с боку щелкал по земле и, не касаясь ее, над головой разрезал воздух. Только пыль клубилась у ног. Я восхищался и с завистью смотрел на волшебные руки старика.

– Ну, чаво здесь сложного? Дурак и тот смогет.

Мне было обидно. Раз уж дурак сможет так же, то почему у меня не выходит. Я брал кнут и пробовал снова. Но ничего не получалось. Дядя Вася посмеивался:

– Руки, они ить тоже не только из плеч растут.

Я сердился и всеми силами хотел доказать, что и я могу, что ничем не хуже. Обида душила, слезы наворачивались на глаза, рука уставала. В тот момент, когда я готов был уже сдаться, раздался долгожданный щелчок. Сердце мое дрогнуло. Я оглянулся. Дядя Вася одобрительно кивнул. Я расплылся в улыбке. Попробовал снова, не получилось. Но теперь-то я не отчаивался. Я знал, дело пойдет. И правда, ничуть не хуже научился потом. Так же умело хлестал, рассекая воздух и пыль поднимая столбом.

Рано утром дядя Вася с косой уходил к парку Победы, что располагался неподалеку от нашего дома, рядом с храмом, косить траву. Под вспотевшей рубахой играло красное, жилистое его тело. Он любил работу, и работа его любила.. Все в его маленьких скрюченных ладонях оживало и работало как часы. Будь то пассатижи, наждак, топор или коса. Умел все. Затем на самодельной тачке привозил скошенную траву в наш двор и расстилал для сушки возле своего гаража.

Мы, детвора, любили во что-нибудь поиграть и всячески подурачиться. Одной из игр была игра «двенадцать палочек». Смысл игры был таков – на какое-нибудь полено или кирпич ложилась доска, и на один ее край укладывали двенадцать палочек. Разбивали. И пока тот, кто водит, собирает палочки, другие разбегаются кто куда и прячутся. Водящий начинает искать. И если даже найдет кого, не факт, что отыгрался и передал эстафету другому. Нужно еще первым успеть прибежать и разбить палочки, не забыв крикнуть во все горло имя того, кто будет водить. А бывало и такое. Нашел водящий игрока, бежит с ним наперегонки к заветной доске, а там ее уже кто-нибудь разбил. Чья-то нога постаралась. И вновь собираешь палки, прикусив от обиды губу. Особенно так любил делать Санька Коробов. Убежит на другую сторону дома вместе со всеми, обежит его, спрячется у арки и выглядывает, пока ты не уйдешь. Вот и крутишься у доски, как встревоженная наседка. Только зазеваешься или отойдешь на минуту – бац! Собирай по-новому. Санька-негодник постарался. Любил этот Санек всю малину испортить. Исплюешся весь, пока водишь. Но тут неожиданно и к большому счастью для «водилы» приходил на помощь дядя Вася. Несешься, как слонопотам угорелый, вдоль стены дома и сараев, и нет-нет да угодишь туда, где у старика трава сушится. Заприметит дядя Вася озорство и давай хаять, как только мог. И сразу каким-то новым, щемящим сердце азартом подогревалась игра. Вроде бы тебя, как и прежде, ищет водящий, но в то же время опасно было попасться на другой стороне дома сердитому старику. Как бы уже два игрока следили за каждым твоим неверным шагом.

Обычным осеним невзрачным днем, взрослые, непривычно для них, начинали суетиться. Дядя Вася точил на наждаке огромный нож, тетя Нина носилась с тазами, а Сергей, их сын, настраивал паяльную лампу, которая фырчала и сердито плевалась огнем. Я прижимался спиной к углу дома и ждал – что-то будет. Появлялись и другие ребятишки. И всех нас не покидала догадка, что что-то сейчас произойдет. Все ожидали чего-то жутко интересного. Минутами позже раздавался громкий свинячий визг. Свиное тело подвешивали за ноги, и желтые языки пламени ласкали ее бока. Мы подходили ближе, но нас прогоняли. Ругались, чтобы мы не мешались. Но мы все равно стояли рядом и с интересом наблюдали за происходящим. Чернее черного обугленное свиное тело со скрежетом скоблили ножом. Дядя Вася подзывал нас к себе, желая угостить паленими свиными ушами и хвостом. Мы не спешили принимать такое угощение.

– Ну, чаво испугались? – улыбался, глядя на нас старик. – Кто смелый?

Знал дядя Вася, как нас подзадорить. Мы брали из его рук горячие черные уши и пробовали на вкус, по очереди передавая друг другу. Ухо приходилось подолгу жевать, так просто оно не откусывалось. Не хватало только горсточки соли. Но и без нее это лакомство мы оценивали достойно.

– Ну вот, а ишо брать не хотели, – расплывался в улыбке старик. – Лучше всяких конфет.

Чтоб не обидеть доброго соседа, мы смеялись и кивали головой.

Иногда дядя Вася ходил на реку удить рыбу и несколько раз брал меня с собой. Удочки были его. Я только выносил из дому ведро под улов, чем сильно веселил старика.

– Ты так всю рыбу изловишь, – подшучивал дядя Вася.

Я улыбался и хвастался, что так оно и будет. На берегу Вичкинзы каждый усаживался, как ему было удобно, насаживал на крючок червя и забрасывал леску. Поплавок лениво качался на легкой ряби воды. У меня не клевало. Поплавок мой только и знал, что привлекал какую-то одичавшую стрекозу. И как бы я ее ни прогонял, она все равно возвращалась. По воде забавно носились водомерки, и мне было любопытно за ними наблюдать. Как ловко они бегают и не тонут. У дяди Васи клевало, и он умело вылавливал темно-зеленых ротанчиков и серебристо-зеленых гольянов. Снимал с крючка и запускал в мое ведро, которое я наполнил речной водой.

– И как потом рыбу делить будем? – спрашивал я.

– Как и положено, – подмигивал дядя Вася. – Та, что побольше, моя.

Я понимал шутку старика, но все равно с досадой жаловался, что не клюет совсем. Дядя Вася велел мне сменить червя и обязательно на него плюнуть. Я делал все, как он велел, – плевал на наживку.

– Ишшо! Не жалей, – подбадривал меня старик. А потом советовал забросить ближе к кустам, а еще лучше в самую лунку покрышки колеса, которое лежало на дне. Я так и делал. И удача мне улыбнулась. Одного за другим я стал вылавливать ротанов. Но не любил я эту рыбу тем, что уж больно глубоко заглатывала она крючок. Дядя Вася

огромными пальцами умеючи освобождал рыбину и бросал в ведро. Старик знал, где клюет хорошо и куда нужно закидывать леску, но я своим детским доверчивым сердцем верил, что все это благодаря плевкам. Ведро наше потихоньку пополнялось хвостами. Даже парочка небольших окуньков составила компанию нашему улову. Радости моей не было предела. Но каково же было мое удивление, когда, придя домой, дядя Вася отдал всю рыбу мне.

– Душой отдохнул, и то хорошо, – сказал тогда он.

Теплой ноченькой любил старик заночевать на улице под открытым небом. Укладывался на деревянной лежанке, что сам смастерил когда-то, и укрывался какой-нибудь старой телогрейкой или одеялом. Иногда принимал немного на грудь, и, разговаривая вполголоса сам с собой, любуясь ночным небом, погружался в сон.

Я хорошо помню то осеннее утро девяносто восьмого года. Ночью шел дождь. Опавшая желтая листва прилипала к сырому асфальту. Я как обычно, с портфелем, еще полусонный, шагал в школу. А по возвращению узнал, что дядя Вася умер.

Похороны прошли быстро и тихо. В первую очередь помянуть старика позвали детей. Потом поминали взрослые. Со временем живность, которую держал старик, пустили под нож. Некому стало обихаживать. Привозить поутру на тачке только что скошенную траву и стелить у гаража для просушки.

С уходом дяди Васи испарилось в нашем дворе частичка чего-то старого и доброго из далекой жизни. А немного погодя, все мы шагнули в двадцать первый век. И мое веселое звонкое детство перешло незаметно в зеленую, полную мечтаний юность. Но я по-прежнему помнил старика. Его упорства, прыткости, жизнелюбия и трудолюбия не хватало. Долго еще очень многое напоминало о нем в нашем дворе. Кругом и всюду оставались поделки, сделанные золотыми руками простого трудящегося человека.

Пётр РОДИН
Воскресенское

ВЕНКА

Самую первую и любимую подружку моего детства звали Венкой.

Почему когда-то несуразному длинноногому, с кудреватеньким хвостиком жеребенку-сосунку дали такое имя, теперь я уже никогда не узнаю.

Она была огненно-рыжего окраса, постепенно густеющего от брюха к холке. Это была высоченная, ширококостная, сильная и приёмистая рабочая кобыла с длинной шеей и крупной головой в уже солидном лошадином возрасте. Её кажущиеся бездонными чёрные глаза с необыкновенно длинными ресницами излучали если не мудрость, то уж ум и сообразительность точно, а также уверенность в себе. Холка была высокая и жёсткая, как узкая скамейка. Держаться за неё при езде верхом мне, пацану было неудобно, но Венка позволяла при случае цепляться и за густую, всегда спутанную гриву.

Это была одна из рабочих лошадей колхозного конного двора. Хозяйство называлось «Завет Ильича». Того самого Владимира Ильича Ленина, основателя великого государства с тремя буквами «С» в своей аббревиатуре. С празднично-волнующей гордостью носил я и октябрятскую звёздочку с неузнаваемым кучерявым Володей Ульяновым и комсомольский значок с ним же, уже рано полысевшим, и красную книжечку партбилета с его же трафаретным профилем.

Времена, как известно, не выбирают. А нам, деревенским мальчишкам из обычно многодетных семей, родители которых горбатились за пустоватые трудодни да за те самые заветы бессмертного Ильича, даже не новый, доставшийся от старшей сестры или брата пионерский галстук представлялся светлым знаком и обновой и ещё всё-таки надеждой на настоящее светлое будущее. Да и самые добрые воспоминания остались и от пионерии и от комсомола.

Но трепетное чувство взаимной любви, ещё белобрысым, всегда будто бы испуганным, похожим на тощего цыплёнка пацанчиком испытал я именно к ней – лошади, которую звали Венкой.

Почему чахоточный и потому, наверное, злой на весь свет конюх дядька Вася Морячихин определил меня на летние работы именно к ней или её ко мне – это также неизвестно. Только подвёл он меня к крепко пахнущей сенной трухой и лошадиным потом именно её колоде-кормушке, к её стойлу.

На верхнем прясле была косо прибита дощечка с небрежной угольной надписью: «Венка».

Кому-то может показаться смешным и неубедительным, но для меня-то самого – факт, что Венка сыграла большую роль в моём воспитании и повлияла на всю дальнейшую судьбу. И факт неоспоримый.

В те далёкие уже времена школьники, что постарше, класса этак с шестого-седьмого летом не только помогали родителям на своих усадах, но и привлекались к полевым колхозным работам. За длинный рабочий день бригадир дядя Коля Автонов в свою потрёпанную тетрадочку, в которой вёл учёт, записывал четвертинку или даже половину трудодня.

Самой первой и простейшей нашей должностью была такая – верховыми ездовыми при лошади на подтаскивании копен соломы после комбайнов к омётам – огромным скирдам. Две женщины верёвочной петлёй захлёстывали копёшку и цепляли её к крюку на вальке лошадиных тяг – постромок. Восседавших на разномастных букетах, соколиках и тревогах наездники должны были направить своих лошадок до скирды и вернуться за очередной большущей вязанкой соломы. Мы до щекотания в носу пропитывались хлебными испарениями горячей прелой мякины

и увядших васильков, висевшими над огромным, покрытым низкой колючей стернёй полем.

Поучительным для меня было уже первое знакомство с моей Венкой. Безмерно счастливый и гордый, восседал я, взобравшись с помощью отца, на её необъятной горячей спине. Не дожидаясь, когда она досыта напьётся, чуть касаясь поверхности воды в бочке своими бархатными губами, будто водичка была слишком холодной или нестерпимо горячей, я начал «гарцевать». Как же? Ведь надо было показать окружающим свою сноровку в управлении такой большой и сильной животиной. Дёргал поводья, понукал, покрикивал на умную лошадь, как это делали мужики. Шепотком проговаривал и словечки из их матерщинного набора. Для нас, подростков, всё это обозначалось одним словцом: выхвалялся.

Ну и довыхвалялся. Напившись всё-таки досыта, Венка, вместо того, чтобы выполнять мои настойчивые и надоевшие ей посылы, вдруг круто развернулась на одном месте и с ускорением зашагала в такой желанный холодок тамбура конюшни. Высота ворот была рассчитана на лошадь, конечно, но увы,без всадника… Всё обошлось без вмешательства фельдшера, но «Венкину шишку» запомнил я крепенько и надолго.

Потом мы подружились и стали понимать друг друга без лишних слов. И если честно, то больше она мной управляла, а не наоборот. Корочка ржаного хлебца для неё всегда была у меня приготовлена. Я часто заходил к ней и зимой. Делился своими радостями и печалями. Она внимательно слушала и всё понимала. В знак этого покачивала головой и вкусно хрумкала сухариком. А после очередной нашей с ней истории стал я припрятывать для любимой Венки и сахарок.

Самый конец августа. Завтра в школу. Жарища несусветная. Скирдовали ржаную солому на Гремячем. Так называлось полько́ рядом с деревней. На левой задней ноге у Венки была большая ссадина-ранка. Её смазали какой-то вонючей мазью, но на работу нас с ней всё-таки отправили.

Полдня до обеда показались нам особенно длинными. Как мог, отгонял я от лошади будто озверевший от зноя овод. Ни ветерка. Оберегать её рану с высоты холки не мог.

Даже пытался, спешившись, водить её в поводу по укатанной копнами стерне и оборонять болячку от мухоты и слепней таловой веткой. Но мало что у меня получалось. Венка же отчаянно дёргала всей кожей, махала хвостом, неожиданно хлопала копытами по прокалённой солнышком земле и, кажется, едва дождалась команды: «На обед!».

Сбросив с лошадей хомуты с постромками, мы, пацаны, уселись на своих «скакунов» и подались до конюшни. Терпение Венкино, видимо, кончилось, и она, всхрапнув, понесла. Страху я тогда натерпелся и едва не порезал ладони жесткими волосами её гривы.

Удивительное открытие сделал уже после падения. В улице, ровно напротив нашего палисадника, Венка… нет, не сбросила меня, а резко сбавила свой болезненный галоп, мотанула своей длиннущей и потной шеей, и я плюхнулся в мягкую и горячую дорожную пыль.

В тот день, после обеда, нас в поле уже не послали, и я долго, почти до вечера был у неё на конном дворе. Благодарно скармливал своей спасительнице кусочки чёрствого хлеба и пучки травы и гладил её чёлку и нежные мягкие губы.

Постоянно матерящегося и обижавшего её конюха Венка сумела поставить на место, чему я также был свидетелем. Тот ни за что ни про что охаживая её поводом, грубо наталкивал тесный хомут на ставшие строгими лошадиные глазищи. Венка, всегда послушная и смирная, на этот раз резко взмахнула гривой, двинула задом, и конюх отскочил в угол стойла.

Она лишь слегка притиснула дядьку Васю к глинобитной стене конюшни, судорожно опустив занесённое для смертельного удара копыто.

Конюх всё понял. После он только ругался, но больше уже никогда даже не замахивался на мою Венку.

Мы освоили и другие виды летних и зимних работ. В шестнадцать лет я покинул родимый дом.

Позднее узнал, что постаревшую Венку продали в дальнее татарское село на махан.

АТАСКИНО СЧАСТЬЕ

Это была самая морозная зима на его собачьем веку. А может быть, просто так казалось, потому что уже плохо грела кровь. Когда, выгибая спину и гремя цепью, он вылезал из будки, его задние ноги заметно волочились. То одну, то другую из них он непроизвольно поджимал, когда выходил к миске, будто бы утоптанный полукруг около неё был раскаленной сковородой. Атас – так его окликали.

Он не знал, занимались ли когда-то давным-давно с его предками доезжачие и псари. Может быть, знатоки собачьих статей и спорили о том, клинчатая голова или нет, французский или английский постав ног был у его пращура. Но в каком-то поколении произошло жуткое и непоправимое кровосмешение, а потом и все стадии вырождения. На выходе, быть может, ещё через пару десятков помётов и появился на свет он-коричнево-белый, в рыжинку, средних размеров кобель. Одно, более светлое его ухо даже в возбуждённом состоянии так и висело беспомощным лепестком, а вот коричневое было всегда стоячее. Это придавало его кареглазой морде, в переводе на человеческий язык выражение: «Слушаю вас внимательно!» В глазах Атаса высвечивалась бескорыстная доброта вперемешку с доверчивостью. Хвост его не вился кольцом и не торчал палкой, а был обыкновенный, как у большинства дворняг.

Может быть, какая-то капельная доля крови благородных пращуров делала его неравнодушным к сырым, болотистым местам. Это с удивлением обнаружил и сам его хозяин на давних теперь сенокосах. Обоим им почему-то

именно в морозы вспоминалось Бабинское урочище. Называлось это место так из-за выгоревшей когда-то на этом овражном взгорке лесной деревушки Бабино. На места усадеб указывали только буйно разросшиеся яркие курпажины иван-чая и малины по низинам бывших подполий и погребов. Приходилось обкашивать вросшие в землю камни-валуны, на которые в своё время опирались концы закладных избяных брёвен.

На покос выезжали рано, ещё до восхода солнца. Атасу разрешалось тогда восседать на переднем сиденье. Под его хвост и лапы хозяин бросал старую брезентовую куртку. Дорогу до такой желанной свободы от цепи и карабина пёс изучил во всех подробностях. Сначала ехали по асфальту и ничего примечательного не было видно, кроме предрассветного яко-оранжевого и многослойного зарева, разрастающегося во всю ширину лобового стекла. Потом, будто по волнам, проплывали по ухабистой деревенской дороге. Атас беспокойно перебирал лапами, крутил головой и даже поскуливал, когда из подворотен выбегали с лаем разномастные местные рексы и жульки. Он улавливал их запахи и ароматы подворий. За деревней, в низине проезжали по шаткому мосточку через ручеину с тёмно-вишнёвой водой. Атас для устойчивости шире расставлял передние ноги. Машина с рёвом взбиралась на крутой берег. Полевая дорога вдоль длинного ряда одинаковых, как нарядные сёстры-близнецы, берёз была уже ровнее. Круто повернув в бывшую бабинскую улицу, они и въезжали на арендованный хозяином участок. У старой с раздвоённым стволом берёзы было место стоянки. Ежегодно обновляемый шалаш из старых досок и веток не спасал, конечно, от комаров и мошкары, но всё-таки для собаки это было самым желанным местом на Земле.

Здесь Атас знал каждую кочку. Набегавшись за утро, пока хозяин проходил несколько изрядных по длине прокосов, он ждал завтрака в тенёчке у дымящего костерка, над углями которого висел закопчённый котелок. Вкуснее косточки и даже корки ржаного хлеба там, у пропахшего подсыхающей травой и сладким дымком шалаша, пёс

нигде и никогда и на на клык не пробовал. Ему хотелось, чтобы сенокос был всегда. Но одно погожее утро для молодого ещё кобелька едва не оказалось последним.

Хозяин только что подошёл к костерку, собираясь попить чаю и отдохнуть перед тем, как собираться домой. Солнце уже довольно высоко выкатилось из-за перелеска. Вдруг со стороны болотистой низины, заросшей осокой и камышом, услышал он истошный и жалобный визг Атаса. Любитель водных процедур, тот мог часами шлёпать лапами по неглубокому ручью и болотистым его берегам, играть с лягушатами и кузнечиками, изредка взлаивая на них. Когда хозяин захлопотал у шалаша, пёс мигом выскочил на взгорок, но его внимание привлекло живое чёрное колечко на самой тропке.

Как же пройти мимо? Пошлёпал лапами слева и справа, попугал своей плутовской мордой незнакомый до сих пор, смешной шипящий клубочек. Даже попытался сделать неуклюжую стойку, будто похваляясь: и не шипи, мол, на меня, а посмотри, как я умею. Игрушки с гадюкой закончились для Атаски плачевно-тяпнула она его прямо в самый до блеска вымытый росой подвижный кончик носа. От боли и обиды он закрутился волчком, потеряв всякий интерес к находке. Он никогда не знал хозяйской ласки. А тогда, вместо того, чтобы пожалеть, хозяин, как понял по голосу ужаленный змеёй Атас, его же ещё и отругал. Тем временем ноги у собаки подкосились, глаза опухли, а потом и совсем закрылись. Голова стала словно большой, туго надутый мячик.

Хозяин ещё поворчал, но перенёс всё-таки бедолагу в машину и положил на на ту же брезентуху, расстелив её между сиденьями.

Очнулся болезный от того, что кто-то осторожно гладил его по голове. Это была дочь хозяина. Её руки он знал и любил до безумия со щенячьего возраста. Это она упросила отца взять его ещё полуслепого у соседей, которые хотели избавиться от всего приплода своей Найды. Она же выревела, чтобы тот свозил его в ветлечебницу. Это от её поглаживания, а не только от трёх болючих уколов поправился он тогда…

А сейчас даже внутри тёплой, укутанной большим сугробом будки ему было очень холодно. Он научился цепью прижимать полотняную занавеску, которая защищала от ветра его убежище. Но согреть его своим дыханием, как раньше, Атас уже не мог. Из тяжёлого забытья его вывел какой-то грохот. Бабаханье и шипящий свист продолжались довольно долго. Когда всё утихло, он с большим усилием выполз из будки. Задние ноги вовсе не слушались. Было утро. Взрывы были мирными. Просто люди встречали Новый год.

И она подошла к нему. Отстегнула карабин. Сидела над ним, гладила и безутешно плакала. А ему больше ничего и не надо было, чтобы унять дрожь и больше не зябнуть. Он, кажется, даже был счастлив.

Атаса оставили одного, и он потихоньку уполз в тесный закуток между забором и баней.

Павел ТУЖИЛКИН
Саров

КУЗНЕЦ

История из жизни предка, рассказана В.А. Косенковым

Фрол Косёнков, могучий, высокий, почти трех аршин ростом, кузнец, размеренно бил молотком-ручником по раскаленной добела заготовке – еще немного, и сошник будет готов. Молотобоец Гришка, крепкий статный парень, в кожаном фартуке на голое тело, с размаху из-за плеча уверенно и точно бил кувалдой в то место, куда указывал ударом ручника мастер.

Фрол внимательно следил за тем, как меняется заготовка после ударов молота, но мыслями был далеко от кузницы. Всего месяц назад у него родился сын Ванюша. Аксинья, черноокая деревенская красавица, на которой Фролу посчастливилось жениться, легко перенесла роды, потому как телом была справной, неболезненной. Ребеночек уродился крепеньким, спокойным. Глядеть бы на них, любимых, да радоваться. Но тревога за жену не давала покоя. Того и гляди, управляющий оправит Аксинью на сенокос. Барщина ждет. Клади ребенка в тенечек, а сама работай наравне со всеми. Жалко, конечно, любимую женушку, но жизнь не переделать. Эх, скорее бы уж, что ли, царь-батюшка вольную крестьянам дал. Поговаривают, совсем уж указ был готов, да помещики воспротивились. Конечно, что им не противиться? Сейчас они с крестьянами что захотят, то и сделают. И барщину исполни, и оброк натурой: грибами, ягодой, яйцами, сукном

да маслом отдай. А коли недоимку накопил – так в судную избу ступай. Там экзекуторы так отходят, что последнюю рубашку отдашь и порты снимешь, чтобы еще раз туда не попадать.

Мастеровым, таким как Фрол, конечно, полегче: он на оброке. Заработок имеется постоянный – есть чем откупиться. А вот Аксиньюшке в полной мере приходится на барина горбатиться да жилы рвать. В поле-то ох как тяжело. Вот бы выкупиться на волю, совсем другая жизнь пошла бы. Уж он бы Аксиньюшку берег да лелеял, на пропитание сам бы зарабатывал, а женушка – по хозяйству да детушек рожать и растить…

Вдруг кузнец заметил, что подсобник неточно ударил молотом – отвлекся, видать. Фрол вскинул глаза, чтобы отчитать Гришку и увидел, что тот смотрит в сторону входной двери.

Отложив молоток, Фрол обернулся. В проеме стоял приказчик, управлявший барским имением, – Матвей Кузьмич, приземистый, кряжистый, с большой, круглой, словно полуведерный чугунок, головой, поросшей густым черным волосом.

– Доброго здоровьичка, Матвей Кузьмич, – поклонился Фрол.

– Бог в помощь, – прогудел густым басом приказчик.

– Бог спасет, – ответил кузнец. – Что-нето заказать хотели? Али так – полюбопытствовать?

– Не угадал.

У Фрола екнуло сердце. Точно – по Аксиньину душу, понял кузнец. Но виду не подал.

Стоял, хмуро глядя на всесильного приказчика, от которого зависела судьба любого крестьянина или мастерового да и всей челяди в усадьбе помещика Пригорова.

– У тебя Аксинья-то уже месяц, как родила, – то ли спросил, то ли просто сказал Матвей.

– Месяц, – согласно кивнул Фрол.

Сердце забилось тревожно.

– Пора бы на роботы определять, – сказал Матвей Кузьмич.

– Воля ваша, – тяжело вздохнул кузнец.

– Нда-а-а… – неопределенно протянул приказчик. – А молоко-то у Аксиньи есть?

– Как не быть? – помягчел Фрол. – Кормит дитятко-то, кормит. И тот сосет вовсю. Одну титьку высосет – за другую берется. Видать, богатырем хочет стать. Тоже со временем в кузнецы определю.

Обычно неразговорчивый Фрол говорил и говорил, чтобы заглушить тревогу за любимую женушку. Хотя он, конечно, понимал, что пустой болтовней делу не поможешь. Но в душе теплилась надежда, что добродушно заискивающий тон хоть как-то мог смягчить сердце всесильного приказчика. Глядишь, чего-нето полегче придумает Матвей Кузьмич. Может, войдет в положение, даст облегчение кормящей матери.

– Ну-ну, – опять неопределенно буркнул Матвей.

– А куда хотите определить Аксинью-то, Матвей Кузьмич? – спросил впрямую Фрол, стараясь придать голосу побольше почтительности. – Может, что полегче найдете? Вот уж окрепнет жена-то, там тогда и в полную силу будет работать. А пока бы послабление, а, Матвей Кузьмич?

В душе забрезжила надежда. Управляющий был нестрог, говорил не очень уверенно – видать, еще не решил судьбу Аксиньи. Авось и поддастся на уговоры.

– Полегче, говоришь?

Приказчик погладил пятерней густую аккуратно постриженную бороду. Можно и полегче.

Фрол неуверенно улыбнулся – неужели?

– Роботник ты неплохой, не забулдыга какой-нибудь. Так что и Аксинью твою не обидим, – приказчик, шагнув в кузню, похлопал по высокому крепкому плечу кузнеца. – Скажи ей завтра, чтобы с утра в усадьбу приходила – дворовой пока побудет.

Фрол не верил своему счастью. В дворне-то работать в разы легче, чем в поле. В усадьбе-то и ребятенка можно где-нибудь под крышей приспособить, а не под открытым небом, и работа там не такая тяжелая.

– Премного благодарствуем, Матвей Кузьмич, – низко поклонился кузнец. – Не забуду вашу доброту. Можа, что смастерить вам? Так милости прошу – зараз все исполню.

– Ну-ну, – прогудел приказчик, – сочтемся, брат, сочтемся.

После ухода управляющего Фрол возобновил работу, с улыбкой представляя себе, как скажет радостную новость любимой Аксиньюшке.

– Какой ты у меня важный человек, – скажет, как пропоет, милая женушка. – Даже на чистые работы смог договориться. Как же я тебя люблю, ненаглядный мой!

– Да меня чай и сам барин Михаил Ярославович знает. Он в обиду хорошего мастера не даст. Думаю, что это он сам о тебе распорядился, – ответит гордый собственной значимостью Фрол.

Тяжелый ручник летал в руке кузнеца как игрушечный. Гришка еле поспевал махать молотом.

Аксинья утром ушла в помещичью усадьбу, а Фрол работал в кузне без устали, даже иногда что-то себе под нос подпевая.

– Чего это ты, Фрол, нонче такой веселый? – спросил Гришка.

– Дак ведь жизни радуюсь, – ответил Фрол. – А ты разве не радый, что на белом свете живешь?

– А чему радоваться-то? – скорчил Гришка кислую физиономию. – Кажный день одно и то же – тюк да тюк, а заработок – гроши. Батька вон никак с недоимками не расплатится. Хоть волком вой. А тут еще помещик стал наделы урезать, а соседей Пальциных вообще на песок выселил. Народ недоволен. Трое в бегах. Говорят, крепостных на юге в морскую команду набирают, а потом не только их на волю выпускают, но и всю семью его вольной делают. Это правда, что ль?

– Не знаю. Я тоже такое слыхивал. Дак ведь поди ж ты проверь. Тот, кто сбежал и назад не вернулся, никак не скажет. А тех, кого пымали, – под батоги пустили да в Сибирь отправили. Лучше не думать про это. От таких мыслей тоска появляется, а от нее все беды в жизни образуются.

– Тебе хорошо – ты вон у помещика в почете. И изба у тебя справная, и жениться разрешили на ком хотел. Мне бы так – я бы ни о чем таком не думал.

– Так роботай лучше, мастерство перенимай, и ты так жить будешь.

– Сомневаюсь я почему-то.

– А ты не сомневайся, а роботай.

Вечером Фрол расспрашивал Аксинью про помещичье житье. Та, накрывая на стол, неспешно говорила:

– Так ведь все у этих бар чисто и аккуратно. В доме занавески на окнах прозрачные, пол из дощечек лаком покрытых собран – блестит, как воды налили, столы да стулья резные да с гнутыми ножками и тоже блестят. По всем стенкам картины развешены, а на них деревья да пруды заросшие нарисованы, а есть даже девки голые – срам!

– Ишь ты! – недоверчиво мотнул головой Фрол.

– Вот тебе и «ишь ты». Ешь-ка, не болтай.

– Нет, ты погоди. А чем тебя заняли в доме-то?

– Да ерундой всякой, – отмахнулась Аксинья. – То по кухне помогаю, то полы помою.

Но что-то в тоне жены Фролу не понравилось.

– Ты все говори, не утаивай, – сказал он сурово.

– Да я все сказала, ничего и не утаивала, – зачастила Аксинья. – Пей вон молоко-то да горбушечку каравайную бери, ты любишь.

Так и пошло изо дня в день. Фрол не мог нарадоваться, что все так ловко устроилось, И Аксинья при легких делах, и Ванюшенька растет в тепле да в холе. Вон какие щечки наел. Насосется мамкиной титьки и спит себе. Ничего, еще наработается. Пусть пока поспит.

Но недоговоренность какую-то Фрол в рассказах своей жены всё же замечал. И это не давало ему покою. Чай не обижает ли кто? Может, кухарка злая да придирчивая попалась? Может, из челяди кто завидует да портит настроение? А может, и вовсе конюх какой-нето с плохими мыслями подкатывает? Ну, ежели узнаю, – убью! Пойти, что ли, взглянуть, как там Аксинье роботается?

Долго не решался Фрол исполнить свои мысли. Но однажды увидел вечером, что вроде как у Аксиньи глаза на мокром месте.

– Ты что, ай обидел кто? – спросил Фрол.

– Да с чего взял-то? Никто меня не обижает, – сердито отмахнулась Аксинья.

– А чего глаза красные?

– Так ведь лук чистила. Вот и …

– Какой лук? Куда ты его чистила? На столе и лука-то нет.

– Вот пристал, куда чистила, туда и чистила, – резко ответила Аксинья и вышла во двор.

Такое поведение жены настораживало. Не грубила она никогда и никому. А тут – мужу эдакое ляпнуть. Пристал… Нет, так не годится. Нехорошие мысли в голове кузнеца только усилились. Воображение рисовало картины одна ужасней другой. Распалил себя так, что всю ночь вертелся – уснуть не мог.

На другой день Фрол выждал какое-то время, как ушла Аксинья, и отправился за ней следом. На всякий случай шкворень за голенище сунул – мало ли что: и конюхи там крепкие, и собаки злые… Конечно, он рисковал. Вот так запросто явиться без вызова и без дела в усадьбу опасно. За такое можно было и батогов получить.

– Да я чо, я ничо, – утешал себя кузнец. – Я ведь тока посмотреть. А если уж совсем пристанут – совру что-нето.

Что он наврет, Фрол придумать не смог, но от намерения своего не отказался.

К счастью, никто больно-то на него и внимания не обратил. Ну, посмотрит кто из челяди – кто, мол, такой. Отвернутся и по своим делам идут – у всех своя работа, некогда глазами попусту зыркать.

Фрол прошел мимо конюшен, полюбовался на статных тонгоногих жеребцов, что чистили конюхи, потом миновал суконную избу, свернул с главной аллеи и по берегу мимо пруда, затененного вековыми ивами, вышел к барскому дому. Широкие каменные ступени вели к парадному входу. Над крыльцом – каменный козырек с балконом, покоящийся на шести каменных столбах. Фрол оробел.

Как же он Аксинью-то здесь найдет? Чай, в покои-то не вопрешься. Что он скажет, коли спросят? Выставят за дверь да батогами угостят. Кузнец – мужик, конечно, крепкий: троих зараз может уложить. Но супротив барских слуг, что в судной избе провинившихся крепостных терзают, и ему не устоять. А если и устоишь, потом-то что? На каторгу упекут за сопротивление властям. Бунтовщиком

объявят. И Аксиньюшку сгубишь, и младенца несмышленого. Нет, впрямую переть негоже. Надо в обход идти – заднее-то крыльцо как раз из кухни выходит. Может, как раз там и работает Аксиньюшка?

Осторожно ступая и прячась в тени сиреневых кустов, кузнец обогнул дом и вышел к заднему крыльцу. И сразу же увидел Аксиньюшку. Та сидела у стены на лавке. По всей видимости, она кормила ребенка. Это было видно по особой полусогнутой позе и расслабленной спине.

У Фрола отлегло от сердца. Ну вот, даже и покормить Ванюшку дают в тенечке, порадовался он за женушку. Уходить надо. Не ровен час, кто заметит. Как бы Аксиньюшке хуже не стало. Пятясь, Фрол скрылся в кустах и совсем было собрался уходить, как заметил в последний момент, что из дверей сарая, откуда доносился собачий лай, вышел приказчик, который что-то нес в руках. Фрол, пригнувшись, чтобы его не заметили, стал наблюдать.

Матвей Кузьмич, тяжело шагая, приблизился к Аксинье и стал рядом.

«Чего он смотрит? – неприязненно подумал Фрол. – Титьки, что ли, бабской не видел? Иди у своей бабы подсматривай, а на чужую не пялься. Может, из-за этого Аксиньюшка-то и переживала? Встанет срамник и пялится. Потому и глаза у любимой женушки на мокром месте были».

Фрол хотел было уже шагнуть из кустов и высказать приказчику, но заробел: ой, выгонит гад Аксинью на барские поля. Ладно, пусть посмотрит, чай не убудет. А такой легкой роботы где я еще для женушки найду?

Тут кузнец увидел, что Аксинья подает что-то управляющему.

Неужто щенок? И точно – черный, большой, лобастый. Играла, что ли, с ним? А Матвей пришел, значит, чтобы забрать его. Зачем же она брала кутенка-то? Чай, работа стоит, ругать будут.

Матвей принял щенка и протянул Аксинье другого, которого держал на сгибе руки. Та взяла его и приложила к груди.

Фрол растерянно смотрел из кустов, как Аксинья кормила кутенка.

Происходящее настолько поразило воображение кузнеца, что на какое-то время остолбенел. Все происходило будто бы не наяву. Буднично светило солнце, квохтали куры, лениво перебрехивались на псарне собаки, но ощущения реальности не было. Бывают в предрассветный час дикие в своей странности и жутком смешении картин и событий сны, когда, с трудом очнувшись, с облегчением понимаешь, что это всего-навсего наваждение, и стараешься быстро забыть его. Но сейчас Фрол никак не мог проснуться, понимая, что уже пора, вот-вот это произойдет и кто-то все объяснит, что это все неправда, непременно найдется здравое толкование этой будничной и нелепой картины. Но никто ничего не объяснял. Матвей все так же держал кутенка и смотрел на пышную белую грудь его жены. Причем он не ухмылялся, не подхихикивал и не жадничал глазами. Вот эта будничность и не давала Фролу возможности хоть как-то проявить себя и прекратить этот безобразие.

Он не заметил сам, как вышел из кустов и медленно стал приближаться к Аксинье. Первым его заметил Матвей Кузьмич. Но никак на его появление не отреагировал. Ну, идет кузнец – и идет. Значит, так надо. Приказчик смотрел на Фрола строго и спокойно. Он был хозяином здесь, и никто не мог ему указывать, что надо делать, а что не надо. Он смотрел на крестьянина как на муху. Она пока летала и жужжала вдалеке, не нарушая покоя. Но своим явлением мужик нарушил гармонию, царящую в усадьбе. И это вызвало недовольство приказчика. Кой черт нужно тут крепостному, когда его место в кузне? Этого человека здесь быть не должно. Он не вписывался в окружающий пейзаж и в то действо, которое тут совершалось. Молчали оба – приближающийся кузнец и стоящий со щенком приказчик.

Фрол остановился рядом с Аксиньей, и та наконец увидела его. Она открыла рот, как бы пытаясь что-то сказать, но так и застыла. Щенок бойко двигал губами, высасывая молоко, которое предназначалось для Ванюшки. Медленно наклонившись, Фрол взял из рук жены кутенка, потянул его на себя, чмокнули собачьи губы, выпуская налитый молоком сосок. Фрол посмотрел на приказчика и хрипло,

только со второй попытки, сказал обиженно и недоуменно:

– Как же это?... Матвей Кузьмич… Я же … Ты же баял, я мастер хороший и это …

– Ты чего приперся, дурак? – сердито рыкнул приказчик. – Иди отсюдова, пока я тебя в судную избу не отправил, там тебя быстро в разум введут. Тимка, Санька! – крикнул он, обернувшись в сторону псарни.

Из сарая появились два здоровенных, не ниже кузнеца, парня, которые славились своей особой жестокостью при исполнении экзекуций, назначаемых либо барином, либо приказчиком. Увидев Фрола, они припустили бегом.

Аксинья вдруг завыла, предчувствуя беду. Слезы ручьем полились по ее щекам. Спрятав грудь в разрезе рубашки, она кинулась в ноги к мужу и запричитала:

– Фролушка, уйди Христа ради, уйди, не сотвори беды! Уйди, миленький! Рази мне убудет? Чего уж! Зато ведь роботой не напрягают. Уйди, Фролушка.

Кузнец, наконец, отмер .

Тело его налилось тяжелой бешеной силой. Он скрипнул зубами и с размаху швырнул кутенка в морду приказчику. Щенок, пискнув, отлетел от чугунной головы Матвея и упал на землю. Фрол топнул ножищей и раздавил ненавистное животное.

– Сволочь! – заорал Матвей Кузьмич, – Да он дороже тебя и твоей кузни стоит! Задеру до смерти!

Фрол посмотрел на приказчика, вскинул огромную ручищу и, словно молотом, врезал кулаком по лбу Матвею. Тот рухнул навзничь.

Подлетели экзекуторы, сбили бунтовщика с ног, стали выкручивать руки. Кузнец возился по земле, отбиваясь увесистыми ударами от парней. Кричала Аксинья. На ее крики из кухни выскочила челядь. Только когда на Фроле лежало пять крепких мужиков, вцепившихся кто в его бороду, кто в ухо, кто в ноги, кто в руки, тот успокоился. Сразу как-то обмякнув, он дышал тяжело, прерывисто, словно только что пробежал версты три за конем.

Очухался Матвей Кузьмич. Встал, пошатываясь, отряхнулся. Постояв над поверженным противником, он приказал:

– К барину его. В столовую. Через кухню – тут ближе.

Фрола поволокли по земле в сторону кухни. Тот хрипло сказал:

– Не надо. Сам пойду.

Экзекуторы посмотрели на Матвея. Тот подумал и произнес:

– Поднимите его, по всему дому волоком, что ли, его тащить. Только держите крепче.

Фрол стал на ноги. Но выпрямиться в полный рост ему не удалось, парни завели ему назад руки так высоко, что боль не давала разогнуться. Так в скрюченном состоянии и провели его через кухню в столовую, где находился барин.

Михаил Ярославович Пригоров сидел за круглым столом и чаевничал. По случаю раннего утра завтракал в одиночестве – жена и детишки еще почивали. Одет был вольно – в белую рубашку с открытым воротом. Перед ним стоял большой медный самовар, рядом высилась горка блинов. Барин макал блины в плошку со сметаной и отправлял их в рот, смакуя и морщась от удовольствия. Шум за дверью отвлек его от приятного занятия.

– Что там? Иди узнай, – приказал барин прислуживающей ему девке.

Служанка бросилась к двери, но та распахнулась, и в проеме показалась огромная фигура кузнеца. Набычившись, тот смотрел на барина исподлобья хмурым, недобрым взглядом. Рубаха его была порвана и вся в пыли. На шее кровоточили ссадины.

– Что? Где? – забеспокоился барин и вскочил, расплескав из фарфоровой чашки чай.

Барин был невелик и тщедушен. Редкие волосенки на яйцевидном черепе и тонкие модные усики только подчеркивали его худобу и мизерность.

Он явно испугался этого растрепанного злого великана, который нежданно ввалился в уютный, расслабленный и изящный помещичий мир, внося в него грубую неудержимую силу, жуткую своей непредсказуемостью. Этой, дремлющей до поры, грозной силы, живущей в глухой мужицкой массе, помещик всегда страшился.

– Кто велел! – взвизгнул он, намереваясь скакнуть назад к дверям, которые вели в покои.

Но от грубого толчка в спину кузнец наконец ввалился в комнату, и стало видно, что его крепко держали слуги, заведя руки громилы высоко за спину. За ними в столовую вошел приказчик, замешкавшийся на кухне, когда отдавал приказание о подготовке судной избы.

Обогнав плененного кузнеца, приказчик поклонился барину.

– Извиняйте, Михаил Ярославович, бунтовщика привел. Нужно ваше распоряжение на экзекуцию.

– Чем провинился этот дуболом? – спросил, немного успокаиваясь, помещик.

– Я по вашему приказанию щенков, у которых сука околела, отдал на прокорм Аксинье, бабе вот этого дурака. А он милости не принял и устроил безобразие. Меня приложил так, что чуть богу душу не отдал.

– Бунтовать! – взвизгнул барин. – Да я тебя, паразита, запорю до смерти! Да я тебя сгною на каторге!.. И бабу твою засеку – живого места не останется. А ребятенка твоего собакам отдам, то-то у них обед знатный будет.

Парни, державшие кузнеца за вывернутые руки, разлетелись в стороны, словно были такими же хилыми недомерками, как и их хозяин. Больно треснувшись в стены, они рухнули на пол. Кряхтя и ругаясь, стали подниматься, поняв, что хозяину угрожает опасность.

Кузнец с красным от ярости лицом шагнул к барину. Тот попятился. На пути стоял приказчик, но тот, почуяв, что ему снова грозит кувалда кузнецкого кулака, вдруг шустренько шмыгнул за помещика и даже присел в тщетной попытке спрятаться.

Фрол сделал еще шаг и оказался прямо перед барином. Нагнувшись, он выхватил из-за голенища шкворень и замахнулся. Помещик с ужасом глядел на волосатую крепкую ручищу мужика и не шевелился. Страх парализовал его. Экзекуторы, прыгнувшие вперед, опоздали: шкворень уже опустился на голову барина. Кожа лопнула, и на лицо хлынула кровь. Помещик замертво рухнул у стола. Завизжала служанка. В комнату набежали мужики. Все вместе

они скрутили беснующегося кузнеца, нещадно лупцуя его по голове и ребрам. Заполошно закричала пробившаяся сквозь толпу челяди Аксинья. Услышав голос жены, Фрол прохрипел, еле шевеля разбитыми в кровь губами:

– Аксиньюшка, прости, меня… Аксиньюшка… Ванюшку сбереги, Ванюшку нашего…

…Как это ни странно, но Ванюшка выжил.

Аксинью с дитем быстренько продали соседскому помещику. Барина похоронили. А Фрола отправили на пожизненную каторгу, где он и сгинул без следа.

Мне эту историю поведал далекий потомок кузнеца Фрола. История трагической жизни могучего предка передавалась в семье Косёнковых из поколения в поколение. И, глядя на высокого, крепкого, плечистого собеседника с пудовыми кулаками, я представлял, как страшен был в праведном гневе его предок, кузнец Фрол.

Русский мужик терпелив, но и его терпению когда-то приходит конец.

Венедикт ПОНОМАРЕВ
Дзержинск

ТЕМНОТА

В просторной зале собралось шумное общество. И, хотя свет от камина и нескольких тусклых свечей почти скрывал лица присутствующих, по всему было видно, что собравшиеся что-то живо обсуждают. Молодые девицы, поминутно бросающие кокетливые взгляды на статных кавалеров, то хихикали, то восклицали отчего-то бледнея. Мужчины же, коих насчитывалось много меньше, чем дам, польщенные вниманием, важно расхаживали из стороны в сторону. На лицах их время от времени появлялись снисходительные улыбки, они что-то не спеша говорили друг другу.

Возле камина стояли два больших кресла, в одном из которых сидела дама средних лет, рассказывавшая о нашумевшем недавно в столице некоем спиритическом сеансе, проведённом загадочным иностранцем, находившемся в Петербурге проездом.

– Господа, отчего вы не верите мне?! – негодовала она. – Истинно вам говорю, графине Б-й этот странный человек поведал обо всей её жизни, даже о тех подробностях её, которые никоим образом не могли быть известны обществу… Она до сих пор не может оправиться и скорейшим образом отбыла на летние дачи, как видите, даже не пришла на сегодняшний бал!

– Дорогая Елизавета Никитична, – вступил в разговор один из молодых людей, стоявший у камина и доселе не вмешивавшийся в увлекательную беседу. – Современная

наука доказала, что таких, э-э, магических проявлений не бывает и быть не может. Поэтому всё это действо, проведённое третьего дня у госпожи Б-ой, не более чем фарс!

– Но позвольте, – не унималась рассказчица, – как же тогда огонь на подносе, просто горел сам по себе?

– Фо-ку-сы! В Европе, надо сказать, давно уже проводятся целые спектакли с подобными показами. А в нашем глухом краю всё это в диковинку, вот этот ваш иностранец и позабавился вволю над темными русскими, которые до сих пор верят в русалок и домовых.

Все присутствующие расхохотались, кроме, разумеется, дамы в кресле и ещё одного почтенного старика, сидящего напротив неё. Лоб его, без того испещренный глубокими морщинами, ещё более нахмурился после сказанного. Он обвёл строгим взглядом окружающую его молодежь, отчего невольно все прекратили смеяться и потупились.

– Эх, занятно ныне слушать молодое поколение, – сказал он, когда в воздухе повисла гробовая тишина. – Но вот чего я в действительности не понимаю, откуда такой, как это сейчас модно, нигилизм поселился в светлых головах сих? Откуда такая нелюбовь к земле, вскормившей и поставившей на ноги? В речах этих слышится мне презрение к самобытности и устоям, которые вековым опытом сложены, что, не к вашей, господа, чести будет сказано, не красит людей просвещенных, коими вы, я полагаю, себя мните. Вот вы, господин С-й, – обратился он к юному скептику, – предприняли большое путешествие по Европе, ознакомились с многими достижениями, вернулись на родину и чем, позвольте спросить, занимаетесь? Вот именно – ничем, проживаете жизнь, мотаете средства батюшки вашего. А коль, как вы выразились, мы живем в дикой стране, то почему бы вам не употребить силы и умения, полученные за границей, для приумножения знаний, привношения того разумного, о чём молвите здесь нам? Весьма, знаете ли, удобно критиковать, когда сам ничего не делаешь.

Вокруг снова повисла тишина.

– Если словами своими я имел неосторожность задеть чьи-то чувства, я искренне прошу прощения, – глухо промолвил С-й.

После этого лицо почтенного старца приобрело благодушное выражение и хозяйка, уловив момент, вмешалась в беседу:

– Федор Алексеевич, голубчик, не стоит, право не стоит обижаться на наших юных гостей. Ах, молодость, она ведь слепа и ретива! Полно же, к чему омрачать столь прекрасный вечер!

– Ни в коем случае я не держу обиды, тем более не хочу испортить никому настроение!

– Вина! Непременно вина! – воскликнула хозяйка. – Кузьма, шельмец, неси вина гостям, бокалы давно опустели, а он стоит как истукан!

Когда вино вновь заиграло в свете камина и неприятный осадок немного растворился в коварном напитке, старик, устроившись поудобней в своём кресле, снова заговорил.

– Вы вели занятные разговоры об иностранце, который ведает о прошлом и будущем. Как я погляжу, собрались здесь люди не чуждые подобным проявлениям, но не верящие во многое. Так вот, господа, хочу вам поведать историю, которая произошла со мной много лет назад, когда я тоже был молод, полон сил и, в отличие от нынешних, – он хитро посмотрел в сторону С-го, – готов был послужить на благо отечеству. Ни ради хвастовства будет сказано, однако ж, будучи родом из семьи, хотя и знатной, но весьма стеснённой в средствах, я, получив навыки врачевания, стал служить лекарем в одном глухом уезде Н-ской губернии. Впрочем, привычный к скромным условиям, я ни минуты не жалел об уготованном мне судьбой жребии скромного сельского врача, тем более что смог наконец-то сам зарабатывать себе на хлеб, не утруждая более в том своих родителей.

Не замечал я, как пролетают дни и ночи. При свете солнца усердно трудился с больными, вечерами в мерцании тусклой свечи я придавался многочисленным штудиям, ибо тяга к знаниям пересиливала усталость, а ум и вовсе тогда не ведал её. Так, познавая с каждым днём всё более не только секреты своего нелёгкого ремесла, но и законы мироздания, почерпываемые мною из других наук, я убеждался день ото дня в торжестве разума над варварскими

представлениями наших далёких предков о сути бытия, кои и по сей день нередко можно наблюдать среди темной части нашего народа

Как-то, в один из вечеров в окончании лета, когда в часы заката воздух наполняется сыростью, а желтеющую траву устилает пелена тумана, у меня на пороге появился странный человек. Он не стучался в дверь, как это по обыкновению делали все мои посетители, а просто смотрел в окно своими черными глазами. Я, признаться, не сразу заметил постороннего, без церемоний шпионившего за мной, ибо полностью был поглощён занятнейшими изысканиями. Но вдруг почувствовал на себе чужой, будто лишний взгляд. Тогда я обратил свой взор на маленькое оконце и увидел его. Отворив дверь я поинтересовался, что же угодно в такой праздный час незнакомцу. Он же, смерив меня оценивающим взглядом и не дождавшись приглашения войти, ступил через порог и скудно представился. Оказалось, что ко мне пожаловал один из богатейших местных помещиков. Точнее будет выразиться, его зять. Местные сказывали, что некий столичный франт, промотавший всё родительской состояние, успешно соблазнил единственную дочь одного знатнейшего и почитаемого, пожалуй, не только в округе, но и в столице, заводчика, чем обеспечил себе безбедное существование. Выгодно женившись, он, между тем, остался под пристальным наблюдением своей красавицы-жены, что весьма помешало ему вести прежнюю разгульную жизнь, и он, стеснённый выбором или сытого существования, или же долгового позора, остался с женой при её отце в их родовом имении.

Пришедший незнакомец обладал, надо сказать, весьма отталкивающей внешностью. Не знаю, как на вкус милых дам, но мне он не понравился с первых мгновений. Сначала он совершенно бесцеремонно, с этакой брезгливостью внимательно осмотрел мои апартаменты, оставшись ими явно разочарованным. Подошёл к столу и мельком ознакомился с работой, которую вёл я со свойственным мне тогда кропотливым усердием. Потом, собственно, моя скромная персона наконец-то удостоилась его внимания. Он не преминул упомянуть свои родственные связи со знатной фамилией,

потом, отдавая дань манерам и воспитанию, привитыми с малых лет, сослался на нескольких влиятельных в тех краях людей, милостью которых я был рекомендован как хороший врачеватель, и без приглашения уселся в единственное кресло, располагавшееся подле небольшой печи…

– Видите ли, любезный, прибыл я к вам, взывая к вашим безграничным знаниям в вопросах различных недугов, – начал он, снимая с тонких рук перчатки. – Вышеупомянутые мной господа сказывали, что вы просто чудотворец и не раз спорили с самою смертью…

Я, признаться, не без труда остался холоден к столь неприкрытой и лести и промолчал. Он же, оценив мою реакцию, предпочел перейти сразу к делу:

– Моя супруга, госпожа Л-кая, небезызвестная, я полагаю, особа, с некоторого времени, скажем так, пребывает в некотором смятении духа, что плохо сказывается на её здоровье. Я и родственники, в первую очередь, конечно, её батюшка, весьма обеспокоены этим обстоятельством. Из столицы были выписаны лучшие врачи, которые, к великому сожалению, кроме вытягивания весьма существенных ассигнований, ничего не сделали, – на этих словах он встал со своего места и отвернулся, но от моего взора не ускользнула тень злого негодования, на мгновение поразившее его бледное лицо. – Несчастные шарлатаны! Но, как говорят в народе, бог им судья… Так вот, о вас же ходят совершенно невообразимые слухи! Не обращаясь к вашему чудесному дару излечения, о котором в округе просто слагают легенды, я прежде всего говорю о вашей бескорыстности и стремлении помочь каждому страждущему. Не подумайте, будто мы ограничены в средствах, – ни в коем случае; вы будете вознаграждены более, чем можете себе то представить, – но речь идёт о том, чтобы помочь моей бедной супруге, которая буквально за несколько месяцев утратила былую красоту и жизнерадостность, превратившись в угасающую затворницу.

На этих словах он прервал свою речь и пронзительно посмотрел на меня, ожидая ответа.

– Что именно её тревожит? – спросил я, возвращаясь за свой стол.

– В том-то и дело, что никто не может этого понять. Сама же она совершенно ничего не говорит ни домочадцам, ни многочисленным лекарям, а просто увядает на глаза… – его речь прервалась, и я почувствовал, как закипает в нём неясное чувство, то ли злобы, то ли горя, столь безысходного и беспомощного, готового переродиться в гнев. – В общем, поэтому я и прибыл к вам просить помощи, надеюсь, вы не откажете.

Я, признаться, был несколько растерян. Бесспорно, случай, очевидно, был интереснейшим, если даже столичные светила не могли дознаться причины недуга, но притворная лесть, которая изливалась из уст моего неожиданного гостя, отталкивала меня от всего, что могло быть связано с этим человеком – такую неприязнь он вызвал к себе с первых сказанных им слов. Однако же я понимал, что речь может идти о человеческой жизни, и если я даже не попытался бы помочь, то мог до конца дней своих жалеть об этом.

– Хорошо, я посмотрю, чем смогу быть полезным, но вы должны понимать, что далеко не всё в моих руках.

Он снисходительно улыбнулся, потом кивнул и направился к выходу.

– Экипаж прибудет за вами завтра к обеду. Путь не близкий, да и погода может всякое выкинуть, так что будьте готовы к означенному времени.

Я не успел опомниться, как дверь за наглецом закрылась, не оставляя мне ничего другого, как дать своё полное молчаливое согласие.

Оставив все необходимые распоряжения, благо больных в последние несколько дней было немного, я, завершив свой скромный обед и собрав всё необходимое, был готов к выезду. Обещанный экипаж не заставил себя ждать. Всё говорило о состоятельности пригласивших меня людей. Мрачный на первый взгляд кучер оказался весьма словоохотливым и поведал мне всю историю недуга молодой хозяйки от самого, так сказать, начала, поэтому, ехал я уже с определённым представлением о загадочной болезни, посетившей благородное семейство.

Путь и правда выдался не близким. Туман, стелившийся по обочинам и сменявшийся порой частой изморосью,

делал проходящие мимо меня пейзажи безрадостными. Хотя, признаться, полностью поглощённый мыслями о предстоящем, я мало уделял внимания природным капризам. Воображение моё полностью было захвачено странной болезнью, описанной мне двумя разными людьми. И если первый мог сказать лишь о внешних ее проявлениях, то второй не преминул украсить повествование свое множеством домыслов, порожденных примитивным сознанием, что меня тогда весьма, надо сказать, позабавило. Между тем из сказанного обоими я уже достаточно представлял все признаки таинственного заболевания.

На месте мы были уже после заката. Перед моим взором предстал огромный дом, возведенный в несколько, как мне тогда показалось, европейском стиле – модные, так сказать, настроения уже тогда захватывали умы людей обеспеченных, особенно это обстоятельство проявлялось в глубинке, когда архитекторов выписывали прямо из-за границы и те строили огромные дома, походившие более на средневековые замки, не заботясь о целесообразности их архитектурных изысков в столь суровых краях.

К нашему приезду грянул сильный дождь, и я в сопровождении нескольких слуг, подхвативших мой скромный багаж, прошел внутрь через массивную входную дверь совершенно вымокший. Дом встретил меня огромной и холодной залой с освещением всего в несколько свечей, чего явно не хватало для столь большого пространства. Хозяев не было, что, признаться, сначала несколько задело меня. Кружившиеся вокруг слуги забрали мокрую одежду и проводили меня в гостиную, в которой, как выяснилось, и собрались все домочадцы. В центре стояло большое кресло, в котором сидела молодая девушка. Лицо её было бледным, а взгляд больших карих глаз казался потерявшим блеск. Она была бы весьма недурна, если бы не болезненный вид, несколько даже обезобразивший молодой ещё образ. Она сложила руки на коленях и задумчиво слушала какой-то весёлый мотив, исполняемый человеком, стараниями которого я оказался в этом доме. Меня это немало удивило, так как в первую нашу встречу он не произвел сколь-нибудь приятного впечатления и уж тем более

не проявил склонности к чему-либо прекрасному. Вокруг кресла стояли ещё несколько человек, которые тоже слушали бодрые переливы рояля. Моё появление осталось незамеченным, а слуга, приведший меня сюда, молчал, очевидно дожидаясь, когда закончится музицирование.

Вокруг было очень светло, даже, как мне показалось тогда, чрезмерно. Для освещения хватило бы и половины свечей, которые горели вместе с жарко пылающим камином. Другую половину, как подумалось мне тогда, не мешало бы отправить в остальной дом, показавшийся мне мрачным и неуютным.

После исследования гостиной, взор мой снова упал на бледную девушку в кресле. Без сомнения, то была молодая хозяйка. Я остановился на ней и, очевидно, слишком пристально всмотрелся в болезненное лицо, так как она, с усилием повернув шею, посмотрела на меня. Во взгляде её, оказавшимся весьма пронзительным, я не увидел ни удивления, ни интереса к незнакомой персоне. Она глядела на меня как на некий предмет мебели, появившийся в привычном ей пространстве. Но в этом, к чести её будет сказано, не было ни доли высокомерия (в отличии от её супруга), она просто смотрела на всё вокруг угасающим взглядом, будто происходящее давно перестало вызывать какие-либо чувства.

Так мы изучали друг на друга некоторое время, пока я не заметил, что музыка прекратилась, а все присутствующие молча смотрят на меня. Это продолжалось ещё несколько времени, пока дремлющий рядом слуга не спохватился и не доложил обо мне по всем правилам.

– Милости просим, голубчик! А мы, право же, заждались! Прошка, что стоишь, душа твоя куриная, прозевал всё на свете! Распорядись, чтоб подавали на стол! Человек устал с дороги, промок до нитки, а он спит на ходу, бездельник! – не давая мне опомниться, выпалил, судя по внешнему виду и хозяйским манерам, отец семейства. – Разрешите представиться: граф В-ский. Но по мне лучше просто Дмитрий Иванович. Это супруга моя, – указал он на почтенную пышную даму, кружившуюся подле стола, – это, как сейчас говорят, друзья семейства нашего, – по-

казал он на нескольких молодых людей и девиц, имен которых я, признаться, не запомнил, – ну а Алешку вы и так знаете, – махнул он рукой в сторону зятя, и жест этот, что особенно бросилось в глаза, не был лишен пренебрежения. – Ну а это, – наконец он добрался до девушки в кресле, – доченька моя, Лизонька. Из-за неё-то мы вас, сударь, и вызвали, – оживление в его голосе в один момент сменилось печальными нотами, и, очевидно, чтобы отогнать дурное настроение, он пригласил всех к столу.

Перед трапезой я провел небольшой осмотр своей пациентки, а заодно мы немного поговорили. С первых минут нашей беседы я понял, что Елизавета Дмитриевна обладала острым умом, что было, разумеется, подкреплено отменным образованием, а ещё что по природе своей она была очень добрым и отзывчивым человеком, что среди молодых людей, занимающих весьма высокое положение в обществе, являлось тогда, да и сейчас, редкостью.

Признаться, каких-либо отклонений, кроме крайнего истощения организма, я не обнаружил ни при первом осмотре, ни при последующих моих наблюдениях.

Стол, конечно, был неописуемым. Чем славится российская глубинка, так это хлебосольными столами. Есть у провинциалов, которые не отравлены светской жизнью, отличительная черта, проявляющаяся особым образом когда случается им принимать столичных гостей – они очень боятся не угодить капризным, как им кажется, аппетитам этих самых гостей, поэтому разнообразие закусок на таких приемах столь велико, что ни все порой случается попробовать, так как откушав половину, на остальное у едока уже не остается сил. Очевидно, этаким столичным гурманом я представлялся хозяевам, потому что обилие и разнообразие подаваемых блюд тем вечером могло бы удовлетворить самым разборчивым аппетитам, что уж говорить обо мне – скромном сельском враче. Вино лилось рекой. Я попробовал не только редкие сорта из самых почитаемых погребов Европы, но и всевозможные домашние настойки, изготовленные, как говорил хозяин, по старинным рецептам.

Между блюдами, сменявшимися одно за другим, я успел заметить, что Елизавета Дмитриевна за весь вечер

ни съела почти ничего. Она сидела за столом, откинувшись на высокую спинку стула, и наблюдала за окружающими. Иногда что-то говорила, когда разговор заходил о близких ей темах, но в основном молчала. Порой губы её трогала едва заметная улыбка, когда кто-нибудь особенно развеселившийся отпускал какую-нибудь колкость или подшучивал над соседом. А иногда она как бы отстранялась от всего, отворачивалась от общества и смотрела куда-то в сторону. Смотрела подолгу, не моргая, а когда взгляд её вновь обращался к столу, в глазах читались тревога и страх. Я долго наблюдал за ней, пока не понял, что в эти моменты взор её обращен к окнам, за которыми давно уже царствовала ночь с её по-осеннему холодным мраком. Это обстоятельство меня весьма заинтересовало, и я решил непременно выяснить, что так пугает молодую особу.

Ужин между тем подошёл к концу. Дамы изъявили желание ещё немного помузицировать в гостиной, некоторые из мужчин отправились в свои покои, утомленные обилием еды и питья, а я был приглашен отцом почтенного семейства в кабинет на трубочку редчайшего, по его словам, табака. Конечно, когда мы остались наедине, речь пошла о состоянии молодой хозяйки. Оказалось, что несколько месяцев назад Елизавета Дмитриевна стала буквально угасать. Она потеряла аппетит, перестала выезжать за пределы дома и поддерживать знакомства в свете. Он, конечно, всеми силами пытался вызнать, что произошло. Сначала его подозрения пали на зятя, которого, по всему было видно, он недолюбливал и благословение на брак дал лишь из-за Лизаветы, которая беззаветно полюбила этого недостойного повесу. Но потом оказалось, что меж ними нет никакой беды. После этого, не зная, что делать, он обратился к помощи лекарей, которой от них так и не дождался. Эскулапы лишь твердили, что вся причина в её голове и тех мыслях, которые она скрывает от всех, но которые не дают её бедной душе никакого покоя, намекая, что имеются, конечно, специальные для этого заведения и, если будет необходимо, есть, конечно же, все возможности, чтобы всё было тихо, без лишнего шума. Эти разговоры, разумеется, приводили отца в бешенство, и все

врачеватели были в итоге изгнаны из дома. Последней попыткой разобраться во всём стал я.

– Скажите, а появились ли в её поведении какие-то странности или же привычки такие, которых ранее вы за ней не замечали? – спросил я, когда Дмитрий Кузьмич закончил рассказ.

– Супруга ничего не говорила, а так… Хотя, да, действительно, как же я об этом сразу не подумал. Видите ли, когда всё это, так сказать, началось, она перестала на ночь тушить свечи, больше того, велит, чтобы слуги по нескольку раз за ночь проверяли покои и следили за светом, чтоб не дай бог не погас. Всё лето топит у себя камин, даже в жару, практически перестала выходить из дому, а раньше очень любила гулять в парке, иной раз по несколько часов сряду пропадала. А ещё мне вспомнился случай, не так давно велела слугам изловить мышь и посадить её в клетку для канареек, забрала её себе, а потом куда-то дела и мышь и клетку в придачу. Вот, вроде бы, и всё, что я мог заметить. Что с ней может быть?

– Сейчас трудно что-то говорить после всего лишь первичного осмотра. Скажу только, что она порядком истощена физически. Но я склонен, ежели говорить начистоту, согласиться с мнением своих предшественников о том, что суть её недуга скорее в неких переживаниях, о которых она, я так полагаю, никому ничего не говорит, нежели в какой-то болезни. И здесь в качестве единственного лечения кроме вашей заботы и внимания я мог бы рекомендовать дружбу. Нужно чтобы она доверилась кому-то и поведала свои секреты, которые не дают ей покоя.

После мы ещё немного побеседовали. Я вызнал у него некоторые подробности, касающиеся брака, её окружения, обстановки в доме. Хотя, признаться, то, о чём мне поведал хозяин дома, вызвало некоторые сомнения, ибо человеком он был властным и, несмотря на любовь к своему единственному чаду, привык видеть во всём то, что он хотел, нежели действительно вникать в суть вещей.

Покои, отведённые мне, были большими и холодными. Невзирая на громоздкий камин, в котором пылал огонь, непомерно большая постель была выстужена, а воздух

наполнен сыростью. Тогда я всё списал на то, что комнатами никто давно не пользовался, а к прибытию гостя их не успели толком протопить.

Перед тем как отойти ко сну я взглянул в единственное окно. За стеклом, обрамленным массивной рамой, нельзя было ничего разглядеть. Мне сделалось не по себе. Едва ли такой мрачный пейзаж можно было наблюдать в конце лета, но, увы, снаружи ничего не было видно. Темнота казалась сплошной, поглотившей все предметы на улице и ничего не оставившей вокруг, кроме холодной постели, освещаемой светом огня. С такими странными мыслями я заснул.

Впрочем, ночь не принесла мне много утешения. Обильный поздний ужин, сопровождавшийся непомерным для меня потреблением вина, дал свои печальные плоды, являя мне сквозь бред полусна неведомые туманные образы, окружавшие меня каждое мгновение и растворявшиеся в пустоте так же быстро, как и появились. Несколько раз я приходил в сознание и не мог понять, где нахожусь, но потом успокаивался, вспоминая прошедший вечер, и снова погружался в забытье.

Проснулся я в дурном расположении духа. Однако погода за окном обещала чудесный день. Всё ещё по-летнему яркое солнце заглядывало в окно, казавшееся столь печальным накануне, а на воле, радуясь его лучам, щебетали множество птах. Я несколько ободрился и, быстро приведя себя в порядок, спустился вниз, не без труда, признаться, отыскав хозяев, так как огромный мрачный дом больше походил на лабиринт, нежели на семейный очаг.

Стол был накрыт на летней веранде. Из вчерашних гостей никого не осталось, поэтому трапеза проходила в узком кругу, в котором из чужих, кроме меня, никого не было. По завтраку я понял, что обильная пища для сего семейства является делом привычным. Ели они много и с аппетитом, кроме Елизаветы Дмитриевны, которая, впрочем, в это утро казалась более весёлой, нежели накануне. Во взглядах, коими она меня удостаивала, я не без гордости почувствовал интерес, поэтому сразу после окончания завтрака предложил ей прогуляться в парке. Тогда мне показалось, даже не лишним будет сказать – я почувствовал

некую тревогу в ней после моего предложения. Она несколько мгновений молчала, о чём-то напряженно думая, но потом согласилась, и мы вышли на улицу.

– Вы не находите, что наш парк несколько уродлив? – спросила девушка, когда мы углубились в тень аллеи.

– В каком смысле? – вопрос, признаться, привел меня в замешательство, но я был рад, что она первая завела разговор.

– Папенька, знаете ли, сторонник всего настоящего, поэтому привел всё в крайнее запустение. Вам так не кажется? Вместо очищенного пруда с беседками на берегу у нас отвратительное болото, сплошь затянутое ряской, вместо ухоженных дорожек со скамейками по обочинам, выложенным камнем, здесь только тропинки, усеянные крапивой и огромными корнями, лезущими под ноги. Когда едешь в экипаже по единственной дороге, кажется, что всё твоё нутро выскочит наружу, – тряска нестерпимая, и при всём при этом папенька против приводить этот дремучий лес в божеский вид.

Сказано это было весьма живо с чувством крайнего волнения, и я даже усомнился в правильности своих умозаключений, сделанных из вчерашних наблюдений за этой бледной особой.

– Ну, может быть, не так уж и неправ ваш родитель, ведь этот монстр, называемый ныне прогрессом, движется слишком быстро, так, что скоро ничего первозданного не останется вообще, – сказал я для поддержания заведённой ею беседы.

– Ну уж нет, милостивый государь, что может быть хуже первозданного! Холод и тьма – суть первозданность, больше ничего. Мы можем наслаждаться видами лесов, полей и рек, зная, что за спинами нашими теплится огонь в очагах, горячая пища на столах и уютная постель. А вот если бы ничего, кроме этих лесов, полей, рек, не было у нас и мы вынуждены были бы существовать как первобытные дикари, вот тогда бы все воистину возненавидели всё первозданное!

– Но ведь живут же некоторые и не так как, к примеру, мы сейчас с вами. Я согласен, придя в дом, мы знаем, что нас всегда будет ждать ужин и постель, но есть люди, которые, к великой скорби, еле сводят концы с концами и прикладывают большие усилия, чтобы остаться хотя бы наполовину сытыми. Но, поверьте, сударыня, они цепляются за жизнь не меньше нашего, это я могу утверждать со всей ответственностью, так как много чего перевидал за время своей службы.

Она остановилась и внимательно взглянула мне в глаза.

– Что они вообще могут знать о том, сколь страшно жить, если цепляются за жизнь…

Елизавета Дмитриевна осеклась и замолчала. Но по всему, особенно по выступившему румянцу на бледных щеках её, было видно, что к разговору этому не осталась она равнодушной, но и не хотела его продолжить. Чтобы не пробудить в ней гнев, я поспешил переменить тему беседы, но ничего из этого хорошего не получилось. На вопросы она отвечала неохотно, а неловкие паузы, возникающие между моими монологами, заполнять становилось решительно нечем. В таком положении мы вернулись к дому и более в этот день не виделись, так как она не пожелала покидать своих покоев и, разумеется, никого не захотела принимать. Я, признаться, подумал, что если дела пойдут так и далее, то мне ничего не останется, как откланяться перед хозяевами и вернуться к себе, не разгадав тайны, которая всё более занимала мой ум.

Перед сном я без интереса листал какую-то книгу, привезённую с собой, когда моё внимание привлекло окно. Ничего особенного в нём по-прежнему не было. Непомерно больших размеров с толстым стеклом и несколько нелепой резной рамой. Оно так же, как и накануне, ничего не показывало , кроме темноты. Но сама темнота этим вечером, как показалось мне тогда, изменилась. Она стала гуще. И дело не в том, что в неё нельзя было вглядеться тем вечером, нет, дело в том, что я будто стал осязать её, если хотите, то ощущать на вкус, а она меж тем расширила границы своих владений и начала просачиваться в мои покои. Трудно порой описать словами всю многогранность чувств, которые испытываешь, вот и я не стану углубляться в подробности того, что было со мной тогда.

Я слез с кровати, ежась от пробирающего холода, подошёл к горевшему камину и кинул туда сразу несколько поленьев, которые, примостившись в огне, начали уютно шипеть. Отыскав пустой подсвечник, я вставил в него свечи и зажёг, приблизив его вплотную к окну. Так стало светлее и я, немного успокоившись, вернулся на место.

Той ночью свет я не тушил.

Прошли ещё несколько дней. Несмотря на наш странный разговор, описанный выше, мы с Елизаветой Дмитриевной успели стать добрыми друзьями. Подробные осмотры лишь подтвердили то, что организм бедной девушки сильно истощён. Это было вызвано тем, что она очень мало ела, а также крайним нервным возбуждением. Руки её очень часто тряслись, а голос во время наших уединённых бесед срывался, хотя, казалось, на то совершенно не было никаких причин. Мои попытки узнать, что могло столь сильно тревожить юную особу, не увенчались успехом – она молчала, поэтому на некоторое время я решил оставить свои старания что-либо выяснить, а просто постарался отвлечь её от печальных мыслей, что мне иногда удавалось. Кроме того за время нашего общения и наблюдения её состояния я окончательно пришёл к выводу о том, что никаких физических недостатков она не имела. Об этом своем выводе и, конечно же, о правоте моих предшественников я поведал главе благородного семейства. Тот же, спокойно посуля мне баснословные ассигнования, попросил остаться, выяснить всё и помочь искоренить этот духовный недуг его единственного чада. Тон, которым было сделано мне сие предложение, если таковым можно было назвать исключительное его решение, не оставлял мне даже намека на малейшую возможность возражать . На этом наш разговор был окончен, и я был вынужден остаться.

За время нашего общения с молодой хозяйкой я понял, что она мне очень доверяет. Из её уст мне стало известно многое о семье, в которой я имел честь пребывать, о родителях и супруге, к которому, надо сказать, относилась она тогда весьма холодно, очевидно поняв, чем обернулось её пылкое юное увлечение. Хотя из того, что я успел увидеть, мне стало понятно, что и благоверный её не пылает к ней

огнем страсти, а относится весьма сдержано. Бесспорно, её здоровье очень волновало молодого графа, было это видно по всему, но я склонялся к тому, что его забота в этом вопросе вызвана больше обеспокоенностью потерять достаток, нежели сохранить свою любимую, ибо, случись с ней что-нибудь непоправимое, его никто и минуты не оставил бы в доме, не говоря уже о каком-то денежном содержании, которое было ему так необходимо. Глава семьи безмерно любил свою единственную дочь, просто не чаял в ней души, но, несмотря на столь трепетное к ней отношение, его совершенно не интересовало то, чем она живет. Он совершенно не ценил её мнение, как, собственно говоря, и чьё-либо другое, отличное от его, а просто исполнял все желания, какие приходили на её, к чести сказать, не избалованный ум. Про мать и говорить было нечего, так как, прожив при таком своевольном муже большую и лучшую часть своей жизни, она растворилась полностью в нём и в хозяйстве, которое обязана была поддерживать. В общем, искать причины недугов молодой хозяйки в её близком окружении смысла не было никакого. Было что-то ещё, и я счел своим долгом во что бы то ни стало выяснить истинные причины происходящего.

Как-то мы сидели с ней на полянке, уединившись в тени ветвей огромной ивы, на берегу большого затянутого ряской водоёма. В тот день Елизавета Дмитриевна была в хорошем расположении духа. Она много шутила, рассказывала о своем детстве, заморских гувернантках, с которыми постоянно исполняла какие-то шутки. Погода была ясная как никогда в конце лета. Осенний дух почти не чувствовался в воздухе, а на фоне синего неба изредка причудливыми узорами проплывали белые облака. На щеках девушки изредка проблескивал румянец и небольшие паутинки морщинок то и дело тянулись от улыбающихся глаз по бледному лицу. Вся обстановка располагала для откровенной беседы, и я полагал, что сегодня смогу всё узнать. Но она, кажется, не была расположена к откровенности, а я, разумеется, боялся снова вспугнуть её, поэтому мы так и сидели, потешаясь над разными глупостями.

Мы оба не заметили, как на небо наплыла большая черная туча и в одно мгновение будто проглотила солнечный диск. С севера подул ветер, притягивая за собой промозглую сырость. Я хотел было предложить Елизавете Дмитриевне пойти домой, как почувствовал, что она крепко сжимает мою руку. Взглянув на нее, я обнаружил, что встревоженный взгляд девушки устремлен на другой берег пруда, за которым чернеющей стеной простирался густой лес. Я попытался понять, куда она так пристально смотрит, но, кроме плотно прижавшихся друг к другу деревьев, ничего не смог увидеть. Между тем она глядела туда непрерывно, не разжимая своих тонких пальцев, сомкнувшихся на моей руке. Сбитый столку, я сначала не решился прервать её тревожных наблюдений. Но через некоторое время, когда решительно ничего не изменилось, я задал вопрос:

– В чём дело, сударыня?

Она, словно очнувшись от глубокого гипноза, немного мотнула головой, часто заморгала и посмотрела на свою ладонь, лежащую в моей руке. Немного смутившись, она отдёрнулась, и по щекам побежал яркий румянец.

– Простите покорнейше.

– Не надо извиняться. Что же всё-таки произошло?

Она ничего не ответила. Повернула голову в мою сторону и пристально посмотрела в глаза.

– Федор Алексеевич, любезный, вы боитесь чего-нибудь в этой жизни?

Вопрос был весьма неожиданный, и я первые мгновения даже растерялся, не зная как на него ответить. Но ответ ей не требовался.

– Как вы относитесь к темноте? – она снова пристально взглянула на меня.

– Ну-у, темнота – это сугубо научное явление, когда земля определённым образом поворачивается к светилу и…

– Ах, боже мой, я не об этом! Вы, ученые мужи, такие, право, зануды, с вами же и поговорить ни о чём нельзя, всё норовите своей наукой истолковывать! Как вы себя чувствуете в темноте, дражайший мой врачеватель?

Я сначала помолчал, собираясь с мыслями и пытаясь уяснить, не тот ли самый разговор начинался меж нами, которого я так долго добивался.

– Наверное, сударыня, – сказал я весьма аккуратно, – никто не может уверенно чувствовать себя в темноте так, как при дневном свете. Недаром же людьми придумана масса способов искусственного освещения. Что касается лично меня, то могу сказать, что всему свое время – свет нужен для бодрствования и трудов, а темнота – для отдыха и сна. Я, наверное, придерживаюсь именно этого.

– Может быть, а как вам наша местная темнота? Вы ничего не ощущали странного после заката, находясь в своих покоях? Только скажите правду.

В её тоне чувствовались раздражение и одновременно некое разочарование. И здесь, чтобы сохранить очень тонкую нить откровенности, которая неожиданно установилась между нами, мне нужно было действовать очень осторожно, чтобы ненароком не порвать её. Поэтому я принял решение говорить правду и поведал ей о тех странных чувствах, которые посетили меня в несколько последних вечеров. После сказанного она долго ещё смотрела в сторону леса, но на лице её играла довольная улыбка, будто давно хотела услышать это от меня либо от кого-нибудь другого. Я более не пытался ничего сказать, выжидая, когда она сама пожелает продолжить беседу, так как счёл, что добился нужного мне результата.

– Значит, вы, при всей вашей учености, почувствовали что-то страшное, необъяснимое в этой черноте за окном?

– Я не берусь рассуждать над природой этих странных чувств, ибо объяснений может быть этому несколько, самое, надо сказать, из них правдоподобное – это обильные ужины, коими потчует ваша матушка. И более того, богатство винной части вечерних столов может тоже служить наипрямейшей причиной, – не без иронии ушёл я от прямого ответа.

– Прекратите ерничать, не к лицу это серьезному человеку. Вы же сами понимаете, что не спьяну всё это вам привиделось!

Такая прямота повергла меня в некоторое замешательство, и я не нашелся, что ответить на грубость.

– Не обижайтесь. Просто, кроме вас и, может быть нескольких невежд из прислуги, никто из обитателей этого проклятого дома не ощущает его пагубного влияния на человека. Знаете, в детстве я много болела. Лекари были моими постоянными спутниками, такими же, как и гувернантки, о которых я вам рассказывала. Потом уехала учиться, и годы, проведённые вне стен семейного гнезда, пошли на пользу моему самочувствию. Потом были свадьба и возвращение сюда. И вот тогда, вернувшись, я поняла причину моих частых детских недугов. Так вот, милостивый государь мой, дорогой мой учёный, причина всему одна – темнота.

Она посмотрела на меня печальными глазами и улыбнулась грустною улыбкой.

– И не смотрите на меня, как на умалишенную. Когда хотя бы двум людям видится одно и то же, то ведь не может быть это сумасшествием. Дело в том, дорогой друг, что она живая.

– Кто?

– Темнота, которая окутывает землю каждый раз после того, как солнце скроется за горизонтом.

– Я истинно не понимаю вас, сударыня.

– А я не прошу вас ничего понимать. Ощутите её вкус и сами всё поймете.

После этого будто по заказу пошел дождь, и мы вынуждены были прервать беседу и срочно возвращаться в дом. По дороге она не удостоила меня никакими объяснениями, оставив в весьма странном состоянии.

Тем вечером я намеренно отказался от ставшего привычным здесь обильного ужина, сказавшись больным, и уединился у себя в покоях, пытаясь сосредоточиться на своих любимых штудиях, которые, признаться, забросил за дни пребывания в этом доме. За окном было пасмурно, тянуло сыростью, поэтому я устроился в кресле подле ярко пылающего камина. Признаться, всегда считал, что печи много лучше приспособлены для отопления, нежели камины – выходцы из Европы, которой не ведома русская зима. Увы, как бы мне ни хотелось оказаться в тот момент на печи, я вынужден был довольствоваться тем, что имел, потому так и сидел с книгой в руках, подставив озябшие ноги огню.

Внимание моё то и дело рассеивалось, и приходилось возвращаться к уже прочитанным строкам. Промучившись так некоторое время я оставил свои бесполезные труды и отложил книгу. За окном к тому времени ночь разлила свои мрачные краски, снаружи не было ничего видно, доносился лишь стук дождя. Я посмотрел на постель, но мысли о сне даже не коснулись сознания, поэтому я уставился на огонь в размышлениях, чем занять время. После некоторых гаданий ничего лучше я не придумал, как пойти прогуляться по дому, который до сих пор так и не успел толком изучить, запомнив лишь дорогу от своих покоев до столовой и выхода из дома. Отворив дверь, я обнаружил полный мрак в огромном коридоре. За время пребывания здесь я успел заметить, что хозяева не особо заботились об освещении многочисленных коридоров и залов, которые по большей части простаивали без надобности и были лишь частью огромной и бесполезной конструкции, именуемой домом. Я взял первый попавшийся под руку подсвечник и шагнул навстречу темноте. В коридорах гулял ветер, шатавший пламя моих свечей из стороны в сторону. Оглядевшись, я застыл в замешательстве. Дело в том, что вокруг вообще ничего не было видно. Проходы между комнатами на этаже, где находились мои покои, были без окон, поэтому даже бледный свет луны не долетал сюда. Иного освещения, кроме того, что находилось в моих руках, также не было. Впрочем, то было не самым странным. Эти несколько весьма ярких свечей, которые были на моем подсвечнике, не давали видеть далее, чем на половину вытянутой руки. Всё остальное казалось стеной, выкрашенной в черный цвет. От такого зрелища кожа покрылась мелкими мурашками. Я убеждал себя, что волнения мои вызваны исключительно боязнью оступиться и, как следствие, получить увечье. Но потом сам себя поймал на мысли о том , что просто боюсь этой всепоглощающей темноты. Не было видно стен, украшенных старинными портретами, не было видно других дверей и лестниц, которые, я точно знал, здесь

были при свете дня. Ничего не существовало в тот миг вокруг, кроме меня, с этим немощным светом, и темноты, занимавшей весь остальной огромный мир. Я застыл на месте, не в силах даже ступить два шага назад, чтоб вернуться в свои покои, просто стоял и вглядывался в стоящую передо мной черную стену.

Но в какой-то момент я нашел в себе силы, собрав в кулак всю волю и ту часть рассудка, которая была ещё в силах мыслить здраво и не поддаваться первобытным страхам, и сделал несколько шагов вперед, удаляясь от спасительной двери. Собственно, ничего не произошло, что дало мне некоторое облегчение. Под ногами по-прежнему был холодный пол, я с облегчением обнаружил, что не свалился в мифическую пустоту, а по-прежнему стою на твердой поверхности. Сделал ещё несколько шагов, и ничего не изменилось. Однако видимость передо мной ни капли не улучшилась. Напротив, я ощутил, что темнота стала ещё более густой. Такой, каковую я наблюдал по приезду сюда. Мне стало чудиться, что я могу ухватить её, оборвать кусочек или погрузить руку в это вязкое и липкое черное болото. Но я продолжал идти, видя дорогу перед собой буквально на полшага. Никаких звуков вокруг не было. Казалось, что я не ступал, а плыл, сам не чувствуя своих движений в пространстве помещения или того, что меня тогда окружило.

Не знаю, сколько прошло времени, казалось, будто время вовсе остановилось и всё сущее потеряло развитие, лишь стук моего собственного сердца напоминал о том, что я ещё жив. Почему-то я не мог отогнать от себя эти странные мысли, которые, впрочем, и мыслями назвать было сложно. В голове моей лишь мелькали некие мифические образы, видения, подобные бреду, вызванному острой горячкой.

Тем временем свет, излучаемый моими свечами, стал меркнуть, одна за другой они переставали гореть. Я уже было хотел развернуться и пойти обратно, как неожиданное дуновение холодного, как сама могила, ветра слизало остатки огня, освещавшего мне путь, и я остался в полной темноте.

Вот теперь мир по-настоящему перестал существовать. Абсолютное *ничто* разлилось вокруг меня безраздельно, не давая уже различия между небом и землёй. Не существовало пространства и времени, была лишь чёрная пустота и блуждающие в ней странные образы, которые мерещились сами себе – это были остатки моего разумного сознания. Я почувствовал, как она вливается в меня, проникая внутрь сквозь рот, нос, уши. Я осязал её липкую страшную сущность, растекающуюся повсюду, будто густой кисель; ощущал её вкус, пропитанный скорбной медью, а потом всё исчезло, включая меня, я перестал быть чем-то осмысленным, а стал лишь крохотной разноцветной, но быстро растворяющейся кляксой, на поверхности бескрайнего океана, черного, как деготь. Не чувствовалось более могильного ветра, задувшего мой единственный источник света, не чувствовалось холодного камня под босыми ногами, не чувствовался более я сам…

Вдруг предо мной возникло ярко освещенное лицо. А ещё через мгновение я снова появился в этом мире, заново обретшим пространство, когда чья-то сильная рука начала трясти меня за плечо.

– Сударь, что с вами?

Это был муж молодой хозяйки.

Я невидящем взглядом осмотрелся вокруг и с ужасом понял, что стою у края крутой лестницы, ведущей вниз, и мне остается всего лишь небольшой шаг... Потом я перевел невидящий взгляд вверх и уже обстоятельно разглядел моего спасителя. В левой руке он держал большой подсвечник, наполненный свечами, а правой тряс меня за плечо. Весь его вид, а в особенности дыхание, говорили о том, что он был нетрезв.

– Да вы прямо не в себе, голубчик, – раздался его хриплый смешок. – Уж не заразились ли вы от супружницы моей неведомой болезнью, а?

Насмешка его была неуместна и даже оскорбительна, но в том странном, мистическом положении, в котором я пребывал в тот момент, я не обратил на неё внимания.

– Нет-нет, любезный, – собрав все силы, промолвил я, превозмогая слабость и страх, – я не болен. Просто шел по

коридору, и ветер неожиданно погасил все мои свечи. Дом я знаю очень плохо, поэтому передвигаться в темноте счёл не слишком безопасным.

– Разумно, – вновь усмехнулся мой невольный спаситель. – Пойдёмте, я провожу вас в ваши покои, вы не успели от них далеко удалиться.

Оказавшись в знакомом теплом и светлом месте, я почувствовал, что чертовски замерз, да так, что весь дрожал. Немедля я устроился в кресле возле камина, протянув к нему руки и ноги.

– Не правда ли, этот чертов дом способен свести с ума кого угодно, – начал Л-кий, подвигая стул, на который успел усесться, к огню. – Дом, и все его чертовы обитатели!

– Благодарю вас, сударь, вы, наверное, спасли мне жизнь – ещё один шаг и не собрать бы мне костей, – глухо сказал я, будто не услышав им сказанного.

– Полно, голубчик, вы и шага бы не смогли сделать.

– Почему же?

– Ха! Я заприметил вас ещё снизу и несколько раз окликнул. Но вы не отозвались. Тогда я стал подниматься и, подойдя поближе, увидел ваше лицо, оно было бледно и бездвижно как у покойника, а глаза ваши смотрели сквозь меня и, казалось, вообще ничего не видят вокруг. Я, признаться, подумал, что у вас какой-нибудь приступ, вот и начал трясти, что было мочи. Поэтому не надо рассказывать мне про ветер и свечи.

– Но это правда.

– Верю, охотно верю, батюшка, но не в том причина, что вы замерли как истукан пред самой лестницей и не видели ничего. Впрочем, меня мало это волнует. Этот проклятый дом и его обитатели пьют из человека жизнь. Я уже сто раз пожалел, что остался здесь, а не уговорил супругу вернуться в столицу. Впрочем, полагаю, что мне и не удалось бы это сделать.

– Почему?

– Будто вы сами не знаете! – зло воскликнул он, оглядываясь на дверь. – Этот старый осёл ничего не понимает. Он не видит, что этот дом губит её, уповает на лекарей. Я, впрочем, как вы и сами знаете, тоже надеялся на их помощь, но теперь понял, что никто не сможет помочь. Всё дело в этом доме. Я и сам иной раз, когда ночь опускается на землю, испытываю здесь то, чего не могу объяснить словами, что-то чуждое, противное человеческому существу и пугающее настолько, что порой сковывает меня всего.

Он замолчал. Глаза его горели огнем так, что в каждое мгновение могли испепелить меня. Мне сделалось неуютно, и я отвернулся, обратившись к угасающему камину и стараясь не смотреть на моего безумного собеседника.

Так прошло несколько минут, мы оба сидели неподвижно, не произнося ни слова. А комната тем временем успела погрузиться в полумрак. Мои свечи давно погасли, да и принесённые им тоже догорали.

– Мой вам совет, милостивый государь, – он встал и протянул руку к подсвечнику, – забирайте то, что вам причитается, пока вы можете это забрать, и уезжайте отсюда под любым предлогом. Поверьте мне, обитателям этого проклятого дома уготована страшная участь, и вам ни к чему разделять её с нами.

С этими словами он, не прощаясь, вышел из моей комнаты во мрак, который, казалось целиком поглотил его, когда массивная дверь моих покоев тяжело затворилась за ним.

Сон в ту ночь я встретил глубоко за полночь, сидя в кресле у камина и размышляя над произошедшем со мной.

Проводя ежедневные осмотры и наблюдая, как моя подопечная покорно исполняет все даваемые рекомендации, я с горечью наблюдал, как она увядает. Силы покидали бедную девушку на глазах. Перепробовав все известные мне средства я, отчаявшись, несколько раз заговаривал с ней о возможности смены обстановки, в ответ встречал лишь легкую усмешку. Подобные разговоры я пытался вести и с главным распорядителем семейства – её отцом, но каждый раз встречал категоричные отказы, даже моё мнение как врача не возымело должного результата – упёртый старик оставался непреклонен.

В один из наших сеансов, когда от врачевания не осталось и следа, а мы просто сидели с ней в библиотеке средь

пыльных фолиантов, смотрели на пасмурное окно, в которое непрерывно стучал дождь, и вели какую-то вялую беседу, я набрался смелости и вновь спросил её о причинах страха, полагая, что полностью познал их в тот злосчастный вечер.

– Супруг мой рассказал мне о недавнем происшествии с вами на лестнице, – начала она срывающемся голосом. – Скажите, что ощутили вы в тот момент?

Я не стал отвечать ей сразу, так как мой ответ показался бы совершенно нелепым.

– Вы молчите, – не дождавшись, продолжила она, – значит, вы вкусили её, и я вижу, она пришлась вам не по вкусу, сударь. – Легкую улыбку исказила ее бледные черты и придала им отталкивающий вид.

– Не буду скрывать от вас, Лизавета Дмитриевна, что испытал чувства весьма странного свойства, неведомые мне до сей поры.

– Не продолжайте. Здоровый человек должен ведь ощущать свое тело, владеет им и мыслями?

– Безусловно, при нормальном состоянии.

– А при каком же не должен?

– Есть некоторые болезни, в том числе душевного характера, либо телесные увечья, при которых всё отступает от нормального порядка и определённые наши органы могут отказывать.

– Я до недавнего времени считала себя человеком вполне здоровым, да и вы себя, я полагаю, тоже. Так вот, дорогой мой врачеватель, как объясните вы то, что в кромешной темноте я перестаю ощущать себя как некое существо из плоти и крови, имеющее мысли, чувства, желание, способное совершать движения, какие подвластны моей воле и телу? Полагаю, что вы не ответите на мой вопрос.

Я сидел напротив неё не в силах что-либо сказать, ибо сам ощутил нечто подобное тогда, в темном коридоре, но более всего меня поразила точность описаний, данных ею.

– Впервые я перестала быть тем, чем была ранее примерно через месяц после нашего сюда переезда. Земля в ту пору ещё была покрыта снегом, а ночи были ясными, за окном всегда искрился серебристый свет луны. Но внутри, в доме, всё было по-другому. Не знаю, как объяснить своё желание той проклятой ночью, но я вышла из своих покоев и отправилась ходить по дому, будто привидение. И тогда я первый раз потеряла себя. Меня спасла моя старая няня, которая не сводила с меня глаз с того самого дня, когда мы приехали сюда. Она обнаружила моё почти бездыханное тело. Это повторилось ещё несколько раз, и я поняла, что единственное моё спасение – это свет, но было уже поздно. – Она посмотрела на меня своими потускневшими глазами и, не дожидаясь вопроса, продолжила: – я отравлена темнотой и страхом. Она будто полакомилась мной и теперь старается поглотить меня всю без остатка. Посмотрите, сколь унылая пора наступила в природе. День короток и бледен, а ночь, темнота… они всевластны и скоро доберутся до меня.

Она замолчала. Глаза, наполненные ужасом, смотрели мимо меня и всего, что находилось вокруг нас, трясущимися губами она что-то нашёптывала сквозь хрипло и прерывисто вырывающееся из слабой груди дыхание. Девушка была на гране обморока. Я наполнил стоящий подле меня бокал крепким вином и заставил её выпить. Через несколько минут она успокоилась и вновь взглянула на меня.

– Я, право же, похожу на умалишенную, не так ли? Можете не отвечать, я сама это знаю. Я, признаться, и сама себя таковой считала до недавнего времени. Кто-нибудь из домочадцев поведал вам про случай, который вышел с мышью? Вижу, рассказали. Уж представляю, что говорят меж собой слуги, – тут она улыбнулась и даже, казалось, немного повеселела. – Меж тем, то было задумано мной не ради забавы и не с желанием погубить ничтожное существо это. Ни в коем случае. Под вечер по моему повелению мышь была изловлена и посажена в клетку. Перед сном её принесли мне. Когда вся возня в доме наконец-то стихла, я аккуратно выставила клетку на балкон. Вы видели его с западной стороны дома. Иного хода на него, кроме моих покоев нет, так что пробраться и что-нибудь сделать с мышью никто не смог бы. Потом я долго прислушивалась к звукам снаружи. Поначалу ничего не происходило, всё было тихо, но по прошествии некоторого времени из

окна стал доносится едва различимый писк. Я даже вышла посмотреть, в чём дело, опасаясь, что какая-нибудь прокравшаяся невесть откуда кошка могла теперь играть с мышью, но ничего такого не нашла. Зверёк забился в угол клетки и пищал. Более ничего не происходило. Я вернулась в постель и ещё долго прислушивалась, пока сон не сморил меня. Пробудившись с первыми лучами солнца, первым делам я пошла к клетке. И что вы думаете, милостивый государь, было там? А ничего, клетка была пуста. И следа не осталось. Она стояла на том же месте, в котором я оставила её с вечера, целая и невредимая, закрытая напрочь, вот только никакой мыши там не было. Клетку я тут же кинула вниз. Под балконом разросся густой бурьян, который мой папенька не хочет вырубать, она, быть может, лежит там до сих пор.

Елизавета Дмитриевна замолчала, на щеках её вспыхнул нездоровый румянец. Рот её снова исказился в подобии улыбки, а глаза, не моргая, впились в меня, ожидая чего-то.

– Звучит весьма убедительно, – начал я, чтобы избавиться от тягостного молчания, повисшего меж нами, – но вы не допускаете, что кто-то мог пройти через ваши покои и вытащить бедное животное из клетки?

– Пустое! Как вы себе это представляете: кто-то прошёл через запертую дверь, вошел на балкон и забрал грязную мышь? Глупость несусветная. Да и никто не мог знать, куда я дела клетку. Оставьте, прошу вас, ваши объяснения себе, ежели они найдутся. Всё это я сделала, чтоб увериться в правоте своих ощущений. И с тех пор ни на мгновение не сомневаюсь, что всему виной темнота или то, что в ней…

– Хорошо-хорошо, допустим, но если вам уехать отсюда, сменить всё, не будет ли это спасеньем от вашего наваждения?

– Нет, я чувствую, что нет, ибо сама не раз думала об этом. Но потом поняла, что я отдала темноте часть себя и она меня уже никуда не отпустит. Можно бросит неверного супруга или родителей, уехать от всего, но от неё спасения нет, нигде и никогда, рано или поздно она всё равно

наступает. Поэтому, мой дорогой друг, вы ничем мне не поможете, вам лучше уехать и оставить меня во власти судьбы.

Я не нашелся тогда, что ей возразить на это, ибо был потрясен столь нелепыми откровениями, которые поведаны были мне так правдиво и горячо. Она же с трудом поднялась со своего места и покинула библиотеку.

Тем же вечером я принял твердое решение уехать из этого скорбного дома, с его тайнами и безумствами. Об этом я объявил хозяину, отказавшись от какого-либо вознаграждения и попросив лишь экипаж, который доставил бы меня домой. Он молча выслушал моё решение и так же молча кивнул, давая свое согласие. Впрочем, выехать мне тогда не удалось. Приключилась страшная буря. Деревья за окном гнулись почти до самой земли, ветер гулял во всём доме, проникая сквозь многочисленные трубы и задувая огонь в каминах. Лил дождь такой силы, что даже частые вспышки молний не могли пробить его сплошную стену своим ярким светом. Не было и речи о том, чтоб отправиться в путь, и я вынужден был остаться.

Наутро выяснилось, что в ночь Елизавета Дмитриевна занемогла. Она лежала в горячке, не узнавая никого, беспрестанно шепча что-то неразборчивое.

Приложив все свои умения, к полудню мне удалось сбить жар, и бедная девушка забылась тревожным сном. Вопрос об отъезде разрешился сам собой, теперь моим долгом было привести в чувство больную. В душе я, признаться, понадеялся, что сильное потрясение, пережитое ею, немного поубавит воображение и все тревоги покажутся просто дурным сном. Кроме всего я не мог себе простить нашего дневного разговора, ибо меня посещали мысли, что именно он послужил причиной её нынешнего состояния.

Домочадцы неустанно дежурили у её постели, не особенно доверяя прислуге. Они и днём и ночью находились в покоях, сменяя друг друга лишь для отдыха. В перерывах между наблюдениями за больной я всё время проводил в библиотеке, оказавшейся к моему удивлению весьма обширной. Там мной были обнаружены интереснейшие

трактаты на медицинскую тему, в которых описывались несколько подобных случаев. Некоторые рекомендации мной были применены на практике, что к немалому моему удивлению дало нужные плоды – Елизавета Дмитриевна начала приходить в себя. Она по-прежнему была весьма слаба, с постели практически не вставала. Пищу ей приносили в покои. Впрочем, особого интереса к трапезе она так и не обрела. Мы как прежде беседовали с ней, но самой острой темы наши беседы не касались. Она казалась мне спокойней, чем была ранее. Исчезли некая резкость в разговоре, неожиданные отвлечения и внезапное молчание, но в глазах её всё ещё жил страх, мешавшийся отчаянием и невыразимой тоской.

Так прошло несколько недель. За это время я получал письма с просьбами вернуться, но оставить бедную девушку был не в силах. Тем временем затяжные осенние ливни сменились первыми заморозками, которые, впрочем, не сделали пейзаж за окнами радостнее. Напротив, буйство природы, заставлявшее порой сердце содрогаться в почтенном трепете, исчезло в мгновение ока, уступив место унынию. Снег ещё не лег своим уютным покровом. Дорожная жирная хлябь, покрывшись ледяной коркой, застыла непроходимыми валунами.

В одну из зябких ночей, когда за окном немой холод проникал в каждую найденную щель и постель моя оттого была столь же холодна, как и замерзшая земля, я сидел возле камина, в котором ярко пылал огонь, и пытался согреться. В помощь мне хозяевами была послана бутылка терпкого вина, которая, пожалуй, более огня наполняла тело моё живительной теплотой. Голову все более окутывал тяжелый туман дрёмы, и я не заметил, как веки мои сомкнулись. Виделось мне, что по стенам плясали тени, отливающие густой чернотой, и уж казалось, что не свет от камина гоняет сумрак, а наоборот, темнота, притаившаяся в каждом неосвещённом углу, преследует свет, который бежит от неё, как от прокажённой. Помыслилось мне тогда, что как странно выходит – стоит поменять местами охотника и добычу, как картинка в корне меняет свой смысл, приобретая порой самые неожиданные формы.

Как бы там ни было, сквозь дрёму я услышал крик. То надрывным голосом из коридора произносили моё имя, а ещё нестерпимо барабанили в мою дверь. Поспешив её отворить, я увидел на пороге молодого Л-кого со свечою в руке. Правая рука его повисла в воздухе для очередного удара по двери, глаза были широко раскрыты и выражали неописуемый ужас, смешавшийся с безумием. От неожиданности он замолчал и просто смотрел на меня.

– Что случилось? – прервал я тишину.

– Там… она… помощь, нужна помощь… она… там…

Бедняга захлёбывался словами, и разобрать, о чём он говорит, было совершенно невозможно. Я втащил его в комнату и закрыл дверь. Потом наполнил бокал до краёв и протянул гостю. Глаза его по-прежнему ничего не выражали, но рука сама собой поднесла вино ко рту, и он осушил бокал до дна. Через несколько мгновений молодой человек посмотрел на меня более осмысленно. Я жестом указал ему на кресло, а сам устроился напротив.

– Я боюсь её, – прохрипел он.

– Кого?

– Кого… Не притворяйтесь дураком, уважаемый доктор. Вы всё прекрасно понимаете, ведь не даром столько времени вы провели с ней!

Я промолчал. Молодой повеса оказался несколько умнее, нежели успел сложить о себе впечатление.

– Она безумна, – продолжил он, забыв уже о своем непростительном тоне. – Либо безумен я.

– Отчего же такие мысли? Что случилось?

Л-кий взял бутылку и снова наполнил свой бокал до краев. Выпив же, продолжил:

– Наши ночные бдения у её постели не прекращались с тех самых пор, как у неё случилась горячка. Сегодня был мой черед. Бог мой, если бы я знал, чего мне будет стоить этот брак, этот чертов переезд сюда, в эту мерзкую глушь, я бы никогда, слышите, никогда бы не согласился! Но что сделано, то сделано… Лиза как всегда лежала в постели. Мы немного побеседовали. Впрочем, к разговорам она не была особо расположена, а пожелала отойти ко сну. Я по своему обыкновению устроился у письменного стола, на

коем стояла бутылка вина – единственное моё утешение ныне в этом забытом богом месте. Признаться, в комнате было весьма душно, мне кажется, что эта её причуда столь жарко топить камин некоторым образом поспособствовала приключившейся горячке. По мне так было невыносимо жарко, и я тихонько приоткрыл окно. Совсем чуть-чуть, так, что того и незаметно бы вовсе было ей. Но что-то произошло… Клянусь, доктор, не я тому виной! Не могло, слышите, не могло из открытого окна попасть внутрь это чудище!.. – его голос начал срываться на крик и я попытался его успокоить. – Не совсем уместно, может быть, звучит это слово, но никак иначе не могу я объяснить того, что камин, в котором пылала добрая дюжина поленьев, погас… Да-да, огонь погас внезапно. Не было никакого дыма, ничего! Да и сам камин, и всё вокруг будто бы перестало существовать! Только темнота, такая, что всем своим нутром я почувствовал её… Она словно пролилась в меня и уже не хотела выпускать… А потом я увидел её лицо. Глаза её были пусты, как бездонные колодцы, в которых иссякла вода. Она была бледна, лицо её светилось в кромешной темноте, я четко различил заострившееся черты. Передо мной стоял и не живой человек совсем, но покойник, истинно покойник, коего и не сыщешь в нормальной нашей жизни. Она говорила мне что-то, но не губами – рот её был недвижен, они словно передавала мне слова свои на расстоянии, а я всё понимал. И это было ещё страшней, сударь. Такого страха я не испытывал никогда.

Он снова наполнил свой бокал остатками вина из отданной ему бутылки.

– А потом я выбежал вон из её покоев, – голос его окончательно ободрился, приобретя оттенок некоторого вызова. – А что прикажете, милостивый государь, оставаться там с ней?! Ну уж нет! Убежден, вы много покойников повидали на своем веку, но, думаю я, никогда с ними не разговаривали. Прав я или нет? Впрочем, не надо отвечать, я сам вижу, что прав. И вот я здесь…

Признаться, рассказ моего гостя мало что прояснил в его странном ночном визите, а уточнять подробности я не стремился, ибо боялся вызвать бурную реакцию. Прежде

всего, думалось мне, нужно было успокоить несчастного супруга, что было мной незамедлительно выполнено – я произвел ему укол некоего вещества, который в смеси с винными парами вызывает крайнюю сонливость, не сказываясь в целом на здоровье.

После, вооружившись сразу двумя подсвечниками, дабы не повторить прошлых ошибок, я вышел из своих покоев и направился вниз на помощь Елизавете Дмитриевне, если таковая ей требовалась и не была плодом воспаленной фантазии молодого повесы, в чём я, признаться, сильно сомневался. Было что-то в словах его, что-то не столь правдоподобное, сколь знакомое, такое, что заставляло верить в бессвязные речи.

Вокруг не было ни души. Свет в моих руках был достаточно ярким, чтоб освещать мне путь, и вскоре я оказался у покоев молодой хозяйки. За неплотно притворенной дверью царил полнейший мрак. Такой, что даже в сравнении с темным коридором он выглядел пугающе. Абсолютная темнота будто просачивалась в щели между дверью и полом, отгоняя человеческое тепло от всего вокруг, пытаясь проникнуть внутрь и поселить в душе холод.

Я стоял на пороге и не решался ступить внутрь. Руки мои ходили ходуном, отчего свет плясал по стенам, создавая пугающие образы. Ещё немного, и я готов был бы бежать прочь, как вдруг раздался скрип, и дверь передо мной слегка распахнулась, выпуская наружу густую темноту. Ту, частью которой я чуть было не стал в этом доме. Свечи в руках моих освещали разве что сами себя, беспомощные как младенцы, они не в силах были пробить сплошную стену, которая образовалась вокруг. Дрожащим от страха голосом я несколько раз окликнул хозяйку, но ответа мне никто не дал. Маленькими шагами я заставил себя войти внутрь. Там было холодно, будто и вовсе покои были брошены, а в камине давно ничего не водилось, кроме ветра. Бессмысленно размахивая подсвечниками из стороны в сторону, я пытался разглядеть хоть что-нибудь, но все мои попытки были тщетны. Вдруг ветер, навалившийся, казалось, сразу со всех сторон, смахнул робкое пламя с тоненьких фитилей, и мир залила темнота.

– А, это вы, – раздался хриплый голос, в котором я с трудом узнал голос Елизаветы Дмитриевны. – Вы пришли ко мне, мой дорогой друг, мой глупенький, бедный доктор.

– Сударыня, я не вижу вас, скажите, где вы, я и помогу.

– Нет. Вы бессильны. Что ощущаете вы, учёный муж, сейчас? Что видите вы, кроме темноты? Ничего. Темнота – есть всё. И я тоже темнота.

Она замолчала. Я несколько раз пытался звать её, но, казалось, остался один.

Надо было действовать. Мне представлялось, что бедная девушка лежит теперь без чувств, возможно, её жизнь в опасности, поэтому предпринял несколько попыток продвинуться в пространстве, но обнаружил, что не могу пошевелиться. Нет, страшнее, я снова потерял себя – не чувствовал ни рук ни ног, не видел ничего вокруг, потерял пространство и время. Темнота лилась в меня щедрыми потоками, я ощущал её медный вкус. Скудные остатки сознания моего поплыли в необъятном пространстве, словно дым, постепенно растворяясь.

Не знаю, сколько прошло времени. Быть может, много часов, быть может – мгновение. Но внезапно глаза мои пронзил свет. Я обнаружил себя стоящим возле камина в покоях молодой хозяйки. Вокруг меня собрались все домочадцы. Они молчали, лишь лакей боязливо потряхивал меня за плечо. Её среди окруживших меня людей не было. Как не оказалось и во всём доме. Были прочесаны все окрестности, каждый закоулок дремучего парка, но никого не нашли.

Когда сквозь мерзлый туман пробились первые солнечные лучи, а все искавшие собрались на лужайке возле дома, отец её, взгляд которого в одну ночь сделался черным, молвил то, что до сего дня не могу понять я, как ни копался в этой странной истории:

– Свершилось. Кончено.

На этом все попытки отыскать бедную девушку прекратились.

Старик закончил рассказ, и устало откинулся в кресло. Часы на стене глухим ударом известили о позднем часе.

– Вот видите, господа, – воскликнула Елизавета Никитична, – чего только не бывает на этом свете!

– И что, её так и не нашли? – подала дрожащий голос одна из молодых особ.

– Увы. Даже никаких следов. Будто и не было человека вовсе. Я вскоре покинул этот дом, и более судьба не сталкивала меня ни с кем из его обитателей.

– А как вы полагаете, что же это было в ту ночь? – вступил в разговор молодой нигилист.

– С той поры минуло без малого уж сорок лет. Но до сих пор я с содроганием вспоминаю то, с чем мне пришлось столкнуться в темноте, а на ваш вопрос, голубчик, ответить не могу, ибо никаких объяснений, которые дали бы мне все мои знания, отыскать за столь долгий срок не удалось. Да и пустое это дело, вы уж поверьте мне, сударь.

Все замолчали. Барышни смотрели на рассказчика во все глаза. Кто-то из мужчин задумчиво прогуливался вдоль камина, некоторые, перебрав доброго хозяйского вина, просто дремали, пропустив мимо ушей всё рассказанное этим вечером.

Час был поздний, общество стало расходиться.

Лирический портрет

Евгений ЭРАСТОВ

ЗВУК

Вспоминая Ивана Никитина

Там в малиннике куцем и ломком
Целый день верещит детвора,
И доносится голос негромкий
С постоялого, видно, двора.

Что за участь – в тоске разночинной,
Не в себе от нахлынувших слез
На лошадке своей трехаршинной
То солому везти, то овес!

Чтоб купцу с бородой великанской
Обеспечить достойный ночлег
И вытравливать комплекс мещанский
Под скрипенье вонючих телег.

В мире темном, бесплодном, жестоком
Снятся жертвы кривому ножу.
Если встречу его ненароком,
Что тогда я ему расскажу?

Что в замшелом и сумрачном лесе
Светлячка не увидишь во мгле?

Что засилье купеческой спеси
Все сильнее на жалкой земле?

Что сильнее родного глагола
К наслажденью животная страсть,
Тупорылая власть произвола,
Плотоядная, потная власть.

Что с разгулом надмирным, вселенским
Похититель девичьих сердец,
Мимо сирых домов деревенских
Мчится с ярмарки ухарь-купец?

Над воронежской жирной землею
Кучевые плывут облака,
И навек породнятся с тобою,
Разночинная эта строка

И любовь без конца и без края
К суете узколобого дня,
К мелочам обветшалого рая –
Перекошенной крыше сарая,
Подорожнику возле плетня.

* * *

Здесь угрюмый сорняк придорожный
К худосочному полю приник,
Склеротический ворон острожный,
Одиночества призрак безбожный,
Мне кричит: «Я с тобою, старик».

Здесь закат не вальяжен, не пылок,
Не сияет горой огневой,
И настойчиво дышит в затылок
Старых сосен суровый конвой.

Здесь такие синеют просторы,
От которых глаза глубоки,

И хиреют в лесу мухоморы
От бессмысленной русской тоски.

Здесь ветла у обрыва упруга,
Потакает слегка ветерку,
Здесь меня вспоминают, как друга,
И несет свои волны Ветлуга
В полноводную Волгу-реку.

* * *

И куда тебя, к черту, несет?
С каждым годом страшней бездорожье.
Что средь этой разрухи спасет?
Только Пастырь, что паству пасет,
Провиденье Небесное, Божье.

А текущая с неба вода,
Иллюзорный мираж постоянства
Все бежит и бежит в Никуда
Средь слепые миры и пространства.

И понять ты не сможешь никак,
Есть ли смысл в этом жутком потоке.
И подспудный, стреноженный мрак
Занесет тебя в мокрый овраг,
Где пищит неприкаянно так
Возле уха комар одинокий.

* * *

Вот и ты, весна-магометанка!
Шали разноцветные туги,
Не подводит царская осанка,
Слышу я твои, островитянка,
Гулкие, ритмичные шаги.

От февральской ледяной хворобы
Надо мрачный мир отговорить,

Мартовские жирные сугробы
Трепетным дыханьем отворить.

Отворить дыханьем персиянским,
Ключиком апрельского тепла.
Не с того ли с посвистом шаманским
Ты по мокрым улицам прошла?

Милое, цветное мирозданье,
Как с тобой не чувствовать родство!
Первозданной жизни содержанье –
Нежного подснежника дрожанье,
Серебристой вербы волшебство.

* * *

Этот лес, ребристый и рукастый,
Как войны последний инвалид,
На моей сетчатке разнесчастной
Словно напечатанный стоит.

Здесь я вижу каждую иголку,
Маленький и кривенький грибок,
Каждую приземистую елку,
Каждую осинку и дубок.

Я не знал, что выше счастья нету -
Сквозь потоки вкрадчивого света
Видеть эти темные стволы -
Моего Стамбула минареты,
Тонкое дрожание иглы.

Видеть подберезовика шляпку,
Что сквозь листья бурые пророс,
Желтые встревоженные прядки
В волосах задумчивых берез.

Муху в серебристой паутине,
Быстрых мускулистых пауков,

Плавунцов на липкой рыжей тине,
И в болотной торфяной низине
Юрких народившихся мальков.

Стрекозы крутое коромысло.
Ивы шелестящие листы.
Над малиной бабочка повисла.
Жизнь не так плоха, и нету смысла
Жить, не видя этой красоты.
.

* * *

Я видел Эльбу, и Дунай,
И медленную Влтаву.
Теперь сиди и вспоминай
Свою любовь-забаву.

И Днепр, где склон заполонил
Каштан широколистный,
И тихий Дон, и тухлый Нил,
И Волхов летописный.

В глухом, заброшенном краю,
Где дух сосновый, чистый
Я гимны прежние пою –
Ветлугу нежную мою
И Керженец тенистый.

Но почему так дорога
В краю, где мокнет пижма
И преют влажные стога,
Кривая речка Шижма?

А помогли мне, видит Бог,
Запомнить это чудо
И на березе рыжий мох,
И дятел красногрудый.

* * *

Что ты, Кама, поведаешь мне?
О каких мне расскажешь глубинах?
О бесхозной хлорозной Луне?
О белужьих изогнутых спинах?

О твоих мускулистых сынах,
О форсунках, о мощных моторах,
О твоих безучастных волнах,
Разнесчастных и гулких просторах?

Это время забудешь ли ты?
На восток потянулись народы,
И средь камской глухой темноты,
Как тупые слепые кроты
В сорок первом ползли теплоходы.

Оглушен неземной тишиной,
Отгоняя ночные кошмары,
Из Житомира дамский портной
Поправлял на носу окуляры.

Тише шороха, ниже травы,
Музыканты, врачи, брадобреи
Вспоминая песчаные рвы,
От гестапо бежали евреи.

Поэтесса, закутавшись в шаль,
Театрально куря сигарету,
Изучала прикамскую даль,
Близоруко склонясь к парапету.

На шальную взирала волну,
Что качалась ни шатко ни валко,
Позабыв про слепую войну,
Предвкушая в душе тишину,
Ржавый гвоздь да корявую балку.

Звук

Не поймешь, где конец, где начало.
Как дела твои, Маленький Мук?
Столько дней ничего не звучало,
Только сосны ветрами качало,
А теперь вдруг прорезался звук.

Этот звук – чуть дрожащий, волнистый,
Вроде тонкой альтовой струны.
Услыхал его шмель бархатистый,
Бойкий дятел на ветке сосны.

Муравьишка лесной удивился
И застыл в придорожной пыли.
Звук, наверное, с неба пролился,
А быть может, из влажной земли.

Этот звук так настойчиво льется!
Уступает ему темнота.
Я уж думал, что он не вернётся,
Что сковала уста немота.

Что поток, ледяной и жестокий,
Заглушит тебя, время щедрот.
Но бессмертны небесные токи!
...Этот звук – нутряной, одинокий,
Все покоя тебе не даёт.

Зураб БЕМУРЗОВ
г. Черкесск, Карачаево-Черкесская Республика

...И ВРЕМЯ ЧИТАЕТ ПО БУКВАМ МОЮ ЖЕ ЛАДОНЬ

Водопой

на горбатой горе
закрывали ладонью лица
полевые цветы
ты сказала что жить – как плакать
и потом всё играла в прятки
с вечерними тенями

я лежал
опрокинувшись в лето
и пространство вселенной
измерялось движениями кадыка
лошади на водопое
я закрыл глаза
и вывихнул душу

Вода

что-то тесное в сердце и в мыслях
полусвет от окна и косые лучи
и тюленьими тушами небо прокисло
расползаются тени ладоней
материнских ладоней

свешенных с коромысла
и вода из ведра
с располневшей реки
как и память
мутна этим летом

над окрасом горы
на рубахе утра
расползается солнце
красным на синем
и кричат петухи об убийце с ножом
и до боли
до боли знакомым лицом
что сидит за горой ухмыляясь
мне бы раз
хоть бы раз увидеть себя
этим утром
что снова умрет на горе
с прелым запахом рыбы

Матрица

Я знал войну. Но был убит не пулей –
Обычным словом, не познав свинца.
Я знал святых. Но в вавилонском улье
Мне снился Бог, с улыбкою отца.

Плескалась жизнь ребенком в мелководье.
Звучал азан, сражаясь за рассвет.
И гены человеческой природы
Еще не обрели привычный цвет.

Немыслимо, нехожено и дико,
И время разворачивалось вспять.
Вселенная, разорванная криком,
Обречена водою истекать.

А небо раз за разом меня будит,
Чтобы спросить об имени Творца…

Я не скажу. Простите меня, люди,
Мой Бог другой – с улыбкою отца…

Раздумье

Просты твои напевы для меня.
А вечер неожиданно прозрачен.
И каждая минута голодна,
Но время терпеливо на раздаче.
Устало дремлет старый кашевар,
А небо пересолено до рези.
На шеях гор остывший ранний пар
За шиворот долины сонно лезет.

Ковчег

Мы любим играть в слова,
В потрепанность чувств созвучных.
Мы любим играть в слова,
И верим, что нас научат
Делить этот мир на всех,
Свой внутренний мир разбавив;
Что сердце – и есть ковчег,
И каждый из нас им правит,
Себя одарив судьбой,
Одной миллиардной долей.
Как трудно нам быть собой,
И жить миллиардной ролью,
В спектакле, где нас едва
Запомнили молодыми.
Мы любим играть в слова,
Хоть стали давно немыми.

Небо

Я вмерз в это небо
цыганской серьгой полумесяца,
Шрапнелями дней

и разрывом осенней звезды.
Война далеко,
но в нее больше мира верится,
Когда просыпаешься
с горечью близкой беды.
Песком на зубах
размалываешь лицемерие,
Затравленно смотришь,
как мир твой жуют жернова
И черной мукой
запекают не хлеб, а безверие,
Пророчеством боли, разбавив
слова.
Я вмерз в это небо,
молитвой рождая безмолвие,
Сижу у костра
и солю вместо пищи огонь.
И кажется, жизнь –
и не жизнь, а мое предисловие
И время читает
по буквам мою же ладонь,
И видит во сне,
как исчезли осенние птицы,
И стаями букв
на деревьях сидит вороньё.
Я вмерз в это небо,
пока ты читала страницы,
Листая ночами
окно.

Из свежей прозы

Николай ТОЛСТИКОВ
Вологда

ИЛЬИНКА

(Повесть в рассказах, фрагменты)

Порченый

Прежде Иван Петрович Рыжиков верил в Бога не больше прочих мужиков в округе: на раскат грома крестился, кошка дорогу перешмыгнет – сторонкой обходил.

Но на все воля Божия...

Старшая дочь его Аннушка была красавица с длинной русой косой. Коса эта чуть девушку и не погубила. Отец поехал по каким-то делам в Вологду, взяв собой дочь. От своего Городка до полустанка на железной дороге добирались они на попутной подводе, на поезд припоздали, состав уже тронулся. Запрыгивали на ходу; отец – первым. Из тамбура протянул он дочери руку, но Аннушка не уцепилась, промахнулась, путаясь в своей длиннополой юбке, и соскользнула с приступка вниз. Мало что шлепнулась девка на насыпь, но и еще поволокло ее вслед за вагоном – длинная ее коса захлестнулась намертво за ступеньку. Отец – то ли Бог надоумил, то ли сам сообразил – чиркнул остроотточенным ножом-засапожником по натянутой будто струна косе...

После того Иван Петрович начал ходить в храм неукоснительно. Слушал наставления настоятеля старенького священника отца Игнатия, помогал общине, чем мог, а потом,

вместо умученного большевиками именитого купца, стал здесь последним старостой.

Аннушка тогда, когда ее влекло и било об камешник насыпи, дала зарок – если жива останется, то уйдет в монашки, Христовы невесты. Но поскольку монастыри Советская власть позакрывала, насельников и насельниц их то постреляли, то посажали, осталась Аннушка в родном городишке, идти было некуда. Носила она теперь вместо прежнего яркого сарафана темную, наглухо застегнутую одежду, из-под краешка надвинутого на самые брови платка смотрели кротко ее ясные васильковые глаза. Первые парни в городке сватались к Аннушке, но отказывала она им: видно, слух, что приняла она монашество в миру верен был. Постриг над ней совершил пришлый игумен.

Игумен Варнава был еще не стар, крепок, настоятелю храма отцу Игнатию-божьему одуванчику сослужитель добрый. Прибрел невесть из каких краев; говорили, что и тюрьме посидел. Бабки-прихожанки первое время настороженно косились на свежие, еще толком не зажившие следы шрамов на его лице. Отец Игнатий воспрянул духом: прежде из немощи служил не каждую воскресную литургию. Где возьмешь еще священников: кого постреляли, кто по лагерям гниет и мыкается.

Теперь же мелодичные колокола на звоннице храма стали перекликаться веселей и бодрей, а прихожан опять поприбыло, и даже с соседних волостей. Игумен службы правил чинно, пел высоким красивым голосом.

Только недолго довелось радоваться старому настоятелю...

Встревоженный Иван Петрович Рыжиков прибежал в сумерках, постучался настойчиво в дверь поповского дома:

– Запрещали же вам на Пасху служить, – заговорил он торопливо, наклоняясь вплотную к уху глуховатого отца Игнатия. – Слышал я от надежного человека: завтра, на Пасху, решили в сельсовете храм закрыть, а вас с игуменом в кутузку посадить. А там в Вологду в тюрягу отправить... У меня зимовье, батюшка, есть. В лесах наших сам лешак заплутает. Схороню, и пересидите, даст бог, лихие дни!

Отец Игнатий улыбнулся светло:

– Спаси Бог, Иван Петрович, за радение! Только рассуди сам – куда я побегу? Храм не оставишь, да и ноги уже еле носят. А случись что... На все воля Божья! Да и кому до меня, старика, дело?

Он вздохнул и позвал игумена. Тот вышел в сени.

– Это тебе, отче Варнава, впору уйти с Иваном Петровичем!

– Что я ровно заяц бегать буду! – возмутился было игумен, но отец Игнатий остановил его.

– Ты, брат Варнава, еще не стар, послужишь во Господню славу! А из-за тюремных-то стен как паству свою окормлять будешь?

Игумен ушел той же ночью с Рыжиковым в лес. Сборы недолги: в котомку положил Евангелие и Следованную Псалтирь службу править да сухарей на первое время.

«Подсоблю божьему человеку, не дам погинуть! – бормотал себе под нос Иван Петрович, пробираясь впереди монаха ему одному ведомой лесной тропкой. – Господь спас дочь мою, и я в долгу не останусь».

Отца Игнатия арестовали следующей ночью. Ввалились гурьбой: дверь была незаперта. Старец их будто и поджидал: стоя перед иконами и творя молитву, успел еще раз напоследок перекреститься немощной рукой. Его подхватили под локотки, так и вынесли. Подсадили в тарантас и поминай как звали!

Утром и храм разорили. Председатель сельсовета с участковым милиционером долго трясли старуху-ключницу, чтобы отдала им ключи от замков храма, но бабка уперлась – ни в какую, ни угрозами, ни посулами не пронять.

– Прихватим чертовку в город с собой, за саботаж ее в тюрьму! Выворачивайте запоры сами! – скомандовал смуглявый кудряш-уполномоченный из города.

Местное начальство, с опаской и подобострастием заглядывавшее ему в рот, послушно бросилось к дверям храма. Нашлось, кому и подсобить, услужливо подсунуть в руки фомку: это были приезжие парни-комсомольцы из Союза безбожников и с ними местный – Колька Лохан.

Когда Иван Петрович подъехал на лошади к церковной ограде – успел-таки, как сердце чувствовало! – из храма

уже выволокли на паперть всю утварь, облачения, свалили в штабель иконы.

– Туточки будет у нас Дворец культуры! – слышался голос председателя. – Успокойтесь, бабоньки, Бога нынче отменили. А то вас, вон как ключницу-то, быстро заарестуют.

Иван Петрович протолкался сквозь толпу женщин возле ворот ограды, кивнув на кучу икон, спросил у незнакомого городского парня:

– А их куда?

– Жечь в костре будем, батя! – развязно осклабился балбес. – Опиум для народа изничтожать!

– А можно я на растопку себе тоже возьму?

– Валяй! – парень рассмеялся, потом приосанился. – Сознательный ты! Давай только побыстрей!

Рыжиков отнес на телегу большую храмовую икону, притрусил соломой образ. Больше всего он побаивался, чтобы не узрел этого Колька Лохан. Что взбредет в баламутную башку «комсомолисту», поднимет еще крик – но миновало, слава богу: Колькин голос доносился откуда-то с другой стороны храма. Иван Петрович, косясь на городского пролетария-«благодетеля», украдкой обмахнулся крестиком и тронул лошадь...

Колька Лохан, уже не малолеток-парень, девок, небось, в темных сенцах вовсю тискал, но как стал секретарем комсомольской ячейки в Городке, так вознес нос, бывший батрацкий сынок. Теперь отцу-конюху он управляться с лошадьми не помогал, а обретался больше в избе-читальне: все-таки приходскую школу закончил и грамотешке разумел. А теперь научился и говорить-молоть о царстве небесном на земле, то бишь коммунизме, где нет места Богу. Слушая Колькины байки, взрослые недоверчиво хмыкали, но ребятня внимала, раскрывши рот. Со всеми и Васька, младший сын Ивана Петровича.

Это он и показал Кольке Лохану, где отец прятал монаха. Игумена искали, но он как в омут канул. Арестовали Ивана Петровича, в тюрьме на допросах допытывались, что да как. Еду игумену в зимовье носила теперь Аннушка, и младший братец следом за ней увязывался.

Лохан отвел Ваську в сторонку от прочей мелюзги, толкущейся возле избы-читальни, с участливым видом сказал:

– Знаю, что батю твоего в тюрьму посадили без вины. Но есть один человек, который может его оттуда выручить.

У Васьки встрепенулось сердчишко:

– Кто?!

– Тот дядя монах, что в лесу живет, друг батьки твоего. Он-то как слово замолвит где надо, сразу отца отпустят! Вон как батюшка раньше в церкви: что не попросит у боженьки – все сбывается! Вот только надо мне с тем дядей прежде перетолковать, и будем вместе твоего батю выручать! Отведешь меня к нему?

Колька спросил наугад, малого на пушку взял: видать, слышал звон да не знал, где он.

– Ладно! Сходим к дяде игумену! – радостный, согласился Васька...

Игумен поздно понял, что грядет беда, когда вместо легкой поступи Аннушки или торопливых шажков младшего Васьки услышал за окошком избушки топот тяжелых мужских сапог, приглушенный гул голосов; даже издали, перешибая лесной дух, наплыло вонючее облако табачища и перегара.

Монах, выскочив из зимовки, метнулся через полянку к спасительной густой стене темного угрюмого ельника, но скрыться, затеряться в нем не успел.

Заметили, хоть и с похмельных глаз.

– Уйдет!.. Стой, длинногривый!

Лохан первым рванул вдогонку за игуменом, но на опушке бора споткнулся о валежину и проелозил рылом по корням, ободрав его до крови.

– Стреляй! Уйдет гад! – вытирая кровь с рожи, проорал Колька участковому милиционеру.

Тот, тоже молодой парень, выстрелил из нагана скорее из запальчивости, наугад, но игумен в лесной чаще коротко вскрикнул и медленно осел на бок.

– А че, попал?! – Лохан подбежал к нему и в ярости начал охаживать его пинками, покрикивая: – Помог тебе твой боженька, помог?!

Колькины поддувалы, парни из его компании, тоже ринулись к игумену.

– Добьете ведь! – вступился участковый.

– Так сопротивлялся нам, поповское отродье!

Окровавленного, с безвольно мотавшейся головой, игумена преследователи, чертыхаясь и матерясь, поволокли по тропе мимо спрятавшего под елкой и онемевшего от страха Васьки. Про паренька и не вспомнили, теперь не нужен. А Васька тут же на мху под елкой забился в корчах, захлебываясь слюной...

Его нашла и привела домой Аннушка. Скукоженный, как старичок, парнишка потом не то что из дома выйти – мало-мальского шума с улицы пугался, норовил забиться в темный уголок за печью. И говорить не мог, отнялась речь. Мычал невнятно, точно глухонемой.

Однажды сестра все-таки выманила брата из дома, и, надо же, столкнулся он нос к носу с Лоханом! Васька, едва завидев Кольку, забился в припадке.

– Порченой он! – говорили про Ваську старухи соседки. – Нет хуже! Бог наказал!– и осуждающе поджимали губы.

Наверное, сам Лохан или кто-то из его дружков похвастал, как находили и вязали игумена, – на Ваську с той поры ровно клеймо поставили.

И пришлось Аннушке заботиться об убогом брате. Мало того что речь к нему не вернулась, он еще и дальше дичился людей. Чуть поокрепнув, парнишка стал работать скотником на колхозном дворе да так и остался там: видно, среди животин было ему легче, чем среди людей...

Маэстро

Посвящается Зинаиде Павловне Дементьевой

Нина Ивановна, спустя много-много лет, все-таки вернулась однажды в Ильинку. В храме она остановилась перед кануном, сжимая в руке пучок простеньких свечечек; зажигая и расставляя их, шептала имена, на мгновение воскрешая в памяти полузабытые лица давно ушедших.

Вошла сегодня в храм Нина Ивановна без опаски, не остерегаясь осуждающего чужого глаза, не как в далекой юности...

Тогда все ее еще звали просто Нинкой-Ниночкой. Она собиралась идти учиться в десятый класс, когда ее отца, подполковника, заместителя командира танковой части, из города в Подмосковье перевели в глухую северную глубинку. Нинка с мамой особо не отчаивались, собрались быстро: что поделать, судьба военная такая. Да и отца с войны четыре года ждали, вернулся совсем недавно.

Нинка теперь после уроков в новой школе – бывшем купеческом особняке в центре городка домой не мчалась как угорелая – не мелочь пузатая уже, а вышагивала не торопясь в окружении сверстников, форсисто задрав носик и помахивая портфельчиком в руке. Голову рослой Нинки украшала свернутая в тяжелую корону русая коса.

Ближе к околице ватага сверстников таяла. Дальше девчонке по полевой дороге вдоль жидкого перелеска до бараков воинской части предстояло бежать одной. Из мальчишек-одноклассников в провожатые пока никто не набивался, видимо, робея Нинкиного городского гонора и под стать ему характера.

Миновав околицу, Нинка прибавляла шаг, потом уж чуть ли не бежала. От заносчивой девчонки не оставалось и следа, мчалась как последняя трусишка. Еще бы – в продуваемом насквозь ветром редком перелеске начинала мелькать согбенная мужская фигура с длинными всклоченными космами волос на голове. Незнакомец, выглядывая из-за стволов деревьев, передвигался по перелеску ничуть не медленнее Нинки, вынужденной перескакивать и обегать дорожные ухабы, заполненные водой. Девчонка, хоть и боялась попристальнее взглянуть в его сторону, все-таки успела рассмотреть его лицо с вытаращенными глазами и облепленное клочками седеющей щетины. Домой Нинка заскакивала – не помнила как...

Она стала брать провожатых парней: уговаривать их не пришлось – тряхнула косой, и тут же побежали наперебой.

По перелеску теперь никто не метался, лишь раз мелькнула в стороне знакомая фигура и пропала.

Нинка вздрогнула и испуганно заозиралась.

– Яшки, что ли, боишься? – спросил один из провожатых кавалеров. – Так это наш дурачок, безобидный и добрый. Ничего худого не сделает.

И вправду Яшка к Нинке по-прежнему близко не подходил, только выглядывал ее, прячась, из-за углов, и Нинка скоро стала привыкать к такому странному вниманию.

Иногда и ей самой доводилось незаметно понаблюдать за своим нежданным поклонником.

У Яшки было, видимо, что-то неладное с ногами: развернутыми в разные стороны ступнями он вздымал клубы пыли, неуклюже переваливаясь по подсушенной еще почти летним солнцем улице, но передвигался довольно быстро, наклонив вперед голову с нечесаной гривой волос. Было Яшке за тридцать, сильно старила его борода с нашлепками седины. На лице его, казалось, застыла навсегда блаженная улыбка, хотя большие черные глаза смотрели с печалью.

Выскакивали из подворотен брехучие псы, норовили ухватить Яшку за штанины; мальчишки-мелюзга, дразнясь, бежали следом за ним и пуляли камушками. Яшка хоть бы что, скаля зубы, упрямо пер вперед...

Жил он в сторожке на краю погоста возле Ильинки: старик-сторож потеснился, уступив на время убогому чуланчик, а тот так в нем и остался. Старушонки-прихожанки Яшку, жалея, подкармливали, да и сам он не слонялся без дел, а их в приходском хозяйстве пруд пруди.

Вот так же , жалеючи и чуть с насмешкою, однажды провожала взглядом Нинка бедолагу, несущегося куда-то по улице.

Нинка и сама спешила – на осенний бал в городковском доме культуры. В новом платьице, стесняясь накинутого на плечи старенького маминого пальто, она старательно обходила лужи, стараясь не запачкать туфли. Предстояли не какие-то школьные танцульки, а настоящий, первый в жизни, «взрослый» бал. К дому культуры, расквартировавшемуся в стенах церковного собора, она пришла одной из последних. Постояла в нерешительности перед входом в здание со сбитыми куполами, перешагнула порог, заметив проступающую сквозь побелку фреску со святым ликом над аркой входа.

Стены внутри собора, высокий свод тоже были наглухо забелены, но лики святых все равно проявлялись тут и там. Новые хозяева здания пытались их прикрыть кумачовыми полотнищами с наляпанными наспех в духе времени лозунгами.

Молодежь толпилась у дальней стены возле штабеля составленных друг на дружку длинных лавок для зрителей – кино показывать сегодня не собирались. На деревянном помосте сцены, устроенном в алтаре, резвились, выплясывая, девки в красных косынках из агитбригады; потом что-то, жутко фальшивя, попытался исполнить местный духовой оркестр.

И наконец... Заскучавшая Нинка даже растерялась, увидев на сцене... Яшку. В чистом, явно с чужого плеча, костюме, с аккуратно причесанными волосами и подстриженной бородкой, он неуклюже проковылял к роялю, громоздившемуся в углу сцены, сел на табуретку, все с прежней своей блаженной улыбкой вознял над клавиатурой руки с длинными пальцами и когда их опустил... Звуки вальса взметнулись и разлились под соборными сводами, по упраздненному властями божьему храму закрутились в стремительном танце пары.

Нинку пригласил молодой красавец-лейтенант из отцовского гарнизона. Увлеченная танцем, она все время чувствовала на себе Яшкин взгляд, хотя, казалось, что за роялем он забыл обо всем на свете, без устали играя весь долгий вечер.

Все остались довольны: и танцоры, и любители, подперев плечом стенку, просто поглазеть. Только непонятным было Нинке: почему это в своем углу, что-то шепча, украдкой крестилась бабка-билетерша...

Яшка после того вечера куда-то пропал; Нинка забеспокоилась даже. Будто чего-то не стало хватать в этом маленьком городке. И ноги как-то сами собой принесли ее

к ограде Ильинки, где в сторожке обитал Яшка. В храм она не зашла, побоялась: отличница, комсомолка – мало что накажут, но и еще за свихнувшуюся посчитают.

У ворот Нинке встретилась та старушка-билетерша из дома культуры.

– Я уж, милая, подумала на тебя, что это наша Настенька воскресла! – воскликнула она, всматриваясь пристально Нинке в лицо.

– А кто она была?

– Дочка здешнего диакона.

Старушка поозиралась, взяла Нинку за руку и отвела на укромную лавочку, спрятанную в еще не облетевших кустах у ограды.

– Перед войной, в тридцать седьмом, их всех забрали. Настенька-то от отца не отреклась – и ее тоже. И Яшкиного родителя, отца Игнатия, со старшими сыновьями. Яшке-то младшему, заскребышку, особенный талант к музыке Господь дал. Парня даже в консерваторию в Петербург учиться взяли. А потом тоже – в тюрьму... – старушка заговорила еще тише. – И вот Яшка вернулся, то ли отпустили, то ли сбежал. Ноги обморозил. Прибег домой, а родных никого в живых нет. Всех! Он на колокольню взобрался и сиганул вниз. С горя . Грех смертный задумал совершить – самоубийство. Но жив остался. Господь безумием его наказал, только талант не отнял, оставил... А Настенька-то невестой его была обрученной. И ты – вылитая она!

– Где сейчас он... Яшка? – спросила растерянная и потрясенная старухиным рассказом Нинка.

– Лежит вон, в сторожке, едва живой... Он после каждого такого своего выступления болеет тяжко. Вот ведь судьба – памятью от прежней жизни один рояль у него остался, и в соборе, где отец настоятелем служил, играть для публики ему приходится. Страдает он, хоть и не в себе давно...

Нинка поднялась с лавочки и хотела уж пойти в сторожку проведать Яшку, но старушка удержала ее:

– Лучше тебе, девонька, его сейчас не видеть! Он еще хуже, чем есть...

Дома Нинку ожидал радостный, взволнованный отец:

– Собирайся, стрекоза, уезжаем отсюда! Меня переводят служить в Германию!..

Через пару дней немудреный семейный скарб был уложен в кузов грузовичка. Отец попрощался на плацу с танкистами, сел на переднее сидение открытого «виллиса» рядом с солдатом-водителем. Нинка и мать расположились позади.

Миновав околицу городка, машины вывернули на большак. И тут, у поворота, Нинка заметила знакомую косолапую фигурку, ковыляющую наперерез по полю.

Яшка застыл на дорожной обочине как вкопанный и, когда мимо, набирая скорость, проезжали машины, так же, как и раньше, глядя на Нинку, блаженно улыбался, и так же печальны были его глаза. Он поднял руку и прощально помахал. Робко, оглядываясь на мать, махнула ему рукой и Нинка...

...Нина Ивановна долго еще стояла у кануна, дожидаясь пока не погаснет огонек поминальной свечки. Что стало с тем бедолагой Яшкой из далекой ее юности, как окончил он дни свои? Теперь наверняка никто и не ведал. Сколько страдальцев в разные времена видел этот Ильинский храм – несть им числа.

Николай ЛЕУШЕВ
Урдома, Архангельская область

МОЛОКО С ТВОРОГОМ, СИНИЕ ТАПОЧКИ

– Не бахвалься…

Грустно улыбаясь. Сочиняю что-то с ходу – растормошить, скучная сегодня. Сидит, пригорюнившись, в углу дивана, нога на ногу, ладошка – под щеку. В платочке. Смотрит, вдаль…

– Я в детстве тоже любила бахвалиться… А шустрая была-а-а! Где поют или на гармошке играют – я уже там! Ни кино, ни вечёрок у нас не было. Деревня маленькая была, десять дворов всего.

Наш? Наш крайний был. Изба худая уже была, старая. Зато вид из окон! На реку, просто-ор! А прямо под окнами поле начинается. Рожью засеют – летом так и ходит, темно-зеленое, волнами. И васильки, синие-синие! Выйдешь в рожь, стоишь, стоишь и слышно: динь-динь, динь-динь… Тонко-тонко! Это колосья, когда спелые, друг о друга звенят…

Расскажу… Лет десять мне было… Слышу, на другом конце играют, у тетки Дёхи.

Родня? Да все, наверно, родня – фамилия одинаковая. А так все: тетка Дёха да тетка Дёха, полное-то имя Евгения, а за глаза – Дёха.

Баба она высокая, еще крепкая, хоть куда, на голове плат черный, в синей юбке до пят, на ногах галоши. Вдвоем с мужем живут, справно живут, детей у них много, но дети уже отдельно, взрослые. По продналогу даже молоко

не сдают, по старости, а коровку держат.

Веселье у них – сыновья приехали. На праздник, на Петровки было. У сыновей жены баскиие, за рекой браны – певуньи-и-и! Поют, пляшут! Степан, сын, на гармошке играет.

Глухой был и говорил плохо, наверно даже глухонемой, а вот на гармошке хорошо играл. Под окнами избы пляшут.

Я смотрю. Да говорю же: ни кино, ничего не было, ходили-смотрели.

Вдруг все как-то быстро – в избу, я тоже за ними и – к окну, на лавку, недалеко от стола.

Да ходила и раньше – родня дальняя тетка Дёха-то.

Дак вот, все в избу и за стол садятся. Стол большо-о-ой, богатый, много всего наставлено и еще носят и тетка и молодухи: рыбники большиие, рыбу они хорошо ловили, колобки, да, да, на сковородках на маленьких таких пекли. «Пинег» – пирог. И еще чего-то приносили, всего теперь и не припомню…

А вот приносят творог! Молоком залит. Блюдо большоое… Да… Коровы-то у нас тогда не было… Не скажу, чтобы сильно голодали, нет, хлеб был, папа председателем работал, Толя уже работал, на трудодни немного получали. Но молочка не было. А помню, сиильно хотелось…

И вот – творог. Больши-ие такие куски, желтый и молоком залит…

На подоконнике у них кременья, мужики курили – искру высекать, коробочки от спичек… Мы, ребята, любили играться… Долгонько они сидели…

Домой прибежала – у нас уже тоже за столом сидят. Первая тут Зойка сидела, большая уже была, годов пятнадцати, но не работала, припадки у нее были, жалели ее… Нянчилась она. Рядом Толя, потом – Коля, за ним – Витя… Дальше – маленькие, мальчики двое были, Володя и… Ты их не знаешь… Умерли они рано, я не рассказывала… Мама с краю, там – бабушка, Кристина Даниловна. Ей уже за девяносто было… Да, девяносто три, глухая уже совсем была, а крепкая, водилась с маленькими. Шибко меня любила. За ней Рая, Градя. Папа у окна.

Ну вот, я в избу и с порога:

– А я-то! А я-то! У тетки Дёхи и пирогов! И колобков! И молока с творогом наелась!! Вот!

И – лезу по лавке на свое место, к Вите.

А ребята: Толя – интере-есный такой был, не пускают, прижимают спиной к стенке! Да… Даже бабушка заругалась:

– Да пустите вы Маньку на место! – Сильно меня любила.

А те:

– Смотрите-ка! Смотрите! Пирогов да колобков наелась, а картошку-то как трескает!

Что на столе было?... Да говорю же, хлеб был, картошка была… Да, в мундире, с утра сварена, тут почищена, с квасом, да в квас лук зеленый накрошен, хорошенько всегда луку нарезано. А вот забелить нечем было…

Поели. Бабушка с Зойкой со стола убирают, маленьких спать собирают, а мы с мамой – огород поливать. Воду носили с ручья, вернее с болотинки, ручей-то подсох – середка лета. Колодец рядом, но там вода холодная. Две доски перекинуты через болотинку – мосточки, вот с них черпаем и носим ведрами.

Идет Дёха. На колодец. За водой.

Колодец большой, журавль высокий, бадья здоровушшая, на два ведра, к ней шест длинный, толстый, а противовес – камни, в сетке старой. Гляжу: мама заторопилась и крюк делает – с Дёхой встретиться…

– Спасибо тебе, тетка Евгения! Спасибо!

– За что, Анна, спасибо-то? За что?

– Да как же за что! Девку мою накормила-напоила и колобками, и творогом, и пирогами, она давеча домой прибежала – така довольнюшшая, еще и робят дразнит!..

Отпустила крепкая Дёхина рука шест. Взлетел «журавль» в небо, вода обрушилась вниз, качается бадья, бухает о столб…

– Не накормила!.. Не накорми-и-ила я ее!.. Анна!.. – И как-то нелепо-некрасиво нагнулась-поклонилась Дёха, разведя при этом руки…

Дёха с пустыми ведрами идет по чавкающим мосточкам, как будто что-то вспомнив, черпает машинально, с полведра, из болотинки. Уходит, сгорбившись…

Мы снова носим воду. Идем по меже, трава густаааая… Крапива. Темно-зеленая, злая, с семечками… Мама нагибается, голой ладонью забирает, дивно так в руку, прямо за коричневые стебли, рвет… И – быстро сует ее мне под юбку. В ноги…

Не носили тогда ни трусов, ни чулок!..

Нет, не плакала... А видно, понимала, что сделала что-то такое… Стыдное, как это… Неприличное…

Ночь ту, поди-ко всю не спала, суну руки под юбку – там пузыри, пузыри…

Бабушка сразу что-то почувствовала. Спать ложиться, слышу, подсела к маме:

– Чевой-но с девкой сделалось? Пришла, не поела ничего, легла сразу… Мама что-то шепчет ей в ухо…

После долгой паузы бабушка:

– Да-а-а… Худо ребяткам без молочка-то… – И протя-яжно так: – Ху-у-удо…

Молчу… Потом, хрипло – что-нибудь сказать, – растерянный какой-то, прибитый.

– А… Сколько лет Кристина Даниловна прожила?.. (Сам знаю – сто).

– Да около ста было, когда померла-то… Та-а-ак… Да, девяносто восемь! Старенькая уже совсем была, а по дому шевелилась. Потом уходить стала…

Как уходить-то? Расскажу, если хочешь… И про тапочки… Про синие тапочки, хочешь?

Щепоткой, как ягоды, собирает слезинки со щек, по-детски, пальцами трет глаза. Улыбается, уже светлее…

– Да просто уходить стала, соображала уже плохо. Вот сидит, сидит, встанет, платочек повяжет, батажок в руку и пошла. Домой, в деревню…А это сто километров с лишним, мы уже в поселке тогда жили. Все за ней, искать! Потеряется ведь…

Да… Вот и я, наверно, скоро так же побегу…

Грустно смеется.

– В поселок мы не по своей воле переехали, а за папой. Его туда в сорок первом послали. На войну просился, не взяли – старый. «Здесь твой фронт!» – секретарь и во-

енком в голос сказали. И как передового председателя по партийной линии послали поднимать отстающий колхоз, «Имени 8 Марта» назывался. В нашем «Труженике» мы хорошо жили, на трудодень по два килограмма уже получали, а туда приехали – ахнули, у них и по четыреста грамм не выходит! А народ там!..

До сих пор помню: осень, стою на берегу, встречаю наших – папа перевозит всю нашу семью. На катере: мама, Зоя, Коля, Витя, бабушка, маленькие… Скарб, хлеб, зерно. Катер пришлось с баржой брать, хлеба одного – мешков десять, да картошка...

Весь колхоз высыпал на берег – новый председатель переезжает! Я – в толпе, меня папа раньше привез, большая уже была. Передо мной полупьяный крикливый мужик Жданов, орет:

– А хрен ли не жить-то некоторым! Хлеб-то баржами возят!

И тут же попадает в оборот бабам:

– Да ты бы так-то жил! Мудак ты пьяный! Люди хлеб действительно баржой привезли, дак ведь они его не украли, а заработали! А детей смотри у них сколько – девять человек! Ты бы так-то хлеб зарабатывал, лодырь ты пьяный!

Люди там никого не слушались. никому не подчинялись. Бабы коров подоят, молоко в бидоны, бидоны – в туеса и за пять километров, к железнодорожному мосту, в поселок, продавать. А до колхозных работ, до колхозных коров никому и дела нет. Какие там «килограммы» на трудодни!

И стали мы там жить: папа с утра до ночи «колхоз поднимает», мама бригадиром работает, тоже с утра до ночи, Толю на войну забрали, мы, кто постарше, – в район, в школу. Дома маленькие, да бабушка, Кристина Даниловна, под присмотром Зои.

В школу ездили на лодке, на одной ли, на двух, когда сколько учеников набиралось. Гребли попеременно. Да, конечно, со взрослыми. Доезжали до пристани, а там пешком. В тот год я заканчивала семилетку, к экзаменам готовилась…

А! Тапочки-то! Да износились мы все, как переехали. И до войны трудно было, хлеба не хватало, с одёжей туго было, но кое-как выкручивались. Лагерь помогал. Заключенные тянули железную дорогу на Север, рядом с деревней был – семь километров. Деревенские частенько выменивали у конвоиров всякие тряпки: наволочки, наматрасники, портянки, какую-то обувку. Особо любили охранники менять свое барахло на солод, пиво варили.

Из наволочек мама шила платьица, кофточки, из черных наматрасников – куртки, штаны. Так и жили. А как переехали да война – как нищие стали!..

Но той весной пошла я в школу в новой обувке! Тапочки это были. Как сейчас помню: увидала их – у меня сразу что-то ёкнуло, радостно стало! Чудо что за тапочки! Сверху брезентовые, синие, подошва резиновая, на шнурках, шнурочки черные, плетеные. Чудо что за обувь!

Появились они неожиданно – родственники привезли, сын бабушкин в подарок ей привез. Из Устюга проездом. Ну а бабушка, конечно, сразу мне, Марусе! Девке уже пятнадцать, а все босиком. Любила меня. Да-а-а…

Ну вот я и щеголяю в них!..

Улыбается, глазами.

– Как щеголяю-то? А я тебе сейчас расскажу!

Просыпаюсь я рано, вернее, мама будит. Быстро завтракаю, одеваюсь: сверху – плат, мамин, жакетка, тоже мамина, ломоть хлеба мама сует в сумку, тапочки. Нет, не на ноги, за пазуху и-и-и – бегом до берега. Лодка уже ждет, учеников сегодня немного, восемь человек, да двое взрослых. Вода еще большая. Плыть до пристани больше часа, можно и подремать, глаза слипаются… Солнце уже высоко, но холодно, ноги мерзнут. Я лучше за вёсла! Вернее, за одно, гребут по двое. Вот так-то веселее!

Наконец и пристань показалась – большой белый дебаркадер. Теперь до райцентра, конечно, пешком! Хорошо на дороге снега уже нет, только лужи. Бего-ом! Три километра всего: мост через ручей, дальше – домики, деревушка справа, Заречье, все еще в воде, снова домики, потом – бойня, второй ручей. Вот здесь и ноги помыть, и тапочки надеть, дальше – деревянные мостки, село. Школа!

В школе гладкие, крашеные полы, приятно погулять, а где и пробежаться за подружкой по коридору, пока учителя нет. Не скользят, не валенки. Резиновые! И ноги прятать не надо под парту… Обратно до конторы леспромхоза мостки – в тапочках, а там до самого дома, понятно, босиком! Экзаменов мне сдавать: математика, русский, география, история… Много! Но не боюсь, учила, готова, знаю. Пятерки, четверки… И Фаина Александровна, классный руководитель, уверена во мне, хвалит меня. Сда-ам!...

Замолкает надолго. Гаснет… Смотрит в окно…

– Ну и как экзамены-то?! – тормошу снова. – Не рассказывала ты, ни разу…

– Не сдавала я экзамены. Работать пошла сразу. Не ходила я… Не в чем было идти на экзамены… Умерла бабушка, любимая бабушка, Кристина Даниловна. Надо хоронить, а в гроб положить не в чем. На ноги нечего надеть. Ну не-че-го!.. Надели тапочки…

Сижу напротив. Слушаю. Весь скованный, деревянный, сил нет пошевелиться…

– Вот… В молодости недоедали… Работали всё...

– Закалялись, так и живешь долго, – тупо пытаюсь шутить, сменить тему, – «лечебное голодание», восемьдесят пять – возраст!

– Да… Лечебное…

Снова грустно улыбается. В пергаментных морщинах застряла мутная слезинка…

– Поехал уже? Так скоро?!.

– Да… Надо… Работа. – Вру. – На площадку не выходи, форточки… Не провожай…

Внизу привычно оборачиваюсь: высоко, на площадке четвертого этажа, худенькая фигурка. Крестит. Меня. Машину. Спаси и сохрани!..

На дворе холодно, сыро. А я все еще там – в том жарком летнем дне, на скамье у окна, рядом с той голодной, босоногой девчонкой Манькой, моей мамой… Чужая изба, чужие люди, не оборачиваясь, спиной, чувствую, вижу – что на столе. Пироги, творог… На стекле бьется муха. Тягостно-долго длится застолье… Нет никаких сил встать, пройти мимо стола, выйти вон. Влажными ладошками все перебираю и перебираю какие-то камешки, коробочки, тряпочки…

Наша изба. Все давно уже спят, на полу, на полатях жарко. С краю спит деловой Толя, потом молчаливая Зойка, дальше – Коля, там Витя, мама, рядом маленькие, Рая, Градя, даже бабушка Кристина Даниловна уже спит. Совсем поздно пришел папа, лег с краю, сразу уснул…

Тихая белая ночь стоит над деревней. Не спит одна Манька, в окно ей виден кусок неба, неподвижная береза. Небо зеленое. Звезда… Нет, не плачет, лишь изредка длинно прерывисто вздыхает…

Тут же – весна, лужи, хрустящий колкий ледок. Босая девчонка на дороге в школу, за пазухой тапочки, на сердце праздник…

И у меня весна, а пасмурно, печально на улице, на душе. Не плачу. Разучился. Старый. Мне уже столько, сколько и Дёхе в том далеком тридцать восьмом…

Но набухает что-то комом в груди, в горле. Давит… Наконец дождь… На лобовом стекле. Ничего не видно. Расплывается все… Это… дворни-ки… Плохо работают.

Разворачиваюсь на сплошной, скорей вернуться!

Ксения СПЫНЬ
Москва

ПРОЛЕТЕВШЕЕ

Семён мало что помнил из своего детства. Время шло медленнее тогда, дни перетекали один в другой, не отделишь. Помнился отец – в те годы моложе, большой и сильный; он возвращался поздно вечером с завода, долго откашливался и фыркал, пока мыл руки, и только после усаживался за стол. Иногда он играл с Семёном, обзывал в шутку балбесом и проходимцем, в воздух, правда, уже не подбрасывал – говорил, руки не те стали. Помнилась мама – маленькая, черноголовая, тихая. Она читала Семёну сказки с большими яркими картинками, а вечерами сидела с шитьём в углу дивана, иногда поглядывая вполглаза на бормочущий телевизор. Иногда же, обычно летом, когда темнело медленно, все трое собирались на веранде и пили чай с мёдом и вареньем, пчёлы иногда залетали в окно, а снаружи дышали липы и донник.

В один же из таких вечеров – хотя нет, это было утро, но тоже летом – к ним приехала Лиза. Комната была нагрета солнцем, и на стенах всюду лежали янтарные пластинки – в эту-то комнату и вошла Лиза: вся в окружении летящих оборок белого платья, светлые локоны выбиваются из-под маленькой шляпки, в руке – небольшой клетчатый чемодан. Она вошла смеясь, и от неё пахло цветами – чем-то весенним… Ландышем? Семён не видел её раньше и недоверчиво встал в дверях, насупленно поглядывая на гостью.

– Сёмочка, – мама приблизилась к нему, чуть подтолкнула, обхватив сзади за плечи. – Это же твоя сестра, Лиза. Не узнал?

– Он меня не помнит, – всё так же смеясь, ответила пришелица в белом. – Сколько ему сейчас, восемь? Когда меня увозили, был совсем крошкой.

Проходя, она мягко улыбнулась Семёну, но потрепать по щеке не попыталась, как это делали многие незнакомые тётки (за это Семён не любил их).

Дальше был долгий день, Семён убежал играть с приятелями, и до вечера они провозились в пыли и грязи, стараясь выстроить плотину для большой лужи. Плотина так и не получилась, хотя они всё же водрузили флаг на уцелевшую часть и, довольные, начали расходиться.

Дома мама назвала его поросёнком и немедля отправила умываться. Семён даже не стал протестовать – теперь он наверняка был почти как папа. Ещё немного подрасти, и можно будет ходить вместе с ним на завод.

После же, проходя по коридору, он услыхал, как из комнаты доносятся звуки негромкой мелодии. Это было пианино. Семён узнал его, ведь и сам иногда стучал по клавишам из интереса. Но он не помнил, чтоб когда-нибудь кто-то играл на пианино по-настоящему – так, чтоб взаправду получалась музыка.

Он вошёл и увидел в комнате Лизу. Семён уже успел позабыть, как она приехала утром. Лиза наигрывала светлую и лёгкую мелодию, чем-то похожую на её платье, разве что чуть-чуть грустную, – почти незаметно, будто где-то стучит летний дождик.

Проиграв одно и то же несколько раз, она обернулась к Семёну:

– Ну как? Нравится?

Он снова старательно насупился:

– Тут же нет слов.

Лиза звонко рассмеялась:

– Абсолютно прав, ни единого слова! Погоди-ка… – она вновь развернулась к пианино. – Мальчикам положено другое.

И она заиграла иную музыку – радостную и воинственную, словно целые ряды шли вперёд стройным шагом. Вдобавок Лиза запела на незнакомом, чудно́м языке, Семён

не понял ни слова, но всё равно отчего-то дух захватывало. Казалось, что будь эта песня с ними, когда они строили плотину, то сумели бы построить не только её, но и что-то куда больше, огромнее и поставить флаг на самой вершине. Пусть только Лиза идёт впереди – в облаке белых ленточек и оборок, со звонким, почти как у девчонки, голосом (а выглядела совсем как взрослая) – и ведёт за собой остальных.

Вошёл отец, остановился сбоку от неё.

– Лиза, ты не могла бы играть что-нибудь другое?

Она вскинула голову, удивлённо захлопала глазами:

– Чем тебе не нравится «Марсельеза»?

– Ребёнка не развращай, – он кивнул на Семёна.

– Я же на французском! – Лиза беззаботно рассмеялась. – У нас сейчас все её поют…

– Лизочка, «у нас» – это не «у вас». Не надо. Хорошо?

Уже позже, за чаем Семён из разговоров уяснил, что Лиза прибыла сейчас к ним на каникулы и что приехала она даже не из далёкого и загадочного Ринордийска, где училась в каком-то «паснёне», а из ещё более далёкой и загадочной страны за границей. Разговаривали много и охотно, только отец фыркал каждый раз, как Лиза начинала про «новые порядки» и своих знакомых из какого-то «движения». Лиза смеялась и умолкала, но погодя упоминала их снова, даже не к месту – казалось, уже для того только, чтоб слегка папу подразнить.

Когда мама укладывала Семёна спать, он спросил, как же так Лиза попала заграницу. Мама сказала, что Лиза теперь учится там, потому что с кем-то поменялась. Да, кажется, так она сказала…

В следующий раз он увидел Лизу утром, когда она сидела на солнечной, пропахшей деревом веранде и листала книжку. Взбитые вчера светлые локоны были теперь прибраны, но спутать Лизу с кем-то ещё было бы сложно: она всё равно казалась слишком не отсюда, будто возникла негаданно из летнего воздуха.

– Что ты читаешь? – спросил Семён, осмелев.

Она приподняла книжку и показала обложку, но Семён всё равно не разглядел: очень уж тёмная, и буквы закорючистые.

– Стихи. Хочешь, одно прочитаю?

– Фу, не люблю стихи, – заявил Семён. Ему сразу вспомнились уроки чтения и что лето когда-то закончится.

– Ну подожди, – Лиза перелистнула несколько страниц. – Вот. Тебе, может, и понравится.

Нет ни тропинки над нашею пропастью,
Но ты во тьму шаг за шагом иди.
Может, падём под вертящейся лопастью,
Может, сумеем путь в утро найти.
Ночью ли, вечером в поле затеряны,
«Да» или «нет» слова не говори.
В бликах пожара стоим до последнего –
Может, в конце мы дождёмся зари.

– Ну что? – закончив, спросила Лиза.

– Здорово, – признался Семён. – Только я не понял, о чём это.

– Мне оно тоже нравится, – лениво протянула Лиза. – А вырастешь – может, станет понятнее.

Наверно, тогда впервые – да, наверно, тогда – он заметил, что за её улыбкой и полуприкрытыми веками червячком схоронилась едва заметная печаль. Но отчего она, Семён не понял.

– Кстати, ты, Сёмочка, возможно, и дождёшься зари. Сейчас только и говорят повсюду… Много чего говорят, – она со смехом захлопнула книжку, заложив страницу засушенной веточкой. – Пойдём лучше погуляем!

Вскоре она уехала.

Случай с пианино объяснился много позднее – осенью или, может, следующей весной. По всему выходило, что весной, но только за окном было сыро и сумрачно, а они втроём сидели у телевизора в ожидании вечерних новостей.

– А, допелись свою «Марсельезу», – проворчал папа, глядя на экран. Там мелькали лица, люди, все шли куда-то или стояли и объясняли. Сколько понял Семён, говорили о предстоящей казни провокаторов: они объявили забастовку и подбивали людей на мятеж.

Мама оторвалась на минуту от вязания, украдкой взглянула на экран.

– Они же совсем ещё мальчики, – тихо проговорила она.

– Ничего, ввязались во взрослое дело – должны отвечать, как взрослые люди, – отец насмешливо фыркнул. – Император им не нравится, видите ли.

– А если б это были твои дети? – сказала мама ещё тише, но отчётливо.

– Мои дети там бы не стояли. А всякой швали туда и дорога.

Мама перестала вязать и просто смотрела какое-то время на свои руки.

– Прекрати, – произнесла она странным стиснутым голосом. – Прекрати!

В комнате повисло молчание. Очень редко мама говорила так – как будто сейчас заплачет. Семён помнил только раз или два до того.

– Нина, – папа обошёл диван, неловко обнял маму за плечи. – Ну не хотел я. Извини.

Революция произошла через два с половиной года. Ещё немного позднее Семён подрос и начал ходить вместе с папой на завод. А мама вернулась в школу – учительницей истории.

О Лизе же он никогда больше не слышал. Иногда Семёну начинало казаться, что ему приснилось всё это – летний день, летящие белые оборки, звуки пианино… Впрочем, много лет спустя до него доходили слухи о Лизе. Говорили, что когда у неё долго не ладилось с личным, а может, светлые идеалы дали трещину – или и то, и другое сразу – Лиза, с весёлым по-обычному видом, то и дело разгуливала по зимнему городу в лёгоньком плаще и, конечно, скоро слегла с пневмонией – летальной. А может, её и перепутали с кем-то, и настоящая Лиза была жива и здорова – в Ринордийске или где-то ещё.

Александр КРАМЕР
Любек, Германия

НЕПРИЛИЧНАЯ ИСТОРИЯ

1

Она пришла на прием без записи, перед самым закрытием, но ей повезло, народа в тот день было мало, а к вечеру приемная и вообще опустела, так что я мог спокойно принять ее без формальностей.

Моя неплановая пациентка была симпатичной изящной брюнеткой с крупным красивым ртом и алебастрово-белой кожей, вот только выражение лица у нее было злым и подавленным, что сильно портило внешнее впечатление. Впрочем, я понимал что проблемы, так его изменившие, вскоре выяснятся. Иначе зачем бы она у меня в этот поздний час появилась?

Пока я так размышлял, посетительница молча уселась в кресло и жестко, даже презрительно уставилась мне в глаза. Ну и я тоже молчал: время идет, оплачено, спешить некуда, тем более передо мной сидела красивая, сексапильная дама примерно моего возраста, смотреть на которую, несмотря на ее желчную мину, доставляло настоящее удовольствие.

Я отчетливо видел, что она внутри себя что-то трудно решает, потому что и щеки, и шея брюнетки сначала пошли некрасивыми красными пятнами, потом лицо стало пугающе бледным и, напоследок окинув меня окончательным уничтожающим взглядом, визави моя презрительно выдавила:

– У меня диарея.

Я мысленно иронично улыбнулся в свой адрес, так как считаю себя недурственным физиономистом, а в приемной мне показалось, что женщина должна быть умна. Поэтому, раздосадованный своею оплошностью, я небрежно и едко ответил:

– Тогда вы не по адресу.

– По адресу, – заявила брюнетка презрительно и надменно, – по адресу, вы что, меня дурой считаете?

– Да нет, – слукавил я, – ничего такого я не считаю. Просто ваше заявление о диарее в моем кабинете звучит несколько странно. Но может, есть что-то еще, о чем бы вы хотели рассказать мне как специалисту, тогда говорите, а не ходите вокруг да около. И если уж речь об уме зашла, то тогда вы напрасно пытаетесь получить у меня гастроэнтерологическую консультацию.

Я почему-то неожиданно разозлился. Может, тон ее и надменное поведение на меня так подействовали, может, как любому мужчине, неприятно было явное пренебрежение довольно красивой женщины... Вообще-то я, как вы понимаете, должен и умею себя контролировать, но тут, неизвестно с чего, сорвался. Впрочем, она на мой саркастический тон довольно парадоксально отреагировала: расслабилась, взяла себя в руки, свободно откинулась в кресле и вдруг рассмеялась пустым, невеселым смехом:

– Ладно, не злитесь. Вижу, задела вас. Я постараюсь сдерживаться. Все, конечно же, расскажу откровенно, если вы меня торопить не станете. Я, чтоб получить вашу помощь, приехала из другого города, потому что у себя дома никому бы в жизни довериться не решилась. А здесь – ни единого шанса, что столкнусь с кем-нибудь из знакомых.

Очень сложно начать. Унизительно. Я не привыкла... Но, кажется, я почти начала и самое отвратительное уже рассказала. Теперь все по порядку.

Меня зовут Гителе, что значит «хорошая». Даже по имени моему вы можете догадаться, что мои дорогие родители приверженцы древних еврейских традиций. В этих традициях, к сожалению, всю жизнь меня и воспитывали. Не вполне получилось, но, видимо, воспитание их, как бомба с замедленным действием, во мне притаилось и в нужное время внезапно отлично сработало – меня, вопреки моей воле, выдали замуж. Что вы улыбнулись? Да, сегодня не средневековье, но так в самом деле!

Я была поздним-поздним ребенком. Мне – тридцать семь, а маме семьдесят девять недавно исполнилось, папе – восемьдесят четыре. Они добрые у меня, простые, несколько патриархальные, набожные, поженились всего за полгода до того, как мама неожиданно забеременела, но, как вы понимаете, ни о каком медицинском вмешательстве речи быть не могло. Вот так я и появилась.

Однако, несмотря на ветхозаветное воспитание, я почему-то выросла аномальной, ни во что, кроме науки, не верящей, упрямой и независимой (теперь понимаю, что все это относительно). Училась всегда с удовольствием. Закончила биофак, кандидатскую по белкам защитила. Делами личного свойства заниматься мне было некогда. Да и какого-либо желания устроить их как-то тоже не появлялось. Так и оставалась одна до недавнего времени. Даже подруг настоящих никогда не водилось. Приятельские отношения с особями обоих полов подходили как нельзя лучше. Нет, ухажеры время от времени появлялись, конечно, но ненадолго. Ни в ком я, кроме родителей, по-настоящему никогда не нуждалась, одиночество не тяготило нисколько, независимость устраивала абсолютно. Честное слово. А родители, может, это возраст их к этому подтолкнул, ни с того ни с сего моей девственностью озаботились, без меня мою личную жизнь решили улаживать – жениха, на беду мою, отыскали.

В их каком-то талмуде записано: «Женщине лучше терпеть несчастливый брак, чем оставаться незамужней». Они мне эту цитату однажды в качестве ультиматума и предъявили. Я их ужасно люблю, берегу, жалею. Видела, что мама последнее время плачет часто украдкой, что у папы сердце прихватывает... Этим они меня и сломали, как соплячку какую-то уговорили и – без любви, без желания, без необходимости – выдали замуж. Уже целых два месяца как! Нет, он не косой, не кривой – обыкновенный. Нормальный мужчина. Мой ровесник. С образованием.

В общем, ничего такого особенного. Лишь один недостаток – мне чужой, безразличный, напрочь не нужный.

Дальше совершенно неприличная история начинается. Извините заранее. Очень надеюсь, что больше – никогда, никому – рассказывать ее не придется.

Это в первый же раз случилось! Стоило нам после свадебной вечеринки на брачное ложе улечься, меня как скрутило... Я понеслась в туалет и просидела там чуть не час целый. Потом вернулась, куда деваться, багровая от стыда, в постель к новоиспеченному мужу, свернулась калачиком на своем краю и лежала как мышь, боясь пошевелиться, пока, перед утром уже, в совершенно мертвецкий сон не провалилась.

Он в ту ночь, слава богу, меня, после позорища этого, не домогался. Оказался, должно быть, достаточно умным и интеллигентным. А может, решил, что ему втихаря товар с изъяном подсунули. Как вы понимаете, я подробности не выясняла.

Почти две недели стыдобище это всякий раз повторялось, едва мы на супружеском ложе оказывались. Врозь теперь спим. Я себе раскладушку поставила.

Он однажды уже от меня уходил. Возвратился. Но с той ночи ко мне даже пальцем не прикоснулся, слова доброго не сказал. Если честно, то мы с ним и вообще почти не разговариваем. Ему после всех этих дел, наверно, противно со мной. Я себя на его место ставлю... Кошмар.

Да, за последний месяц я еще несколько раз – для проверки – пыталась лечь с ним в постель – с тем же туалетным успехом. Последний позорный провал был за несколько дней до отъезда. Представьте, что значит такое два месяца кряду! Так в девицах замужних до сих пор и хожу. Смешно, правда?

Я понимаю, что у меня с психикой что-то. Но взять себя в руки, перебороть этот ужас поносный сама – оказалась не в состоянии. И что делать – не знаю! Вот, к вам и пришла. Теперь ваша очередь.

От невыносимой душевной боли лицо девушки исказилось и она разрыдалась в голос, крупно вздрагивая всем телом.

Мне так жалко сделалось эту странную, чудовищно закомплексованную гордячку... Я встал, подошел к ее креслу и стал шепотом, будто маленькую, успокаивать; говорил, что все, конечно же, поправимо, все можно перебороть, выход найдется...

Через какое-то время она смогла взять себя в руки, но потом еще долго сидела раскачиваясь и время от времени всхлипывая. Наконец, сырость пошла на убыль, пациентка моя распрямилась, все еще набегавшие злые слезы окончательно вытерла, подняла ко мне лицо и безысходно так, без всякой надежды, проговорила:

– Попытайтесь помочь, пожалуйста. Я до края дошла.

Было уже слишком поздно, чтобы что-то предпринимать конкретно. Но и дольше оставаться здесь, в кабинете, не было смысла. Я понимал, что сейчас ее нужно отсюда куда-нибудь вывести, снять напряжение, как-то расслабить...

– Идемте на улицу, Гителе, – предложил я осторожно. – Подышим воздухом, пообщаемся. Вы успокоитесь. Поверьте, обязательно все преодолеем. Идемте?

– Хорошо, – сказала она, не задумавшись ни на секунду, – Идемте. Я почему-то все время надеялась, что все сразу решится. Жаль, что откладывается. Да, если можно, не могли бы вы проводить меня до гостиницы?

– Конечно, – ответил я так же без промедления. – Мы погуляем, а потом я обязательно вас провожу. До завтра вы выспитесь, отдохнете. Утро вечера... там видно будет. Где вы остановились?

2

В это позднее зимнее время переулок, куда мы вышли, был тих и безлюден. Слышался только легкий серебряный шорох неспешно летящего снега. Но от этого тишина казалась лишь глубже, таинственней и безбрежней.

Асфальт уже сильно был припорошен, а ветер все гнал и гнал по нему поземку. Оттого было скользко.

Мы какое-то время шли молча. Ни о чем говорить не хотелось. Я понимал, что душа моей новой знакомой после исповеди нуждалась в покое, потому и не донимал ее разговором.

Потом она поскользнулась, еще раз, упала... Я стал поднимать ее, но как-то неловко и мы чуть не упали оба. Она рассердилась сначала, вспыхнула, потом рассмеялась, но смех ее и сейчас показался мне горьким, вымученным.

Наконец, мы кое-как обрели равновесие, двинулись снова, но Гителе незамедлительно вновь поскользнулась, машинально крепко ухватила меня под руку – так мы дальше и шли совсем рядом, пока, недалеко от гостиницы, не поравнялись с довольно известным в городе рестораном. В тот же момент двери его отворились, выпуская на улицу хохочущую компанию, а вместе с ней и замечательный, теплый аромат съестного.

– Вкусно как пахнет, – горько вздохнула моя злосчастная спутница.

– А вы что-нибудь ели сегодня? – спросил я для проформы, конечно же зная ответ.

– Кажется, чай пила в поезде, точно не помню.

Голос у Гителе был равнодушный, опустошенный, но все равно отчетливо выдавал, что она голодна.

– Знаете что, а давайте зайдем поужинаем. Я тоже проголодался. Да и вам, на сытый желудок, спокойней, может быть, станет. Я знаю здесь несколько фирменных блюд – вкуснотища необыкновенная. Соглашайтесь. Будем есть всякие вкусности и печаль заливать вином.

Она согласилась не сразу, но мне так искренне хотелось уговорить ее, что, в конце концов, получилось.

Я думаю, что она не один день не ела, потому что оказалась безудержно, просто зверски голодной. По мере того, как она насыщалась, напряжение и подавленность на глазах сходили на нет. От вина щеки ее слегка заалели, появилась улыбка – нормальная, обаятельная.... С каждой минутой Гителе становилась все прелестней, все неотразимей. Я откровенно на нее засмотрелся... Она почти тут же это заметила, вспыхнула жарким сердитым пламенем:

– Что вы так смотрите?

– Извините, я не хотел вас обидеть. Просто любуюсь – вы, если не сердитесь, очень красивая, – ответил я осторожно.

– Вы неприлично смотрите. А что, правда?

– Правда красивая. Я бы хотел пригласить вас потанцевать, но никак не решаюсь. Согласитесь?

– Вы меня отвлекаете или... соблазняете? – и Гителе рассмеялась звонко, свободно и обольстительно. И была она в это момент настоящей красавицей.

– Да нет, – растерялся я даже от такого негаданного предположения, – мне просто приятно проводить вечер с красивой женщиной. А вы как спичка все время, как пироксилин. Вот я и...

– А вы соблазняйте, – с дерзкой отвагой, продолжая смеяться, заявила Гителе. – Если не испугаетесь!

3

Мы проснулись в ее гостиничном номере, крепко обнявшись.

– Что, уже все,– подняла на меня сонно-лукавые глаза Гителе.

Как-то так колко, даже насмешливо она это спросила, вроде как в том, произошло ли что, сомневалась. Так неловко, так даже обидно мне сделалось, что я не выдержал и совершенно нахально ответил:

– Нет, почему же, повторение – мать учения. Закреплять будем?

– Дурак, – сказала Гителе – теперь уже с замечательной, на мой мужской взгляд, интонацией и совершенно очаровательно покраснела... но тотчас уткнулась мне в грудь и неожиданно так безутешно, так беззащитно расплакалась, что я не удержался и стал целовать ее, целовать, целовать, целовать – до безумия, до бесконечности...

Мы с Гителе почти целый год уже вместе, и у меня даже тени мысли нет расставаться. Жаль лишь, что замуж идти она ни в какую не соглашается. В ней с тех отвратительных пор поселилось непонятное мне омерзение к загсу и всему, что с ним связано. Ладно, не вечер; она последнее время стала на малышей повсюду заглядываться... Вот тогда и посмотрим.

СОМНЕНИЕ

1

Одно время я просто не вылазил из командировок. Наездился до того, что жена моя первая, когда я в очередную командировку уехал, собрала вещички свои да к родителям и воротилась. А перед этим чуть не из-за каждой поездки скандалы в доме стояли такие, что не очень-то я и расстроился, когда меня бросили.

Ну, а совсем перед тем, как второй раз жениться и с кочевой своей жизнью насовсем распрощаться, попал я осенней порой в старинный небольшой городок, недалеко от границы. Время еще было такое, когда за билетами, куда б ты ни ехал, в диких очередях приходилось выстаивать, да и достоявшимся тоже никто гарантии не давал, что удастся купить билет на нужное время и направление. Однажды пришлось мне в Москву из Уфы добираться через Ташкент и Адлер. Главбух чуть с ума не сошел, когда я билеты выложил.

Так вот и получилось в тот раз, что уехать пришлось на день раньше, потому что мне на испытательном полигоне непременно нужно было быть вовремя.

2

Ну, приехал... Город чужой, времени свободного пруд пруди – самое то, что нужно, замечательно просто. А город оказался красивым, уютным, зеленым – необыкновенно. Я наслаждался чудесной оказией и бродил, бродил – никого ни о чем не спрашивая – до бесконечности. Наконец,

незадолго до вечера, забрел на окраину и очутился перед высокой стальной оградой с великолепными коваными воротами: и диковинные животные на них были, и причудливые цветы и растения... Не ворота, а кузнечный шедевр. Створки стояли открытые настежь, и за ними хорошо виден был белый большой особняк с портиком и колоннами, а дальше, за подъездной аллеей, бесконечно тянулся парк – и ни единого человека нигде; и мне вдруг ужасно захотелось прогуляться по парку: отчего-то подумалось, что он должен воротам замечательным по красоте соответствовать. Подумано – сделано. Приближаться к особняку я не стал: мало ли кто там окажется и чем это может кончиться. Нет, бояться я ничего не боялся, просто приключений на свою голову искать не хотелось, не в моем это характере, поэтому я тут же с главной аллеи свернул и пошел бродить по дорожкам.

Сад оказался довольно запущенным. Будто много лет никто ни к чему здесь не прикасался. Но по мне так даже и лучше, чем когда все вылизано, как на параде. Природа тогда – будто стерилизованная, дистиллированная – неживая, одним словом, – вроде лица, на котором ни родинки, ни ямочки, ни другого симпатичного какого-нибудь изъянца.

А всюду скульптуры разные, фонтаны причудливые, беседки, портики... Только вся эта красота тоже запущенная-заброшенная: скульптуры с отломанными руками-ногами, портики и беседки местами разрушены, в трещинах, фонтаны ползучей гадостью и бурьяном позарастали... И потому ощущение возникало такое, будто время в чудно́м этом месте тоже немного разрушилось и от этого остановилось.

Бродил я довольно долго, пока, уже на заходе солнца, не вышел к откосу. С откоса видна была широкая, нарядная в свете закатном речка, через речку – длинный ажурный мост, и за мостом – город, зажигающий первые огоньки. А дорожка, которая к речке вела, уперлась в высокую и длинную перголу (я потом на даче себе такую же сделал, только, конечно, пониже и покороче). Пергола, увитая лозой дикого винограда, была ярко-красной, будто небеса закатные в ней отражались – красиво необычайно. Как

и все в этом саду, пергола тоже немного разрушилась, но еще была ничего, не такая, чтобы стоило чего-либо опасаться. Нырнул я в сумеречный коридор и стал спускаться по склону, пока не вышел наружу, к узкому металлическому мостику через ручей. Перешел – и вижу: большая земляная площадка, окруженная огромными валунами, на другой стороне площадки – скала – могучая, мрачная, с покатой плоской вершиной; а на самой вершине, метрах в трех-четырех над землей, прямо над той дорожкой, по которой только и можно к речке спуститься, умостился полого гигантский обломок: будто чудовищной силой скалу надломило да кусок отломившийся так на вершине лежать и остался. Казалось, громадный камень лежит непрочно, чудом только, потому что под свежим ветром даже слегка покачивается. Впечатление создавалось такое, что вот-вот глыба рухнет вниз и все под собою раздавит. И тут показалось мне, а может, померещилось просто в неверном закатном свете, что на скале... вроде как написано что-то, но не по-нашему... Солнце на сизом небе пунцовым светом пылает, от скалы – тень густая клином через всю площадку легла, валуны путь обходной загораживают, и иначе к реке не пройти никак... Можно, конечно, назад повернуть, но мне вдруг втемяшилось, что обязательно надо к реке спуститься, – и от этой опасности мнимой воображение мое вдруг разыгралось, как-то не по себе стало, знобко даже...

3

– Здравствуйте. Вы кто, извиняюсь, будете?

Я аж вздрогнул от неожиданности, обернулся: передо мной маленький, сухонький старичок стоит – голову набок склонил, взгляд из под мохнатых седых бровей серьезный, из солидного глиняного чубука дым в вислые казацкие «вуса» пускает.

– Да так, – отвечаю, – приезжий, а здесь как, нельзя посторонним?

– Отчего ж таки, можно, стойте, чего путного, может, и выстоите... А с экскурсией утречком – не схотели?

Голос у старичка был жиденький, сильно на женский похожий, но уверенный и не сердитый.

– А я не с экскурсией, я сам по себе, командировочный. Скажите, а что на скале действительно надпись или мне только кажется?

– То так, напыс есть, только там на латиньском напысано, да суморок, потому не понять.

– Нет, по латыни я все равно бы не прочитал. А что надпись значит?

– Так то и обозначает, отчего вы до камню наближаться не сильно желаете, а здесь утвердились, – сказал старичок, улыбнувшись и выпустив в небо дымное облако. – Но если желаете, посидим в сторожке моей (караулю я тут), повечеряем разом, чтобы мне одному не так нудно было, а я вам про камень та напыс историю и доложу.

4

Может, что и совру, а только на бумаге нисколько о том не сохранилось – потому неписьменный народ обретался.

Жил в давнее время, при крепостном еще праве, в имении этом пан. Был пан шляхетный, гербовый – куда там... От только за годами имя паново не збереглося.

И все у того пана имелось: достаток, панна красуня, два паныча-подлетка... Чего еще надо? А только так не бывает, чтоб все у человека имелось, и ничего ему сверх того не желалось. Вот и пана нашего стало в одночасье корчить оттого, что не ведом он никому – вишь, славы ему приспичило. А откуда ж той славе свалиться, коли пан ленющий был – почище вареника: только его и хватало, чтоб в гости к кому забраться, в карты резаться, горилку трескать да по чужим бабам да девкам шастать. Так и то сказать, сильно пан девок любил, и немалое их число по округе всей перепортил; так откуда ж в других делах усердию взяться, ежели вся ретивость на девок тех и уходила.

А особо владетеля разбирать стало, когда сосед его першим в этих краях мельницу паровую завел, и, надо ж такому, почти в то же время приятеля его наиближайшего мировым судьей выбрали.

Совсем пан после того с ума сходить начал – ровно взбесился. Крепака своего за паршивого зайця чуть до смерти не запорол. Панну по пьяному делу прибил; так прибил, что она забрала панычей и, не медля, съехала – будто у воду канула.

Ни с того ни с сего запретил бабам, сроду такого не знали, в лес по грибы ходить да ягоды собирать... В общем – творил чудеса.

Так он чуть не полгода дурил, а бестолку надурившись, собрал свой народец мастеровой, выстроил перед домом и посулил тому, кто что-нибудь распроэтакое измыслит – этакое, чтоб с ног сшибало, чтоб завидки соседей взяли и округа галдела как заведенная, – вольную тут же выписать и всем его домочадцам впридачу.

5

На селе – то почти что закон – коваль – мастер наиглавнейший. Оттого у коваля в хате и сошлись погутарить про панску шараду. И раз сошлись, и второй... Да разве ж кто ни с того ни с сего что необычайное измыслить способен? Это ж не табуретку сварганить, это природно человеку тому должно быть.

Вы решетку при входе в сад наш видали? Ну вот с того и начнем.

Сыновей ковалю жинка родить не сподобилась. Произвела на свет четырех девок, а потом хворобу какую-то заимела, на том продолжение рода ковальского и остановилось, и передать свое мастерство ковалю вроде бы некому выходило. Но то только вроде бы, потому как три девки обыкновенных у коваля народилось, а одна, самая старшая, ее Настькой звали, была как и не девка вовсе: роста громадного – выше батьки, лицо грубое, рябое – мужичье, силища в руках – я ти дам. Хлопцы не то что любезничать, подходить опасались. Подковы, понятно, Настька не гнула, но когда в ухо залившему зенки охальнику врезала, того чуть не с того света пришлось ворочать. После того ухажеров, даже по пьяному делу, как-то не находилось.

Все, видать, оттого пошло, что еще сызмальства наладилась Настька в кузню бегать, отцу подсоблять. И такая в ней страсть обнаружилась к этому делу, такая жилка, что коваль только головой качал да руки разводил. А Настька выдумщица уродилась – страшенная. Вечно у ней в голове какая-нибудь идея крутилась: все старалась по-своему измыслить, как-то не так, как все делают; а как выкует вдруг для души какую чудовинку, так ее на базаре вмиг оторвут. Часом коваль, шутки ради, как загнет на ярмарке цену... Куда там, и шуток не понимали, раскошеливались. Потому, когда пан ворота ковать заказал, коваль Настьку в подмастерья свои наладил окончательно и бесповоротно – ото ж она все фигурки на воротах и понапридумывала, а коваль и не возражал, потому понимал – мастер знатный растет, не ему чета. А когда барин орать вознамерился, что нескончаемо работа та тянется, коваль ему цветы кованые к особняку привез и положил на пороге – на том ор панский и кончился.

Так-то оно все замечательно вроде, да только, понятно, несчастливая девке выпадала судьба: подружек не водилось у Настьки сроду, парни тоже в компанию не принимали, только и был свет в окошке, что батя да кузница. В перестарках уже ходила.

Так чего учудила! Отпросилась как-то раз в город – на неделю целую, вроде ей захотелось на людей поглядеть да скупиться. А после того, через короткое время, обнаружилось, что Настька после той поездки тяжелая – ну шуму было! Мать чуть из хаты не выгнала, сестры брезгливо фыркали, по селу народ ухохатывался, пальцем на девку тыкал. Только коваль тогда дочкин поступок и понял да пожалел; посадил он ее на возок, да чтоб дураки душу девке не бередили, свез незнамо куда, где Настька и родила, подальше от взглядов косых да тупых голов.

Народ языки почесал-почесал, да вскорости и надоело, а пацан видный родился, ковалю и Настьке на долгую радость.

6

Ну, вот потрошку до камня и дошкандыбали. К той поре, когда пана думки о славе одолевать стали, Настька уже в настоящие ковали вышла. Только ровней себе, из-за бабьей ее принадлежности, мастера местные Настьку не признавали, на сходки цеховые звать не сподоблялись; и на этот раз так затевалось. Но только тут не в меру серьезно все выходило, не до фанаберии. Пришлось-таки кузнечиху позвать, чтоб и она себе голову над панской задачкой ломала.

Первый раз от задумки Настасьиной мужики аж покатилися, затюкивать бабу стали, а только Настасью тем с толку не сбить было, не тот заквас, не тот норов. Дождалась она, когда все отзубоскалятся, и давай, заместо насмешек, помощи ихней просить, а тут и батька ее, как положено, голос свой поднял, давайте, говорит, разбираться, а насмешки строить – немудреная штука; так дело и двинулось.

Когда все до мелочи обмозговали, собрались мастеровые гуртом и двинулись вместе со старостой к пану. Позначили в общих чертах задумку да и стали просить, чтобы позволил пан всей деревней на работу ту навалиться – не осилить иначе, а если что путное из затеи выйдет, отпустить на волю их деток, а им самим, сверх такой его милости, ничего и не надобно. Понятное дело, затею ту тоже Настька придумала, а пан, даром что с гонором, без дальних слов и согласился. Согласился – да и укатил; видно, тоска его на самоте одолевать стала. Воротился пан тогда только, когда управитель оповестил, что дело все сделано и можно гостей скликати.

7

Всем миром тогда налегли и управились к осени, потому как по осени в нашей местности серьезные ветродуи – корень наиважнейший, чтоб товар наилучшим образом предъявить. А от этого, сами должны понять, что зависело.

Денек выдался тогда яркий, ветреный, как мастера и подгадывали. Площадку перед скалой цветами украсили, дорожку, что от моста железного за скалу к речке ведет, чистым речным песочком посыпали, на каждый валун поставили меленки кованые с колокольцами, и у меленок крылья крутились, и звон тихий от колокольцев поширивался – в общем, навели красоту. А за скалой сразу, вы туда чуток не дошли, а в сумороке не разглядеть, тоже малесенькая площадка имеется. Там бабы в тот день столы праздничные накрыли с пирогами да пирожными, самовары жаровые, до нестерпного блиску начищенные, вскипятили, и дворню в нарядах праздничных наготове поставили– дорогих гостей потчевать.

Спустились дамы и господа от панского дома, прошли насквозь перголу – новомодная штука была, ее тоже на тот случай поставили – перебрались через мосток, на площадке расположились и... стоят. Ветер маленько посвистывает, колокольцы легонько позванивают, кусок страшенный над дорожкой качается – полный вид, будто в сей момент поползет, обвалится и всех под собою прихлопнет. Стоять дороги гости, попритихали, к угощению не поспишають, меж собой перешиптуються. А пан вдруг как став смеяться – и остановиться не може, аж слезы з глаз, чуть от хохота боки не надсадил. Так, ухохатываясь, в три погибели согнутый, добрался до угощения – и стоит, чай пьет, руками махает – к столу гостей кличе. А только еще один молодой офицерик пошел да приятель пана, что мельницу паровую построил, а остальные пошушукалися, пошепталися промеж собою, да в дом и возвернулись.

После того посещения и наказал пан на скале надпыс выдолбить. «Дубиум» там надпысано, «сомнение» значит. Вы вот тоже, приметил я, засомневались. А в войну в саду авиабомба жахнула, в имении стекла все повылетали, деревья с корнем повыворачивало, а каменюка как раскачивалась да сползала, так и посейчас продолжает.

Старичок замолчал, склонил голову набок, прищурился, посопел чубуком, посмотрел на меня, улыбнулся хитро и закончил:

– А в округе скалу эту все Настькиным каменем кличут, и в книжках так, ясное дело.

Галина СОЛОВЬЕВА
Бор

КОММЕРЧЕСКИЙ РЕЙС

Космос доказал нам, что он, безусловно, разумен и куда сложней наших представлений о нем. И что наши знания сегодня не позволяют понять сути большинства процессов, происходящих во Вселенной.

Сказал кто-то из космонавтов

30 сентября 2050 года.

Всё, дистанция позади. Корабль благополучно миновал орбиту Луны и взял направленье к Сатурну. Ради места в его каюте я бежала пятнадцать лет, через университеты Москвы, через тренинги, подготовки, через докторские и кандидатские по пяти направлениям знаний. Я назначена экзобиологом. Это значит, буду искать простейшие формы жизни в наполненных углеводородами морях и озерах Титана. Если найду одноклеточных, дышащих водородом, выделяющих тонны метана – прославлюсь среди понимающих. Инородная форма жизни! Это уже не теория. Это острый нож под печёнку сторонником жизни, основанной на водичке и кислороде, по образцу земному в любых мирах и галактиках. А тут, нате вам! Под носом, на спутнике у Сатурна!

Но вряд ли. При минус сто восемьдесят, надежды ученых сводятся к коротким обрывкам молекул, способным в теплых морях удлиняться и усложняться, объединяясь

в клетку. Но обрывки уже интересны, проливают свет на процессы эволюций в различных условиях.

Надеюсь, я думаю четко. Это важно, четкость мышления, проговорённость фразы. Только так прибор Абильгама запишет течение мыслей и сможет их воссоздать моим голосом, с интонациями. А иначе, к концу путешествия получу равномерный гул с вкраплением крепких словечек. Да и сны, как нам объяснили, фиксируются прибором при нарочито усиленных, образных думах вечером. Поздно выдали мягкие шапочки с прослойками тонких пластин, приходится тренироваться за двадцать минут до сна длиной в половину года.

Если техника не подведет. Если наш «Геркулес-1» впервые в истории космоса одолеет почти миллиард двести миллионов кэмэ. А в случае всяких поломок… Даже в случае чьей-то смерти… Что ж, если случиться трагедия, оставшиеся в живых не вправе прервать экспедицию, так написано в договоре. Мы – гении-универсалы, мы легко заменяем друг друга у пульта пилота, в био- и геолабораториях, при выходе в чёрный космос и даже в операционной. Разделим между собой гонорар и работы выбывшего. Там будет что поделить, миллионы нам обеспечены.

Сонный газ на меня не действует. Значит, нервы дают себя знать: мама плакала перед стартом. А сама десять лет на орбите, заходила домой по случаю. Вот, приспичило к старости внуков. А не поздно сообразила? Надо было дочку за ручку отвести в кулинарный техникум, там и сытно, и продуктивно. А не в центр подготовки полетов…

Вроде, Джессика задремала, баю-бай ее убаюкал. На гладеньком смуглом личике меж бровей надломом морщинка. Недавно на тренировке тихонечко мне призналась, что есть у нее проблема, которая долго мучает. Подробностей – ни словечка. Джесс – истая американка, обаятельная в компании, закрытая по существу. Ей всего двадцать пять, ребенок. Худощавая, скоростная, с прокаченной мускулатурой, с торчащими вверх негроидными коротенькими спиральками, доставшимися от матери. Голубые глаза – от отца. Мы с ней встречались на ринге в товарищеском бою. Бой стоил мне… Это неважно. Все не важно, что от-

влекает от единой намеченной цели.

Этот сладенький баю-бай заменил на деле придуманную фантастами заморозку. Один ляпнул – все подхватили. Не подумали, что вода в замороженном состоянии разрывает у клеток стенки, превращает органы в месиво? Даже если не разорвет в результате новой крионики, все равно наше тело погибнет от длительного охлаждения. Только клоп тридцать лет комфортно летаргирует на морозе, а как только вернется хозяин, вновь сосет постаревшую кровь. Человек – не мешочек с хоботом, он должен и кушать, и греться.

Вот и мы, две «звездные леди» по лестным отзывам прессы, будем спать на мягких кроватках, закрепленные мягкий ремнем. Получая время от времени в кровь порции глюколита, заменяющего еду и частично смесь для дыхания. Мы с Джесс проспали два месяца под присмотром специалистов и сделали вывод: в полете этот метод незаменим. Экономнее получается, чем два раза по полугоду уничтожать запасы драгоценной еды и воздуха.

А трое мужчин тем временем позаботятся о стабильной работе систем и модулей, о цистернах, что дружной стайкой торопятся за кораблем и, конечно, о спящих красавицах. Мне Андрей обещал каждый день проводить массаж ручек-ножек и обязательно спинки, чтоб мускулы не растаяли, а пролежни не пролеживались.

Мой супруг – моя сладкая гордость. Чернобровый и черноглазый, гибкий в талии, мощный в плечах, он немного похож на цыгана, своего легендарного прадеда. Андрей силой воли и твердостью продуманного характера далеко ушел от мужчин безалаберного народца. Командир экспедиции. Он ответственный за доставку в громадных круглых цистернах миллиардов литров метана и отличной вызревшей нефти, призванных поддержать затухающие горелки на кухнях домохозяек. И буксующие автомобили. И уже встающие линии химических производств.

Безусловно, сырье будет дорого. Но оно станет благом для всех, кто им сумеет воспользоваться. Мы воспользуемся процентами от продажи ценного груза, это греет и гладит за ушком.

Почему до сих пор не сплю?

Ну ладно, представлю образ нашего астрогеолога, молодого Вивьена Бонье. Красавчик француз с чуть слащавой полногубой доброй улыбкой. Распахнутые глаза, и ресницы дугой, как у девочки. Чуток уступает в росте моему дорогому начальнику. Парень Джессики. Отвечает за массаж ее крепкой фигурки перед Джессикой и медкомиссиями. Уверена, эту часть своих каждодневных забот парень будет нести с пылом в сердце и с восторгом, тщетно скрываемым.

Ну, а слаженной робототехникой заправляет японец Мэмору по фамилии Мацусита. Похожий лицом, как ни странно, на Джонни Деппа в очках. Такой же глубокий взгляд, печальный, чуток виноватый. Тут главное не перепутать, не пошутить: «Эй, Джонни!», а почтительно выговаривать: Мацусита-сан, поясните... Сильнейший специалист. Самый старший на корабле, ему уже тридцать восемь.

А мне уже тридцать два… За спиною годы исследований на Луне и в ее окрестностях. Космическая старушка, но никак не желаю стареть и с трепетом принимаю комплименты сильного пола. Этот треп я конечно вырежу, когда буду сдавать свою шапочку психологам на экспертизу.

На этом условии, собственно, на возможности удаления личных мыслей, эмоций и снов, мы все согласились участвовать в эксперименте израильского профессора Абильгама. Ему интересны загадочные космические феномены, а мы не раз с ними сталкивались.

Хорошо б прояснить природу, например, измененья сознания, когда человек выходит из привычного состояния человека и космонавта. Сидел за прибором, и вдруг, плывет в облаках грозной птицей, могучими крыльями машет, хвостом направляет полет. Какое, скажу, наслаждение, ритмично сжимать мощный мускул, опираться крылом на сгусток нагнетаемой атмосферы! А ветер трепещет в перьях, а солнышко бьет в глаза, но зоркий глаз вычисляет зверька в цветущей траве. Признаться, я этих зверьков заклевывала десятками, горяченьких, визжащих. И, представьте себе, поедала, с удовольствием, с вкусом крови.

Что, вроде, не отражается на моих каждодневных вкусах.

Или звуки Земли в шлемофонах: разговоры, мяуканье кошки. Пропадут, а потом опять… Или вдруг обостряется зрение, и парень со станции видит дом родной с дворовой постройкой во всех уникальных подробностях.

Особенно напрягают голоса в голове или шёпот, навязчиво объясняющий, что зря мы пролезли в космос. Рожденные ползать, видите ль, не должны создавать аппараты искусственного отрыва от данной Творцом поверхности.

А другие, наоборот, поддерживают, как учитель поддерживает ученика. Иной раз, спасают жизни, заранее предупреждая о грозящей завтра опасности. Или диктуя последовательность необходимых действий в минуты страшной аварии.

Конечно, эти явления зафиксированы-документированы, и десятки ученых мужей пытаются их объяснить. Кто проявлением глубинных, неведомых недр подсознания, когда организм человека вспоминает в мельчайших подробностях состояние других организмов, птиц, зверей, или мощных ящеров, предшественников в эволюции. Вместе с их средой обитания, запахами, расцветками.

Кто потоками неисследованных галактических излучений, подключением к эзотерическим информационным полям. Кто обильными проводами, создающими в зонах работы и отдыха космонавтов электромагнитное поле, вызывающее галлюцинации. Ну, а кто вспоминает Лема с его активным, рассудочным океаном планеты Солярис. И земной океан обвиняют в накоплении информации, в отражении тонких энергий, которые улавливают расслабленные невесомостью организмы моих коллег.

Надо сказать, на орбите не верят в галлюцинации. Глюки – это продукт болезненного, уходящего в темень сознания. А мы все здоровее среднего, доказано массой исследований.

Доктор Чжан, консультант Абильгама, которого шустрый профессор привез с собой из Китая, уверяет, что в феноменах ничего нет феноменального. Что все религии мира имеют в своей основе контакт пророка с неведомым, превосходящим Разумом, посылающим человеку изумительные видения…

Все путается… Надеюсь, я мыслила вразумительно, увижу что-нибудь радостное…

* * *

– Люси! – Поцелуи мужа все настойчивее, все сильнее. Я нежусь в родных объятиях, выходя из ступора сна. Но агрессор нетерпелив, он срывает завязки шапки и бросает ее в дальний угол. Своевольная шапка отскакивает, кружит над нами, как муха, любопытная и назойливая. Ага, переход под пижамку, к двум заманчивым близнецам. Жадный рот хватает сосок, и приученные близняшки наливаются сочной тяжестью, рассылают по телу волны, мучительные, сладострастные... Эта пытка невыносима, так и хочется изгибаться, и стонать, и кричать, и плакать! И губами искать его губы, и сцепившись, парить по каюте, упиваясь жадными ласками!

– Андрэ, ты разбудишь Джессику, – я шепчу, но мой нежный шепот подстегивает захватчика. Он отстегивает ремни, прерывистое дыхание щекочет шею за ушком.

Мы свободны, мы кружимся в воздухе, как большие хищные птицы!

– Надолго?

– Два дня… Командир подписал себе выходные для свидания с экзобилогом...

* * *

Когда собрались на ужин, мордашки у молодежи светились, как отражатели световых лучей на котах. Нас с Андреем не напрягает, мы бы дружески посмеялись над предпринятым марафоном, но Мэмору-сан строгих правил. Говорят, в Японии принято до сих пор мыться в тесных бочках, чтобы бренных телес не видеть. Для них открытые ванны – верх бесстыдства и безалаберности. Инженер соблюдает, конечно, бытовые договоренности, но за вежливыми приветствиями явно кроется осуждение.

Что поделаешь, надо думать о душевном комфорте каждого. Потому я взяла лимон и Вивьену лимон протянула – пускай поделится с девушкой. Тот сразу сообразил. Таким

образом, под предлогом поголовной витаминизации скроили благообразие, перешли к обсуждению работ.

Мы уже подлетаем к Фебе, до Титана осталось три дня. В первую очередь следует проверить и запустить две сотни летучих роботов, помощников Джесс и Бонье. Эта парочка облетит на малом спасательном шлюпе громадный жидкий Сатурн, шесть десятков разнообразных и разнокалиберных спутников от Фебы и до Мимаса, изучит кольцо, составит таблицу полезных находок для общества потребителей. И все за неделю, вряд ли основные работы задержатся.

Для нас отправим сто роботов, чтобы к моменту высадки на оранжевую планету, компьютеры принимали данные о составе нефтяных озер и морей, вычисляли, какое из них выгоднее опорожнить.

Вот такой тревожащий план, разбивающий экипаж на ослабленные подгруппы. Что поделать, коммерческий рейс, содержание «лишних» исследователей спонсорами не предусмотрено.

Решили: Андрей с Мацусита шлют помощников на Титан, а мы втроем – по округе. Тут вроде бы делать нечего. Сиди и смотри, как роботы перепроверяют роботов, друг в друга компактно вставленных, словно крышечки для консервов, выбрасывают в пространство через миниатюрные шлюзы. Но длительное одновременное задействование многих систем может вдруг привести к их отказу, к разгерметизации шлюзов. Теоретически может, на практике – никогда. Все равно инструкции требуют, чтоб бдительность не теряли.

Я подвинулась от влюбленных, пусть пошепчутся-похихикают. И задумалась о своем. По правде сказать, о снах, реальных, многозначительных, что терзали меня полгода. Да уж, радости никакой. И чем больше я о них думаю, тем отчетливее подробности.

Вдруг Джессика предложила:

– Вивьен, давай, расскажи Людмиле Сергеевне сны.

Я вздрогнула от неожиданности. Собрала лицо, попыталась увильнуть от ненужной темы:

– Но, Джесс, это очень личное.

– Не личное. Доктор Чжан уверен: Вивьен получает информацию для общего обсуждения.

– Информацию? От кого же?

– От разумных планеты Титан. Их тела еще не сформированы, но сознанья уже живут в окружающих тонких слоях. И сознанья упорно трудятся над созданием хороших условий для собственного воплощения. Вступили с нами в контакт.

– Доктор Чжан и не то придумает.

– Сновиденья Вивьена созвучны многим учениям Востока о зарождении жизни. Почему бы нам не прислушаться?

– Я как-то привыкла прислушиваться к двум высшим образованиям.

Бонье не вставая с места дотянулся до монитора. И стал объяснять, как мальчишка, с азартом первооткрывателя:

– Я свои сновиденья расставил в порядке развития жизни. Вот смотрите, Людмила Сергеевна, Титан на сегодняшний день. Промозглый, дождливый, вонючий, так мы его воспринимаем. А вот как видят они.

Белый свет пролился с экрана. И в этом торжественном свете парили овалы-души, лучась и переливаясь, скользя, проникали друг друга, и звучали волнующим хором, и изливались музыкой, волшебною, завораживающей.

– Мелодии Сотворения, – вдохновенно молвил Вивьен. – Я тоже был чистым разумом, я тоже пел в этом хоре.

– Остается лишь восхищаться, – с легкой завистью молвила Джессика, – а мне снятся такие ужасы!

Я кивнула, но спохватилась. А впрочем, никто не заметил.

– А вот это, Людмила Сергеевна, зародыши новой Жизни. Одноклеточные и многоклеточные, что вовсю копошатся в глубинах нефтяных морей и озер. Они светятся, словно радужки, потому, что я был способен к восприятию биополей. Вы увидите под микроскопом, полагаю, амеб, черных, масленых. Но этих амеб так много, что они своими телами нагрели глубины вод*. Насколько я это по-

* На поверхности Титана нет воды в жидком состоянии. Однако, в литературе о Титане используются привычные благозвучные слова: воды, водоем. Понятий нефтеём или метаноём не существует.

нял, температура у дна где-то десять-двенадцать градусов.

Ботаник во мне не выдержал:

– Вивьен, да вы фантазер. На Земле в районе экватора температура в глубинах до четырех, не более. На Титане, при минусе двестах…

– Вот в этом-то все и дело! – разгорячился парень. – Наши рыбы могут позволить оставаться себе хладнокровными. А существа на Титане выделяют тепло – представляете? – способное согревать окружающую среду. Вероятно, все дело в питании нефтью и горючими газами. Одноклеточные и многоклеточные как передовой отряд готовят более теплую среду для своих последователей. А те уже, более крупные, вот смотрите, как рыбы с щупальцами, согреют моря до поверхности. А моря потихоньку будут отдавать тепло в атмосферу, меняя климат планеты.

Фантазер… Но сотни животных, фантастических, невероятных, резвились в промасленных «водах», выскакивали над волнами, раскрывали слои перепонок и парили медленно, дивно. А по гладеньким бережкам уже прорастали растения, зеленые, как на Земле. Их пачкала нефть приливов, но растенья питались нефтью, тянули её всей поверхностью и вновь блестели под Солнцем. И как огоньки, струились горячими излучениями, согревая азот атмосферы.

– Подождите. Так вы уверены, что амебы уже появились? Что я их скоро увижу?

– Не уверен, – признался парень, – и даже во сне сомневался. Я чувствовал: есть, сегодня. Но «сегодня» – это эпоха в истории мироздания, растянутая, быть может, на миллионы лет.

Ладно, это хоть признает.

– Я в данной подборке ускорил большие шаги эволюции и многое пропустил. Подробностей на часы, пускай доктор Чжан вникает. Вот в этом отрывке Титан уже сплошь прорастает растительностью, горячей, как барбекю. А разумные существа спустились с небес на сушу, постепенно материализуются. Вот они, чуть заметнее воздуха, великаны до облаков. Мешок с головой по форме. На этом этапе сознание почему-то их оставляет. Я как будто

был великаном, но одновременно ведал: происходит формирование нового тела и новой, пока примитивной ментальности. Разумный не может взять все тайны Небес на землю, начинать придется с нуля.

И, самое главное, чувствовал, что все мы – души с Земли. Что прошли миллиарды лет, что Солнце сожгло свой гелий, что в последней, предсмертной агонии поглотило Меркурий, Венеру и подходит к нашей планете. Но нас там давно уже нет! Мы развеяны, ищем пристанища, рассеянные по космосу.

Вивьен взглянул виновато, как будто он сам придумал печальные перспективы. А я не могла оторваться от зрелищ, где быстро сменялись периоды эволюции, где животные-печки резвились, обретая прекрасные формы. И где «человек», освоив еще несколько странных форм, наконец превратился в знакомого желтоватого гуманоида. Отличного от землянина, но вполне приятного с виду. Нетрадиционная техника, архитектура немногих распластанных мегаполисов очаровывали воображение. А Вивьен еще уверял, что вполне понимает язык, что он может переводить, комментировать эпизоды!

– Ученые полагают, наступит день, когда Солнце согреет Титан до минус семидесяти градусов. И еще миллионы лет, набухая и сокращаясь, проскрипит до белого карлика. Что, по их мнению, создаст предпосылки для примитивной и неустойчивой жизни на уровне многоклеточных. В моих сновидениях климат на Титане устойчиво теплый. А разумные развиваются без воинственных закидонов, опираясь на интуитивную, горькую память прошлого. И совсем не знают огня – здесь нельзя разводить огонь, вся планета заполыхает. А когда астрономы заметили, что светило вот-вот потухнет, титаняне построили множество космических кораблей и умчались к далеким галактикам. Куда более приспособленные к абсолютному нулю вакуума, осуществили мечты мечтательного человечества. Вот так, за две эволюции. А сколько до нас их было? А сколько будет еще!

Я сидела ошеломленная. Не могут ночные выхлопы беспокойного нашего мозга создавать такие картины:

подробные, грандиозные, с безукоризненной логикой развития и продолжения после долгих дневных перерывов. Контакт, это точно контакт.

– Я был в будущем. Видел и чувствовал, думал и разговаривал, – повторил упрямо Бонье. С ним спорить было бы глупостью. Всплывали другие вопросы:

– Вивьен, а зачем они все это нам показали?

– Зачем?.. Зачем, я не спрашивал. Я так понимаю: знакомство дочерней цивилизации с материнской цивилизацией. Дети тянут руки к родителям, говорят о своих перспективах. Это, вроде, должно быть естественно.

– Открытые и бескорыстные? Не очень правдоподобно. Дети вечно что-нибудь требуют.

Как могу я судить о детях? Уж лучше б молчала в тряпочку.

– Доктор Чжан уверяет: Вивьен рожден быть космопроходцем. Его принимает Вселенная, поверяет ему свои тайны, – с явной гордостью молвила Джессика.

Вот как… А я рождена не для космоса, получается? Почему Андрей ни словечка не сказал о контактах Бонье? А Андрею что-нибудь снилось?

* * *

На другое утро пошли сообщения за сообщениями. Лишь двадцать роботов ищут формы жизни на мерзлом Титане, остальные восемь десятков работают на окупаемость, присылают формулы фракций из самых больших водоемов. Мы все впятером взялись скорей обрабатывать данные. От выбора моря нефти, самой качественной и зрелой, зависит место посадки. Рядом быть должно непременно и озерцо метана. Газ стоит куда дороже тяжеленного черного золота, но его возьмем впятеро меньше – велика вероятность взрывов при обратной транспортировке. К тому же не очень ясно, как метан опустят на Землю в условиях резкого роста наружных температур*? Неприятности тут обеспечены. Даже очень опасные взрывы. Но об этом

* Как пример: при переносе газового баллона с мороза в теплое помещение бывает, что газ взрывается.

пусть голова болит у конторы заказчика.

К вечеру решили: мы сядем на озеро Рикки в северном полушарии. Погода благоприятствует, и еще девять дней будет день – на Титане солнце в зените триста восемьдесят часов. По такому случаю, рыцари отпустили дам отдыхать – втроем работу закончат. Мы недолго им возражали, в самом деле, устали очень. Накормив мужчин, грациозно полетели в сторону спален.

Наш «Геркулес» – воистину самый лучший из кораблей, здесь у каждого есть каютка. Что, ей-богу, иной раз спасает от конфликтов и нервных срывов. Тот, кто вынужден круглый год наблюдать все одни же лица и поддерживать собственный фейс в режиме благожелательности, и поймет нас, и не осудит.

Но сегодня Джесс забросала меня престранными взглядами, сразу видно, ей что-то надо. Вот и борется дева с характером, не решается озадачить постороннюю в сущности вумен. Значит, мне пора забирать инициативу в руки. У нас в России без комплексов, и помощь легко оказывают, и просят людей о помощи.

– Джессика, поговорим?

Я указала на мягкие короба у иллюминатора, где можно уединиться, наблюдая звездные россыпи, а иной раз даже планеты величиной с монетку. Пристроились, пристегнулись. И девушка, после нескольких ничего не значащих фраз, наконец-таки произнесла:

– Людмила Сергеевна, я не стала бы вас затруднять. Но очень важное дело. Я вчера говорила с Чжаном, и он посоветовал мне обратиться к специалисту перинатальных связей матери и плода. Конкретно, к вашей подруге, Екатерине Соболь.

– Джессика, вы беременны?

– О, нет, – на смугленьком личике отобразилась досада. – Я не так говорю по-русски, а все потому, что волнуюсь. Мне нужен специалист, мировая величина, чтобы мог в суде обоснованно доказать мою правоту. Для меня это очень важно. И для… моего отца.

Даже так… Но к подруге Кате на хромой козе не подъедешь.

– Джесс, я сделаю, что могу. Но поймите, пожалуйста, правильно: у профессора жёсткий характер и нет времени на пустяки. Пустяком она называет, все, что ей мешает работать, как бы это ни было важно для вас или для меня. А уж чтоб выступать в суде… Если только заинтересуется. Если только случай значительный, поднимает ее престиж. Вы должны мне все рассказать, чтобы я рассказала ей. Тогда Катерина подумает. Но я этого не гарантирую.

Было видно: Джесси считает меня явно лишним звеном – воспитание не позволяет лишний раз выворачивать душу. Но пришлось. И я ужасалась, слушая исповедь девушки.

Оказалось, Джесс воспитали не родители, дальние родственники. Хорошие люди, добрые, до пятнадцати лет наша девочка росла, ни о чем не догадываясь. А в пятнадцать у них по закону полагается рассказать подростку всю правду-матку. Правда была шокирующей. Однажды, отец Эдвард Сандерс жестоко избил ее маму. Много ль надо беременной женщине? Дениз потеряла сознание, и ревнивец пришел в себя, все же вызвал скорую помощь. Приехала и полиция. Миссис Сандерс в реанимацию, а преступника – за решетку. С тех пор, он там и остался, хотя писал апелляции.

Уверял – вернулся домой, а супруга лежит в крови. Конечно, на помощь бросился, потому перепачканы руки, и одежда вся в красных пятнах. Но судьи отцу не верят и дело не пересматривают. По свидетельству многих соседей, характер имел несдержанный, жену ревновал прилюдно, мог обидеть и оскорбить. Даже когда супруга вынашивала младенца, придирки не прекращались. Потому – пожизненный срок, за побои особой жестокости, за смерть беременной женщины.

Да, именно так и было. У матери мозг отключился, но сердце билось упорно. И плод развивался упорно, совсем не хотел умирать. Врачи совершили подвиг – сорок дней растили девчушку в утробе погибшей женщины, а потом передали родным.

Тогда же, в пятнадцать лет, Джесс впервые пришла в тюрьму. К ней вывели заключенного. Отцу было лишь тридцать пять, а ей показалось – семьдесят. Дрожащие руки, усталые, затравленные глаза... Эд не знал, что его дочь выжила и смотрел на нее, как на чудо. А она… не могла смотреть. Она его ненавидела. А когда резанула фраза: «Ты жизнью обязана мне. Я мог бы вернуться позже, ты погибла бы вместе с матерью», вскочила и убежала.

Потом приходила еще. Поднимала подробности дела, разговаривала с адвокатами. Эду верила и не верила. Но с годами пришло понимание, что в суде возможны ошибки. Особенно, если судья опирается на характеристику, а вовсе не на доказанные действия обвиняемого.

А когда подала заявление в экспедицию на Титан, словно молния озарила: «А ведь я могу не вернуться». И никто никогда отца не вытянет из клоаки, не позволит ему пожить нормально, по-человечески. А отцу всего сорок пять. Это возраст, когда мужчины дерзко все начинают с начала, бесшабашно влюбляются в женщин, рожают новых детей. Вся жизнь под откос за вздорный юношеский характер.

А Джесс уже повзрослела. Легко меняла парней, и любила, и ревновала, и устраивала скандалы. И жарилась на сковородке, представляя любимых с другими. От Эдварда Сандерса дочери достались не только глаза.

Пять месяцев предполетной обучающие подготовки Джесс корила себя за десять безвозвратных годов бездействия. Только глядя в глаза своей смерти, человек в смятении думает о чертовой прорве времени, потраченной ни на что. И видит, что главное дело – не докторские, не полеты – а ГЛАВНОЕ ДЕЛО ЖИЗНИ остаётся незавершенным. Потому что он никогда не стремился его завершить.

У нас в группе ходила фразочка: «За орбиту Земли – с чистой совестью!» В том смысле, со всеми долгами, моральными и финансовыми, перед вылетом расплатиться. Джессика оплатила детектива и адвоката, попросила с виной отца (или с его невиновностью?) разобраться наверняка. Но крутые профессионалы не дают никаких гарантий: через четверть века навряд ли обнаружатся новые факты. Часть свидетелей в лучшем мире, а живые, кто «помнит ясно», все давно и безбожно врут. Совсем не по злому намерению. По путаной нашей памяти.

И вдруг, во сне, в черном космосе, Джесс стала себя

ощущать младенчиком в чреве матери. Короткие сны, но страшнее она ничего не испытывала. Кто-то бил ее мать беспощадно, и неловкое тельце дочери корчилось под ударами, от боли, от инстинктивно охватившего ужаса гибели. Она пыталась кричать, но вода заполняла рот, пыталась бежать в узкой камере, но отсюда бежать было некуда! Удары, удары, стоны, крик мужчины: «Ты думала скрыться?! Ты думала, от меня спасешься в кварталах белых?» И, как вспышки, лицо чернокожего, перекошенное от ярости! На последних минутах жизни сознание бедной Розмари слилось с сознанием плода. И Джессика видела. ВИДЕЛА!

Она может стать главным свидетелем, она оправдает отца, она вернет ЖИЗНЬ отцу, если профессор Соболь докажет: ребенок способен получать сигналы от матери в виде зрительных восприятий. Особенно, в миг опасности. И память. Возможность памяти, проявившейся в сновидениях.

Когда девушка замолчала, мы не долго сидели подавленные. Настало время решительных, организованных действий. Полночи на компе Джессики смотрели записи с шапки, отбирали самые четкие, монтировали, комментировали. Портрет убийцы составили из осколков, профиль и фас. И, что важно, на самом деле смогли записать его голос. По голосу, говорят, идентифицируют личность, как по отпечаткам пальцев.

Потом сочиняли письма. Детективу – чтобы с портретом прошел по знакомым юности Розмари Готти и выяснил, кого она избегала. И моей дражайшей подруге, предложив интересное дело. Катерина, конечно, возьмется. Ее хлебом не накорми, дай обскакать коллег, ошарашить их новизной и смелостью разработок. Завтра днем адресаты получат наши послания, и завертится дело Сандерса.

Когда расставались, Джесс шепнула мне с благодарностью: она заснет легким сном. Кошмаров больше не будет, повзрослевшая дочь рассчитается за маму и за отца.

А я лежала в кровати и пыталась сообразить: откуда китаец знает о моих московских знакомствах?

* * *

Сегодня 1 апрель 2051-го. День смеха. А мне не до юмора. Проснулась, а сердце рвется, в глазах кровавые мальчики… Да, жалок тот, в ком совесть нечиста, заметил Борис Годунов.

А Андрюша не замечает. Все мысли – сегодня посадка. Ну да, конечно, посадка, и мне надо думать о том же. Только дрожь в груди успокою и вольюсь в наше общее дело. Великое дело, черт возьми, застолбим абзацы в учебниках по истории космонавтики. Мы жертвовали… И жертва напомнила о себе… Не буду об этом думать. Зайду сейчас к доктору Чжану, пускай меня успокоит. Джесс помог, и поможет мне.

У дверей самой дальней каютки замешкалась, постучала. Почему мне все время кажется: я войду, а его там нет?

Старик по восточной привычке медитировал в позе лотоса, зависая под потоком. Увидел меня, поклонился, махнул, словно птица, ладонями, спустился на коврик. И, уже закрепившись, спросил, излучая покой и внимание:

– Что вас привело, доктор Бельская?

Я молча достала шапочку.

После завтрака собирали экспедицию Джесс и Бонье к тяжелым кольцам Сатурна. Малый шлюп облетел корабль лихим прощальным витком и скрылся из зоны видимости. Последнее впечатление – веселые лица ребят за стеклом лобового обзора. Они знают, это может стать их последним полетом. Поэтому улыбаются. Мы знаем… И потому со смехом кричим в микрофон последние шутки напутствия. Мы стараемся гнать даже мысли, тревожные, материальные, и скорее переключаемся на собственные проблемы.

Если б нашей задачей было посадить корабль на Титан через бури и турбулентности непривычно тугой атмосферы, это был бы воистину подвиг. В коммерческом варианте сложность подвига возрастала в десять раз, по числу цистерн. А цистерны…

Представьте сферы «всего» двести метров в диаметре. В таких, выражаясь образно, убирается пара домов по восемьдесят этажей, вертикально и горизонтально. На меньший объем наши спонсоры согласия не давали, кричали, будет невыгодно.

Потому к поясу шариков крепятся по четыре новейших и невозможно дорогих ракетоносителя, работающих без выбросов привычных огненных струй. И наш «Геркулес» той же серии, нефть и газы он не подпалит, способен к полету в атмосфере и в безвоздушном пространстве.

Маневры мы отработали в пустынных снегах Антарктиды – условия сходные. «Всего лишь» температура на Титане в три раза ниже и плотность среды ощутимее, как будто внутри бассейна. И низкая гравитация, примерно как на Луне. Но к Луне мы легко привыкли, а скафандры согревали наших коллег еще на заре космонавтики.

Для посадки громадин требуется ручное допрограммирование сорока ракет в соответствии с постоянными изменениями ветров в слоях атмосферы. Чтоб цистерны плюхались в нефть, не повредив обшивку. А иначе – все замыслы к черту, а с ними и наши проценты.

Разбились на две бригады. Мацусита-сан программировал и шарики вниз направлял, в окошки без завихрений над облюбованным озером. Послушная электроника вела шары сквозь туманную оранжевую завесу, тормозила, чтобы обшивка не горела, не раскалялась, выбрасывала парашюты. Парашюты полнились воздухом, относили цистерны в стороны.

Но внизу уже мы с Андреем на большом спасательном шлюпе вылавливали пузатеньких. То есть в считанные секунды, пока шары не упали, пока о твердь не шарахнулись, успевали подать уточняющие сигналы системам посадки, потерявшим ориентацию от частых переворотов. Я – пилот, супруг – оператор, а вместе – дуэт победителей, слаженный, вдохновенный!

Озеро Рикки тянется в длину пятьдесят километров, но с высоты Мацуситы смотрится крошечной кляксой. Только специалисты оценят точность японца, лишь виртуоз скажет «браво!» скорости нашей реакции.

Одна махина качается на густой коричневой ряби… Вторая, подальше ее, чтоб крутыми боками не стукались… Вдруг пятую затянула, закрутила воронка смерча, сорвала парашюты и модули! Мгновение – смерч загудел, растянулся вертлявой колонной от земли до самых заржавленных метановых облаков! И на нас! Поднимая в воздух песок и громадные глыбы! Я резко вильнула в сторону, но одна из глыб шарахнула по хвосту, и мы полетели вниз, кувыркаясь, как сбитый коршун.

Вот тут и могла бы встать красивая жирная точка в некрологах. Но удача летела с нами. Мы бухнулись в нефть и зависли на широких ремнях безопасности. За стеклами темень масляная, а мы висим вверх ногами, и целуемся, и хохочем. В опасности драйв, май беби!

– Вы живы? Ответьте, живы? – срывается голос в наушниках.

– Порядок. – Андрей ткнул кнопку, шлюп лениво вильнул на брюхо, заработали шустрые дворники. Вдалеке за высокой дюной смерч с досадой швырнул цистерну, она грохнула и развалилась. Твердь вздрогнула, озеро нефти пошло тяжелой волной. На волнах деловито подпрыгивали металлические гиганты с торчащими в небо клювами.

– Итого, минус десять процентов, – подытожил супруг и нахмурился. Ох, не любит считать убытки. – Не будем качать метан. Опасно, труды на ветер.

А может, на ветер тысячи человеческих слабых тел? Взрыв в атмосфере Земли миллион тонн природного газа – это хуже атомной бомбы! Почему я только сейчас поняла весь ужас задуманного?

Еще три часа мы метались под бдительным взглядом Сатурна величиною с блинчик, полосатого, как на картинках, в кокетливой рыжей шляпе. Всё. Первый этап осилили с минимальными огорчениями, могло быть гораздо хуже. Когда Мацусита спустился, его ждал стол на троих и вино в пластмассовых стопках. На Земле узнают о высадке, и отпразднуют, и растрезвонят по телеканалам мира. Мы тоже немножко расслабимся, позволяет торжественность случая. А потом подыщем надежное достойное возвышение и вмонтируем гордые флаги четырех прекрасных держав.

И табличку прибьем с именами героев-первопроходцев, пусть желтенькие археологи удивятся, когда раскопают.

Усталость усталостью, а дежурства по расписанию. И уж если мое дежурство, имею право проверить Титан на наличии жизни. Получив сегодня призывы, мои роботы прилетели, принесли пробирки из вод, что в два дня успели облазить. Я заполнила холодильник, именуемый лабораторией, а пронырливых «голубей» заново отпустила. Пускай порхают ради любознательного человечества.

Джесс болтает по телесвязи, сквозь помехи ее лицо то появится, то пропадает. Слава богу, у них все в порядке. У девушки радость: Катя ответила на письмо, задала еще сотню вопросов. А чем похвалиться мне? Один за другим закладываю мазки в приемник компьютера. Никого нет на мониторах. Ни туфелек, ни амеб, ни обещанных многоклеточных. Да, обрывки молекул болтаются, но их до меня предсказали. Вивьен говорил красиво, но красота слога – не показатель истины.

– Ну как?

– А ваще никак. Весь южный район – пустышка.

Джесс вздыхает разочарованно и отбывает баиньки.

Еще двое суток мужчины налаживают и подключают системы нефтезабора. Тут нужна особая тщательность, чтобы воздух не попадал, чтобы жидкие фракции нефти под обшивкой не испарялись. А иначе – опять же взрыв.

Я работаю над таблицей углеводородов Титана, тщательно, в каждой луже выявляю состав и качество. Все восемьдесят подсобников шлют данные неустанно. А биодвадцатка порхает туда-сюда до экватора, на пробежки теряет время. Но в районе экватора пусто.

«Вечерами» у нас связь с Центром. Мы берем с собой телекамеру и гуляем по рыжей долине, испещренной нитями рек и гладью резных озер, любуемся криовулканами, наполняющими округу протухлым аммиаком. Испытываем заодно костюмчики с подогревом и кислородные маски для будущих энтузиастов. О чем и вещаем миру. В ближайшие десятилетия человек освоит Титан, как уже освоил Луну, построит под куполами научные городки. С космодромов планеты новые сверхмощные корабли полетят на Нептун и Плутон. А быть может… может, и дальше. Почему бы не помечтать? Почему себе не признаться, что фактически мы отворили ворота в далекий космос? Это пик моей звездной карьеры. Я должна быть взволнована, счастлива. Что мешает? Почему в голове отдается отчаянным тиком: «Все неправильно. Все не то».

Еще три дня. Все цистерны наполнены жидким топливом. Опустились на дно (а дно на глубине всего десять метров) и стоят себе, ожидают дальнейших распоряжений. Подъемы с особенной нежностью будут роботы выполнять – велика вероятность аварий. И, конечно же, черное золото надо будет собрать на орбите, скомплектовать в состав, где каждый из круглый вагончиков за нами пойдет без прицепа, как утята за мамой уткой. Так надежней и безопасней. Даже если один отобьётся – дорогу до дома знает. А в каждом вагоне больше четырех миллиардов литров драгоценнейшего сырья. Оно будет расти в цене. Почему даже это не радует?

Мы планировали сегодня заняться подъёмом шариков, но штиль резко сменился бурей. Ветер гонит барханы песка, засыпает нас с головой. А что в небесах творится! Приходится выжидать.

Вдруг выходит на связь Вивьен и кричит, чтобы мы немедленно прыгали на орбиту. Что к озеру Рикки движутся десятки гигантских смерчей, разнесут нас в мелкие клочья.

– Вы видите нижний слой атмосферы в нашем районе? – усомнился Андрей.

Еще бы! Наверху не медом намазано, там тоже сотрут в порошок десятки встречных фронтов.

– Не вижу! Я эти сведенья получил от разумных Титана!

– Здесь нет никаких разумных. Ваши сны – это полная лажа!

– Не важно! Андрей, будет поздно!

По инструкциям, взлет допускается лишь в солнечную погоду. Что делать? Темень вокруг. Даже если на нас полетит оторванная скала, мы вряд ли ее разглядим.

– Выношу на голосование.

Почему мы поверили парню? Почему, вопреки всем правилам, и я, и Мэмору-сан решили, рискуя жизнью, прорваться в полосу вечного неуязвимого штиля? На высоте около восьмидесяти километров простирается зона покоя, не затронутая ветрами, бушующими внизу, ни турбулентностью сверху. Загадка природы. Но загадка спасла наши души. Почти сутки мы дрейфовали, наблюдая борьбу стихий, вместе с сотнями гладких камней, выброшенных смерчами.

А когда вернулись назад… Ландшафт изменился, озера затянуло грязным песком, местами мелкие реки пробивали новые русла. Осколки цистерн, наполненные драгоценной коричневой жидкостью, валялись по всей округе.

– Еще минус сорок процентов, – сдвинул брови мой счетовод.

На месте бывшей посадки искрилась скала остроконечного льда. Я ахнула и перекрестилась, благословляя проблеск спасительной интуиции. Судя по лицам мужчин, их мысли были о том же.

Что ж, оценим наши убытки среди роботов-лаборантов. Прилетели двадцать четыре покоцанных георазведчика и восемь биотарелок. Остальные сложили головы для будущих археологов в песках и пучинах «вод». Я верю в тех археологов? А если не верю вроде бы, зачем о них часто думаю?

Вернулись Вивьен и Джессика. Мы бросились тискать парня, называя Великим Оракулом, а девушку целовать.

Теперь подготовка цистерн займет куда больше времени. Все валяются на берегу, и быть может, все они треснутые, разлетятся во время подъема, не выдержав перегрузок. Инструкция требует тщательного пошагового рентгена. Пока роботы-рентгенологи ползают по шарам, мы тестируем не пострадавшие с виду ракетоносители. Пострадавшие сразу цепляем балластом к бокам Геркулеса, отправятся на ремонт.

Мужчины скрипят зубами – не так они представляли возвращение победителей. Но каждый делает вид, что работы идут по плану. Каждый шутит, больше для девушек, что спонсоры предполагали доставку «трех теннисных шариков». Но в принципе, даже один уже окупает расходы и дает неплохую прибыль.

Ну вот, на грязном боку загорелась синяя лампочка. Значит, трещина обнаружена, но изъян незначительный, внутренний, и в принципе можно рискнуть. Андрей пожимает плечами, предлагает устроить отдых. Через пять часов будет видно, с каких цистерн снять ракеты, на которые переставить. Надеюсь, за это время не случится новых несчастий.

* * *

Джесс застала меня на коробках, куда я сбежала в смятении.

– Вам плохо, Людмила Сергеевна?

Приходится отвечать, все равно скрывать невозможно.

– Там, отдельно стоят в холодильнике… Три горяченькие пробирки.

– Горяченькие?

– Ну да. Для них плюс шесть – санаторий. Размножаются быстрыми темпами.

Джесс секунду осознавала.

– Откуда?

– Озеро Рикки. Единственное на планете.

– Но ведь это же получается… Получается, что мы с вами… Своими руками делаем планете аборт?

– Аборт?! – Я вскочила, будто ужаленная.

– Ой, простите, Людмила Сергеевна. Это слово звучит слишком грубо.

– Но конкретно. Пойдемте со мной.

Мужчины уже гуляли по берегу, ждали нас.

– Три цистерны в полном порядке, – улыбнулся мой командир. – На каждую по пять ракет, до Земли добегут с гарантией. Пожалуйте, дамы, на шлюпы, будете крановщицами.

– Не буду! – Отказ бухнул пробкой, взвившейся в потолок. Тут же все ко мне повернулись, но смотрели с явным сомнением. Каждый думал, что он ослышался или что-то

там недопонял. А я вдруг заговорила, и слова полились вином, убегающем из бочонка: – На Титане уже есть жизнь, горячая и активная, как предсказал Вивьен. Но только в озере Рикки. Нельзя трогать это озеро, мы разрушим живое будущее!

– Начало жизни? – Андрей явно в первый момент растерялся. Еще не бывало случая, чтоб жена нарушала приказ. – Но мы заберем каплю в море. Бактерии вырастут снова.

– Не вырастут! Мы привыкли разрушать природу Земли, а она нам сопротивляется. И живет, и цветет, и пахнет, потому, что миллиарды лет крепла без Человека Захапистого. Но нельзя разрушать зародыш! Наш единственный сын не вырос! Наш сын, кого мы убили! Он приходит ко мне во сне, до жути живой, реальный! Разорванный на куски! Я его ласкаю и плачу, и кормлю своим молоком!

Товарищи ахнули и поспешно ушли подальше. Андрей побледнел и выпрямился:

– Майор Бельская! Кругом – марш! Отправляйтесь к доктору Чжану, пусть он вам вправляет мозги!

– Никак нет, товарищ полковник! Пусть я больше не буду майором, пусть это последний полет. Но я считаю, что нефть нам надо вернуть Титану, а результаты исследований продуманно фальсифицировать. Составить такой отчет, чтоб никто никогда не вздумал сюда даже носа сунуть. Расскажи людям об ископаемых, люди выгребут их до капли и ликвидируют среду развития новой жизни. Расскажи им о новой жизни – прилетят ее изучать, увидят озера нефти и предадут живое. Человечество с умной миной и гуманным убеждениями разорвет зародыш на части! И сожжет его в топках двигателей!

Я не палач. Я отказываюсь. И я хочу, чтоб товарищи сейчас мне в глаза сказали, что думают, как поступят.

Друзья, конечно, все слышали. Стояли спиной, но шлемы не подумали отключать. Я надеялась на Вивьена, полагала, что он заступится за народы, где был своим. Но парень не мог так запросто нарушить субординацию. Звездолет не пиратский бриг.

– Офицеры поступят, как прикажет им командир! – произнес победно Андрей.

– Как подскажет им долг, командир, – поправил вдруг Мацусита, с японской почтительностью преклонив поседевшую голову. – Откровенность за откровенность. Я тоже должен признаться, что видел реальные сны. В этих снах я был в Хиросиме. Это было больно, поверьте. Меня заливал огонь, я кричал, я бился в агонии, я вбирал в себя ужас тысяч, умирающих рядом со мной! Мы горели! В гигантской топке!

Но вдруг я вновь воскресал, в Америке, на банкете. Я ел, я тянул вино, жал руки самодовольным ученым и генералам, поздравлявших друг друга с удачным испытанием новой бомбы. Я знал: оружие создано при моем участии. В 45-м я не был в Японии. Я был ядерщиком в США. Космос мне рассказал об этом. Космос дал своей шкурой прочувствовать мою степень вины перед каждым из погибших и ныне живущих.

На Титане я принял решение, – Мацусита обвел нас взглядом. – На Земле я сниму погоны и буду всю жизнь бороться за ядерное разоружение.

Это было совсем неожиданно. Умом мы всё понимали, но представить никак не могли, чтоб блистательный офицер добровольно ушел в отставку на пике своей карьеры ради недостижимой цели.

– Бессмысленно, – выдал Андрей после секунд молчания. – Мацусита-сан, все бессмысленно. Никто не способен заставить пятнадцать ядерных стран уничтожить свои арсеналы.

– Я не утопист, Бельский-сан. Человечество не откажется от дубинок, которыми машет. До тех пор, пока эти дубинки не попáдают нам на головы. Прозрение наступит не скоро, боюсь, будут новые жертвы. Но быть может, я что-то сделаю, чтобы этих жертв было меньше.

Я против преступлений на Земле. Я против преступлений в космосе. Не надо свершать ошибку, чтоб потом ее исправлять, чтобы мучиться от невозможности этого исправления.

Я согласен с Людмилой Сергеевной. Мы сможем фальсифицировать отчеты и вылить нефть так, что… Как говорят по-русски? Так, что носа индюк не подточит.

Вообще-то, комар. Но Андрей не зацикливался на фауне. Полагаю, в тот миг он думал, что команда его предала. Его и великую миссию обеззинивания человечества.

– Я с ними. Простите, Андрей. – Теперь и Вивьен осмелел. – Я не знал, как ответить правильно на вопрос Людмилы Сергеевны и все думал: что им от нас надо? А когда они вас спасли, осенило: титане надеются на ответную доброту.

Тут и Джессика не удержалась:

– Я сама была в снах плодом, которого убивают. Я чувствовала, понимала! И Титан ощущаю остро, как беременную планету с уже проявившимся Разумом. Они, беззащитные, видят нас. Видят, как мы деловито разрываем их жизнь на части. Неужели не посочувствуем? Неужели мы им не поможем?

– Черт-те что, – пробурчал командир. – Вы все помешались.

– Неверно. Они вступили в контакт и проявляют лучшее из человеческих качеств: деятельное сострадание, – вдруг раздался голос китайца. – Человек должен думать не только, что он получит в космосе, но о том, что он космосу даст. Невмешательство – ценнейший из подарков. Невмешательство дарит жизнь.

Мы оглянулись. Старик стоял в минус двести в легком костюме для кораблей. Практически, голышом. И рукой делал жест: спокойно, даосы не то еще могут.

– Разве Разум мог обойти вниманьем командира? Разве полковник Бельский не испытывал сновидений?

Андрей изменился в лице. Сказал:

– Я услышал каждого. Теперь мне надо подумать.

И ушел, чуть не сбив плечом проницательного психолога.

* * *

Мосты сожжены. Пять цистерн не выдержали перегрузок, разорвались при подъеме, осеменяя мелками горячими организмами десятки озер в округе. Ай-яй-яй, какая досада!

Мацусита предупреждал, что спонсоры пережадничали, что шары двести метров в диаметре невозможно будет поднять. Так и вышло. Оно и к лучшему. Все равно на Титане нефть невызревшая, непригодная для потребностей человека. А воздух! Он нас травил через пять слоев химзащиты. А смерчи! А водопады, струящиеся с небес, разъедающие скафандры! Опасно, смертельно опасно высаживаться на Титане! Да и делать там, в сущности, нечего.

Корабль благополучно миновал серебристую Фебу и взял направленье к Земле. Мы с Андреем долго прощались, по обычаю, тет-а-тет. И конечно, я не стерпела, начала выпытывать мужа:

– Андрюш, а что ты так быстро изменил свое ценное мнение?

– Я все объяснил. – Поцелуи, щекочущие за ушком. И чернющий насмешливый взгляд. Как раз такой, когда врет.

– Ну да. Ты прочел нам лекцию: «Полет на Титан – зловещая финансовая махинация». Мол, людям кричат: запасы нефти и газа кончились. Но проверить сие невозможно. А сколько мы привезем? А кто из простых сосчитает расход в мировом масштабе? С возвращением сырье Земли будет все продаваться под видом космического сырья. По космическим ценам, естественно. В этом главная цель предприятия, поэтому нас финансировали.

– Ага. А ты сомневаешься?

– Нисколько не сомневаюсь. Мой благородный рыцарь сгреб всю вину на себя на случай крутых разборок. Не перебивай! Я спрашиваю, где личный мотив? В глаза! Не сметь целовать под мышками! Рассказывай сновидения!

Андрей притворно вздохнул.

– Не отстанешь?

– Неа, не отстану.

Муж откинулся на подушку, закинул руки за голову:

– Мне сны не делают чести. Я был волком и воровал детей из ближней деревни. И всякий раз знал: я ем опять своего ребенка.

Я прижалась к супругу, сочувствуя:

– Малыш нас не упрекает, он просится к нам обратно.

Но после того, что мы сделали, ребенок родится больным. Потребуется еще немало реинкарнаций, чтоб наш мальчик совсем поправился.

– Я знаю. Мне вдруг привиделось, что я превратился в женщину, что кормлю младенца-уродца. Своей грудью. В этом мотив. Я испугался. Я не думал. Я просто вскочил и решил, что не буду ввязываться в убийство цивилизации. Человечество обязано уступить территорию собственному потомству. В этом поступке не слабость – сила взрослого, с умилением пестующего младенца. Я уверен, что на Земле с годами это поймут и больше Титан не тронут.

А мы с тобой, между прочим, давай-ка родим ребенка. Поспешим исправить вину, пока я, слава богу, мужчина. Ты согласна?

Он еще спрашивает!

10 сентября 2041-го.

Сегодня чудесный день, сегодня мы приземляемся на космодроме Восточный. Пятерку героев, свершивших беспримерный космический рейс, встречают на высшем уровне. Генералы жмут наши руки, блики камер слепят глаза, оркестр играет гимны четырех прекрасных держав. Вдалеке прослезилась мама.

Все счастливы. Мы привезли на Землю новые знания о таинствах нашей системы. Да, с нефтью не повезло. Что ж, людям пора доставать из-под сукна проекты, хранимые за ненадобностью в эпоху откачки сырья из подземных резервуаров. Это будет дешевле, чем рыскать лисами по задворкам в надежде на манну космическую.

В толпе встречающих лица Абильгама и доктора Чжана. Их ждет разочарование: обошлись мы без феноменов. В шапках глупые, невыразительные обрывки обычных снов.

Лирический портрет

Владимир ГОФМАН

ДУССЕ-АЛИНЬ

Цикл стихотворений

Нам, воинам-железнодорожникам, прибывшим на строительство восточного участка БАМа (Ургал, Хабаровский край) в декабре 1974 года, была поставлена задача освободить ото льда тоннель на перевале Дуссе-Алинь, построенный в 40-е годы заключенными БАМлага. Двухкилометровый ледяной стержень пронизал сопку, и даже летом не таяла зеленоватая наледь у входа в тоннель, что было похоже на высунутый язык.

Лагерь в распадке между сопками хорошо сохранился – и сторожевые вышки, и бараки, в которых мы и жили первое время.

Над входом в тоннель с восточной стороны, там, где он высунул свой ледяной язык, стояли три огромные плиты с барельефами Маркса, Ленина и Сталина. На этих плитах наши художники написали знаменитый лозунг: «Привет строителям БАМа».

В. Г.

1. Тоннель

Нам по двадцать. Совсем мальчишки.
Нынче в клубах такие тусят.
…А в распадке бараки да вышки
И мороз – минус пятьдесят.

Мы – ребята из желдорбата!
Уж такой этот желдорбат.
Год за два – офицерам расплата,
Год за год – это наш расклад.

Наш комбат был прямым человеком,
Объяснил без политики нам:
– Вот такая, блин, стройка века!
Вот такой комсомольский БАМ!

Тридцать лет, позабытый всеми,
Лагерь выстоял у реки.
И построек не тронуло время –
Крепко строили мужики.

Те, что здесь под конвоем в стужу
Рвали мерзлое тело земли,
Чьи святые и грешные души
Тут прописку навек обрели.

А в бараках и нары, и печки,
Будто ждали нас – все путём!
Гауптвахту построим у речки,
Будем живы, пока не умрем!

Все комбат расписал, как по нотам,
Где тоннель был аккорд основной.
– Шаг вперед, путевая рота!
– Смирно, взвод мино-подрывной!

И стояли мы в легких бушлатах,
Лез под ребра мороз, как штык.
И тоннель на речугу комбата
Ледяной прикусил язык.

…Лес валили. И лед рубили.
Зажигали на сопках огни.
Водку с корнем корейскую пили
И считали до дембеля дни.

Их уже оставалось немного…
Долог день, да идет чередом!
И лежала до дому дорога
По тоннелю, забитому льдом.

2. Хлеб

От Ургала до перевала
Путь не долог на первый взгляд.
Но еда в пути замерзала,
Если было за пятьдесят.

Кто в таких переделках не был,
Не поймет, будь хоть трижды герой,
Как непросто буханку хлеба
Распилить двуручной пилой.

3. В бараке

А в бараке и днем темно.
А в бараке одно окно.
А в бараке нары да печь –
Можно встать, а можно прилечь.
А у печки портянки висят,
А на улице – пятьдесят.
И мороз запушил стекло,
Но в бараке у нас тепло.
И сидим мы – к виску висок
И поем про березовый сок,
Про Москву поем, про Арбат,
А еще про наш желдорбат.
А про кое-что замполит
Громко песен петь не велит.
Все ему бы про доблесть да честь,
А нам просто хочется есть.
И дневальный до самой зари
Потихоньку жует сухари.
…Отдыхает усталый взвод.
А над сопками солнце встает.

4. Жена «врага народа»

Милый мой, ты помнишь меня?
10 лет сижу за поджог озера.

Надписи на нарах в женском лагере

1

Ах ты, птичка-синичка,
Как так вышло, дружок –
Комсомолка, москвичка,
А в тайге за поджог?

Враг он не отдыхает,
Всюду сеет разлад –
И леса полыхают,
И озера горят!

С кем в театры ходила,
Целовалась в кино –
Тот, кого ты любила,
Он расстрелян давно.

На Никитском бульваре
Ждет свиданья другой…
Спит заснеженный лагерь,
Да не спит часовой.

От Москвы до Чукотки
Часовые не спят.
А на окнах – решетки,
А мороз – пятьдесят.

В Синем зале другая
Смотрит фильм не дыша…
От собачьего лая
Деревенеет душа.

А уснешь, там – гитара,
И туман над рекой…
Крепок сон и на нарах,
Как помашешь киркой.

Крепко спится сидельцам –
С Потьмы до Колымы.
Никуда нам не деться
От сумы и тюрьмы!

Снова воет собака…
Спи покуда, дружок.
Срок не слабый, однако,
За фальшивый поджог!

…А на крышу барака
Лег московский снежок.

2

По странице жизнь свою листая,
Помни – на семь бед один ответ.
Вот и вышла пятьдесят восьмая
И без переписки десять лет.

Десять долгих лет в краю таежном,
Где, теряя, больше не найдешь.
Будь спокойной, смелой, осторожной –
И тогда, быть может, проживешь.

Сколько грязи, мерзости и боли!
Все же Ангел твой тебя берег.
Это суд решает срок неволи,
Жизни срок решает только Бог.

…Мы бренчим в бараке на гитарах,
Согревая пальцы у огня.
И читаем надписи на нарах:
«Милый мой, ты помнишь ли меня»?

5. Могильник

Где деревья как свечи,
Где за вырубкой мгла,
Там на сопке, за речкой,
Зарывали тела.

Ни имен, ни фамилий –
Номеров череда.
Чтоб о них позабыли –
Обо всех. Навсегда.

Чтобы вырвать, как жало,
Чтобы каждый был стерт…
А под сопкой бежала
Речка с именем Черт.

Каждый Богом отмечен,
Будь велик или мал.
А на сопке за речкой
Ангел души считал.

Уж такая работа
Стражу райских ворот –
Чтоб не сбиться со счета,
А велик этот счет!

Тут конвоя не надо –
Проходи, не зевай –
Из кромешного ада
Прямо к Господу в рай.

Значит, доля такая –
Ни холма, ни креста.
И вокруг вековая
Мерзлота.

6. Просека

Привыкли к стуже, к ледяной пурге,
И лица задубели на морозе.

Мы прорубаем просеку в тайге,
Еще к себе. На полном на серьезе.

На солнце мы глядим из-под руки.
Теперь и сами знаем цену нашу.
Под кашу маловаты котелки,
Но мы и дома мало ели каши.

Синицу крепко держим в кулаке.
По жизни так ведется – или-или.
Мы прорубаем просеку в тайге,
К себе, тайге спасибо, прорубили!

7. С вертолета

Стволы деревьев светятся розово,
На кронах солнечная паутина.
На вертолете в поселок Березовый
Мы летели из Чегдомына.

И было весело в иллюминаторы
Глядеть на тайгу с высоты полета.
Внизу, похожая на аллигатора,
Плыла неуклюжая тень вертолета.

Вот гряда показалась горная
В фиолетовых шапках снега.
Словно башни великого города
Опустились на землю с неба.

8. Новый год

Сегодня замполит в ударе –
Запретов нет, гони тоску!
Играет Мусин на гитаре
Про златоглавую Москву.

До той Москвы!.. С попутным ветром,
А скорым поездом верней –

Почти семь тысяч километров
И триста долгих-долгих дней.

А в той Москве все тары-бары,
Еще к столам спешит народ,
И пьет пока еще за старый,
От нас уже ушедший год.

На холоде охрипла глотка
Кричать «за дембель!» без конца.
Густеет на морозе водка,
Но размягчаются сердца.

И нам пока еще не поздно –
Жизнь впереди, надежд полна.
Над сопками повисли звезды,
Как золотые ордена.

Пускай живется нам не сладко
В тайге, у света на краю…
А для тепла – пляши вприсядку.
Играй, Наиль, я подпою!

9. Последняя осень

Бродит осень тайгой в сарафане из рыжих заплаток,
От щедрот рассыпая золотые червонцы вокруг.
Ах, как иней горит по утрам на брезенте палаток,
И людей не боится веселый зверек – бурундук.

В серебре ослепительном сопок далеких вершины.
Среди кедров и пихт, возле плаца, на самом виду
Бьется трепетно флаг октябрем подпаленной осины,
И бежит бурундук удивленно по первому льду.

Скоро нам уходить по домам по приказу комбата.
Скоро нам расставаться с тайгой, может быть, навсегда.
А тоннель наш достроят, конечно, другие солдаты,
И потом побегут по нему на восток поезда.

Скоро нам уходить. Все яснее над сопками просинь.
По сто грамм и закурим, и комбата помянем добром.
Мы свое отслужили. И наша последняя осень
Выстилает дорогу на дембель цветастым ковром.

10. Наколка

Толгат Халимов в этом деле дока!
Присядем с ним на нарах в уголке –
Наколку с видом Дальнего Востока
Набьет в два счета на моей руке.

Чтоб помнилось потом, во время оно,
Дыханье злое вечной мерзлоты
И тот приказ министра обороны,
И над тоннелем черным три плиты.

Смотрели вдаль три идола эпохи –
Там было пусто – снег да синева.
Кругом тайга. Дела не так уж плохи –
Мы пилим лагерные вышки на дрова.

А за спиной стояли как охрана,
С утра до ночи, с ночи до утра,
Три каменных забытых истукана,
И «Варшавянку» пели им ветра.

Но не спалось спокойно замполиту,
Он партячейку трижды собирал,
И по ее решению на плитах
Толгат стихи про БАМ намалевал.

…Построен БАМ. Есть повод, в самом деле!
В помине нет ни вышек тех, ни плит.
И я читал, что нынче над тоннелем
Живым и мертвым памятник стоит.

Выходит, что и мы не позабыты.
Живем не тужим на исходе лет.

И на руке, рубахою прикрытый,
Синеет сопок дальний силуэт.

Напоминаньем о Дуссе-Алине,
О тех, с кем курево делил я и еду.
И потому с руки наколки синей
Я ни за что на свете не сведу!

11. Дембельский тост

Со вторника до четверга,
В гостинице бросивши вещи,
В кафе «Золотая тайга»
«Стрелецкую-горькую» хлещем.

Аты-баты, аты-баты!
За начштаба, за комбата,
За начфина! И одну
За майорову жену!
За сержантские погоны,
За министра обороны!
И еще… еще одну –
За майорову жену!
Аты-баты, аты-баты!
За два года желдорбата!
И последние сто грамм
За всех тех, кто строил БАМ!

На сопку упала звезда…
Мы пьем и никак не напьемся,
Не думая, что навсегда,
Что мы *навсегда* расстаемся!

Надежда БОЛТЯНСКАЯ
(1963–2015)

МЕЖДУ ОБЛАЧНЫХ ТЕНЕЙ

ПРОСТОЕ И ПОДЛИННОЕ

Стихи московской поэтессы Надежды Евгеньевны Болтянской я открыл для себя тогда, когда ее уже не было на свете. Нет, я, разумеется, читал ее раньше; любой литературный редактор «пропускает через себя» сотни и даже тысячи стихотворных подборок за год. Это просто входит в его работу. Но человек – не робот. Глаз «замыливается», и даже отличные тексты начинаешь воспринимать не так, как до́лжно. Конечно, я видел стихи Болтянской в журнале «Континент», где и сам как-то публиковался. Но тогда они просто прошли мимо меня. А вот недавно, прочитав несколько сборников Болтянской, попавших ко мне в руки, совершенно иначе взглянул на этого поэта. И в который раз убедился в правоте Есенина, сказавшего: «Большое видится на расстояньи».

Если отмотать время на десять-пятнадцать лет назад, то можно припомнить немало имен, которым прочили место на Олимпе. Эти авторы и вели себя так, как будто уже имели пропуск в пантеон русских классиков; раздавали интервью, эпатировали публику, всячески дурачились и кривлялись. И вот прошло энное количество лет. Совсем небольшой срок, мизерный по поэтическим меркам, – а этих «корифеев» уже мало кто помнит. И стихи их едва ли интересны читателю. Как будто бы этих людей с их стихотворными потугами и вовсе не было. Но ведь они были! Они и сейчас что-то пописывают, где-то публикуются, периодически пытаются напоминать о себе. А вот Болтянская, хоть и не была особенно известна при жизни, именно теперь приходит к нам со своими стихами.

И что характерно – читать ее интересно. Просто потому, что эти стихи выгодно отличаются от той массы поэтического шлака,

которым завалены многие «солидные» литературные журналы и газеты. Ее стихи относительно просты: никакой вычурности, никакого эпатажа и давно утомившей всех нас зауми. Но в этом и есть одно из главных их достоинств. Ведь подлинная поэзия всегда проста и понятна; ей не нужны толкователи, она не нуждается в пространных комментариях. Мы можем долго спорить о значимости Надежды Болтянской – велика она или нет. Но саму эту значимость отрицать не имеет смысла. Это уже свершившийся факт. И вот перед нами подборка поэта, стихи разных лет. Достаточно лишь внимательно и без предвзятости прочитать, после чего все встанет на свои места.

Игорь ПАНИН

* * *

Счастья нет на этом свете,
Есть звериная тоска.
Солнце тускло, слабо светит,
Зарываясь в облака.

Воет дикая собака,
Чёрт хохочет, ведьма ржёт,
Бережёного, однако,
Бог, как видно бережёт.

Я оденусь потеплее,
Засвечу поярче свет,
А судьба ко мне добрее
То ли будет, то ли нет.

* * *

Я из породы длиннокрылых,
Боюсь зимы и белых вьюг.
А значит, время наступило
Лететь на юг.

Ориентируюсь по звёздам
В дремучей свежести ночной,
И возвращаться к стуже поздно
Не мне одной.

Чем путь южней, тем больше света,
И я, теряя звёздный клад,
Спою невзрачные сюжеты
На новый лад.

* * *

Не играет пастух на своей трубе,
Тёмный шорох в моём окне.
Хочешь, я что-нибудь расскажу тебе,
А потом ты расскажешь мне.

Отгремели литавры былых времён,
Я теперь уж совсем не та.
Я тебя так люблю, ты в меня влюблён,
А всё прочее – суета.

Тихой музыкой слов я тебя найду,
Расскажу что-нибудь ещё.
Я когда-нибудь в синюю даль уйду,
Всё держась за твоё плечо.

* * *

Живя во власти вязкой лени,
Больное тело не кори.
И снова белые ступени
Хранят от цепкой дребедени.
Сливайся, слушай и смотри.

Годится ль истинная рана
Для гармоничной красоты?
Глядь, из древесного тумана –
Не честолюбье Ватикана,

А лики, сдержанно просты.

Теперь невзрачные заботы
Не столь понятны, сколь ясны.
Тоска, бессмысленные взлёты,
Ехидство шуток, слов длинноты,
Минуты светлой тишины.

Конец января

Ёлку разобрали,
Угол опустел.
Ох, глаза устали,
Вроде не у дел.

Надо бы проститься.
Как нам дальше быть?
Хочется тряпицей
Зеркало закрыть.

* * *

Время встало и торчит
Посреди недели,
Чёрт молчит, и Бог молчит,
Окна запотели.

Душно, тесно и темно,
Даже снега нету…
А в шкафу моём давно
Не живут скелеты.

* * *

Мы живём, свернувши перья,
Потихонечку сникая,
Не грусти, родной, теперь я
Стала мудрая такая.

Вы такого не ищите
В фантастическом гротеске,
Но судьбы цветные нити
Потускнели, словно фрески.

* * *

Сумерки, лёгкая грусть.
Горло болит, ну и пусть.
Тихо отложена книжка,
Схвачена дверь на задвижку.

Стихла словес кутерьма,
Жизнь, как вершина холма.
Там ещё дальше отроги,
Нет непосильной дороги.

С этой вершины легко
Мир оглядеть высоко.
Что-то синеет далёко,
Катится темень с востока.

* * *

Мне не смешна извечная игра –
Ведь я ещё зимой не насладилась,
Не надышалась, снегом не умылась –
И вот весна, как чёрная дыра.

Ах, это слишком – слишком много света,
Зрачки от синевы исчезли – нету!
Как в обруче чугунном голова.
Опять весна, а я ещё жива!

* * *

Облака пока что редки.
Ветер их проносит мимо.

И они бегут, бегут.
В парке сквозь густые ветки
Проникает запах дыма:
У дороги листья жгут.

Странны дни водораздела
Между осенью и летом.
День короче, ночь темней.
Светит солнце ошалело,
Синева пришита светом
Между облачных теней.

* * *

Слабой свечки мерцанье,
Звон беспомощной льдинки,
Тонких крыльев касанье
Иль разрыв паутинки,

Комариная плёнка
Над застывшей водой –
Это лепет ребёнка,
Нерождённого мной.

Михаил ТИМОНИН
(1910–1977)

МНЕ УЛЫБАЛИСЬ НЕБО И ТРАВА...

ДИВЕЕВСКИЙ САМОРОДОК

С творчеством замечательного самобытного поэта Михаила Алексеевича Тимонина я познакомился лет семь тому назад, когда в Дивеевской центральной библиотеке случайно наткнулся на сборник стихов. Книга, изданная Нижегородским издательством «Литера» называлась «На коромысле радуги-дуги». Стоило мне заглянуть в книгу, как оторваться я уже не мог. Целиком погрузился в волшебный, сказочный и добрый мир автора.

Стихи Михаила Алексеевича чисты, как родниковая водица, живые, проникают в самую глубину души читателя.

«Зима дрожащими осинами качает полную луну, примерзли перьями гусиными узоры к светлому окну», «Свищут птицы в дудочки…», «Под светлым ливнем мокнет дуб лохматый…», «Иголкой острой пуговку ежиха вновь пришивает к вороту ежу…», «Побежал в серебряной рубашке шаловливым мальчиком ручей…». Эти строки написаны человеком, который любил свою родину – Нижегородский край, Дивеевский район. Крохотная букашка, улыбка солнца, капелька росы, кудрявая березка, опавший осенний листок были для Михаила Алексеевича живыми героями, которых он и воспевал в поэзии.

Так мог писать только человек с добрым и чутким сердцем. Хотя немало трудностей выпало на долю поэта. Это и ранний уход матери, и нищета, тяжелый крестьянский труд, война, которую он прошел солдатом, частичная потеря слуха. И все же не загрубело сердце поэта. Наоборот, с еще большей добротой и нежностью смотрело на этот мир и находило в нем все самое прекрасное. Многие творческие люди начинали свой большой путь из глубин-

ки, и Тимонин был одним из них, самородком, нигде не учившемуся стихосложению.

«В город Горький, в город древний,
Где шумит листвой откос,
Я приехал из деревни
И стихи с собой привез.
В прорезиненной спецовке,
В легких лапотках из лык
Прохожу я по Свердловке,
Я, дивеевский мужик!..»

Особую радость и гордость ощущаю каждый раз, когда читаю стихи Михаила Тимонина – моего земляка. Во многих строках узнаются Дивеевские просторы. Пруд за околицей села, узкая сельская улица, родники, необъятная широта полей, золотые колокола церквей и храма. Богатствами этими любовался когда-то поэт-фронтовик. И под утреннюю зорьку рождались новые стихи. Вдохновляла поэта земля Нижегородская и сеяла мозолистая трудовая ладонь разумное, доброе, вечное.

Обидно, что поэзия Михаила Тимонина знакома лишь очень узкому кругу людей. Попросту неизвестна, а где-то и давно уже забыта. Хочется верить, что стихи этого замечательного человека еще громко прозвучит на всю Россию. Прорастут семена посаженые когда-то давным-давно, и залюбуется, насладится народ богатым, прекрасным и сказочным урожаем.

Антон ЛУКИН

Паровоз зашумел у перрона

Паровоз зашумел у перрона,
Милый друг провожает меня.
Растянулись гармошкой вагоны,
Буферами стальными звеня.

Я гляжу на дорогу, мечтая,
Сердце радостно бьется в груди.
Жизнь осталась моя фронтовая
Далеко-далеко позади!..

Огонек в закоптелой землянке,
И глухой орудийный раскат,
И сухая с соломой лежанка,
Где под голову клал автомат.

За высоким вдали семафором
Чуть сверкает пути поворот.
Песня льется широким простором –
Вся страна победителей ждет!

У реки

Вода до дна реки прогрета,
Кузнечик пляшет на лугу.
Меня крылом зеленым лето
Баюкает на берегу.

В родном краю давно я не был –
Гасил войны большой пожар.
Теперь бросает солнце с неба
На грудь мне бронзовый загар.

Качает ветер над заливом
Паучью тонкую струну.
Водой затопленные нивы
Ласкают чистую волну.

Домой вернулся я с победой,
Прошел великий ратный путь.
Родимый край пришел проведать,
На речку тихую взглянуть.

* * *

Снег давно растаял в поле,
И река чиста, свежа.
Принесли ребята к школе
Утром из лесу ежа.

За густым колхозным садом
Солнце моется в реке.
Облака большим парадом
Развернулись вдалеке.

На веревке у забора
Сохнут белые платки.
В теплом солнечном просторе
Закружились мотыльки.

Покидая темный улей,
За околицу села
Золотой помчалась пулей
Быстрокрылая пчела.

Ветер с юга тихо льется
И несет в простор полей
Стук колес и скрип колодца,
Крепкий запах тополей.

В тихом утреннем тумане
Обняла березу ель.
Петуха петух у бани
Вызывает на дуэль.

* * *

Я люблю в траве бродить по пояс,
Когда в поле вдоволь натружусь.
Я дождем серебряным умоюсь,
Полотенцем радуги утрусь.

А когда настанет летний вечер,
Небо спрячет тихую зарю,
Выхожу я месяцу навстречу,
За оградой с рожью говорю.

Я к колосьям подойду поближе,
Наступая на ночную тень.

Запою, когда вдали увижу
Огоньки далеких деревень.

Я вдыхаю в поле запах хлеба.
Мир на сказку чудную похож.
Я люблю, когда ночное небо
Сыплет звезды вечные на рожь.

* * *

Шумят дубы и клены,
Светлее даль небес.
Как в магазин зеленый,
Вхожу я в русский лес.

Играет луч в малине,
За пнями – след зверей.
В зеленом магазине
Нет окон и дверей.

Черники много спелой,
Блестят ряды маслят.
Березы в куртках белых,
Как продавцы, стоят.

Стоят они в прохладе,
Подняв кусты к лучу.
Беру себе, что надо,
Копейки не плачу!..

Сенокос

Входит зорька в огороды,
Скрылся в небе Звездный Воз.
Не видать в селе народа –
Все ушли на сенокос.

Вся цветет роса от дрожи,
Ветерок да синева.

Ни проезжих, ни прохожих –
Поросята да дрова.

Да петух в репье курчавом
У развилки двух дорог
Лапкой левой, лапкой правой
Разгребает бугорок.

Задевает дым антенну
Близ напудренной трубы.
Месяц выспался на сене
И ушел искать грибы.

* * *

Свищут птицы в дудочки
В заросли густой.
Засверкал на удочке
Окунь золотой.

День прозрачней кажется,
Нет лучам конца.
Пламя не напляшется
Возле озерца.

Ветер дуновением
Тронул камыши.
Сколько вдохновения –
Хоть стихи пиши!..

* * *

Поутру в разливе света
Зашумели глухари,
Сыроежки жарит лето
На большом костре зари.

Заплетает кудри вика,
Сок готовя для пчелы.

Сыплет звезды земляника
На зеленые столы.

Трактористы встали рано,
А вдали наперебой
Ходят тучи с барабаном
По дороге голубой.

* * *

Ночь. За окнами буран.
Снегом сад покрыт.
В телевизор на экран
Бабушка глядит.

Чуть дрожит экрана свет,
В доме шум притих,
Ей читает внук-поэт
О колхозе стих.

В гости внук пришел домой
С дальней стороны
По дороге голубой
Радиоволны.

Молодой апрель

Лес к весне прислушался,
  позабыв усталость,
  заползает зелень
  дымкой на холмы.
Под корягой скорченной
  в логове осталось
  ледяное блюдце
  бабушки-зимы.
На кусте черемухи
  пьет росу синичка,
  иглами густыми
  ловит звуки ель.

К фитильку подснежника
голубую спичку
в сумраке подносит
молодой апрель.

* * *

Листья шепчут глухо,
Свет в росе потух,
Подставляет ухо
К ручейку лопух.

А ручей певучий
Держит к роще путь,
Хочет в черной туче
Молнией сверкнуть,

Побродить туманом
В заросли лесной.
Он рожден бураном,
Чтоб дружить с весной.

Лесная сказка

К исходу дня уставшая ворона
Здесь отдыхать садиться на сучок.
В свой кабинет лесной по телефону
Вновь вызывает муху паучок.

И облака, уставшие в полете,
Проникнуть вдаль под вечер не спешат.
Лягушки-мамы в розовом болоте
На сон грядущий моют лягушат.

В лесной глуши торжественно и тихо.
Луч не находит зарослей межу.
Иголкой острой пуговку ежиха
Вновь пришивает к вороту ежу.

* * *

Ветер бродит, как медведь по сучьям,
Листья рвет зеленые с берез,
За горой весенней черной тучей
Гром гремит раскатами колес.

Я стою под вязом у калитки,
За разрядом молнии следя.
По стеклу прямой прозрачной ниткой
Протянулась капелька дождя.

Раздвигая в стороны ромашки,
Подмывая груду кирпичей,
Побежал в серебряной рубашке
Шаловливым мальчиком ручей.

* * *

Все реже отдых, чаще перегрузки
И в волосах – нежданный первый снег.
Все чаще вспоминается: я – русский,
Не бедный и не серый человек.

Я видел Русь – в опорках, в рваной шляпе
Она просила хлеба под окном.
Но пел мне о дубинушке Шаляпин,
И Стенька Разин угощал вином.

Я в мыслях был у юного Максима,
Бродившего часами у реки.
И это мне окутанные дымом
Не раз желали счастья бурлаки.

Я славил солнце вешнее и небо,
Мне улыбались небо и трава.
Но, честно жизнь прожив, ни разу не был
Иваном я, не помнящим родства.

Из будущих книг

Евгений ШЕСТОВ

ФИЛАРМОНИЯ

Главы из романа

Собеседование

Был месяц май, поется в песне… Был месяц май, а Егор бодрым шагом пересекал площадь Минина, чтобы войти в Кремль. Солнце сияло ему в глаза. Прохожие торопливо бежали за транспортом. Часы-табло с двух сторон площади показывали разное время. А в голове стучала мысль: «Меня берут в филармонию». Или не берут? Как сказала начальница лектория: «Вам надо встретиться для собеседования с директором. Но у нас столько претендентов. Будут выбирать из вас и еще нескольких человек. Если вы понравитесь, то сразу же через три-четыре дня начнете работать».

И вот сегодня, 10 мая 2001 года Егор подходил к служебной двери этого здания-монстра, одно название которого вызывало и вызывает у простого человека трепет и придыхание. Три месяца терзаний и сомнений, три месяца дум и волнений должны будут сегодня закончиться. Либо его возьмут и он будет работать, либо получит полный отлуп и пойдет своей дорогой, забыв само слово «филармония». Оно, конечно, будет возникать в его жизни, но уже без непосредственного отношения ко Егору. А он если и будет туда приходить, то только как зритель.

Нет, зрителем, конечно, это хорошо, но почему только зрителем? Зрителем я уже был, приходил на литературные концерты Юрского и Кузнецовой. Это здорово – быть зрителем! Но теперь я уже хочу большего. Я хочу здесь работать!

Неверной рукой Егор открыл дверь и вошел.

– Вы к кому? – спросила женщина-вахтер.

– К Лидии Степановне.

– Вы Шелестов?

– Да…

– Проходите. Она вас ждет. Второй этаж, кабинет номер 10.

– Да, спасибо, я знаю. Я предварительно с ней договаривался. А директор в филармонии?

– Да, с самого утра.

Просторное пустое фойе. Стеклянные двери парадного входа. За дверьми все пространство отдано под гардероб и отгорожено высоким столом-бортиком. Сразу за гардеробом широкая витая лестница белого мрамора, ведущая наверх, на второй и третий этажи. Второй этаж – два входа в зал, третий этаж – буфет. Но это он узнает в подробностях потом.

Сейчас Егор тычется на эту большую лестницу как слепой котенок и вздрагивает от окрика вахтера:

– Не туда, молодой человек. Вот в проем, на ступеньки, где афиши.

Заходит в указанный проем и опять спускается на две ступеньки. Какой строитель постарался добавить тренажер в виде спуска-подъема для работников? Длинный тоннель-коридор и вдали опять ступеньки и поворот. За стенкой Зал и Сцена, где сейчас репетирует оркестр. Слышны отдельные звуки. Пауза. Опять отдельные звуки. Мелодия. Ему не туда, а сразу налево. На лестницу.

Егор поворачивает сразу налево и поднимается на второй этаж. И снова такой же длинный темный тоннель. Несколько дверей открыты, от них становится светло в ко-

ридоре и на душе. Ровный рабочий гул и редкие всплески телефонных звонков. Женские голоса и густой мужской баритон в середине коридора. Мужчину еще не видно, но по голосу можно догадаться, что у него круглое лицо и толстая шея (почему?), которая его не портит. Шестой, седьмой, без номера с мужчиной, девятый, а вот и тот, что нужен Егору. Десятый.

Дверь приоткрыта. Две женщины сидят у одной стены за столами справа от окна. Чем-то они похожи как близнецы. Есть, конечно, различия, но Егор их сейчас не замечает. Потом он увидит их и немало. Но это будет потом. А сейчас…

– Здравствуйте.

Две головы поднимаются. Одна, та, что ближе к двери, продолжает говорить по телефону. Вторая женщина у окна смотрит в сторону двери, поправляет очки, долгим изучающим взглядом держит Егора у выхода.

– Егор Алексеевич? Проходите, присаживайтесь.

Сегодня солнце, и в кабинете от этого очень светло. Кабинет такой же вытянутый, как и тоннель-коридор. Слева от окна еще один стол, несколько стульев. На окне ноты, схваченные какой-то веревкой, и маленькая записка сверху. Цветов не видно. На стенах афиши.

– Присаживайтесь.

Женщина у окна показывает на стул перед столом. Весь ее стол завален бумагами. Какой-то длинный лист, скорее всего свернутая старая афиша, расчерчен на графы, в которых написаны числа, фамилии, названия чего-то, чего Егор еще не знает. Да и узнает ли?

– Я разговаривала о вас с Анной Павловной. Она сегодня назначила время. Сейчас я ей позвоню, и вы сможете, я думаю, с ней встретиться. А уже потом, по итогам этого разговора будет решаться вопрос о приеме вас на работу.

Лидия Степановна, а это именно она, снимает трубку, набирает короткий номер. В это время вторая женщина собирает со своего стола бумаги, складывает их в сейф, начинает рыться в сумочке.

– Дина Борисовна, погодите, не уходите, у меня есть еще для вас задание.

– Лидия Степановна, а с утра никак нельзя было это сделать? Я сейчас на выезд уже собираюсь. Через десять минут машина отъезжает.

– Ладно, подождите, успеете, – Лидия Степановна небрежно отмахивается. И уже в трубку: – Анна Павловна, подошел Егор Алексеевич Шелестов, про которого я вам говорила. Мы можем к вам сейчас подойти? Да, хорошо. Мы идем.

Лидия Степановна кладет трубку.

– Пойдемте. Дина Борисовна, дождитесь меня.

Длинный тоннель-коридор ненадолго принимает их в свое пространство, ведет дальше, до поворота, за которым по правую руку после кабинета главного дирижера распахнута дверь приемной. Цербер-секретарь строго смотрит на входящих.

– Вера Юрьевна, мы к Анне Павловне. Она нас ждет, – говорит Лидия Степановна, пропускает меня вперед, заходит сама.

После взаимных приветствий, пока дверь открыта, Анна Павловна говорит, чуть повышая голос, секретарю:

– Вера, позвони Алексею Мироновичу. Пусть он к нам зайдет.

Невысокий порог преграждает путь и тут же открывает вход в новую жизнь. Егор еще не знает, что за этим порогом начнется и закончится его пребывание в стенах филармонии. Он еще не знает, что его ожидает впереди. Но все уже предопределено. Звезды сошлись на том, чтобы впустить в этот околомузыкальный мир немузыкального члена общества, бредящего чтецким жанром, не знающего и не ведающего, как коварен может быть этот закулисный мир музыки и интриг, тихих заговоров и жестких отповедей, мир, в котором все судят обо всех исключительно по себе. Да где же оно бывает иначе?! Понимание всего придет потом.

А пока наш герой входит в кабинет директора. Разглядывает интерьер, но пока это только беглый, ни на чем не останавливающийся взгляд. Пока еще он только пробегает по стенам, предметам, подмечает отдельные, бросающиеся в глаза детали.

Справа от входа окно, у которого стол директора, рядом с ним еще один стол, образующий с первым букву Т. За спиной директора на стене портрет президента, напротив стола – шкафы с сувенирами. Напротив окна, в глубине кабинета широкий угловой диван и журнальный столик на колесах. На полу ковер. В углу за входной дверью слева телевизор.

Пока все сумбурно, видение пространства придет потом, когда на этот ковер Егора будет вызывать хозяйка кабинета, Славина Анна Павловна, директор этого достославного заведения. А сейчас наш герой с бьющимся сердцем подходит к столу, тому, что приставлен к столу директора, рядом с Лидией Степановной, и начинается первый пристрел.

– Вот, Анна Павловна, позвольте вам представить, наш кандидат на место уполномоченного в лекторий, Шелестов Егор Алексеевич. – Лидия Степановна отодвинула от стола два стула, указала на один Егору.

– Присаживайтесь. Сейчас подойдет Алексей Миронович, и поговорим. – Директор смотрит ласково. Вся ее полноватая фигура, внешность, выражение лица располагает к общению. Голос глубокий, мягкий, тембрально красивый несколько успокаивает Егора.

Конечно, вопрос в принципе почти решен, остается формальность – встреча и беседа претендента с директором. В лекторий срочно нужен администратор. Но это в народе так говорят, администратор. Правильно он зовется уполномоченный по организации концертов. Громко? Еще как! Да еще в таком заведении! Вкратце Лидия Степановна, конечно, обрисовала, в чем будет заключаться работа Егора. Но сейчас надо все проговорить, не ударить в грязь лицом, показать себя с хорошей стороны. Что еще? Надо, чтобы взяли, потому что осточертела эта школа, дебильные дети, которые ничего не могут, достала администрация школы, которая только норовит поучать, а не помогать в работе. Все надоело. Живого дела хочется, творческого, профессионального. Не зря же учился-мучился четыре года в училище да в театре работал пять лет. Две программы чтецких самостоятельно сделал и читает их сколько уже по школам.

– Я рассказала Егору Алексеевичу, что он должен будет делать, если мы его возьмем. Его это устраивает. Человек он профессиональный, закончил театральное училище, работал в театре. Нам такой человек очень нужен.

– Так, Лидия Степановна, не торопитесь. Давайте по порядку. Надо пообщаться. Правильно, Алексей Миронович?

– Все правильно, – Алексей Миронович входит в кабинет, садится спиной к окну за стол по другую сторону от Лидии Степановны и Егора. – Здравствуйте.

– Здравствуйте.

– Что вы заканчивали? Когда? – Алексей Миронович берет быка за нужные места.

– Учился в нашем Нижегородском театральном училище, закончил в девяносто первом. Работал в кукольном театре в Дзержинске.

– А жили где? Там, в Дзержинске?

– Нет, жил дома, на Автозаводе.

– Я тоже родом с Автозавода, из Соцгорода, – оживляется Анна Павловна.

– Земляки! – Алексей Миронович улыбается сквозь очки. – Так вы сейчас из театра?

– Нет. Сейчас я работаю в школе, руковожу театральным кружком. Хочется профессиональной работы.

– Ну, работа на этом месте будет административная, не артистическая. Вы когда-нибудь с этим имели дело?

– Я занимаюсь чтецким жанром. Сделал две программы. И предлагаю их школам. Приходил к учителям, договаривался о концертах для учеников. Вроде получалось. Школы знаю на Автозаводе некоторые.

– А из театра почему ушел? – Алексей Миронович человек конкретный, вопросы ставит четко, по-военному, но выправки не хватает. Не военный.

Егор минуту думает. Сказать про развод или не говорить? В свои тридцать пять не иметь ни жены (хотя уже была), ни детей, ни работы нормальной, ни жизненного опыта... Пора бы уже с чем-то определяться, пора искать свое место на этой планете с названием Нижний Новгород. Время летит, секунды тикают в мозгу, руководители пока

терпеливо ждут ответа, ждут все трое, так же волнуются за него, что он ответит, ответит ли? Вопрос-то не сложный. Простой вопрос. Надо глубоко вдохнуть, задержать дыхание и выдохнуть тонкой струйкой. Надо сосредоточиться. Так, о чем они спрашивали? О чем? Почему ушел из театра? Да потому что далеко ездить…

– Потому что далеко ездить, проезд оплачивать перестали да проблемы начались семейные, учеба в университете опять же.. Много всего накопилось. Как обычно, причина не одна. Их всегда несколько.

– В университете на каком факультете учились? – спрашивает Анна Павловна.

– На филологическом.

– Все в комплексе? – Анна Павловна улыбается. – Семья, дети?

– Нет. Живу с мамой, бабушкой. Был женат. Разведен. Детей нет.

– А что так? – Это Алексей Миронович.

– Так… Не сложилось. Трудные времена. Учеба. Много проблем.

– Ну, ладно. – Анна Павловна смотрит на всех поочередно. – Мы посоветуемся и в случае положительного решения вам сразу сообщим. Вот Лидия Степановна вам позвонит.

Аудиенция закончена. Слова все сказаны. Дежурные улыбки на лица взметнулись и опали. Взгляды со стороны провожают до дверей и дальше. Егор следует в кабинет лектория, прощается с Лидией Степановной. Выходит.

* * *

Солнце светит все так же ярко, но угол отклонения теперь иной. Тени стали больше, длиннее. Вид от стен филармонии красивый. Широкий вид на стрелку, где портовые краны устремлены в небеса, а рядом с ними храм Александра Невского дырявит тучи острием креста. Моста не видно. Башня кремля заслоняет мост. Там, за ней, за этой башней, можно увидеть Канавинский мост. Егор задерживается на долю секунды, останавливается в нерешительности – пойти на любимое место или… Нет. Сегодня некогда. Сегодня надо спешить. В два часа занятия с детками. Бег по кругу. Спектакль уже показали. Что же еще делать с этими несчастными, которые жаждут неизвестно чего. Но занятия проводить надо. Оплата идет почасовая. Смешно. Еще бы посекундную оплату ввели. Отработал, к примеру, три тысячи триста восемьдесят пять секунд, получи столько-то, рублей двадцать. Или еще того меньше.

А вот здесь, если в эту дверь войти, была когда-то обкомовская столовая. Мы туда ходили обедать, когда в училище учились. А если прямо пойти, вот здесь наискосок, – дальше вдоль стены и в арку, на остановку. Сколько автобуса ждать придется?

Кончается учебный год. А с ним завершается и театральный сезон. И у филармонии уже на месте прежних афиш зияют пустые места. Но скоро их заполнят афишами летних благотворительных концертов. И будут люди приходить на концерты бесплатно три раза в неделю.

И будет музыка звучать в сердцах!
И будут люди петь и веселиться!
И я приду взглянуть на эти лица,
Читая в душах, мыслях и мечтах.

Освоение профессии

Тахта с бордовым бархатным покрытием и два стула были завалены афишами. Рядом с афишами в уголке тахты примостился футляр, напоминающий балалайку, и пакет с нотами. На разных афишах значились разные программы, и фамилии концертмейстеров были разные, а хозяин афиш был один. И сейчас он ловко перебирал эти тонкие, но широкие листы бумаги, сортировал их по названиям программ, бубнил что-то себе под нос. Невысокого роста, полноватый, гладко выбритый, с черными крашеными волосами, он представлял особый тип еврея, пытающегося всеми силами скрыть принадлежность к своей нации. Это не была рисовка перед публикой, он очень иронично относился к себе и своему творчеству. Может быть, по этой са-

мой причине он не сделал никакой карьеры, не заработал больших денег, хотя приближался по возрасту к пенсии. Уже потом, работая вместе с ним в концертах, Егор понял главную причину всех его неудач. И говорил артист об этом с горькой усмешкой, устало и безысходно. Главной ошибкой был неверный выбор инструмента. Еврей, играющий на русской балалайке – это нонсенс. Но это жизнь. И продолжалась его творческая жизнь довольно долго. Он имел звание заслуженного. У него было много концертов, от которых хотелось отдохнуть, но не было ни сил, ни возможности расслабиться хоть на минуту, хоть на день. И он хватался за каждый концерт, откуда бы ни приходил заказ, за любые, самые малые деньги. Были на то причины.

Егор вошел в лекторий в тот момент, когда в него с другой стороны коридора вошел еще один мужчина, седоватый, коротко стриженый, высокого роста и субтильного телосложения.

– Ну чего, Иосиф, ты собрался?

– Да, Валера, сейчас сложу свои пожитки, и поедем.

– Здравствуйте.

– Добрый день, – приветливо ответил тот, кого назвали Валерой. – Вы новый администратор?

– Да. Егор Шелестов.

– А отчество?

– Можно без отчества. Просто Егор.

– У нас так не принято. Мы должны знать, как звать начальство. А вы теперь для нас большой начальник. Мы номинально будем подчиняться вашим приказам и приказам Лидии Степановны. Так как отчество?

– Алексеевич.

– Валера, не грузи молодого человека. – Иосиф протянул руку. – Иосиф.

– А отчество? – спросил в свою очередь Егор.

– Без отчества. Иначе обижусь. Я просто Иосиф. – Так он и был для всех просто Иосиф.

– Валера, – широкая улыбка осветила скуластое лицо, и в глазах заиграли огоньки. – Он не просто Иосиф, он заслуженный артист Иосиф Шпиллер. А я Валера Фокин.

– Валер, возьми балалайку. Мы поехали. А вы распо-

лагайтесь вот на этом столе. Тут была работница, она уже уволилась, теперь трудится в оперном театре. С первым днем на новом месте.

– Наших бабцов не бойтесь. Лида в обиду не даст. Держитесь ее. С первым днем. Ключ от кабинета на окне.

Вот так начался первый трудовой день, и завертелась бумажно-телефонная жизнь кабинетно-творческого деятеля Егора.

Шел новый час после десяти утра, и в соседних кабинетах стали оживать телефоны. А мимо открытой двери кабинета стали мелькать чьи-то тени, пока еще не знакомые, но все такие приветливые и улыбчивые.

Первым делом на столе Егора появилась гора папок, извлеченная заботливой Лидией Степановной из сейфа. Она пришла почти сразу после ухода мужчин-артистов. Вошла она бодро, с порога приветствуя новоиспеченного работника лучезарной улыбкой.

– Здравствуйте, Егор Алексеевич! Вы уже на рабочем месте? Хотела успеть до вашего прихода, да пробка на мосту. Вот только еду. Вы с Иосифом уже познакомились?

– Да и с Валерой тоже.

– С Валерием Юрьевичем.

– Да. – Егор несколько смутился.

– Ничего, скоро всех узнаете. Народу у нас много. И все талантливые. Располагайтесь.

Это слово, прозвучавшее за утро уже не первый раз, царапнуло где-то там внутри, но Егор не придал этому значения. От обилия имен, телефонов, звонков, которые он принялся делать после первого вводного инструктажа, голова поплыла, и когда был объявлен обеденный перерыв, Егор с легкостью оторвался от стула.

– Пойду подышу.

– Тут можно недорого пообедать в столовой. – Дина Борисовна по-деловому взглянула на Егора, и, сложив папки, сняла очки.

– Спасибо. Я знаю. Я тут учился в театральном училище. Весь набор столовых и кафе мне знаком. Надеюсь, не заблужусь.

Не хотелось пока никого пускать в свой мир, рано с пер-

вого момента открываться окружающим. Три часа напряженной работы утомили, но не приблизили пока ни к кому. Приходилось быстро вникать во все тонкости новой неизвестной профессии. Да и можно ли было назвать эту работу профессией. На первом-втором году работы в театре Егор уверял себя и друзей, что никогда не будет работать в школе педагогом, не будет работать на заводе и никогда не будет администратором. К педагогической деятельности он был тогда не готов, да и не собирался учить каких-то бездарей чему бы то ни было. Завод тоже вычеркивался из списка перспектив развития собственного творческого пути. А глядя на работу администраторов в театре, Егор понимал, что это черная неблагодарная работа, которая не приносит человеку ни удовольствия, ни радости, ни материального благополучия. Администраторы театра были люди нервные, раздражительные и несчастные, хотя и со всякого рода амбициями. И вот теперь, пройдя после театра путь школьного учителя, рихтовщика на заводе, руководителя театрального кружка опять же в школе, Егор должен был влиться в ряды доблестных административных работников. Боженька услышал его молитвы, и все, что он так яростно отвергал, давал ему теперь прочувствовать в полную силу. От чего отказывался, все случилось, точнее, случилось и ушло два предзнаменования, и сегодня начиналось третье, отвергаемое ранее дело. Что-то ждет его на этом странном кривом пути к настоящему искусству. Вывезет ли лихая на профессиональную сцену?

Так думал молодой повеса, отходя от стен филармонии, и настолько он был погружен в свои мысли, что не замечал солнечного дня, тишины этого места в утренние часы, не видел широкого простора над рекой. Все предметы ближнего окружения гармонично сливались с состоянием нашего героя. Медленно двигаясь к парапету над крутым спуском с горы, Егор вдыхал полной грудью аромат весеннего дня, прочищая мозги и душу от лишнего хлама.

– А вот теперь можно заглянуть и на наш балкончик, – проговорил Егор вслух и свернул налево, где была знакомая арка и выход на длинный огороженный балкон у кремлевской стены.

Деревья еще не до конца покрылись листвой, поэтому сквозь зеленую массу можно было увидеть голубые блики воды, а внизу красную глину склона, не заросшую травой. Крыши домов складывали особый мозаичный рисунок на глади вида под ногами, а с берез уже свешивались первые позеленевшие сережки.

Красные кирпичи стены потемнели от времени. Здесь, на тенистом уступе силами заботливых работников была уложена плитка серого и бурого цвета, чудесным образом подобранная в тон общему цветовому фону. Плитка была уложена уже давно, и по ее ребрам ежегодно прорастала трава, жесткая, бледно-зеленая, такая же бледная, как пыльная подошва путника, бредущего по обожженной местности. Края уступа выпирали щербатым бордюром, над которым высилась метровой высоты загородка, сваренная из нержавеющих труб. Если когда-то они и были крашеными, то сегодня краски не осталось, лишь поблескивали на трубах полированные потертости от частых посещений молодежи и туристов. Поверхность плит была усыпана окурками, обертками от конфет и чипсов, мороженого и прочих съестных припасов, что носят любознательные, но не всегда аккуратные посетители.

Но в этот час и день, после трех праведных рабочих часов Егор не видел мусора, он видел сон наяву. Вон там, посередине у железной трубы на белом раскрошившемся кирпиче стоит Лена, а у стены за ее спиной Саня Чистов целуется с Золотаревой. Лена тянет к Егору руку, ладонью призывая его встать ближе к ней, а он глядит на ее фигуру, видит ее загорелые коленки под белым платьем и такие же загорелые локти. А наклоненное лицо Лены уже обретает черты лисьей маски, она смотрит сквозь прищуренные щелки глаз и чарующе улыбается.

И от этой картины Егору становится не по себе. Он вздрагивает, пытается отогнать воспоминания и уходит с балкона.

Хороший вид открывается внизу. Только сегодня он не так привлекателен, да, зеленая трава, да, где-то вдали голубеет река, но как-то все вместе это теряет свой очаровательный вид, потому что в сердце сегодня живет лико-

вание, потому что сбылась мечта, и этот день запомнится надолго. И надо провести его так, чтобы все почувствовали его настроение. Однако пора отправляться обедать.

Если сейчас пойти налево вдоль кремлевской стены, можно попасть на мостик, перекинутый на улицу Пожарского. А там дворами дойти до Мытного рынка. Купить что-нибудь на обед. А еще лучше перекусить на Черном пруду на скамейке. Тепло. Солнечно. Радостно. Здесь совсем не так тревожно, как на тенистом балконе. И настроение почти вливается в состояние солнечного природного тонуса утра. Вот бы сейчас запереть в гиивтовскую столовую, вспомнить студенческие времена. Так приятно первый раз выбраться в город после длительного периода заречной жизни. И почему я раньше не подумал о такой возможности? Почему у меня никогда даже мысли не возникало о филармонии как о месте работы? Ведь вот он я здесь, работаю с сегодняшнего ясного утра, ведь это случилось. Значит, стоило кому-то подумать об этой перспективе, как она реализовалась. И буду я здесь теперь работать, думает Егор, каждый день любоваться на площадь Минина, ходить по историческим местам, временами посещать театры, встречать знакомых артистов и педагогов театрального училища.

Мама, мечты сбываются!

* * *

После обеда в лектории многолюдно. Егор еще не вошел в кабинет, но уже в коридоре услышал рой голосов. Молодые лица мелькали перед глазами, имена девушек выскакивали из головы Егора сразу после произнесения их хозяйками, а мужские рукопожатия закрепляли имя в памяти надолго.

Вот Миша Сдобнов, несколько гнусавый, с низким гудящим голосом, с прямыми черными волосами и худыми скулами был похож на кавказца, но сам он говорил, что только работал в Баку, а родился в России. Где родился, не уточнял, но такая скрытность даже приветствовалась. Создавала тайну. А восточный мужчина без тайны – полмужчины. Серега Игумнов выделялся своей жизнерадостной улыбкой, шутливым нравом, и покладистостью. Он был чуть полноват, с круглым лицом и высоким певческим голосом. Егор, конечно, слышал слова «тенор» и «бас», но именно теперь они обрели свое воплощение в реальной жизни.

Судя по разговорам, где-то по дороге должен был сесть в автобус еще Влад Опенкин. В филармонию он не пришел, но должен был работать в сегодняшнем концерте.

Из женщин Егор запомнил только руководителя группы Екатерину Евгеньевну Шебалину. Знакомство и сборы заняли немного времени, поэтому через двадцать минут группа снялась с места, и гул затих. А на подмостки выходить некому, подумал Егор.

Из окна кабинета открывался вид на двор, в котором, кроме облезлых зеленых стен, смотреть было не на что. Здание было старое, числилось среди памятников архитектуры, и филармония занимала в нем лишь небольшую часть, ту, что обращена лицевой стороной к реке. А мы находимся сейчас на стороне противоположной, подумал Егор. Да и некогда было смотреть по окнам. Временами Егор замечал проходящих по коридору женщин, слышал их громкие голоса, чуял запах женского табака, который медленно, но верно отравлял атмосферу в кабинете.

– Снежана Юрьевна, подальше от кабинета, не обкуривайте нас, – просила в очередной раз Лидия Степановна и вновь открывала окно, чтобы проветрить кабинет, а маленькая худощавая женщина сорока пяти – пятидесяти лет, Снежана Юрьевна, уходила по коридору в сторону приемной и дальше, к туалетам. Однажды она остановилась, вошла в лекторий, спросила:

– У вас теперь мужчина появился в кабинете? Это к прибыли.

– К какой? – спросила Дина Борисовна.

– Будете больше концертов делать и зарабатывать.

– Концертов точно будет больше, правда ведь, Егор Алексеевич? – спросила Лидия Степановна.

– Будет, будет, – сказал вполголоса Егор, глаза его начинали уже потихоньку разбегаться, а голова затуманиваться.

Теперь стол Егора уже был завален бумагами так же, как и стол Лидии Степановны. И найти концы в этом путаном лабиринте бумаг Егор, наверное, не смог бы. Но первый день дал результаты. За несколько часов Егор сумел договориться с пятью площадками о проведении концертов в школьных лагерях. Еще полтора десятка площадок прозвонил, познакомился с теми, кто был на них ответственным за проведение концертов. Но ответа на свои предложения пока не получил. Как все это работает, Егор пока не очень четко понимал, но, как говорят, опыт – дело наживное, и уже завтра он узнает чуточку из того, что сегодня закрыто от его глаз. И каждый день будет узнавать все новые и новые подробности жизни этого слаженного механизма, сам вольется в монотонную, нудную, тяжелую, но несмотря ни на что нужную работу по организации концертов. Узнает много новых людей, заметит, наконец-то, девушку Олю в кабинете у главного дирижера. А еще через несколько дней познакомится и с ней лично. Как же много переплетется в его жизни от близости этой девушки. Близости физической, близости короткого расстояния, рабочих взаимоотношений, близости задушевных бесед на троих в кабинете Юморнова. Наконец, близости сплочения в злобе и ненависти в конкурентном поединке за кресло заместителя директора. Но все это будет после, через несколько лет. А сейчас, в середине мая они осядут в ближайших кабинетах, почти одновременно поступив на службу в филармонию, предварительно пройдя разные отрезки пути. Единственное, чего не будет у них, – близости интимной. Почему? Кто ж знает? Егор не знал.

* * *

За общей суетой выездных концертов люди, входящие в лекторий, были такими улыбчивыми, внимательными, задавали вопросы, спрашивали документы, которые нужно оформить на площадке. Егор уже на следующий день сам писал акты для второй выездной бригады. Не так уж это и сложно сделать, особенно когда знаешь. А вот когда первый раз, да сам, да без образца! Познакомился с людьми

только бегло. Торопились. Запомнишь ли всех сразу, когда такой наплыв народа в первые дни?

Дотошная Лидия Степановна выложила десяток образцов старых актов, заставила внимательно все прочитать, запомнить, записать, как это делается.

– Все записывайте, Егор Алексеевич. Не надейтесь на память. А то чуть отвлеклись и забыли, что надо запомнить. А когда записали, у вас все перед глазами. Заведите толстую тетрадочку и пишите туда площадки и всю информацию по ним. Какая школа, кто ответственный, телефоны, адрес, даты и время концертов. Подробно все фиксируйте. Тогда у вас не будет никаких проблем. А запомнить это все невозможно.

Сначала от таких реплик Егор приходил в недоумение и даже в легкое замешательство. Что ж я не запомню номер школы? Но уже через три дня мнение его изменилось. И Егор принес-таки тетрадь. Серую. Общую. С полосками.

А в четверг Лидия Степановна обрадовала.

– Готовьтесь в субботу ехать, Егор Алексеевич, в санаторий «Городецкий». Там у нас концерт для отдыхающих. Вы ведь чтец?

– Да.

– Вот как раз и почитаете. У вас есть что почитать?

– Да, у меня есть рассказы Чехова, сонеты Шекспира, «Граф Нулин» Пушкина.

– Вы мне напишите все, что вы читаете, я должна обсудить это с директором. А завтра я вам скажу после обеда, что вам почитать там в Городце. Дело очень ответственное, надо отнестись к нему серьезно.

– Лида, ты чего говоришь-то. Не в Городце, а в санатории «Городецком»! – сказала, глядя на Егора, Дина Борисовна. Она была где-то его же возраста. Но переходить на «ты» они пока не торопились. Держали дистанцию. Хотя, по мнению Егора, все артисты в лектории давно эту дистанцию потеряли. На «вы» обращались только к Лидии Степановне и Шебалиной, да и то не все.

– Документы я подготовлю, – продолжала Дина Борисовна, – вы как приедете, отдайте все Тамаре Михайловне, заведующей клуба, она поставит печати и вам вернет сра-

зу. А счет пусть заберет. Они по перечислению работают.

– А «Городецкий» не моя площадка? – спросил Егор.

– Нет, моя. – Елена Дмитриевна даже спала с лица. – У вас ВЦСПС.

– Санаторий?

– Да, санаторий в Зеленом городе. Там есть еще санаторий «Зеленый город», вот он тоже мой. Все поделено. У меня есть мои точки, и отдавать я их не собираюсь, у вас будут свои, когда найдете. А свое я не отдам.

– Дина Борисовна, у вас никто ничего не отнимает, – заговорила Лидия Степавновна. – Были у Столяровой точки, площадки, мы их передадим Егору Алексеевичу. А ваши точки останутся вашими. На них никто не претендует, успокойтесь. Кстати, Егор Алексеевич, как у вас на июнь, делается план? Что-то получается?

– Да сегодня еще три площадки дали согласие.

– А семидесятая школа берет для лагеря концерт?

– Я сегодня не дозвонился до них.

– Нет, так нельзя. Когда хотят дозвониться – дозваниваются. Звоните еще раз. Опять не дозвонились – еще. И еще. Пока не дозвонитесь. У нас только так. Надо делать артистам зарплату. Они живут и получают деньги от количества концертов, которые вы заделаете. Это мы с вами на окладе. А им надо выезжать. Там, конечно, ребята все молодые, но им тоже кушать хочется. Вот поработаете с этой бригадой, а в июле с ними же в командировку вас отправим на недельку в область.

– Далеко командировка-то?

– Посмотрим. Сначала надо сделать лагеря, а уж потом думать о следующем шаге. Да, и позвоните в профилакторий. Я вам телефон вчера нашла, положила под стекло. Вы не звонили?

– Сейчас позвоню. А там когда концерты бывают?

– Они берут только в понедельник в семь часов вечера. Программа для взрослых. Вот там, кстати, можно и «Графа Нулина» почитать.

– А что за профилакторий? Чей?

– Профилакторий машзавода в Московском районе на Березовской. У нас артисты всегда любят туда ездить. Там

хорошая площадка. Инструмент старый, но целый, не битый. А звук! Валера вообще без ума от этого их инструмента. А как принимают! Ладно, работайте.

– Вы прямо расцвели, Лидия Степановна. Вот настоящие эмоции! Вы ведь тоже пели?

– Да, а откуда вы узнали? Кто вам рассказал?

– Никто. По голосу слышу, хорошо поставленный вокальный звук. И манера держаться. Вы ведь тоже певица?

– Когда это было!.. Сейчас вот здесь работаем. Точнее болтаем. Давайте-ка лучше работать.

* * *

– Валера, расскажи мне, как там строится программа концерта? Кто за кем выступает?

– Расслабься. Сейчас на место приедем и все решим. Не боись, не бросим тебя головой в омут. Можешь пока спать спокойно. Дороги полтора часа.

Борский мост переехали быстро, но за мостом потянулась пробка. Именно поэтому через сорок минут пути водитель дал по газам, и автобус полетел на всех парах.

– Успеем? – спросил Егор водителя.

– А во сколько начало?

– В пять.

– Успеем. Чаще пробка бывает на той стороне, на Мещере. Да еще сегодня суббота, все на выезд из города. Зато обратно полетим, будет чисто, как у черта на лысине.

– Санечка, только ты сильно не гони, дай поспать, а?

– Любой каприз за ваши деньги.

Красный микроавтобус «Газель», слегка подпрыгивал на ухабах, но все же плавно катился по трассе, выруливая на городецкое направление. Из пассажиров «Газели» в салоне были два вокалиста-мужчины, две вокалистки-женщины, концертмейстер и ведущий, он же чтец. Шесть человек – обычная бригада для взрослых выездных концертов. Иногда в такую команду добавляли инструменталиста, но это для особых случаев. Сегодня был обычный рядовой концерт, коих прошли уже тысячи, и артисты ехали на выезд, позевывая, поеживаясь, подремывая.

– Саш, ты нас разбудишь, как приедем? Только сам не усни.

– А я вон нового товарища попрошу руль подержать. Как зовут товарища?

– Егор.

– Ты недавно ведь в лектории?

– Да, с понедельника.

– Слышали, слышали. Будешь там, в лектории, дам веселить.

– Некогда пока веселить. Работы море.

– Это поня-атно, – протянул Саня и замолчал.

Мелькали низкие ветки, открывались поля и лесочки, маленькие домики громоздились возле дороги и всё старались выбежать на проезжую часть.

Отдельные мелькания стволов сливались в единый поток темных зеленых листьев, еще только покрывающих тонкие веточки, а местами поток превращался в сплошную стену зелени.

Неожиданно Егор задремал. Напряженка последней недели с постоянными звонками, листанием исписанной макулатуры, попытки самостоятельно оформлять документы, знакомство с неисчислимым количеством новых людей, весь этот бумажно-человеческий винегрет крутился сейчас в голове Егора, наплывал волнами на лицо. Страницы амбарных книг выруливали из-за головы Егора, превращаясь в пляшущие треугольные платки, из-под платков появлялись руки в рукавах пиджака и в красных перчатках, соединялись в человеческую фигурку и принимались плясать вслед за платками под ту же музыку, сверху на руки падали зеленые очки, и руки с очками трансформировались в лицо. Любые изменения конфигурации предметов происходили быстро, музыкально, театрально, творчески. Егор уже догадался, что он на конкурсе самостоятельных работ в училище и сейчас он с Аллой Солиной должен выйти на сцену, чтобы читать «Графа Нулина», он знает весь текст, даже тот, что должна говорить Алла. Но вот как на грех она своего текста не знает, даже не то, что не помнит, она его просто не выучила. Педагоги из зала, с мест подсказывают Алле текст. Краска жуткого стыда заливает щеки Егора. И в очередную паузу, когда

он оказывается за кулисами, он начинает усиленно жестикулировать, призывая Аллу уйти со стыда со сцены. Их неудавшееся выступление с позором заканчивается, и Егор на первом этаже набрасывается с упреками на Аллу. Она тоже расстроена, но не настолько, чтобы убиваться из-за пустяка, поэтому она тащит его в кафешку пить кофе. Он берет двойной без сахара, чтобы хоть как-то отомстить себе за неудачу. Кофе горячий, противный. Егор морщится, но все-таки продолжает глотать эту черную, выворачивающую наизнанку жижу. Улыбка Аллы чуть скрашивает горечь поражения. А солнечный конь за окном уже бьет вовсю копытом, призывая повеселиться. И опять звучит плясовая, но на этот раз в пляс пускается сам Егор. Он покачивается из стороны в сторону, подпрыгивает, движется вперед то быстрее, то медленнее, и, наконец, останавливается.

– Приехали, выгружайтесь!

* * *

Переоделись быстро, и до концерта было время все обсудить.

– Нотки мне, – проговорил Валера, обходя всех артистов.

Егор подошел к Валере.

– Расскажи мне, как у вас тут все строится.

– А вот сейчас и спросим. Кто у нас сегодня первый будет? Эля, может, ты начнешь? У тебя дуэтов нет сегодня?

Элеонора Колесникова была человеком уравновешенным. За долгое время работы в филармонии и конкретно в лектории привыкла ко многому. И мало чему удивлялась. Высокая ростом, но не слишком, не как Туся под метр восемьдесят пять, Эля смотрела на людей приветливо, не сверху вниз, а скорее ровно положительно.

– Ну, давай я начну, – сказала Эля. – Отбарабаню свое да и в сторону.

Потом поставили в программу Сережу Игумнова. Его Егор приметил еще в первый день. Тогда Сергей показался Егору полноватым, особенно в области шеи и груди. Теперь мнение Егора лишний раз подтвердилось. Сережа жирел, но объяснялось это профзаболеванием. Ведь Сере-

жа был тенором, а у теноров одышка и первые признаки оплывания фигуры очень часты в музыкальном мире.

За Сережей в программу логично вписалась Изольда Маркелова. Гром-баба, как именовали ее за глаза. Да и в глаза тоже. Она этого не стеснялась. Даже гордилась, что была такой громогласной, склочной и несдержанной. И в то же время страдала от своего характера. После ее сольных номеров у нее с Сережей был дуэт.

Завершал концерт Владислав Опенкин.

Получалась приличная программа. Объяснив все первый раз Егору, Валера проговорил:

– А в середине ты как чтец, твои десять минут. Можешь их сократить, никто возражать не будет. Быстрее отработаем, быстрее домой поедем.

– Пусть читает, – среагировала со своего места Изольда. – А то что, мы работать ехали, а он только вести концерт?!

Спорить никто не стал. И Егор прикинул для себя, что почитает рассказ Чехова «Ушла». А вот что говорить между номерами? Как соединять их, какие комментарии отпускать? Просмотрев еще раз записанную программу концерта, Егор прикинул для себя, что ему говорить.

Артисты распевались и настраивались. Егор тоже. Он тоже считал себя артистом, таким же, как и певцы на этом концерте. У него свой жанр. И он им владеет не хуже, чем певцы владеют своим голосом. Теперь надо было пробежать в голове рассказ Чехова. Хватило минуты, чтобы понять, что рассказ он помнит, не надо лишний раз его мусолить. Егор почти успокоился. Самым сложным и неожиданным ему казалось ведение концерта. Как отреагируют певцы и концертмейстер на его слова?

Время покажет, решил Егор. После будем думать, как отвечать на нападки и отбиваться от несправедливых замечаний новых коллег. Все. Я готов. И это главное. Программу положить поближе к сцене, вот здесь, сбоку, на стул. Руки потеют, блин. А пить вроде не хочется. Странная реакция организма на нервный стресс.

– Приходилось вести такие концерты? – Вопрос прозвучал негромко, близко. Егор обернулся. За его спиной стоял Серега. – Пойдем коньячку дернем по двадцать грамм.

– А можно?

– Хозяин угощает. А после концерта еще и чаю попьем. С бубликами. Пошли, а то через минуту начинаем.

Мужчины вошли в гримерку как раз в тот момент, когда Валера ставил свой стакан.

– Давайте по одной и в бой! – проговорил Валера. – Голоса звучат? Сережа, разогрейся.

– Да, что-то застудился я где-то вчера. Хриплю.

– Вот и полечись.

– Только не увлекайся, а то дуэт мне одной за двоих петь придется. – Изольда не шутила, она могла и такое выкинуть.

Начальник клуба вошла в комнату к артистам и сказала, что зрители готовы и жаждут зрелищ.

– Ну что, начинаем? – Егор еще раз хотел посмотреть в программу, но вспомнил, что листок на сцене за жестким порталом справа на стуле.

Валера пропустил Элю вперед, дождался Егора и шепнул ему:

– Не пуха!

– К черту, – ответил Егор, и вышел к зрителям.

* * *

Я в этом деле не новичок, подумал Егор, а поджилки трясутся, как будто только вчера со студенческой скамьи. Сколько этих концертов провел он в школе, в училище, да и потом, когда занимался своими концертами. Общаться со зрителями, выходить на сцену перед большой аудиторией было Егору не в новинку. Больше его сейчас волновало, что скажут те, что столпились за его спиной. Они не показывают вида, что им интересно, они как будто заняты своим делом, но каждый шаг Егора отслеживают, каждое сказанное слово ляжет либо в рабочую строку, либо в папку приговором. И будет он суровым, но справедливым. Его не знает никто из этих новых коллег. Он не имеет к музыкальному миру никакого отношения, никто не будет переживать, если у него не получится. После месяца неудач ему скажут, что он профнепригоден. И тогда – адьёс,

товарищ, вы не с нами.

Зрители мне помогут. Глаза отдыхающих уже были устремлены на сцену. На меня. Зрители со мной.

– Добрый день, уважаемые зрители! Мы рады приветствовать вас здесь, на нашем концерте, в этом уютном зале. Сегодня для вас поют артисты Нижегородской государственной филармонии. И начнет наш концерт артистка, которая не первый год удивляет всех нас коллег своим чарующим голосом. Слушая ее, мы сами за кулисами замираем от восторгов и хотим сегодня поделиться кусочком радости и счастья от общения с прекрасным. Для вас поет Элеонора Колесникова. Концертмейстер Валерий Фокин.

Зрители оценили шутливый тон ведущего и приготовились к восприятию музыки. Артисты за спиной Егора прыснули со смеху, а Эля, подняв изумленные брови, обернулась назад, но тут же приняв надлежащий вид и осанку, вышла на сцену. Грянули бурные и продолжительные аплодисменты. Валера занял место у инструмента, и концерт плавно въехал в свою колею.

* * *

– Говорят, хорошо концерт прошел в субботу? – Лидия Степановна нацелила окуляры очков на Егора.

– Да, вроде все хорошо. Заказчик доволен. Зрители тоже. Наши пели здорово!

– Поют они хорошо. Как ваши ощущения? Как ведение концерта? Не показалось сложным?

– Да мне приходилось, конечно, вести такие мероприятия. Да... Нормально. Чуть перенервничал только.

– О вас очень хорошие отзывы коллег. Мне Изольда звонила вечером по своему вопросу. Сказала, что очень хорошо.

Дина Борисовна тут же подхватила:

– Ну, если Изольда оценила, тогда все, вы прописаны в нашем коллективе надолго.

И новая неделя началась.

А за ней последовала третья.

И пришло лето.

Светлана ЛЕОНТЬЕВА

ГРИБНОЙ ДОЖДЬ ДЛЯ ЛЁВЫ

Глава 1. И всё-таки Лёва был нестерпимо жив!

И всё-таки Лёва был нестерпимо жив! Он как вроде бы не родился ещё, не явился на глаза жителей, но упрямо присутствовал. Его нельзя было похоронить, ибо он не произведён на свет Божий Матерью и Отцом, но и не считаться с ним тоже было невозможно. Ибо Лёва – это плод фантазии! А как вы думали? Хороший сторож – всегда выдумка, всегда ложь, несуществующий, несусветный бред! Но Лёва мог греть душу! Мог оберегать нашу Берозвонь, гремя сонной колотушкой, обходя окрестности владений Антутиковых-Горовых! О. чудо! О, лепет сонных сов! О, дневная, донная прохлада! Если бы не было Лёвы, то как найти свои утраченные корни? Если, кроме коряг и дудок камышей, в нашем болотце ничего нет! Волглое, тминное, гниловато-купавное у нас болотце-то! Может, поэтому все погибли, а оно – осталось? Нет, вы не подумайте, мы в своём уме, но никто не понял, что конец света уже был! Не потому, что книг не читали, а просто проехали, промчались мимо, как всегда уснули в самый неподходящий момент. Оно так бывает, вроде бы ждёшь-пождёшь, минуты считаешь, учёных людей слушаешь, ан нет, уснёшь как убитый и всё прозеваешь, проворонишь, проглядишь сны золотые, бубенчатые! Или просто отвлечёшься, задумаешься и тут на тебе – проехали свою остановку! Надо на Дмитровской выходить, а ты до Останкинской укатила, дура! Вот и Апокалипсис тоже проморгала и Страшный Суд, и конец света. Чего теперича делать-то? Люди,

ах, люди… помогите! Сами мы не местные, из Берозвони, корни свои ищем, утерянные, утраченные.

– Ах, люблю

– Ах, люблю…

Шепот, шорох, разговор, который мешает искать то что, ищешь! Словно и впрямь мы проскочили над бездной на птице-тройке. Оттого и живы, остались, хотя все отравились, нестерпимым ядом надышавшись! Теперь в нас столько химикатов, пестицидов разных, нитратов, глютаминов, фосфатов, что весим мы ой как много!

– Следующая остановка Берозвонь!

Быть того не может! Это после столиц-матушек, многоэтажек, люксовых номеров в гостиницах, после Европы развратной, после Африки крикливой, бог мой, быть того не может. А сама на колени валишься, крестишься и землю целуешь. «Бабу-ля-я…» – орёшь. Вот дура действительно! Бабуля-то умерла… тебе дом отписала, деньжат малость, вещицы кое-какие старинные, изумруды, яхонты, украшения… и домик двухэтажный. Именьице! Интересно, почём продать эту развалюху можно?

Антутикова-Горовая задумалась: Миллион, два? Полтора? Неплохо бы… на вырученные деньги можно своё дело открыть, «бизнес замутить, Нинок», как говорит её подруга Матрёна. А то как же! Мы тоже не лыком шитые! Правда, места здесь, бр-р, глухие! Болотце… купавки, на лугу перепёлки гуляют. И рядом никого, если не считать заброшенного дома на берегу озера, который берозвонцы окрестили Урочищем. Говорят, что в этом доме мужик жил, обычный, как все особи, ничем не выделялся, если не считать, что влюблён был в бабушку Нины Антутиковой-Горовой по уши. Страстной, нежной, фантастической любовью. Оттого с ума сошёл. Спятил. Сбрендил. А после пропал…

Мелькнула за облаком его шапка-ушанка. Растаял след. Бабушка Антутикова-Горовая вздохнула с облегчением, мол, скатертью дорожка, авось забудет её да и женится на молодухе! Об эту пору хозяйке уже пятьдесят лет было с хвостиком, а влюблённому тридцать. Негоже иметь такого

любовника, люди смеяться станут.

А всё началось с пустячка, с малости, с искорки! У бабушки Нины Антутиковой-Горовой было заокенское имя Андромеда, загадочное и непривычное для наших мест. Соседи её кликали Андреевной, уж больно непривычно было выговаривать им античное название, звёздно-пыльное «Андромеда»! Но удивляться не надо – в том году, когда родилась Антутикова-Горовая-старшая, как раз начали исследовать космос. Девочек, родившихся в эти годы, величали Олимпиадами, Высокоурожайницами, Кукурузницами , Циолковками, Гагаринками. Куда только отче небесный глядел? Так что Андромеда это ещё не самое худшее имя!

– Андреевна, ты чё, с ума спятила, строить дом в этом месте? – увещевали непокорную знакомые. – Тут, поди ж, лягухи лишь водятся? Тебе чё нормальной земли не досталось?

– Нет! – отвечала им Антутикова-Горовая-старшая. – Жизнь несправедливая штука. Всем наделы как наделы, жирные кусочки, а мне на окраине, да ещё возле болота. Но делать нечего, буду строить дом. Ибо тут мои корни!

– Вот дура… нет тут ничего! Сгнило всё…

Тяжёлое эхо опепелило верхушки жидкой рощицы, беспомощно тянувшей ветки к небу звёздно-алому.

Кваша, натянув до ушей шапку-ушанку постучался к Андромеде. Он переминался с ноги на ногу, тянул хищный морозный воздух ноздрями. Дом у Антутиковой-Горовой был выструган ладно, аккуратно, но, видимо, досок было привезено больше, чем надо, поэтому хозяйка решила использовать купленную древесину всю, до щепки.

– Крылечко хочу новое, чтобы поручни с изгибами. На мансарде коридор хочу изладить, веранду утеплить…

Словом, работы у Андромеды было – на целую жизнь. Сама хозяйка румяная, пышногрудая, крутобёдрая, а блины и оладьи – жирные, сметанные. Работай да работай. Уйти не захочешь! Но Андромеда сказала как отрезала:

– Нет, Кваша, муж у меня ревнивый, скоро из командировки вернётся. Строй себе дом по соседству. Всё равно земли много. Никому она тут не нужна, кроме меня. Да и

кто в эти края полезет? Болото рядом…

– Чего ты вдруг про мужа начала говорить? Год молчала про него? – удивился Кваша.

– Ты хочешь, чтобы я про него ещё десять лет не вспоминала? Если жив человек, так его не забудешь.

Этот аргумент убедил Квашу. Тем более в доме у Андромеды всё уже было излажено: пол новый, не скрипучий, дощатый, веранда вся обита до потолка вагонкой, коридорчик дубовый, потолок еловый. Чудо, а не дом! Тёплый, с печкой, аккуратненький, как в сказке. Соседи-берозвонцы прозвали его зимней дачей, оттого что у Антутиковой-Горовой была ещё квартира в городе, а этот дом выполнял роль деревенского пристанища.

На следующее утро Кваша приметил несколько берёз, решил, что основой будут служить пока они – недолговечные, плаксивые, белокожие стволы. На хорошие доски у него денег не было, оттого что служил он Антутиковой-Горовой бесплатно. Ох уж эта Андромедушка – медовая, сладенькая, шёлковая, бархатистая! Голос у неё ласковый, ручки тёплые, тити пышные. Ночью она раскроется, бывало, вся до женских прелестей, ах и ох, стонет Кваша от сладости, так хороша Андромеда – золотистокожая, алогубая!

«Муж… – тогда подумал Кваша. – Зачем торопится? Чего ему в командировке век не быть?» Но хорошая сказка на то она и сказка, чтоб кончиться! Но Кваше об этом думать не хотелось. Муж, дом, командировка – это одно, а вот Андромедушка нечто другое, нежное, сказочное, словно другой планеты, где нет Апокалипсиса, Страшного Суда да и самого ада нет, и не выпал дождь отравный, смертельноядый, когда вся планета с берозвонцами промчалась над бездной, забыв там сделать остановку и тем спаслась! Но пагубное действие Дождя Орфейного всё-таки сказалось на местных жителях. Например, на жене Лёвы – Катерине Ивановне, на подруге Ниночки Матрёне, на родителях православного семейства Антутиковых-Горовых...

И последствия его были необратимы!

Глава 2. Драка

Первым ударил тот, который был в маске – Риф. Второй, лобастый, с густо сросшимися бровями, в цветной кепи подбежал сзади и повалил Квашу на жирную, навозную землю:

– Всё, молись на ночь, Дездемона!

Третий, чернявый, по имени Жук пнул в рёбра, но не больно, словно вскользь, жалея.

– Что надо? – промычал Кваша. – Денег у меня нет...

Риф вонзил острый каблук в шею. Лобастый навалился, пихая Квашу на край обрыва.

– Ты её обидел!! – завопил Жук.

– Я не хотел... – Кваша, вцепился правой рукой в колючую плеть прибрежного шиповника, который по-дружески протянул ему качающуюся ветку.

Риф резанул снова Квашу по рёбрам. Жук разбежался и плюхнул его в лицо тяжёлой ладошкой. Но Кваша попытался приподняться, утопая окровавленными руками в навоз.

– Я её люблю! Я жить без неё не могу!

– А ты не будешь жить! – Лобастый наотмашь зазвездил кулаком в лицо.

– Не по Сеньке шапка! Он её любит! Ха!

– Раньше надо было думать! – Жук достал из кармана пачку сигарет и закурил.

Лобастый и Риф накинулись на Квашу одновременно. Резкими ударами по лицу, шее, груди они заставили его подползти ещё ближе к краю. Жук бросил недокуренную сигарету в лицо Кваше и, подпрыгнув, саданул его в костистую спину так, что тот ткнулся лицом в маслянистую жижу и затих.

– Ползи, сказано! – прошипел Жук.

– Мы уже устали! – Риф отряхнул рукав куртки.

Похоже, что трое нападавших не были страстными драчунами. Они наезжали на Квашу непрофессионально, медля, словно не хотя. Вот то ли дело сам Кваша! Ох, как он дрался с пацанами в интернате! Как свистел от радости! Как трепетали его лёгкие! Как он наскакивал на обидчиков, скрипя от злости зубами, аж дубы шевелились! Листья опадали, жёлуди долбили плакучую землю! А пахло

как! Кровью алой, пресной, липкой, сладкодревесной!

Кваша пополз на четвереньках, переставляя колени так, чтобы была возможность для внезапного прыжка в сторону обидчиков. Он рассчитал так, что троица в грязь не полезет, а он доползёт до сухого клочка земли, резко встанет на ноги и кинется на них, подминая одного за другим под себя! Так и случилось. Кваша вытянул своё жилистое тридцатисемилетнее тело из лужи, согнул колени, присвистнул и ринулся на обидчиков. Риф явно не ожидал такого поворота событий, Жук присел от испуга, а Лобастый и вовсе отошёл в этот момент помочиться.

– Гады, сволочи! – Кваша навалился на Рифа всем телом, мутузя его что есть силы. Затем, не давая опомниться, разъярённый, что бык на арене, Кваша переключился на Жука, который отскочил в сторону. Сбивая с ног противника, лопоча что-то себе под нос, жутко воя от обиды, Кваша лбом ударил Жука в челюсть так, что хрустнула кость.

В этот момент Лобастый, понимая, что дело плохо, щёлкнул лезвием ножа...

– Ну-ка! На край! – негромко, но внушительно завопил Риф, поднимаясь на ноги.

У Кваши были порезаны руки. Из уха сочилась полоска цвета незрелого кетчупа. Колено распухло, и левая нога не слушалась.

Дико от боли выл Жук, держась за лицо.

Внизу трепыхалась река. Как бишь её зовут... Глупо не помнить названия. Глупо жить. Глупо умирать.

В это время от громового раската треснуло небо, выпуская жгут молнии из языка ядовитой тучи. Марсовидное облачко зацепилось за край горизонта и повисло на дереве. Стало страшно. Кваша понял, что виноват. И завыл, поднимая голову ввысь. Но неба не было. Сплошная воронка земли. Жидкая навозная червивая, родная, прости меня! Я больше так не буду. Бруно ошибся, говоря, что земля круглая. Его зря сожгли на костре! Он не знал, что мир – это воронка, глубокая, звёздная, внизу в самой маковке – Марс , что можно достать красное яблоко в его расцветшем саду и вернуться обратно в космос, туда, откуда мы все пришли.

– Мама! – вспомнил Кваша умершую от рака желудка, давно почившую, вечно пьяную родительницу. Белое облако птиц ринулось к нему на грудь. Стало тепло.

Упоительная влага вытекла из раны на лбу и засохла.

– Кто я такой? – спросил Кваша мать. Но та лишь улыбнулась в ответ:

– Достань яблочко! Узнаешь!

– Что узнаю?

– Что надо!

Но Кваше не надо было этого знания. Он был двоечником и хулиганом всю свою жизнь. Интернатским, ненужным, подло битым, испоганившим чистое светлое чувство любви. Изгадившим, истоптавшим.

Ничего нельзя вернуть, Кваша!

Жук, преодолевая боль, поднялся на ноги и пошёл на Квашу. Риф стиснул кулаки, усмехаясь. Лобастый нырнул между ними и очутился лицом к лицу с Квашой:

– Ну, лети, голубок, через запад на восток! Либо...

– Что либо? – Кваша снова сел на землю.

– Узнаешь! – разъярённый Риф пнул его со всего размаха в лопатку. Раздался хруст разрываемой одежды. От боли в челюсти мутило сознание, поэтому Жук решил больше не церемониться, он выхватил нож у Лобастого и саданул им Квашу по щеке. Прыснувшая из раны кровь не мешала думать.

И всё-таки он любил и был любимым до тех пор, пока не случилось *это*! Оно надвинулось как землетрясение, как извержение вулкана, как утечка нефти из разорванной скважины, как цунами с нежным именем Катрина. Он сам разорвал своё сердце и вынул его тогда из груди. Он сам своими руками разрушил их чувство. Он глупый, тупой, жалкий Кваша...

Маменька всё ещё смотрела на сына с умилением. Она до сих пор не поняла, что случилось. Даже видя сына на краю обрыва, не попыталась протянуть ему руку помощи. Она тихо поцеловал Квашу в затылок и прижала его к груди, как маленького.

– Ты ел? – отчего-то спросила она, протягивая ему сухарик, пахнущий табаком и нафталином.

Риф схватил Квашу за шиворот и потащил его по сухой колючей траве. Жук сплюнул ему в лицо клочком кровавой слюны.

– Кончай с ним живее! – Лобастый схватил руку Квашу и заломил за спину.

– Так ты ел али нет? – снова поинтересовалась мать. Из её глаз выкатилась первая за всё время слеза.

Кваша мотнул головой.

– А запеканочки творожной хошь? Али арбузика? Или, можа, креветочек, семужки? Мясца али курочки в соусе? Грибиков в маринаде? – голос у матери становился всё слабее и слабее.

Под ногами Кваши нежно чмокнуло болото. Красные клюквины лопнули все сразу и покатились по чёрной червивой жиже. Стало приятно.

Глава 3. Токманец

И сам Лёва возомнил себя живым. Если честно, то он и сам не помнит, откуда она взялась, эта выдумка про сторожа. Это необыкновенная, осенняя, яблоневая сказка. Пахнущая маринадом, смородиной, морозной вишней фантазия. Откуда она взялась и куда втекла, в какие загогулины мозга, неведомо! Но коли таковая есть, то гуляй, родимая! Скользи на лыжах-каталках, качайся на качелях-самоделках, дуди в дудочку-семигудочку, лапуся! Сочная, морковная, листом капустным накрытая. Пресноводная, мшистая, лягушачья, перепелиная... Вся – заячья опушка, вся – лес-малыш, вся – сова-матушка!

Бывало, Лёва обход делал по дачному посёлку, который назывался смешнее некуда – Берозвонь! Шёл сторож прихрамывая, утопая в травах – сухостойных, жилистых, бубенцовых. Под вечер Лёва бряцал колотушкой, которую в Берозвоне кликали токманцом-погремушкой. И мгла синела одной большой ягодой, внутри которой, что косточка, пульсировала-переливалась жизнь Лёвы. Вот тропа, по которой ходил Лёва, нагретая хромотой его ступней, его ворчанием, оханьем, похмельным иканьем и попукиванием. Ещё не затих звук токманца-погремушки, не затаился в рощице, не запрятался. Эх, Лёва, Пингвин Пингвинович!

Сколько ни думай, а всё равно это – родина! Жёлтое солнце, тяжёлый блик на крыше, кривопузая редиска, звон токманца! А ещё – автобус, который курсирует раз в три часа. И мальчишки-подростки, разъезжающие на велосипедах. Если глядеть издалека, то кажется, что Берозвонь – это остров, парящий над лесом по своему маршруту, не поддающемуся человечьему разуму; если бы не козы, привязанные к колышку, то улетело бы всё это создание в тарта-ра-ты! В сливовую вечность...

– Куда ты, на ночь глядя? – спросила Катерина Ивановна своего супруга Лёву.

– На службу... я быстренько.

– Можно сегодня пропустить. Всё одно дачники домой укатили. Никто не заметит, был ты возля их домов-огородов или не был, – Катерина Ивановна придирчиво оглядела Лёву с ног до головы, – и опять свой токманец прихватил. На что он тебе сдался? Людей смешить?

– То-то, – Лёва поднял палец вверх, – людей! А ты баешь, что все разъехались!

– Чучело ты! – махнула рукой в след уходящему Катерина Ивановна. – Таблетки прихвати, мало ли чего...

Но Лёва уже шёл по пыльной дороге, нагретой последними лучами августа. Его скособоченная фигура медленно удалялась в марево вечера. Если бы знать, чем кончится дело, наверно бы, жена ни за что не отпустила своего пожилого мужа за калитку. Удержала бы его как могла. А то бы сама с ним отправилась в сливовую вечную мглу... как, бывало, они ходили в юности, взявшись за руки.

– Синь моя! – щебетнула пичуга и смолкла.

«Болезная, ласковая, нежнейшая, пирожок ты мой сдобненький! Так бы и приласкать тебя, обнять, чтоб не горюниться вовеки!»

Они. Они. Они. Они целовались, словно врастали друг в друга, словно втекали сливовыми звёздами, тяжёлыми беличьими мирами, гроздьями вселенной... Их дети ждали зачатья, путешествуя в глуби космоса, ибо должны родиться от большой любви. Уже были приготовлены

лодочки для отплытия из небытия. Оттуда, где они были раньше, в розовых медных, струнных мирах? Возле чудно мерцающего тёплого берега. Откуда родом вся античная цивилизация, Атлантида и Китеж.

Они любят друг друга так, что если приложить ухо к земле, то из глубин Берозвони доносятся звуки арфы, это Сапфо умиротворяет слух подданных. Пастушки играют на дудочках. И весь лес стонет от неги. Гнёзда наполняются желторотыми птенцами. Реки кишат розовыми, чудными икринками. Сосцы набухают сладким, тягучим, жирным молоком...

Иногда, когда Лёве было особенно грустно, он становился деревом, подходил поближе к дому и вглядывался в силуэты за окном. Вот и сегодня он любовался Ими!

Лёва всегда их называл Они! И сердце падало в пропасть от этого сладкого слова.

Женщину звали Ниной. А точнее – Корениной Гавриловной Антутиковой-Горовой. Двойная фамилия ей досталась от отца, бывшего директора завода, ныне пенсионера – Гаврила Егоровича. Имя ей придумала мама Кира Вениаминовна:

– Наша дочь – это наши корни! И одновременно Каренина. Слушай, какие ассоциативные связи! Чудо!

– Да, да! – кивал отец.

И это всё вместе взятое таяло в детских воспоминаниях Нины, утопало в ларцах, сундучках с золотыми замочками, растворялось в серебряных водах...

Дачники – народ особенный. В выходные дни они приезжали в свои остывшие домишки с сумками, авоськами, вёдрами, прихватив детишек, домашних животных, наводняли посёлок радостными криками. А к вечеру уезжали, прихватив всё тот же нехитрый скарб, животных и детей. Оставляя Лёве вечные заботы о своих опустевших дачах.

– Как ваше самочувствие? – интересовалась Нина, отдавая Лёве деньги за охрану дачи.

– Не хуже вашего, – отвечал Лёва. Его седые волосы были похожи на серые ветки дуба.

Сторож прятал сторублёвые бумажки в карман штанов, протёртых на коленях, заштопанных нежными руками Катерины Ивановны.

– Правда? – Нина смешно оттопыривала губы. Она словно радовалась такому приятному событию, что у старика всё в порядке. И впрямь – Моно Лиза и её вечная, языческая улыбка! Странно! В наших лесах и вдруг чудо! Прошедший век. Прошлый мир. Загадка!

Но вот отчего Нина таскала с собой Федула, было неясно. Да ещё и целовалась с ним, стоя у окна? «Наверно, это страсть? – думал Лёва, отходя в тень. – Примитивное желание не быть одной? Ибо бабе уже глубоко за тридцать... а то и все сорок пять...» Лёва тихо ненавидел Федула. «Сын Мельпомены, – так называл он угрюмого спутника Лизы, пытаясь мысленно уколоть оного, – повадился в местность нашу. Чего надо тебе? Чего ты ищешь? Тут нет того. Здесь чистота и нега! Лапотник...»

И лес тихо подхватывал Лёвину мелодию: «Ишь ты, ишь ты...»

Оно и впрямь, чего надо Федулу от Нины? Тела бабьего, аппетитного, сладкого, изюмного? Пьяного, что мёд липовый? Нежного, что крылья бабочки... Поди отсель! Было да всё вышло! Нет более...

И Мельпомена, слыша горькие Лёвины вздыхания, подхихикивала над ним, выглядывая из античных веков, как из-под веток деревьев, из прохладной тени прошлого, из виноградных зарослей, кустов магнолий, разрушенных миров. И что ей, корыстной, ненасытной в своих жадностях, надо?

Поди отсель! Здесь – родина, земля святая, незапроданная!

Лёва последний раз взмахнул токманцом и повернул домой. Темнело, становилось прохладно. По дороге прогрохотал «камаз»-дальновоз, и пыль медленно осела, счастливая, как детские грёзы. Луна выползла, распластавшись над Берозвонью, как царевна-лягушка в девичестве. Неужели и впрямь на ней когда-то царевич женится? Поцелует её пупырчатое личико? Лупоглазые веки? Кольцо наденет на лапчатый перепончатый пальчик? То-то же...

Они впервые встретились в конце мая. Нине понадобился работник, чтобы построить веранду на даче.

– Купи газету объявлений, – посоветовала дочери Кира Вениаминовна, – я тебе сама найду подходящего!

Вот оно всегда так: дочь сходи, купи, а мама тебе найдёт! Словно Нине было трудно прочесть столбики объявлений. А вот маме – легко!

– Эх, как бы не годы, я бы сам всё отремонтировал, залатал бы... – посетовал Гаврил Егорович.

Оба родители жили надеждами на то, что Корениночка родит детей и Антутиковы-Горовые остаток своих дней проведут, нянча внуков. Но личная жизнь красавицы не складывалась. «Корениночка, дочечка, то ли имя у тебя слишком земное, коренистое, то ли ещё чего?» – думала по ночам Кира Вениаминовна, вздыхая. Муж дочери оказался беспробудным пьяницей. Нина, развелась с ним и оказалась снова одна в своей огромной квартире, подаренной дочери родителями, которые жили отдельно в небольшой, но уютной двушке.

– Так и умру, внуков не понянчу... – сетовала Кира Вениаминовна. Состарившись, она походила на черепаху из мультика.

– Кирочка, не говори ерунды, – увещевал её Гаврил Егорович. Хотя в душе он понимал – жена права. Время неумолимо, Корнениночка уже далеко не молодая девушка, а жена – безнадёжно больна. Да и он тоже не богатырь косая сажень в плечах, а старый пенсионер к тому же гипертоник со стажем.

– Я не виновата, что кругом одни дегенераты! – парировала Нина. – Настоящие мужчины перевелись. Сошли на нет. Их убила плохая экология. Мир вообще идёт на убыль. Галактика перемещается в иное измерение.

– Не мели языком зря, – Кира Вениаминовна по-черепашьи подвинулась на диване.

– Апокалипсис уже наступил! – не унималась Нина. – Нечисть и нежить вышли наружу. Лешие и русалки повылазили из своих сказок. Папоротники все порасцветали!

– Уймись, дочь! – зная, что слова Нины расстроят жену, возразил Гаврил Егорович.

– Ладно. Я пошутила. – Ниночка повернулась на каблуках перед зеркалом. – Пойду куплю для мамы газету. А ты папа, не расстраивайся, зри в корень, смотри вглубь!

– То-то же... – согласились оба родителя, провожая взглядом дочь до дверей.

Ох, уж эти домашние беседы. Уговоры, споры, перемирия! Вся жизнь утонет в них, как в реке красавица...

Рабочего нашли по объявлению. Кире Вениаминовне понравилось то, как молодой человек грамотно отвечает по телефону. Гаврил Егорович не возражал. Он старался потакать своей жене во всём, зная, что лишнее слово, фраза, сказанная ненароком, расстроит её. «Рабочий он и есть рабочий, – думал Гаврил Егорович, – все они одинаковые...»

Федул приехал на дачу, где его ожидала Ниночка, через пару часов после звонка Киры Вениаминовны. Рабочий вышел из своей рыжего цвета иномарки, широко улыбаясь, осматривая местность...

– Показывайте, что у вас! – сказал он, разглядывая не саму дачу, а её хозяйку.

– Глядите! – кивнула Ниночка и начала загибать пальчики, перечисляя то, что надо сделать. – Переставить двери, обить стены, утеплить, настелить полы...

Работы было много, точнее её было целый воз. Чтобы довести до ума развалившуюся старую бабкину дачку, понадобилась бы целая бригада, а не один Федул.

– Вы за день управитесь! – закончила свою фразу Ниночка. – Вы согласны?

Федул понимал, что ни за день, ни за два он не успеет, но отчего-то кивнул головой, соглашаясь.

– Тогда по рукам! – обворожительно улыбнулась Нина.

– Да...

– Вечером приедете?

– Непременно, – снова отчего-то кивнул Федул, хотя знал, что после заката вырваться ему будет трудно, их бригада как раз сегодня приступила к новой работе за городом.

Лёва ещё немного постоял на тропе, пристукивая токманцом. Дачи тихо вздохнули, замирая. Ни шороха, ни скрипа не было слышно. Лёва сомкнул свои ветки, стрях-

нул листья и высморкался.

Глава 4. Гвозди, молоток, лопата

Родина всегда необъятна. Хотя её размеры невелики – водоём с пол-ладошки, покривившийся забор, фиалковое крылечко и, конечно, никому ненужный вялый укроп в огороде. Родина – это всегда мечта о лучшем, о нежном, о детском! Это всегда сеногнойные, упоительные дожди! Это всегда сладкий клевер и хихикающие русалки на лугу. Это сказки такие добрые и вечные, что сердце становился зрячим чародеем и провидцем. Никто не может убить родину, проклясть или опорочить! Рождённое не нами, грешными людьми, не может быть нами сгублено! Родина как кусок целого, необъятного, великого и волшебного сама вселяется в нас – щуплых подростков – и царит в нас до смертного часа. Мы – хранители её, мы живы, пока есть она...

Федул, как и обещал, вернулся вновь на дачу к Нине. Но не вечером, а ближе к ночи, когда жирная, масленая, блинчатая луна выползла на синий круг неба и замерла там.

– Простите, что поздно, Ниночка! – сказал Федул, выходя из своей рыжей иномарки. – Дела, знаете ли...

– Ладно, – кивнула женщина, запахивая свой розовый халатик. Порыв ветра холодил её тёплые, круглые колени.

«Вот бы обнять её... – отчего-то подумалось Федулу, – прижаться губами к ней...» Ему – тридцатисемилетнему неженатому мужчине хотелось сладких нег, пьянящих поцелуев, изюмных ласк. Какая тут работа, когда голова забита другим, манящим, вожделенным, с ума сводящим желанием? Но Федул взял себя в руки и направился к даче. Он морщил лоб, пытаясь сосредоточиться.

Коренина пошла в дом, чтобы разогреть чай. Женщина тоже поняла, что ей Федул понравился, каким-то седьмым, загадочным чувством она угадала своего будущего возлюбленного.

– Вам с вареньем или мёдом? – спросила Нина Федула, подавая душистый напиток в цветастом бабкином бокале. (Эта посудина была лилового цвета, испита вся до дна, изласкана губами бабушкиных кавалеров... Ах, бабуля, бабуля, кокетка, красотка... сумасбродная, огневидная, золотая! Кто только не целовал твои пальцы! Не сходил с ума от твоих ножек. Модница! Золотиночка!)

– С чем хотите... – Федул готов принять из рук Коренины всё что угодно.

– Тогда с вареньем из вишни... у нас, знаете ли, особенный способ приготовления. Мама все косточки повынимала,– миролюбиво ответила Нина, отчего-то взмахивая рукой.

Федул понял – влюблён! Сразу и бесповоротно... безвозвратно... бессмертно... Бес, бес, бес... Так вот он, тот самый Гименей, тот самый падший ангел со стрелами и луком, Берозвонь – место его обитания! Синь золотая! Осенняя мокредь! Лупоглазая дебрь! Федул приехал снова на следующий день. Но у Коренины были гости на даче, к ней наведалась подруга Матрёна Ветлянина. Поэтому Федулу ничего не оставалось, как приступить к работе. Лёва слышал стук молотка. «Мой токманец не нужен сегодня, вон какой гам разносится!» – думал он. А Катерина Ивановна села рядом на диванчик и прижалась к мужу:

– Нынче можешь на службу не ходить!

– Тебе лишь бы я дома сиднем торчал, – проворчал Лёва в ответ, – а кто за всё отвечать будет? Птицы что ли? Лягухи? Васильки-ромахи?

– Ой-ё-ёй! Страсти какие! Кому наши хибары нужны, серые домишки, объеденные мухами туалеты? Грязь, болотина? Мухина страна, комариная держава, осиная трясина. Какие такие тараканы на нас наедут, какие вести набегут? Или ты от всего охраняешь? От татаро-монголов? От войн? Нечисти? Казнокрадства? Лизоблюдства? Лихоимства? – съязвила Катерина Ивановна, поправляя фартук, съехавший ей на колени.

– Конечно, от всего! От грязи и нечисти! От воров! От инопланетян, если надо будет!

– А чем они тебе не по нраву? Тарелками не вышли?

– Не из нашего они теста, вот чем! – махнул рукой Лёва, – Мы-то сдобные, ванильные, огородные, медовые, пасхальные! А они какие?

– Марсианские! – Катерина Ивановна поняла: с мужем спорить бесполезно. Он всё рано пойдёт звенеть токманцом по окрестностям Берозвони. Уже все соседи хихикают в тряпочку над Лёвой, усмехаются в фартучек, ухмыляются в рубашечку. А её старый муж не унимается, сторожит то, чего уже давно нет! Что утекло сквозь пальцы, растаяло... – Всё равно не укараулишь! Государство-то давно тю-тю...

– А хоть бы и так! – обиделся муж. – Я мечту свою охраняю. Чистоту перепелиную. Каплю росистую. Гладь небесную. Солнышко...

– Чего? – Катерина Ивановна поднялась на ноги с диванчика. – А луну ты не караулишь случаем? Звезду красную, хищную на небесах? Ангелов? Может, ты у самого Бога в прислужниках ходишь?

– Хотелось бы! – Лёва мечтательно вздохнул.

Катерина Ивановна надолго запомнит этот лёгкий, шершавый, колокольчатый вздох... словно ветерок пробежал благовестный... мельничка Дон-Кихотова лопастями вздрогнула... не подходи!

Матрёна Ветлянина не была ни однокурстницей, ни одноклассницей Нины. Женщины познакомились в кафе совершенно случайно в час одиночества.

– Я мужа выгнала. Чемодан с лестницы скинула... – призналась Матрёна, отпивая вино из бокала, – совсем обнаглел. Тёлок домой водить начал...

– А мой на меня руку поднял! Гляди! – Нина сняла тёмные очки. И Матрёна увидела синяк. Этакое круглое сердечко под карим глазом женщины.

– Ишь чего... ты куришь?

– Нет. Но с удовольствием бы выдохнула из себя сиреневое облако дыма моих обид...

– А я бы чёрную тучу! – усмехнулась Матрёна. – Целую грозу. Бурю. Вулканы и Цунами... Так во мне всё клокочет! Бурлит! Ненавижу паскуду!

– Вот-вот. Сначала в любви объясняемся, а потом за топор берёмся...

Обе женщины быстро нашли общий язык. И через пару недель уже были заклятыми подругами. Они каждый день

созванивались, а вечером ходили друг к другу в гости. Их сроднила схожая ситуация, одинаковые взгляды на жизнь и вечная бабья тоска ожиданья своего счастья. Кира Вениаминовна и Гаврил Егорович одобрили дружбу своей дочери:

– Ты сегодня с Матрёшкой вечерять будешь? – ожидая дочь после работы, понимая, что Ниночке веселей с подругой, а не с ними, спрашивала мама. При этом Кира Вениаминовна старалась сделать весёлый голос, а Гаврил Егорович, шелестя страницами газеты, тихо улыбался, словно радовался какой-то информации, вычитанной им только что. Словно наступило всеобщее благоденствие. Или весь мир вернулся в рай.

– А с кем ещё? Мой мужик того тю-тю... – бойко отвечала Нина по телефону своей матери. – Даже рукой помахать не успел. Вон тапочки в углу хохочут.

И это было правдой! Муж оставил Нине свои разношенные сорок пятого размера стоптанные и порванные шлёпки. «Моя обувь – это мои воспоминания!» – многозначительно повторял Ниночке Сеня Стальнов (так величали мужа Антутиковой-Горовой!) «Чем хуже одежда, тем ярче память? Так что ли?» – усмехалась обычно Ниночка в ответ. «О, эти жгучие, пахнущие потом, травами и птичьим помётом туфли! О, рваные штанины! О, обрямканные, с коричневыми пятнами трусы! Пиджак с заплаткой на талии! Бомжовые, обветренные, просоленные, синюшные одежды!» – восклицал в ответ Ниночке Сеня, лёжа на диване. «Псих!» – злилась Антутикова-Горовая. «Ну, и что? А кто нынче спокоен? Кризис на дворе, всех заставляет волноваться! Приходить в ярость! Гневаться!» – Сеня был непреклонен. Когда он уходил, его глаза горели огнём. Волосы змеились, ноздри раздувались.

Стальнов ушёл, оставив амые лучшие воспоминания в виде тапочек Нине. Лишь лёгкий дымок его сигарет витал в комнатах да продавленный его ягодицами диван стоял в углу.

– Эх, Стальнов, Стальнов! – любила повторять Матрёна, выпивая за вечер бокал вина в доме Ниночки.

– Что в имени тебе его? – спрашивала её подруга.

– У мужчин одно имя – козёл!

– У козлов тоже есть имя! Родя, Милок и так далее... – у Нины не было злости по отношению к Стальнову. Она даже гордилась, что в её паспорте красовалась фиолетовая печать о заключении брака. И когда Антутикову-Горовую спрашивали, замужем ли она, то Нина гордо отвечала: «А как же! Последнего раза хватило!»

– Сильна ты, красотка! Сильна! – Матрёна щурила глаза и морщилась. – Тебе всё нипочём. Неужели думаешь, что встретишь настоящего мужика?

– Конечно, встречу!

– И отдашься ему? На мягкой постельке? На шёлковой простынке? Под лебяжьим покрывалишком?

– Под синим небом и звёздами! Под луной-матушкой. Под Марсом, Юпитером, Стрельцом... лишь бы самой с орбиты не слететь! – Нина мечтательно глядела в окно на жёлтые фигурки деревьев. Которое из них покойный Лёва?

Матрёна Ветлянина была так поглощена жизнью Коренины, что про себя совершенно забыла. Каждый вечер она ехала через весь город, прикупив бутылку красного венгерского вина, к своей любимице. Матрёне казалось, что её присутствие в квартире Ниночки действует как оберег на всё, что бы там ни находилось. С таким же энтузиазмом она взялась за дачу Ниночки, ей казалось, что старый Лёва недостаточно зорок для охранника, что он слаб и немощен.

– Зачем тебе этот сердечник? Он, того гляди рассыплется по дороге! – постоянно напоминала Матрёна Нине.

– Не говори так! Лёва ответственен, а то, что стар, так это не недостаток! Вспомни, где наша молодость? Была – и нет!

– А его токманец? Неужели тебе не смешно глядеть, как Лёва гремит колотушкой? – не унималась Матрёна. – И неужто воры могут напугаться Лёвы?

– Угомонись! Лёва – это стиль нашей дачной жизни. Это наши привычки, устои. Это словно гвоздь, вбитый в балку, он вроде бы не нужен, но и без него никак! – накрывая на стол, парировала Нина.

– Вижу, что вы тут с ума посходили. Продай свою дачу и сиди спокойно!

– Тебе бутерброд с сыром или колбасой? – старясь перевести разговор в другое русло, спросила Нина.

– Да ещё этого Федула позвали. Он такой же рабочий, как я президент! – оттопыривая губы, вконец рассердилась Матрёна. – Вот зачем он тут сегодня нужен?

– Крыльцо поправить, пол перебрать... дача старая, бабусина, полусгнившая. Сама знаешь, что родители мои не в состоянии сюда ездить. Машину отец отписал на меня. А автобусы курсируют три раза в день... Продавать свою родину я не желаю! И точка! – Нина даже ногой притопнула.

Видимо, это действие убедило Матрёну, оттого что та взяла кусок сыра и начала жевать. Но по выражению её глаз было понятно, что разговор ещё будет продолжен. «Ха, родина... уродина... блевотина...» – думала Матрёна, наблюдая из окна, как Нина выходит из дому, чтобы пообщаться с Федулом. Как она смотрит на этого увальня, давая ему указания... Что-то в их общении насторожило Матрёну, что-то зацепило, как осенний листок за ветку. «Работничек... – желчно прошептала она про себя, – лодырь и лапотник!»

Матрёна беспокоилась о Нине, как о младшей сестре. Она сама для себя неожиданно решила, что её опека поможет Нине в дальнейшей жизни, что её подруга больше не совершит ошибок. И таких людей, как Стальнов, который принёс Нине немало горя, в жизни подруги больше не появиться. «Хватит, натерпелась, горемычная!» Была бы воля Матрёны Ветляниной, та бы посадила Ниночку в серебряную клетку, в изумрудный ларец, в медовый дворец, поставила бы пару бравых солдатиков у входа и на этом бы успокоилась, что её подруга в безопасности!

Тем временем Федул приступил к работе. Он достал молоток, гвозди, пилу, разложил доски. Нина, сама не зная зачем, села на лавочку подле него, оставив Матрёну одну в доме. Обоим хотелось поговорить, словно невидимая нить сама собой связала их, удерживая, не давая отойти друг от друга. Ниночке было легко и весело. Она то принималась хохотать, то говорить серьёзно:

– Наша дача – наша реликвия. Дворянское гнездо, знаете ли... мне её бабушка отписала по завещанию. Родители

о Берозвони говорят так, словно здесь царский дворец с колонами и львами, с мулатами и наложницами, слонами, плантациями лотосов, цветущими папоротниками. А тут, кроме хвощей и гнилых мухоморов, ничего нет! Но я тоже привязана к этому месту и никому его не отдам!

– Дворец? – улыбнулся Федул, распиливая доску. – Построим вам царство! Трон! Вон сколько пней на участке валяется!

– А львы? – чуть кокетничая, продолжала Ниночка.

– Пару рыжих котов принесу, молоком откормлю, мясом. Вот вам и звери! Опахало куплю и буду от вас мух отгонять вместо слуги!

Федула можно было бы назвать симпатичным мужчиной, если бы не длинный узкий подбородок и широкие скулы. Но Ниночка была счастлива, любуясь, как тот, играя мускулами, вбивал гвозди. Наверно, это – счастье, когда есть друзья...

Когда вокруг тебя, как возле планеты, вращаются их миры, их тепло и свет, их тёплые взгляды, думы. Когда ты сама – средоточие споров и диалогов. Ироничная! Лёгкая! Излучающая миролюбие! И никто не властен разрушить это – твоё, тебе принадлежащее, вынянченное тобой, выпестованное. И оттого родное и любимое...

Глава 5. Псу под хвост

Рекс бежал вдоль тропы. Он чуял чужые запахи. Вялые круги листьев свисали со своих нитей. В животе было пусто, после вчерашней корки плесневого хлеба туда ничего не попадало. Рекс нюхал воздух и молча бежал дальше. Пёс залаял, завидев Лёву, вытянул свою лисью морду и оскалился. Токманец смолк на минуту.

– Ну, ну, глупышка! – произнёс сторож, ласково глядя на Рекса. – Чего рычишь-то с голодухи?

Пёс чуть приподнял морду. Вновь понюхал холодный мшистый воздух, облако свесилось ниже, задевая ветвь молоденькой осинки. Тьма оседала в овраг.

– На-ка, поешь! – Лёва протянул псу мягкую лепёшку, испечённую Екатериной Ивановной нынче утром. Но Рекс не шевельнулся, глядя на угощение, хотя в брюхе урчало так, словно там поселилось некое чудовище. Видимо, страх перед незнакомцем был выше, чем голод.

– Не хошь, не подходи, я вот тебе возля пенька лепёху кину. А сам пойду токманцом греметь! – Лёва положил угощение, как обещал, на сизый, осклизлый трухляк, и вернулся к дачам. Рекс молча проводил взглядом сторожа, затем быстро схватил лепёху и проглотил. Тяжёлые мушки взметнулись в воздух и осели вниз на гнилую, розоватую траву. Рекс метнулся к забору близ стоящей дачи – это был домик Антутитикой-Горовой. Тихий, вечерний свет плыл из окон, за которыми пили чай обе подруги – Нина и Матрёна. Федул ушёл часом раньше, пообещав вернуться завтра и доделать ремонт крыльца.

О, родина, моя песнь! Моя вечная, страстная мелодия! Моя бабушка, моя глубь и глыбь! Моя колыбельная, манящая, погружённая в себя детская память! Разлитое по бездорожью белое тревожное пуховое поле, колыхающееся от снега, переливчатое, медовое, нескончаемое, как радость в душе! Несравненная! Глубиноокая! И не понять тебя трудно! И не воскликнуть вослед летящему по твоим полям живому существу: «Эй, куда ты бежишь, псина этакая! Рыжая, кудрявая собаченция? То не моё ли чутьё перескакивает с кочки на кочку? Нюхает воздух, шевеля ноздрями? Не моя ли мысль, не моя ли дума? То-то же…»

До колотья в сердце, до придыхания можно бежать, но все твои усилия – псу под хвост, неожиданно подумал Лёва, провожая взглядом убегающего Рекса. Вот, бывалоча, напечёт Катерина Ивановна шанег или оладий свежих, запашистых, а ты молока вчерашнего испьёшь, и всё – пропала радость! Живот разболится, кишочки вздуются, пуп взъерошится от колик. Да ещё язык вспухнет, хвороба сама собой найдёт. А то, ещё хуже, люди подведут. Вот вчера договорился с квартирантами, которые в избе поселились, комнату сняли, что те завтра съедут. Так нет, не тут-то было, квартиранты энти наровят обидеть старика, дураком назвать, мебель поломать, стулья обезножить, сервантик порушить. Сколько ни старайся, ни убеждай, не съезжают. Вот это псу под хвост, так под хвост! Обидно,

аж челюсть сводит...

Рекс, добежав до забора дачи, приостановился. «А что? Это мысль! – решил Лёва. – Возьму пса себе». И Лёва вновь подозвал Рекса...

– Гля, твой старик какого-то рыжего грязного вонючего пса подзывает! Ха! – Захохотала Матрёна, выглядывая из окна.

– Пусть, – махнула рукой Нина, – тебе-то что?

– Дураки вы... марсиане какие-то... чокнутые...– не на шутку обиделась подруга. – Всё про какую-то родину баете. А где она? Вон под хвостом у Рекса...

Матрёна засобиралась домой. Ей хотелось провалиться со стыда куда-нибудь подальше. Так она ненавидела это сборище людей, окружающих Коренину. Их старомодные взгляды, пахнущие нафталином привычки, изъеденные молью помыслы... «Кому нужные эти обноски? Эти заплатанные мысли о сохранении родины? Эх, вы чудилки драные!» – размышляла Матрёна, садясь в свою белую лакированную «семёрку».«Драными чудилками» были: в первую очередь Лёва, затем его жена Катерина Ивановна и, конечно, Антутиковы-Горовые. А вот Лёвой, вообще, мог быть любой человек, либо вещь, либо растение. Это же так правильно быть Лёвой! Это так честно! Самая большая роскошь в мире – это Лёва! Хромоногий, щупленький, звенящий колотушкой! Лёва – это моя нежность, это огромная рыбина, плывущая по подземной реке, цветущая ветка крови. Моя совесть! О, как бьется, продирается она сквозь толщи глины и песка! Как пытается вырваться наружу: «То-то вам! Бесстыдники, у-у-у! Так твою растак!» – И красный пластиковый кулачок вздымается в небо. Лёвушка, где ты? Так я скучаю по тебе. Тоскую. А рыбина огрузлая, жирная плывёт себе по венам человека, ища выхода в открытый космос...

Нина поняла, что влюбилась. Весь день она только и делала, что думала о Федуле. И его любезное обращение к ней: «Ниночка-а...» до сих пор звенело у неё в ушах, словно милое звеньканье синичьей песни поутру. Где та ниточка, которая связывает едва знакомых людей в единое, в туго соединённое, в звёздное и синее сияние? Ниночка весь день то надевала белую крахмальную нарядную блузку, то вновь снимала её, чтобы не выпачкать, возясь в огороде. К полдню стало невыносимо жарко, к вечеру налетели мошки. Нина поняла, что дальше ждать бесполезно и подозвала рыжего пса:

– Рекс! Подь сюда, покормлю!

Женщина положила в большую миску жирного борща, разваренного по-старинному, пахнущего сладко и призывно. Но пёс лишь слабо махнул хвостом и отбежал. Он не привык брать еду у чужих людей.

– Не бойся. Я своя, – Ниночка чуть причмокнула, – эх, ты рыжик, лохматик... Кто тебя так обманул, что ты мне не веришь? Иди, иди, не бойся...

Рекс всё-таки подошёл к миске и съел угощение. Это было так чудесно, что Нина на миг забылась. Странное зыбкое спокойствие снизошло с небес. Маковый цветок распустился в сердце. Тепло оно и есть тепло...

Нина не заметила, как уснула.

Странное существо – человек! Оттого что может видеть сны! Причудливые, неземные видения! Подчас так не совпадающие с реальностью... Во сне можно увидеть бабушку живой, которая давно умерла. Попасть в рай, стать блудницей, превратиться в насекомое либо научиться летать по небу, как булгаковская Маргарита. А проснувшись, хохотать над увиденным.

Значит, сны напрасны? Они тоже – псу под хвост? Или, наоборот, они нужны, чтобы понять, кто ты есть? Зачем? Может, сон это тоже Лёва, охраняющий неземную, вещую, совиную душу твою человек?

Лёва долго-долго гремел своей колотушкой. Так-то оно так!

И вроде бы ничего не предвещало грозы, вроде было всё тихо и спокойно, как всегда. Словно не было в мире другой жизни – войн, битв, террористических актов, пиратов, атомных бомб и вражды. А лишь одна-единственная идиллия, Берозвонь, нежность и нега!

...Риф, Жук и Лобастый окружили Кваш у, смыкая кольцо.

– Ты во всём виноват! – вскрикнул Риф, пнув Квашу под ребро. Боль во всём теле зашкаливала, если бы можно её было замерить, как в детстве температуру по градуснику. Кости ныли, все суставчики тоже. Кровь сочилась из порезанной щеки, хотелось одного – пить!

– Ты болен? – отчего-то снова произнесла умершая мамаша.

Кваша мотнул головой, съезжая всё ближе к краю пропасти.

– Можа, аспирин дать? Возьми из шкафчика. У меня рука болит, не дотянусь. А ты эвон какой большой ужо! И чего не женишься? Кралю не нашёл?

– Нашёл, ма! Но я дурно с ней поступил...

– Красивая?

– Да! От неё черёмухой пахнет. Она просто волшебная... как флейта...

– Женись!

– Не пойдёт она за меня, – Кваша отчаянно повёл глазами в сторону болота.

– Юродивый мой! – Мать дотронулась губами до затылка Кваши. – Кабы я не умерла, да в двенадцать лет тебя бы отец не отдал в интернат, стал бы ты у меня вундеркинд! А теперя ты кто? Хулиган?

– Я больше так не буду-у-у!

– Ну-ну... – мать, словно не слышала Квашу. Она достала из фартука леденец, – аспирину не хошь, так конфетку погрызи! Эх, хороши яблони на Марсе... спеют быстро, каждые три месяца. Наливные, краснобокие, а скусные... страсть!

Риф, Жук и Лобастый сомкнулись в кольцо, подпихивая Квашу:

– Давай, двинься, нам домой пора. Жёны ждут. Любовью хотим на ночь позаниматься. А ты тут расселся. Виноват – отвечай!

Кваша согласно кивнул. Он знал, что виновен. В горле совсем пересохло.

– Мне бы попить... – жалобно простонал он.

– Пей! – Жук наддал под зад Кваше так, что тот едва не свалился вниз. – Вона воды скока! Целая река...

Все трое рассмеялись. Жук тоже хохотнул, несмотря на боль в челюсти. Риф угрожающе поднял ногу:

– Ну, давай, а то я дам напиться. Утоли жажду!

Серебряная воронка расцвела мелким дождём, засеменившим из тучи. Скоро махнёт ливень! Ждать было некогда. Кваша был доволен тем, что он не лыком шитый, сопротивлялся. А ещё тем, что увидел покойную мать. И даже почувствовал, как на зубах хрустнул леденец – угощенье с того света.

Неужели каждого провинившийся действительно ждёт возмездие? Неожиданно лицом к лицу ты сталкиваешься с ним в ту минуту, когда начинаешь исправлять свои ошибки? Эх, альфонс, альфонс... ел, пил за чужой счёт, прятался на чужой даче, спал на мягких перинах, слушал зорьку, наслаждался добром, складной речью.

– Да лети уже! – Жук не выдержал и с размаху толкнул Квашу вниз.

Мать сложила в испуге лёгкие ангельские крылышки. Со стены попадали портреты всех родственников. Племянников и племянниц, дядей и тётей, сестёр и братьев, бабушек и дедушек. Их было так много, что они осыпались на голову Кваши градом камней. Весёлые брызги сомкнулись над головой и затихли бусинками жемчуга.

Пить больше не хотелось!

Жук, Риф и Лобастый исчезли за горизонтом.

А у Ниночки в понедельник зарплата! Хотелось купить чего-нибудь вкусненького! Хотелось зайти к маме. Хотелось побаловать отца каким-нибудь подарочком. Но Нина вместо этого купила Федулу дорогущий парфюм. В подарок. И вся зарплата – псу под хвост...

Матрёна долго и нудно ругала подругу по телефону:

– С ума сошла? Зачем ты это сотворила? Кто тебе Федул?

– Друг! – безучастно ответила Нина.

– А Гаврил Егорович, Кира Вениаминовна кто?

– Родители!

– Балда!

– Матрёна отстань... я, кажется, влюбилась...

– Тьфу ты, зараза...

Матрёна в этот вечер больше не звонила.

Глава 6. Каникулы по-русски

Буквально через месяц фирма, где работала Коренина Антутикова-Горовая, распалась. Ничего не предвещало процветающей конторе краха, но он случился. Нина вынуждена была уехать в Берозвонь и там коротать нежное волжское лето с его частыми беспричинными дождями, выращивая жалкий чеснок на жидких грядках. Гаврил Егорович и Кира Вениаминовна спустя неделю заявились туда, чтобы проведать дочь.

– Неужели нельзя было вовремя поливать рассаду? – возмутилась мать, обходя хилые посадки.

– Удобрять тоже надо было вовремя! – поддержал жену Гаврил Егорович.

– Вы с ума сошли! Откуда на нашей земле может появиться урожай? Даже покойная бабушка говорила: «Сколько ни вкладывай, результат нулевой!» – Ниночка немного растерялась, оправдываясь.

– Твоя бабушка – моя свекровь – не за урожаем сюда ездила...– резко вставила Кира Вениаминовна.

– Ну и что? – пожала плечами Нина, проходя возле грядок. – Если вам не нравится, сами спину гните! Достаточно того, что небольшой ремонт произведён. Глядите: крыльцо отремонтировано, пол тоже. Деревья посажены. Федул постарался.

– Знаем мы ваши старания... – похоже, что Кира Вениаминовна была не на шутку сердита.

– То есть? – Ниночка готова была обидеться. – Ты на что намекаешь, мамуля?

– На твои взаимоотношения с этим плотником. Нам Катерина Ивановна всё рассказала...

– Так уж и всё? – Нина повернулась к матери всем корпусом. – И про нашу страсть медовую? И пор вечера жаркие? И ночки забубенные? И что у луны ножки есть? А у зайчиков солнечных ручки?

– Не ссорьтесь, девочки! – попытался вмешаться Гаврил Егорович.

– Мама, ты же сама хотела внуков нянчить! Так мы с Федулом решили подарить тебе парочку ! Не к Стальнову же возвращаться! К импотенту вонючему! Пьянице горькому! Пусть он дрочит себе в своем доме!

– Боже, – Кира Вениаминовна попыталась заткнуть уши ладошками, – что я слышу! Ты нахваталась от этого рабочего срамных выражений! Где твоя интеллигентность? Не забывай, что мы в седьмом поколении графских кровей! А папа твой бывший директор завода...

– В том-то и дело, что бывший! И графская кровь у нас тоже в прошлом. И вы смешны, как два старика, выжившие из ума...

– Что? – Кира Вениаминовна схватилась за голову.

– Как ты так можешь, Нина? – отец подхватил жену за локоть.

– Ладно. Простите! – Нина поняла, что переборщила. – Будут вам грядки. Будет и горох! Сегодня же выполю все сорняки...

– То-то же! – погрозила пальчиком мать.

В этот момент раздался резкий лай и из-за кустов выскочил Рекс.

– Это ещё кто? – изумился отец.

– Пёс... – ответила Нина, подзывая проголодавшееся животное, – иди там, в чашке кости...

Рекс молча вильнул хвостом, но, увидев «чужих», вновь скрылся в лесу.

– Боже, боже мой... – мать Ниночки окончательно расстроилась, – продавать надо это всё...

– Так кризис на дворе. Цены низкие! Покойная бабуля нам не простит, если мы продешевим! – возразила Коренина.

– Ты подороже выставь! – кивнул Гаврил Егорович.

– Ой! – Нина развела руками. – Вы как будто с Луны упали. Или с самого Марса! С этой красно-кровавой планеты! Инопланетяне мои! Айда домой!

Нина взяла родителей под руки и вывела с участка.

– Скоро ваш автобус!

Вечером снова приехал Федул на своей рыжей иномар-

ке. И опять время растворилось где-то в облаках – сизых, как сама вечность!

– Зачем родители приезжали? – спросил он.

– Делать им нечего... – отмахнулась Нина. – Ужинать будешь?

– Ага...

– Сегодня в меню суп из рыжиков и картошка жареная со своего огорода.

– Молодец!

Нина хотела сказать, что у неё закончились деньги. Но промолчала. Ей хотелось купить молока завтра у Катерины Ивановны, но она не проронила ни слова.

На следующий день Ниночка позвонила по сотовому телефону Матрёне, хотя подруга на неё была крайне разобижена.

– Привет, дорогая! – спокойно произнесла Нина, заслышав знакомый голос.

– Привет...

– Как ты там?

– А ты? – вопросом на вопрос ответила Матрёна.

– Нормально. Грядки. Лес...

– Скукота?

– Без работы да!

– Федула ещё не бросила?

– Нет. Я добром не кидаюсь! – усмехнулась в трубку Нина.

– Когда расстанетесь, позвони!

Матрёна повесила трубку.

Но через пару часов Нина прочитала в сотовом телефоне послание: «У меня к тебе есть выгодное предложение! Приезжай сегодня в наше кафе! Жду. Матрёна!» Ох уж эти подруги! Разуверившиеся в любви. Преданные мужиками. Потасканные жизнью. С неустроенными судьбами. И вечным желанием помочь, хотя сами бессильны, как июньские радуги! Ох уж эти бездетные, мягкие женские радости! Готовность к подвигу и неумение его совершить! Странные морские ежиные разговоры о том, как устроиться в этой жизни! Хотя сама жизнь проходит мимо, не оглядываясь, не подавая руку, не пропуская вперёд, не даря

цветов и не приглашая на пир Вальтасара!

Коренина с радостью примчалась в кафе «Сумерки» в точно назначенное время, она присела за столик, который очень любила Матрёна, у окна. Заказала два кофе и стала ждать. Нина знала, что обиженная подруга делала вид, что опаздывает, таким образом пытаясь доказать свою значимость. Так и вышло:

– Привет! Уж эти мне пробки... – пропела Матрёна, делая вид, что запыхалась. – Опоздала на десять минут!

– Разве? – пошутила Нина. – А я и не заметила.

Вместо ответа Матрёна чмокнула подругу в щёку и присела за столик:

– Сразу перейду к делу!

– Ты и дело – вещь несовместимые! – снова сыронизировала Ниночка. – Что-то за гранью реальности!

– Ну-ну... сейчас узнаешь! Гляди! – и Матрёна достала из сумочки документы.

– Что это? Файлы? Ой, да тут и печати есть! – опять улыбнулась Нина, доставая листки из папки. – Самые настоящие синенькие, и буквы, ой-ё-ёшеньки!

– Не смейся. Я серьёзно! Наш шеф Аркадий Зиновьев ищет себе помощника или помощницу. Но люди, которые приходят е нему на собеседование, не компетентны. Ты возьми эту папку домой. Изучи. А завтра приходи к нам на фирму к девяти!

– Вот оно что! Ты меня решила на работу устроить! Ха, что вам дома не сидится? И что вы ко мне все лезете? – вспылила Нина.

– Кто все? – Матрёна решила не обижаться на реплику Ниночки.

– Например, родители сегодня раскритиковали мои грядки. Ты недовольна Федулом. Но никто не спросит – чего же на самом деле хочу я!

– Я одна знаю, чего тебе надо! – усмехнулась Матрёна.

– Правда? – снова сыронизировала Нина.

– Вот те крест!

Но вечером, сидя на мягком диване у себя в городской квартире, Нина всё-таки прочитала документы, принесённые Матрёной. Это были обычные бумажки, из коих сле-

довало, как у Маркса в «Капитале», что деньги должны приносить деньги любыми путями. Видимо, у Аркадия Зиновьева, на фирме «Роко», где работала Матрёна, дела шли из ряда вон как плохо! Обычная мелкооптовая торговля. Продажа. Неинтересно... Отмахнулась Нина. Желания идти завтра на собеседование не было. Но ночью пошёл дождь. Ехать на дачу в Берозвонь в такую погоду тоже не хотелось. Поэтому Нина пошла в «Роко». Была не была. Чем удача не шутит?

А удача всё-таки решила на сей раз пошутить изрядно!

Нина Антутикова-Горовая явилась на собеседование при полном параде: причесала волосы и уложила в косы. Не яркий, но чёткий макияж. Тёмно-сливового цвета костюм. Красные туфли и бусы на шее такого же нежно-сливового оттенка. Может, поэтому Зиновьев встретил Антутикову-Горовую с нескрываемым интересом. А, может, действительно в ней увидел панацею от невыплаченных кредитов, разорения и даже от мирового кризиса! «Наивный, однако!» – подумала Нина, но в кабинет вошла уверенной походкой. Это тоже понравилось Зиновьеву. «Интересная барышня! Ещё было бы неплохо, чтоб у неё мозги работали!»

– Ваш бизнес построен на купи-продай! – присаживаясь к столу, после обмена любезностями, мягко произнесла Нина, – как, впрочем, у большинства фирм нашего города. Но, поверьте, я пришла не за тем, чтоб вам сказать это. И не за тем, чтобы критиковать ваше «Роко».

– Тогда какова цель вашего визита? Многие приходили и говорили, что готовы поставить нашу работу с ног на голову! – Зиновьев отпил глоток из чашки с чаем. – Кто-то предлагал рубить леса и продавать их за границу. Кто-то предлагал реализовывать спецодежду и обувь. А кто-то просто давал пустые обещания.

– Главное, мне бы хотелось знать, чего вы хотите сами? – всё так же уважительно улыбнулась Нина.

– Чтобы всё оставалось по-прежнему. Мы закупаем и продаём. А процент от прибыли кладём в карман!

– Хорошо! Но между закупкой и продажей надо организовать третье звено. И это не только реклама. Здесь целый спектр творческой работы. Вы же видите, Аркадий, что мир изменился, словно стал более прагматичен, я бы даже сказала, расчётлив. Средний класс как таковой отсутствует. Многие ставку делают на малодоходную часть населения. Либо продают дешёвый товар, либо увеличивают выпуск продукции. Я предлагаю другое.

– Например? – спросил Аркадий.

– Не самое необходимое, но и не дешёвое, и не то, что надо человеку ежедневно, как хлеб и туалетная бумага. – Нина перестала улыбаться. Она строго нахмурила брови.

– Что-то в этом есть... – Аркадий встал со своего места, прошёлся по кабинету. – Но я не вижу конкретики.

– Оттого что я не вижу материала, с чем надо работать!

– Хорошо! Я вас беру. На три-четыре месяца. А там поглядим!

Нина с радостью написала заявление о приёме на работу в фирму «Роко».

Они снова целовались. У Федула были мягкие губы. Нежные прикосновения. Ничего лишнего, но всё вызывало в Нине восторг, приводило в чудесное изумление. Казалось, что наконец-то женщине улыбнулось счастье своей белозубой лакомой, влажной улыбкой. Хотелось одного – восторгаться!

Тогда Ниночке думалось, что любить и растворяться в любимом она будет всегда! О, этот болотный, сливовый туман! Погружение в нечто! Выход в открытый космос! Пустое тревожное радостное необъяснимое! Миг, который делает разумной всю твою жизнь, объясняет предназначение твоего появления на этом белом свете, берозвонном и глубоком, как провал в небытие! Хотелось бежать и во всю мощь кричать что-то радостное булькающее, лягушачье и немыслимо глупое!

На следующий день состоялось знакомство с сотрудниками. Это были – Матрёна, Зиновьев, милая секретарша Пилочка, бухгалтер Мырлысич и ещё несколько человек.

– Итак, Нина Гавриловна, что вы сегодня нам скажете? – спросил новую сотрудницу на планёрке Аркадий.

– Сказать-то я могу! – начала Нина. – Но захотите ли вы это слушать?

– То есть? – Зиновьев немного наклонил голову вперёд.

– Не покажется ли вам то, что я сейчас скажу, будет дерзким и нахальным?

Пилочка опустила глаза, она всегда боялась увольнения, а на фирме «Роко» последнее время только об этом и говорили.

– Ладно, вещайте...

– Я, конечно, могла бы прогибаться в реверансах, – начала Нина, – но у вас на это нет времени! Скажу просто – дела у вас плохи. Или, как в блокаду, хлеба осталось на три дня. Город вымрет! А вы просто останетесь, как невеста на бобах! Поэтому я предлагаю следующее: фирму срочно переоборудовать в магазин, как это не прискорбно.

– Только не это! – воскликнула Пилочка.

– И в какой, извольте вас спросить? – вставил своё слово Мырлысич.

– Глядите! – Нина достала из пакета шкатулку. Она раскрыла её и высыпала содержимое прямо на стол перед Зиновьевым. – Это бабушкины украшения. Восемнадцатый, девятнадцатый век.

Сотрудники ахнули. Нежный сапфир, красно-кровяной изумруд редкой работы, коралловые бусы, морской волны ожерелье предстали перед очами «Ока».

– Впечатляет, – присвистнула Матрёна.

– И что? – недоверчиво поморщился Мурлысич.

– А то, что мы можем принимать у населения и продавать драгоценности, но не простые, как в ломбарде, а эксклюзивные. Вот, например, – Нина взяла в руки браслет, – это работа редкого мастера я бы даже сказала маэстро, смотрите, как сверкают хризопразы! А вот колье – тоже его рук дело! Такая вещица бесценна. Если её продать, то можно здорово разбогатеть.

– Так продайте! И становитесь олигархом! – хмыкнул Аркадий.

– Во-первых, не олигархом, а олигаршей! – возразила Коренина. – А во-вторых, чтоб такое продавать нужно мужество и реклама!

– Разместите сайт в Интернете... – нежно пропел Мырлысич.

– Нет! Я не так хочу. Нужен магазин. Особенный! Витрины, а не прилавки. Тихая музыка, романсы прошлого столетия. Оформление, вывеска. Рекламные ролики. И конечно, магазин должен окуриваться ароматами.

– Да, что-то в этом есть... – кивнул Аркадий. – Но не пойму что. Либо что-то лишнее. Либо чего-то не хватает.

– Надо офис переоборудовать в мини-магазин. Вторую комнату, где сидят бухгалтер и секретарша, пока сдать в аренду. А ту, что больше, украсить. Купить зеркала, потому что драгоценности требуют сияния! Солнца и отражения!

Неожиданно Аркадий встал и вышел из офиса.

Повисла странная тишина. Пилочка покосилась на Нину, Мурлысич охнул:

– Ну, э-э ты загнула. Коренина!

– А я думаю, что, наоборот, выгнула! – Нина тоже поднялась со своего места и начала собирать бабушкины драгоценности в шкатулку.

– Не ссорьтесь, друзья! – Матрёна кинулась помогать Ниночке.

– Можно подумать, что у вас есть другой выход! – Антутикова-Горовая захватив свою шкатулку, покинула фирму.

Ей хотелось домой. Она чувствовала себя победительницей, несмотря на усталость...

– Ишь возомнила о себе! – проворчал Мурлысич в след Нине. – Потрясла побрякушками и думает, решила вопрос. Тоже мне зеркала... сияние...

– А мне всё равно, лишь бы не увольняться! – призналась Пилочка.

– Какие вы... – обижено поджала губы Матрёна. – Сами придумать ничего не можете, а критиковать горазды! Прямо поедом съесть готовы!

– Кто она такая эта Горовая-Антутикова? Графиня что ли? На фиг нами командовать? – отозвался Мурлысич.

– Графиня, не графиня – это неважно! Нина пришла, чтобы спасти наше плачевное положение!

– Тоже мне спасительница! С бусами и колье! Тьфу! – чертыхнулся Мурлысич.

Глава 7. И снова солнце

Лёва действительно думал, что он нестерпимо жив! Как звёзды на небе Берозвони, как собачий лай, как шелест ветра и жёлто-лимонный лучик солнца! Он тянул ветви к окну Нининой дачи, гладя лепестки окна и разглядывая фиолетовую комнату хозяйки.

В этом году лето наступило чуть ли не в апреле. А в мае уже лес был ярко-зелёным и душистым. Солнце жгло затылки, и никакая шляпа не спасала от его ожогов.

Когда Нина приехала на дачу после трудовой недели, то поняла, что случилась беда. Сначала она словно ничего не заметила, дом стоял на месте, крыльцо, забор тоже. Но под окнами валялось разбитое стекло, тонкие древесные палочки были раскиданы. «Обокрали!» – догадалась Нина. Сердце бухнулось куда-то в бездну. Дрожащими руками Коренина набрала номер телефона Федула:

– Приезжай! – крикнула она в трубку.

– Ладно, – согласился любовник.

– Боже, как мне страшно! Стекло выломано... воры... гады... – Нина готова была разрыдаться.

– Не волнуйся. Я скоро. – Федул понял, в чём дело.

– Вот тебе и Лёва... – сжав губы, жёстко произнесла Нина. – Хороший сторож – действительно фантастика...

Пропал насос из скважины. Больше воры не взяли ничего.

Как странно и невыносимо устроена жизнь! Как хорошо пахнет мышиный двор, прогретый до экватора! Как мило целуются голуби! И никто не может представить, как обидно, когда тебя обворовывают! Недавно, месяца четыре тому назад, когда Нина ещё проживала со Стальновым, у неё из сумочки украли кошелёк. Как раз в день памяти бабушки. Это случилось в троллейбусе, в тесной давке.

– Федул, мне нужны деньги, чтобы купить другой насос! Я не хочу говорить родителям о случившемся. Но у нас на фирме дела пока идут неважно! Я... – Нина была так огорчена случившимся, что не смогла закончить фразу от обиды.

– У меня, к сожалению, пока тоже нет заказов! – возразил Федул, приобнимая Ниночку за плечи. – Ты прекрасно знаешь, дорогая, что я плачу кредиты. И моя бывшая жена осталась без работы! Так что пока поживёшь без насоса!

– А воду где я брать буду? Дни сейчас, как назло, не дождливые! – Нина села на крыльцо, у неё подкашивались ноги.

– Потерпи! – Федул вставил стекло на место, заклеил скотчем щели.

– Меня родители и так ругают, что урожай плохой! Не хватало только засухи! – Нина обхватила голову руками.

Но если подумать, то Лёвой мог быть любой человек, либо вещь, либо растение! Это так было прекрасно – быть Лёвой! Самая большая роскошь в мире – это Лёва! Хромоногий, щупленький, звенящий колотушкой! Лёва – это сама нежность, это цветущая огромная рябина над землёй, алая ветка крови. Наша совесть! О, как Лёва продирался сквозь толщи чащи и песка! Как пытался вырваться наружу! И вот вырвался! То-то вам! Бесстыдники! У-у-у! Так твою растак! И его красный пластиковый кулачок уткнулся в небо...

А рябина – огрузлая, жирная – плывёт себе по внутренним венам человека, ища выход в космос! То душа Лёвы! Лёгкая, грибная!

Всю ночь глухо выл Рекс.

– Ну, чего ты? – спросила Матрёна, приехав на следующий день на дачу к Нине. – Я тебе молока привезла.

– Нормально! – тряхнув кудрями, ответила Нина. У неё было заспанное лицо. Федул уехал под утро. И Ниночка не спала почти всю ночь, раздумывая.

– Вижу, что переживаешь! Брось!

Обе женщины прошли в дом. В его серую утреннюю мглу. Нежное шерстяное тепло.

– Плохо, что мой любовник отказался помочь мне...

– Ха, Федул – губы надул! Нашла из-за чего огорчаться! – Матрёна села к столу, разливая принесенный напиток по кружкам.

– Тогда я сдам дачу в аренду, получу деньги. Куплю насос.

– И заживёшь, как встарь! – кивнула Матрёна.

Белое блёклое жирное и густое молоко было прохладным. И всё, что происходило в это утро, было словно в сливовом тумане, плыло и качалось. Оно было тождественно вечности. Странной и бескорыстной смерти. Отходом в инобытие. Как предупреждение всем живущим о том, что земля кругла и мы – талые, жёлтые песчинки, и наши ладони влажны и горячи...

– Ещё одна новость! – произнесла Матрёна, допивая молоко. – Тебя Зиновьев утвердил на место помощницы. Радуйся!

– Я буду праздновать тогда, когда получу первую зарплату! – твёрдо произнесла Нина.

– Чую, что это будет скоро! Зиновьев тобой доволен.

И впрямь, через месяц был открыт магазин. Сонька Золотая Ручка, наверно бы, порадовалась ассортименту украшений. Здесь было чем поживиться! И это были не простые золотые вещицы с конвейера заводов. Алмазы Сутягина, сапфиры Соколова, яхонты, сердолик... Для любительниц старины. Эксклюзивно. Чтобы больше ни у кого... только у неё одной! Эти прелести тоже надо было охранять. И тогда Коренина вспомнила про Лёву. Точнее она не забывала о нём, ибо забыть Лёву – значит забыть свою страну, родину, свои устои и привычки, Апокалипсис и Страшный Суд! На даче в осенний период делать было нечего, берозвонцы – народ скупой, летом-то едва давали небольшие суммы на охрану, а в дождливую пору тем более. Нина жалела Лёву, поэтому решила пристроить его в магазин ночным охранником. Днём обычно присматривал Мурлысич, вечером сам Зиновьев, который приходил, чтобы забрать выручку с продаж, при этом владелец фирмы сладко потирал пухлые ручки, считая купюры и присвистывая.

– Ты с ума сошла? – Матрёна чуть не поперхнулась от возмущения. – Ты забыла, что твой Лёва проворонил воров на даче? А тут целый магазин! Половина украшений очень дорогие! Сказочно, бешено ценные!

– Можно подумать, что Мурлысич лучше? – возразила Нина. – Прямо зоркий глаз и чуткое ухо!

– Да уж лучше твоего Лёвы! Его самого пора в музей, вместо экспоната выставлять!

– А мы возьмём ему помощника! Пусть вдвоём сторожат!

Зиновьев Нине не стал возражать. Ей, женщине, вытащившей его фирму из пропасти банкротства, из долгов, он потакал во всём. Поэтому, если бы та предложила Зиновьеву взять на работу призрака, директор бы возражать не стал. Хотя он тоже знал, что хороший сторож – это выдумка, это яблочная фантазия. Это вечное заблуждение, морок и туман нашего сознания! Хороший охранник ещё не родился! Тот, что огородил бы нашу родину от опасности, от растления, от золотого тельца. Но одно тешит душу, что если не родился, то, значит, не умер! Слыхали мы, что видели такого где-то на Байкале или в Сибири, а то и вовсе на Курилах! И что бредёт он в белой одежде, напоминающей косоворотку, только длиной до полу! Что ноги его обуты в сандалии, какие носили в последнем веке до нашей эры. Что он может передвигаться по морю аки посуху. И что соблюдает все заповеди, которые сам придумал, сочинил. Ибо в мире нет ни одного живого человека, чтобы все эти блаженные пословицы исполнил бы за всю свою жизнь. Например, даже самый честный человек и то может оступиться. А этот нет! Вот, бывало, сам Гаврил Егорович, обрейший мужчина, любящий свою жену и дочь, и тот для блага семейства деньжата приворовывал, делал приписки в виде перевыполнения плана, вводя в заблуждение начальника треста. А бабушка Антутикова-Горовая-старшая так и вовсе в грехах заплуталась, хороша была чертовка, мужикам любила головы крутить, сластолюбица!

Да чего там говорить! Кто не грешен, тот пусть камень бросит!

Помощника Лёве нашли быстро. Это был щуплый человечек, который бредил о морях и островах, поэтому на фирме «Роко» его живо прозвали «Риф». Аркадий Зиновьев кратко поведал новому охраннику о его должностных обязанностях, Риф расписался в журнале, настороженно оглядел Лёву, усмехаясь, мол, откуда эта доисторическая рухлядь, с какой помойки, и уселся на свой стул возле витрины.

Дождь напрочь сменился солнцем, оно и лучше! От дождей у берозвонцев уши болят, оттого что мелодии у них печальные, орфейные, потерявшие всех и вся! Особливо корни наши! Богатырские, жёлтые, струнные, вьющиеся до самых берегов Мексики с её сериалами про богатых и слезливых граждан! Что можно сохранить в этих условиях, что найти? В небесных струях Орфейного Дождя , призывающего забыть всё, что знали до этого, продать, что имели, забросить учёбу, перестать исследовать, находить новые планеты, открывать неведомое, видеть невиданное! Этот Дождь послан нам как наказание, как весть, как предупреждение!

После кражи на даче Ниночка никак не могла успокоиться. Первую неделю она там дежурила, оставаясь на ночь, и, чуть заслышав лай Рекса, высовывала голову в окно, жутко ругаясь, думая, что воры напугаются и навеки забудут путь к даче Коренины.

– Не слушала меня! – увещевала её Кира Вениаминовна. – И получила! Тебя предупреждали, что надеяться на Лёву – пустое дело!

– Не расстраивайся, дочка, – отводя глаза, увещевал Нину Гаврил Егорович, он-то хорошо знал, что кража на даче – знамение Господне о том, что за грехи родителей отвечают дети. Антутиков-Горовой вспомнил, как делал приписки, дабы положить лишнюю сотку в карман. – Это всего-навсего насос!

– Дело не в этом! У меня сейчас перебои с деньгами! Покупать дорогостоящую вещь мне не с руки! У нас на фирме временно не платят зарплату. Зиновьев пытается создать так называемый первоначальный капитал. Наработать некую сумму, меньше которой не стоит опускаться!

– Я могу дать тебе денег на насос, – решительно заявил Гаврил Егорович, делая вид, что не заметил вопросительно-удивлённого взгляда жены.

– Папа, ты прекрасно знаешь, что я не возьму у вас с мамой ничего. Я сама достаточно взрослая и могу обеспечить себя! – возразила удивлённо Кореннина. «Что это с отцом? – подумала Нина.– Вечная скупость сменилась на страшную щедрость?» – И тем более хороший насос стоит не меньше тысячи баксов.

– Я возьму кредит! В банке! Завтра же! – решительно добавил Гаврил Егорович.

Кира Вениаминовна попыталась «сделать большие глаза» – так называлось недовольное выражение лица матери. Но муж старался не глядеть в её сторону. Тогда Кира Вениаминовна схватилась за сердце.

Две таблетки валидола смягчили приступ. Но не смогли переубедить Антутикова-Горового. Через пару дней новенький, в упаковке, с розовым бантом на крышке насос был подарен дочери.

Глава 8. Я спас наш огород от засухи… а ты оказалась неблагодарной!

Так кричал отец, когда узнал, что морковь и свёкла окончательно завяли. Что кабачки приказали (неизвестно кому!) долго жить. И лишь петрушка и салат ещё как-то держались из последних своих овощных сил.

А дело было в том, что Нина перепоручила полив огорода Федулу, который подвёл женщину в её самых благих начинаниях. Федул просто не выполнил желание Ниночки и не появился в Берозвони два дня, сославшись на якобы неожиданно разболевшееся колено.

– Ха, нашла, кому доверить своё хозяйство! – назидательно усмехнулась Матрёна. – Вечно ты с какими-то юродивыми знаешься. То с Лёвой – этим доходягой столетним, то с Федулом, которому не то что дом, а даже доску гнилую доверить нельзя. Альфонс он и есть альфонс!

– Но мне с ним хорошо… А овощи, право, жалко, – вздохнула Коренина, – и отец недоволен, перед мамой стыдно…

– Что делать будешь?

– На рынке куплю. – Нина сложила руки на коленях. – Овощи дело поправимое…

– А что нельзя поправить? – Видя знакомый блеск в глазах подруги, спросила Матрёна.

– Мои чувства… я как-то холоднее стала по отношению к Федулу. Что-то надломилось…

Жук двинул Кваше в челюсть. «Сдохни, чучело огородное!» Край пропасти отдавал синими красками, пах мхом, прелыми водорослями. Но страшно не было. Наоборот стало немного весело, как от глотка вина. Пагубное действие Орфейного Дождя уже началось. В глазах закачались ели, белки, словно наяды повыпрыгивали с веток и кубарем покатились вниз.

Кваша повис над пропастью, схватившись за ветку.

– Вот он – конец света! – произнёс Риф, который уже два месяца работал на фирме «Роко» и тем очень гордился. Независимо яркая красавица Коренина Антутикова-Горовая, о которой поговаривали, что она графских кровей, оттого и носит двойную фамилию, сама лично выдала охраннику зарплату и мило пожала юноше руку. Ещё бают, что папаня Нины, бывший крупный чиновник, взяточник и казнокрад, подарил дочке квартиру и машину, а бабка оставила крупное наследство, часть которого внучка распродала. Но известно, что у Коренины в запасниках осталось ещё немного, самого ценного, но что конкретно никто не знал. Кроме Лёвы. Но этот тщедушный старикан молчал как партизан. Бывало, Риф заведёт разговор, мол, кто такие эти графья? Кто их предки? «Сам князь Годунов их знал!» – тихо промолвит в ответ Лёва и уткнётся в книгу, дочитывать конец главы. «То есть как знал?» – поинтересуется в этот момент Риф. А Лёва закатит глаза и ответит, что «очень близко, ты даже не можешь догадаться как». – «Бориска спал с её прабабками, что ли?» – никак не унимается Риф. «Тьфу ты, бестолочь! Речь не о блуде, а о высочайшем чувстве идёт!» – «А сама Андромеда, что она? Какие такие бриллианты Нинке отписала?» – «Нам про то неизвестно… речь идёт о другом. Более глобальном!» – Лёва переворачивает страницу книгу.

– О чём, о сокровищах? Да колись ты, дед!

– Нет…

Мотает головой Лёва и замолкает окончательно.

Лобастый вынул сотовый из кармана и посмотрел на часы:

– Пора кончать с этим! Он всё равно ничего не скажет!

– А кто скажет? – Риф смачно глотнул слюну.

– Никто! – выдохнул Кваша, по-прежнему повисая над пропастью. – Хоть убейте!

Его хилые жёлтые пальцы дрожали от натуги. Но он не падал вниз, подогнув колени и глотая гиблый запах болота.

– И подыхай, блин… – Жук смахнул вниз кусок глины.

– Нет, стоп! Братки, хватайте его за шиворот! – Риф попытался втащить Квашу наверх. Но тот неожиданно дёрнулся всем телом, пытаясь высвободиться из рук «братков»:

– Чё, жалко стало? – Лобастый усмехнулся, но послушно сделал шаг к пропасти, обхватив длинноногого Квашу за талию.

– Сопротивляется, кусок говна, полетать, что ли, захотел? – Риф силком вытащил Квашу на поверхность.

– Ну, что делать будем? – Лобастый дышал тяжело, как после тренировки.

– Казнить или помиловать? Ты чё, передумал его убивать? – изумился Жук.

– На кой хрен он нам мёртвый нужен? Пусть колется, где сокровища Коренина хранит? – выдохнул Риф.

– Не знаю я… – Кваша отёр лицо. – Андромеда мне не докладывала. Я чё, следопыт?

– А сам ты не помнишь, чем у неё в доме занимался! – Риф снова сжал злобно кулаки.

– Любовью! – Из ушей Кваши текла кровь, под глазом растекался рыжий синяк величиной с блюдце.

– А ещё! Ну! – Жук грозно пнул в десятый раз Квашу.

– Хватит дудеть про энту любовь! Она тебя бросила, как тока муж приехал! Ты растоптал её чувства! – Жук сунул кулак в нос Кваше.

– Ой, больно. Лучше бы сгибнуть… – простонал Кваша. – Ничего больше я не делал. Дом ремонтировал. Там пол сгнил.

– Во уже лучше! – Лобастый радостно улыбнулся.

– Там Андромеда клад зарыла. Точно говорю. – Риф присвистнул. – Других догадок нет! Пошли!

– Давно пора!

Жук и Риф кинулись к дороге. Лобастый мрачно потёр руки. Затем неожиданно подпрыгнул и столкнул Квашу вниз. В последний раз.

Пьяный воздух окутал тело мужчины, бражный, прелый, как после последнего пришествия, ветер подхватил Квашу и потянул вниз. К свободе! К свободе от себя, от любви к Андромеде. От того, как много потом не было баб, он всё равно не мог забыть её – медноголовую, мягкогрудую, ясногубую! К свободе от мыслей о конце света, об Орфейном Дожде, о сумасшедшей, бедной нашей земле! От Берозвони-и-и-и…

Но Кваша не провалился в пропасть, наоборот, его отчего-то подбросило вверх, вихрем подхватило и подкинуло к облакам, подняло над городом.

В это время троица приблизилось к дому Антутиковых-Горовых. Но, кроме насоса, никаких ценных вещей там не обнаружила…

Затем неожиданно Кваша захохотал и подлетел к своим обидчикам, которые торопились сесть в джип.

– Гля! – крикнул Жук, показывая на подлетевшего к ним Квашу.

– Чур меня! – испуганно перекрестился Риф.

– Я Коренине нажалуюсь на тебя, жлоб! – Выкрикнул Кваша и плюнул в лицо охраннику.

– Так я же тебя столкнул. Ты должен уже мертвяком стать… – испугался Лобастый, хватаясь за голову.

Тут налетел невиданный ураган. Странный, гиблый, тяжёлый, языческий ветер подхватил Рифа, Лобастого, Жука и Квашу, сорвал со всех мужчин одежду. Долго кружа всех четверых над Берозвонью, словно пытаясь объяснить им, что самое ценное на земле – это не бриллианты и золото, а наша родина! Наши корни – чумные, горючие, плакучие. Затем ветер, наигравшись вдоволь, разметал всех четверых по разным концам света. Жука оставил в Африке, который прибился к незнакомому племени и остался там. Рифа высадил на острове людоедов. Лобастый оказался в камере тюрьмы в Англии. А Кваша прибился к работникам кладбища и остался там до последнего часа…

На дежурство Риф не вышел. Нина его уволила за прогул. И наняла другого, по имени Иван. «Роко» – тихая гавань для драгоценностей и украшений – процветала. Модницы не переставали посещать магазин. Поставщики сотрудничали с Корениной без отсрочек. Зиновьев без устали принимал выручку своими пухлыми ручками.

Глава 9. Куски неба, пожие на куски одежды

Над Берозвонью пронёсся вихрь неожиданной силы. Три дня не было света в домах. А на четвёртый жители увидели, как с неба попадали куски мужской одежды. Штаны и брюки разметало по полю. Ботинки рухнули прямо на помойку, а пиджаки и трусы угодили в огород Катерине Ивановне.

– Тут дело нечисто… – выдохнул Лёва, подбирая кожаную тужурку Рифа. Тем более сменщик неожиданно пропал пару месяцев тому назад. – А всё допытывался – где богатства Анутиковых-Горовых? Вот тебе и сокровища! Дурак! Где, где, на ясной звезде по имени Андромеда!

Эх, времена были! Чистые! Честные! Неподкупные… Люди родину любили, корни свои не теряли! Кроме этого мир не был искажённым, как сейчас, ты это не ты, а то, что о тебе думают! Поэтому Лёва знал, что бессмертен. Ибо воры будут всегда обворовывать дачные домики, а сторож – охранять! Значит, пороки одних порождают бесконечность для других.

Если есть гады, то праведники не сгинут! Поэтому Лёва был вечным. Он не мог родиться, но и не мог умереть! Эта гипотеза была достойна великого. Скорее всего наше открытие тянуло бы на Нобелевскую премию, если бы деревня Берозвонь не была бы захолустьем, а столицей! Тогда можно было нырнуть в дебри университетов и кафедр, там засесть за великий труд, написать и защитить диссертацию. Выйти в учёный мир на своей орбите. А мы что делаем, неразумные? Клад ищем всем народом, думая, что эта субстанция находится в доме Антутиковых-Горовых. О да, некогда эта дачка была приличным родовым гне-

здом. Но теперь, в эпоху огромных коттеджей и Рублёвок, её престиж померк. Если бы не Нина, то наверняка родители, несмотря на то что тоже боготворили это неуклюжее строение, молясь на него как на реликвию, но давно бы продали утлое создание. А деньги бы потратили на лекарства, тем более что мама Коренины всё чаще жаловалась на сердце. А отец на гипертонию. Этими болезнями наделила их эпоха исчезающей интеллигентности.

Антутиковы-Горовые тоже слышали легенду об Орфейном Дожде, но не верили в неё. Также до них дошёл миф о спрятанном кладе, что якобы Андромеда владела несметным богатством втрое больше, чем хранилось в сейфе. Что не все её сбережения перешли в руки внучке. А часть накоплений хранилась в каком-то неведомом тайнике. Но где и в каком, Антутиковы-Горовые не знали.

Как-то, пару лет тому назад, сразу после смерти матери Андромеды Андреевны, Гаврил Егорович перекопал весь огород вдоль и поперёк, ища неведомые богатства. Он разобрал часть стены дома, потолок, перелопатил землю под верандой, но тщетно! Видимо, клад матери – это просто легенда, слухи и домыслы!

Гаврил Егорович даже не побрезговал тем, что умудрился сыскать её бывшего любовника Квашу, пытаясь разузнать, нет ли под домом или рядом с ним какого-то тайного подземелья или кладовки, на худой конец погреба? Но Кваша смотрел на сына Андромедушки с неприличным недоумением, мол, не сошли ли вы с ума, драгоценнейший?

– Сам дурак! – выругался Гаврил Егорович, понимая, что Кваша что-то знает, но делает вид, что как вроде бы не причём.

– От дурака слышу, сынок! – ответствовал бывший любовник, усмехаясь в усы.

– Нет уж, папаша мой умный…

– Тогда бы клад сам давно нашёл. Чего ко мне лезешь? – Кваша капризно хмурил брови.

– А то, что ты работником был. А папаша барином!

– Ну и что? Каков с работника спрос? Принеси, подай, прибей, положи… Мы люди – простые. Наше дело гвозди и молоток!

– А любовь ваша тоже – дело простое?

– Мало ли что! Было да сплыло… Ворошить старое – всё равно что беду накликать. Наши амуры давно сдохли!

– Тогда иди!

Гаврил Егорович выпроводил Квашу, понимая, что затея с самого начала была напрасной.

И лишь единственный человек, который был яростно, неутешно и неистово жив, – Лёва, ведал, где хранится клад! Он не то что знал, он чувствовал неким восьмым чудным инобытием своего сознания. Ибо знал, что Андромеда – вечная и неугасимая звезда, пленившая его, как и Квашу, своим чудным, таинственным женским обаянием, была особенной. И в Берозвони поговаривали, что звери обходят её дом стороной и что она не могла не быть сказочно богатой, оттого что хаживали к ней местные олигархи. А сам Решетников предлагал ей руку и сердце и, мучаясь от безответной любви (тогда Андромеда была влюблена в юродивого Квашу!), преподнёс ей браслет невиданной красоты. Вот если бы Ниночка спросила Лёву о том, где находится таинственный клад, то он наверняка бы ответил: спроси своё сердце. Но та лишь похихикивала над стариками.

– Двадцать первый век на дворе! А вы всё про амуров баете! Интернет, компьютер, сотовые телефоны, а вы про какие-то инопланетные субстанции сплетничаете. Нет никакого клада. Враки это всё! Бабушка мне всегда говорила – не верь никому, кто будет настаивать, но верь тому, кто будет молчать! Вон папа чуть не подземелье вырыл под Берозвонью, но, кроме червей и мышей, никого не нашёл.

– Так можно всё перерыть, а то, что под носом, не увидеть! – возразила как-то мама Ниночке. – Ты вспомни, может, бабушка что-то в подпол сунула?

Дочь знала, что Кира Вениаминовна недолюбливала свекровь и, когда та умерла, чуть ли не на дискотеку пошла с подругами от радости.

– Конечно, сунула, – не замедлила с ответом Нина, – огурцы маринованные, капусту квашенную, помидорчики!

– Не шути. Я серьёзно! – мама приобняла дочь за плечи.

– Зачем тебе бабушкин клад? Мы нуждаемся? У нас нет средств к существованию?

– Мы должны похоронить то, что нам положено по статусу? – Кира Вениаминовна недовольно пошевелила бровями.

– Главное статус не похоронить! Мама, хватит! Я уезжаю. Меня Федул ждёт.

Дочь поцеловала Киру Вениаминовну в нежно-дряблую, покрытую морщинами, пахнущую дешёвым кремом щёку.

Федул подъехал к даче Ниночки вовремя. Он принёс мороженое. Нина была рада встрече. Но когда Федул преподнес ей букет ромашек, который сорвал по дороге на свидание, усмехнулась, но не зло – такие же точно ромашки росли на лугу возе дома! Видно, ухажёр Ниночке достался из небогатых, если не может приобрести для подарка нормальный букет роз. Или на худой конец тюльпанов, астр или лилий. «Альфонс!» – мелькнуло в голове Нины, да так ясно и осознанно, что похолодел затылок. Но женщина улыбнулась и сделала вид, что ей приятен подарок. Мороженое было талое. А ромашки завяли через час. Но несмотря на это свидание было приятным, Федул, как всегда, ласков и нежен, а простыни бережно холодили обнажённые тела. Шёлковые… тихие… восторженные минуты! Сладкоголосые Амуры Берозвони! Которые нежными щупальцами касались голов любовников, а острыми плавничками их томных тел. Ничто никогда не исчезнет в пропасть! Не укатится в бездну, ибо человек – он сам себе пропасть и бездна! Никогда не наступит конец света и Судилище. Ибо человек сам себе и конец света и начало его, сам себе судья и сам себе наказание, адвокат и обвиняемый! Наши радости не наши радости – они всеобщие! Ибо их свет – радужный и звенящий – разлетается моментально по всей Берозвони! Но наши беды – лишь наши беды, оттого что они скрытны и молчаливы. Они бесцветны, как дождь, холодны и непринуждённы! И пахнут прелыми листьями, шкурой собаки, сытыми деревенскими ливнями предосенней поры.

Так закончилось лето.

Зиновьев решил переименовать магазин. Слово «Роко» ему перестало нравиться, так как с ним были связаны прежние безденежье и невезуха. Для этого он в начале октября созвал на планёрку своих сотрудников, собрав их в центре зала магазина:

– Ваши предложения? – после краткого объяснения сказал Зиновьев.

– Я смотрю, вы зажрались, любезный! – недовольно возразил Мурлысич.

– Главное, чтобы прибыль была…– пожала плечами Матрёна.

– Да-да, – согласилась Пилочка.

– Нет, не да! – вспылил Аркадий Зиновьев. – Вам бы только плыть по инерции. И ни о чём не думать, кроме своей зарплаты!

– А мы что должны думать о Пизанской башне, глобальном потеплении и сокрушаться, что ли? Да плевать я хотел на всё остальное. Мне детой кормить надо! – снова не согласился Мурлысич.

– Вот поэтому, что нам всем надо получать зарплату не только сегодня, но и через пару лет, надо сменить вывеску! – вставила своё слово Коренина.

– Что? – все присутствующие дружно обратили внимание на пом директора.

– Любое наше действие должно идти на шаг вперёд, а то и на два, думайте о спросе потребителей. Иначе через полгода, максимум год к нам забудут дорогу! Порастёт она травой-муравой, дети мои! Вот что! – добавила Нина.

– Правильно, – Зиновьев кивнул утвердительно, – итак, ваше предложение?

– Их несколько, – начала Нина, – первое сменить не только название, но и интерьер магазина. Сделать всё в океанском стиле, пол должен напоминать водоросли в Красном море, витрины – раковины. Охранников и продавщиц переоденем в оригинальные костюмы, например, набедренные повязки поверх брюк, кинжалы за поясом. А сам магазин назовём «Ловцы жемчуга»!

Зиновьев снова ничего не ответил, он лишь потёр руки и удалился в свой кабинет. Это означало – предложение

принято!

В конце месяца Нина получила внушительный конверт – это была премия за уникальное предложение. Действительно, вскоре вся команда была отправлена в административный отпуск, кроме Коренины. Начался ремонт в магазине, который длился три месяца, к Новому году было его повторное открытие. «Ловцы» привлекли внимание не только модниц, но и просто покупателей, которые пришли подивиться на интерьер магазина. В центре зала был выполнен фонтанчик с ярко синей подсветкой, в углу был аквариум с рыбками. На стене выпукло блестело панно с изображением ныряющего в океан человека, достающего со дна моря раковину.

Пилочка долго и заливисто хохотала, увидев Мырлысича, Матрёну и Ивана переодетыми в ловцов жемчуга, Лёвы не было, он как сказочный персонаж мог не присутствовать на открытии! Но зато Коренина и Зиновьев, переодетые в Хозяйку морских стихий и Зевса, вызвали у Пилочки восторг.

– Надо же, Нина Гавриловна, – произнесла девушка, – а вы оказывается ещё женщина в соку!

– В каком? – миролюбиво поинтересовалась Коренина,

– В соку улиток, которых достали со дна моря, они полны познаний древних времён! – делая серьёзным лицо, парировал Зиновьев, улыбаясь пухлыми губами.

– Нет, улитки глупы и бездумны, – поворачиваясь у зеркала, ответила Нина, – и в соку бывают лишь тогда, когда из них сварят суп! Кстати, новая идея! Когда настанет тёплая пора, можно открыть небольшое летнее кафе возле магазина, в меню которого должны быть морепродукты. А по средам класть в суп жемчужину, кому она достанется, тот получит небольшой приз в виде бижутерий!

– Ниночка, вы – золото! – изумился Зиновьев. – Вы так и сыплете идеями!

– Кстати! Можно осыпать наших посетителей искусственным дожём из искусственного жемчуга, когда кто-нибудь из них делает покупку на сумму более десяти тысяч. И назвать этот дождь – Орфейным, в честь влюблённого героя нтичных времён. – Нина поправила причёску и пошла в зал, встречать первых посетителей.

Пилочка наивно вздохнула: ей никогда не стать такой умной, как Коренина! Такой экстравагантной! Надо же, эта дамочка продала свою старую машину и купила новенький «порше»! Приобрела шубку из шиншилл. А на Рождество собирается в путешествие. И всё это лишь за то, что фантазирует на ходу. А Зиновьев, как загипнотезированный, слушает и повинуется ей, невесть откуда взявшейся. Уж эта мне Матрёна! Притащила с улицы вундеркинкдшу и чихает себе в платочек, коим утёрла свой утлый носарик!

Матрёна тоже по-хорошему позавидовала подруге, надо же, Нина оказалась креативной сотрудницей. А Зиновьев просто не надышится на неё. Ему бы ещё блокнотик купить, дабы каждое слово Нины записывать туда, а потом молиться, ползая на пухлых коленках, на всё, что произнесла помдиректора! И вообще Хозяйка моря намного умнее Зевса, уносящего свои кораблики в рекламные акции, ремонты, переделки и преобразования!

Иван проснулся поздно ночью, оттого что почувствовал тяжесть внутри живота, хотелось помочиться. Он лениво встал на ноги, пытаясь найти штаны, но отчего-то запутался в простынке, дернулся и упал на пол. Тот час он услышал незнакомые голоса:

– Это тут… – выдохнул Лобастый, выключи сигнализацию…

– Вдруг сторожа разбудим? – возразил ему Жук.

– Ты его кувалдочкой по башке. Он и отрубится…

«Воры!» – догадался Иван, пытаясь дотянуться до тревожной кнопки. Но в это время вспыхнул свет, Лёва выпрыгнул из коридора и навёл на Жука и Лобастого своё хилое охотничье ружьишко. Это дало возможность Ивану встать на ноги и нажать на искомую кнопку. Раздался вой сирены.

– Бежим! – крикнул Жук.

Оба кинулись к дверям. Иван живо натянул брюки, но догнать воров ему не удалось. Через пятнадцать минут примчался наряд милиции. Лёва как главный и единственный герой важно рассказал всё до мелочей, его повествование внесли в протокол. Но воров не нашли. Они рас-

творились в бесконечных пространствах нашей звёздной, нежноокой, сиреневой вселенной.

В разгаре банкета Сеня Стальнов позвонил Нине, дабы занять у неё денег.

– Не пойти ли тебе куда подальше? – ответила ему Нина, выпивая шампанское по случаю открытии «Ловцов».

– Я уже там был! – Сеня был непреклонен. – У меня финансовый кризис, устроюсь на работу, отдам!

– Меня не волнует ни твой кризис, ни твои проблемы, ни ты сам! – Нина отключила сотовый.

Ей очень хотелось досмотреть спектакль, который она сама сочинила!

Но Сеня решил поехать в Берозвонь на дачу, чтобы там подкараулить бывшую жену. Каково было его удивление, когда он постучавшись в дом, увидел в дверях, которые тут же открылись, Федула!

– Ты кто? Чего делаешь в доме моей Нины? – грозно выпалил удивлённый Сеня.

– Живу! – не мене удивлённо ответил сонный Федул. Он действительно остался на постой на даче, попросив у Ниночки немного пожить тут в виду проблем с банками, где он взял кредиты. Судебные приставы звонили Федулу, не переставая, но денег у него не было, поэтому плотник решил, что пока не получит новый заказ и деньги, то отсидится в Берозвони.

– Гони бабки! А то милицию вызову! – сжав кулаки, выкрикнул Сеня.

– Я сам вызову! – Федул схватил бывшего мужа Ниночки за рубаху.

Оба скатились вниз с крыльца, сцепившись друг с другом, как близнецы, связанные одной пуповиной. Драка была не долгой. Скорее молниеносной. Федул быстро отпрыгнул от Сени, заскочил в дом и закрылся там на ключ.

– Ну, получишь у меня! – отирая лицо, выпачканное в грязи смешанной со снегом, пригрозил Сеня. – Я выкурю тебя отсюда в два счёта! И чего только Нинка в тебе нашла? Рожа длинная. Зубы кривые!

– Не в лице дело! – ответил Федул, приоткрыв фортку, чтобы его собеседник лучше слышал.

– В пипиське, что ли? Так моя бывшая жёнушка – женщина интеллектуальная. Ей философские разговоры нужны, на латыни желательно! А ты человек простой! Деревяненький! Ну да ладно, сторожи её хоромы, как знаешь!

– Я не сторож! – обиделся Федул.

– А кто ж ты? Нинка – баба с расчётом, просто так никого не пустит! Видно, Лёва занят, так тебе поручили токманцом греметь! Эх, ты колотушкин преемник! – С этими словами Сеня направился к остановке, дабы успеть на последний автобус. Вскоре деньги к нему сами постучались. Неожиданно.

Глава 10. Где Лёва?

Катерина Ивановна так привыкла к частым отлучками Лёвы, что не заметила, как тот умер. А дело было так: Антутикова-Горовая-младшая не доверяла ни одному из своих мужчин. Но она очень дорожила родиной. Вообще, Берозвонь была беззащитным местом во вселенной! Ветра её омывали во всех сторон! Весенние пожары того и гляди готовы были добраться до её лесов! Нефтепровод Москва – Ярославль проложен был так близко от дачи Нины, что было страшно. А тут ещё нашествие воров! Ужас! Поэтому Нина сочинила сладкозвучный миф о существовании Лёвы. В него все сразу, как будто бы это был оберег невиданной силы, поверили, оттого что каждую ночь в окрестностях Берозвони слышался звон токманца. И люди, и звери, и сама Нина верила в свою сказку так, как не верила в истину истин. Лёву никто не видел, но он ел, спал и даже получал зарплату! Его голос звучал повсюду, его следы можно было найти то там то тут. Малышей пугали Лёвой, как бабаем, взрослые сторонились его дома, опасаясь напрасной беды. Оттого что Лёва – это наша совесть! Наша вечная неугасимая песнь о счастье, о победе добра над злом, о терпении, о мудрости. Лёва – это утраченные корни нашей родины. Наше прошлое и настоящее!

Без Лёвы не было бы жизни на земле! Но и самого Лёву никто никогда не видел! Он есть, но его нет. Так бытие смыкается с небытием, с погружением в сладкий туман, в

обережную даль, в то, что нас охраняет, спасает! Не даёт забыть нашу человечью мечту, наши золотые сны, оберегает нас от вымирания.

Как-то Коренина приехала на дачу с Иваном. А было это так: трудовой день давно закончился, смена Ивана тоже была позади, но хозяйка и охранник оба задержались: дел на работе невпроворот, даже когда магазин закрыт. Иван тоже проживал в Берозвони, он попросил Ниночку подвезти его до дома:

– Если не трудно… – добавил он.

– Садись, прокачу с ветерком. На моей даче проживает один гость! – приветливо согласилась Нина.

– Слышал про твоего гостя! – кивнул Иван.

– В каком смысле? – спросила Нина, усаживаясь за руль порше.

– Да так,– уклончиво ответил попутчик, уютно устраиваясь на заднем сидении, – ничего особенного.

– И я так думаю. – Коренина взглянула в зеркало заднего вида. Иван хитро прищурился. Но женщина знала, что охранник её никогда не подведёт. Последнее время Нина и Иван сдружились. Хотя никто из них не переступал грань между ачальницей и подчинённым.

Когда «порше» приблизился к Берозвони, Нина предложила:

– Давай заедем ко мне. Чаем угощу.

– А твой Федул? – насторожился Иван.

– Он сейчас работу ищет. Хватит ошиваться в Берозвони… заодно посмотришь, как сделан ремонт.

Когда Порше приблизился к дому, во дворе мелькнула сгорбленная фигура Федула.

– Он дома! – воскликнул Иван.

– Ты же сам сказал, что ничего особенного. Заодно познакомитесь! – пожала плечами Нина.

Это была её самая страшная ошибка. Она не рассчитывала, что спокойный, заботливый Федул, ревнив, как Отелло! «Ты зачем его привезла, – кричал Федул, когда Иван ушёл, выпив чаю, – думала, что меня нет дома? А я тут как тут! Вот вам фиг!» – «Иван зашёл в *мой* дом! Независимо оттого присутствуешь ты или нет здесь!» – Нина прямо-таки задохнулась от возмущения: «Эта особь мужского пола мало того что живёт у меня, висит на моей шее, так ещё скандал закатил!»

– Это уже слишком! – Нина от неожиданности отпрянула к двери.

– Куда? – выкрикнул Федул. – К своему новому хахалю, что ли?

– Ты ненормальный? – женщина поняла, что ревность любовника беспредельна. Что ей лучше успокоиться, обуздать свою гордость. Нина подошла к столу. Села.

– Да! – лицо Федула налилось краской. – Мы, Квашнины, все такие! Мой дядя Кваша служил у твоей бабушки. Я живу у тебя! И про Квашу тоже говаривали – ненормальный! А кто нормальный? Кто? Мир полон идиотов…

– Значит, покойный Кваша – твой дядя? – Нина совершенно успокоилась. Хотя руки у неё слегка дрожали. Женщина поняла, что отношения с Федулом зашли в тупик. Она не потерпит рядом с собой ревнивого содержанца. Альфонса и Отелло в одном наборе.

Но скандал между любовниками не затих. Наоборот он разгорелся с новой силой, когда Федул попытался обнять Нину, дабы загладить конфликт. Но женщина была обижена. Она оттолкнула любовника, тогда обвинения в неверности посыпались из его уст одно за другим.

Кто когда-нибудь видел облачко ссоры со стороны? Серую печаль разрушенной любови?

– Может, ты меня ещё и ударишь для полной гармони? – возмутилась Нина в очередной раз.

– Я похож на истязателя женщин? – Федул зло замахнулся кулаком.

– Одно лицо!

Неожиданно любовник обмяк, уступил, отошёл в сторону, пытаясь успокоиться. Сердце Нины билось, как пойманная мышь. Этого только не хватало, чтобы любовник обзывал её последними словами!

– Нина, я не хотел ссориться…

– Тебе придётся уйти.

– Выгоняешь?

– Собирай вещи!

– Но куда я подамся?

– Я… разлюбила тебя… сейчас… сию минуту. Бабочки сдохли!

– Но у меня нет ни денег, ни жилья. Меня ищут судебные приставы. У меня кредиты…– промямлил Федул, садясь на диван.

– А когда ты орал на меня, помнил о своих проблемах? – Нина жёстко усмехнулась. – Когда ты убивал мою любовь, тоже думал о них?

– Прости…

– Уходи!

Когда Нина приехала на следующее утро, то обнаружила в холодном доме только Рекса. Кроме голодного пса там не было никого. Отчего-то пахло сыростью, и было неуютно. Серая паутинка отчаянно колыхалась на потолке.

Федул ушёл. Ночью он собрал вещи, инструменты для работы, свои молоток, гвозди, пилу и исчез. Утром, когда рассвет осветил жидкую берёзовую рощу, он сел в автобус, который направлялся в город. Нина взглянула на окно. Между рамами лежала, сложив перламутровые крылья, дохлая бабочка.

Вот и всё!

Родители Нины, узнав о её размолвке с любовником, совсем отчаялись. Они думали, что вот-вот, скоро, в результате огромной любви появится внук либо внучка. Хотя родители не одобряли связь Нины с Федулом, который, по их мнению, был совершенно бесперспективным мужчиной, но и особо не препятствовали их встречам. Часто по вечерам Гаврил Егорович и Кира Вениаминовна вели долгие, нудные и пустые разговоры, например:

– Года идут, а Ниночка всё никак не найдёт своё счастье.

– Может, всё само собой образуется? – меланхолично отвечал жене Гаврил Егорович.

– Сами собой только мыши родятся. Нам надо как-то выкручиваться из данной ситуации. – Кира Вениаминовна высморкалась в надушенный платочек.

– Что ты предлагаешь?

– Надо найти Нине нового ухажёра.

– Где?

– Обычно люди сходятся на работе.

– С кем? – Гаврил Егорович пожал плечами. – Аркадий Зиновьев – пустышка. Его волнуют лишь деньги. Мурлысич как сто евреев хитёр и, тем более, женат, и у него есть дети. Иван – тот и вовсе не пара Нине, он нравится Матрёне, а наша дочь женщина принципиальная, мужчина её подруги для неё тоже просто друг. Нет, эти кандидаты не подходят Нине.

– Тогда надо вернуть Стальнова. Его когда-то полюбила Нина. Тем более, что у Сени есть жильё.

– Но у него нет денег.

– Найди!

– Хорошо…– Гаврил Егорович почесал затылок. Есть у меня идейка по поводу богатства.

– То есть? – Кира Вениаминовна выпрямила спину, убирая платок.

– Помнишь, я после смерти мамы клад искал?

– Ну?

– Так вот, обнаружил я ларец… но скрыл это от тебя и дочери…– Гаврил Егорович потёр переносицу.

– Отчего такая секретность? – жена обиженно сдвинула брови.

– Сначала я не хотел говорить. Знаешь, мама была странным человеком. Затем подумал, что оставлю этот ларец на чёрный день. Право, мне неловко, но это так, любимая!

– Оказывается, действительно у Андромеды драгоценности были. Не зря люди баяли!

– Так-то оно так…– Гаврил Егорович отогнул половицу под ванной и достал ларец, протянув его жене.

Кира Вениаминовна вздрогнула. Уж больно ей не хотелось думать о своей свекрови – женщине необычной красоты и таинственного характера.

Ларец был выполнен из металла. И когда Кира Вениаминовна повернула ключик в замочке, то услышала скрежет, напоминающий скрип кровати. «И тут моя свекровушка, стервозница постаралась! Нет чтобы мягкий шорох либо музыкальную мелодию, но обязательно противный, тошнотворный звук придумала для своего ларца!» Но когда верхняя крышечка отошла в сторону, Кира Вениаминов-

на ахнула. Алмазы, топазы, яхонты сверкали холодным огоньком, свернувшись в клубочек. Ничего нет приятней ясного, льдистого блеска богатства!

– Что будем делать? – спросила жена Гаврила Егоровича.

– Для начала пригласим Стальнова, дадим ему браслет, вот этот! – муж вынул из ларца выполненное из золота, с изящными вставками из яшмы, украшение.

– И что дальше? – жена удивлённо взглянула на Гаврила Егоровича.

– Объясняю. Браслет Сеня обменяет на деньги. Начнёт за Корениной красиво ухаживать, та согласится на его предложения. И родит нам внучат!

Эта версия соблазнения дочери показалась Кире Вениаминовне заманчивой. Она кивнула головой, что означало – давай действуй, Гаврилушка!

Стальнов был изумлён, когда услышал от родителя Нины подобное предложение. Но деньги Сене были нужны как воздух, поэтому он живо согласился и приехал в дом к Антутиковым-Горовым. Браслет был изумительной работы! Тонкая змейка пролегала по всей его длине, золотые крапины оттеняли изящно и нежно изгиб тельца рептилии. Стальнов недолго думая отнёс ящерку в «Ловцы жемчуга». Там как раз в это утро работала Пилочка, она быстро выписала квитанцию, дала Сене положенную сумму денег, и тот ушёл с миром. Когда на работу пришла Нина, то сразу же обратила внимание на новую вещь, оттого что та была невиданной красоты!

– Боже мой, – воскликнула Антутикова-Горовая, – эту ящерку я возьму себе!

– Бери… но она стоит больших денег, – Пилочка показала приходник.

Нина, не раздумывая, сняла деньги с карточки и выкупила браслет. Неизвестно, чем он привлек её внимание. Может, особым изяществом? Может, притягательной волшебной силой льда? Хотя Нина видела вещи и получше. В их магазин стекались украшения во всего города. Но эта вещица… она была особенной… Нина повертела в руках ящерку. И тут на глаза ей попалась гравировка, выполненная с обратной стороны изделия: «Дорогой Андромеде от Р.» «Так вот оно что! Это вещь моей бабушки! Видно, не зря трепали люди о сказочном наследстве Антутикой-Горовой старшей!» – догадалась Нина. Холодок пробежал между лопаток, женщина собралась и поехала домой, к родителям, чтобы рассказать новость. Ей не хотелось говорить о таком по телефону. Тем более, она знала, что сердце у мамы слабое!

– Смотрите, дорогие мои, только не падайте в обморок! – сказала Нина, выкладывая браслет на стол. Но к её удивлению родители промолчали. Они как-то странно отвели глаза и предложили дочери выпить чаю.

– Папа, мама, да вы что? Этот браслет принадлежал моей бабушке!! – Нина готова была кричать. – Я его выкупила у нас в «Ловцах»! Какой-то алкаш сдал эту бесценную вещь туда!!

– И что? – Кира Вениаминовна высморкалась в надушенный платочек. – Нам теперь плясать, что ли?

Отец долго шагал по комнате, затем не выдержал и признался дочери во всём.

– Стальнов? Ха! Ухаживать за мной? Вы с ума сошли? Я не сучка, чтобы меня отдавать на случку! – Нина от изумления села на стульчик, который стоял в прихожей. В это время раздался звонок дверь. Сеня ввалился к Антутиковым-Горовым со словами:

– Берите ваши деньги! От них лишь несчастья!

Он выложил пачку купюр и выбежал из квартиры, схватившись за голову. На лице Сени был написал ужас. А случилось следующее: обрадованный неожиданным богатством Стальнов зашёл выпить в близлежащую пивную. Но вместо обычного общества там находились странные люди. Один из них был переодет в костюм жука, у другого был такой высокий и выпуклый лоб, что становилось жутковато... прямо чудище какое-то, а не человек!

– У вас сегодня костюмированный бал, что ли? – спросил ошарашенный Сеня. – Мне кружку пива.

– На! – Жук подал Сене кружку с красно-алым напитком, напоминающим кровь.

Сеня испуганно выскочил из пивной. Он знал, что Антутиковы-Горовые считаются необычными, но не до такой

же степени…

Вслед Стальнову взглянул хозяин данного заведения, который не далее чем вчера купил старую пивную и переделал её в бар, переименовав из «Закусочной» в «Хижину для пиратов». Сеня оказался их первым посетителем…

Жук и Лобастый рассмеялись, увидев, как Сеня улепётывает:

– На вывеску надо глядеть, алкаш, прежде чем идти опохмеляться!

– Деньги? – Нина пересчитала купюры. Их было ровно столько, сколько дала Стальнову Пилочка. Не хватало лишь одного стольника!

Глава 11. Тайна клада

Найти клад трудно. Но утаить ещё трудней. Конечно, клад можно закопать. Под нашу жирную, полную дождевых слизких червей, угрюмую, сливовую матушку-землю! Но тогда можно просто не откопать его никогда, чего доброго, утром зароешь клад, а ночью начнёшь сомневаться – где он? В огороде? Под капустной грядой? Или под вишнею? Вот чудилка! Пойдёшь свой клад откапывать. До следующего утра провозишься, спать некогда. Вывод – от кладов бессонница! Либо всё время боишься, что кто-то про твои сбережения узнает. Выследит. Упрёт. Нынче намного проще клад беречь в специальном хранилище. В сбербанке. Но всё равно – сомнительно! Вдруг охранник уснёт? Либо банк ограбят? Вывод – от кладов сплошное беспокойство. Но он всё равно твой, кровный, принадлежащий тебе и никому другому, ни одной душе.

Вывод – от кладов волнение!

Тем более что клад у каждого свой. У Ниночки эксклюзивный, там и броши есть, и бусы, и часики с золотыми цифрами – французские! И колечки, и пуговки, а ещё браслет с загадочной надписью. Кто такой Р.? Роман, Рюрик, Роберт? Какой он, этот Р.? Наверняка богатый, если преподнес Андромеде Андреевне такой подарок! Кстати, серёжки с бриллиантами тоже подарил он. Но там надпись более развёрнутая: «Моей несравненной любой очам

и сердцу. Р». Сами по себе камешки у сережек махонькие, но золота много, поэтому гравировка на обратной стороне одной из вещиц получилась не из двух-трёх слов, а целое предложение. На дне ларца Нина нашла записку, сложенную вчетверо: «Если я мил тебе хотя бы грамм от всего того сверкающего божества, то смилуйся, дай знать. Ибо сердце моё пылает, а ты шашкаешься с отбросом этим Кв.! Все говорят, что ты кремень, но я вижу, что это не так, ибо Кв. каждый вечер открывает дверь твоей горенки. Чем он так привлёк твоё внимание, драгоценная моя? Если ты не откликнешься, то этот подарок будет последним!» Видимо, Андромеда не откликнулась, если больше ничего с гравировкой, где бы фигурировала буква Р., не было. Видимо, впрямь Андромеде был интересней бедняк и шишига Кв.! О, как Нина понимала её женское сердце, которое нельзя было подкупить никакими подарками! Вот так бабуля! А ведь дама она была замужняя, из благочинного семейства, мужа имела, сына! Но подарки были действительно хороши! Значит, интрига не зря имела место! Нина достала энциклопедию, нашла в ней отрывок о богатых фабрикантах и стала внимательно изучать. С фамилией на букву Р. ей попались несколько богачей. И лишь один был из тех же мест, что и бабка. То есть берозвонцем. Это был некий Решетников Родик. Нина взяла справочник и нашла в нём номер телефона данного гражданина. Позвонила. Сначала редкий мягкозвучный зуммер услышала она. Затем в трубке что-то пискнуло и раздался мужской голос:

– Слушаю вас!

– Здравствуйте, я Нина Антутикова-Горовая, мне бы хотелось встретиться с вами, – сказала женщина.

– Со мной? – мужчина удивился. – Зачем?

– Понимаете, я нашла в бабушкином ларце вещи, подаренные неким Р. И меня заинтересовало это.

– Прошлое принадлежит прошлому. Дитятко моё! Не стоит заниматься этим! Живите сегодняшним днём!

– Но отчего же… простите… не знаю как вас зовут. – Нина не могла отделаться от чувства, что мужчина рад её звонку. И не прочь пообщаться. Но что-то не даёт ему расслабиться. Может, то, что бабушка отвергла его

ухаживания?

– Я – Родислав Иванович. Вы не ошиблись номером. Вы точно высчитали кто я. Но… мне бы не хотелось…знаете ли… вы молоды и можете понять некие вещи превратно!

– Я не собираюсь брать у вас интервью. Но мне бы хотелось знать, что делать с вещами, которые оказались у меня в руках. Тем более украшения эти дорого стоят!

– Впрочем, валяйте, приезжайте! – немного поколебавшись, согласился Родислав Иванович.

– Спасибо!

Нина приехала к старику в назначенный день. Она постучалась в дубовую дверь кулачком, ибо звонка не обнаружила. В тёмной парадной вспыхнул свет, затем что-то ухнуло, и наконец отворилась дверь.

– Входите, Ниночка, я вас жду. – Родислав Иванович был в светлой пижаме отороченной золотистой каймой. Некогда такие были в моде.

– Как у вас просторно! – женщина подивилась высоте потолка в комнате старика.

– Что вы! Это типичная сталинка. Со сгнившими трубами и развалившимся балконом. Но в прошлом здесь жили люди из определённых слоёв, учёные, чиновники и мы – предприниматели . Чаю?

– Да! – Нина согласно кивнула, усаживаясь к столу.

– Что вас всё-таки привело ко мне? – спросил старик, разливая кипяток. О, это были особенные кружки! С синей канвой по кругу, золотым тиснением! Нина с удовольствием взялась за мудрёную ручечку и сделала глоток.

– Боже, как вкусно! Как здорово. Вся атмосфера вашего дома… всё…всё…

– Ой, не надо лукавить, девочка! Вас привело ко мне любопытство, так? Вы прочитали надписи и решили, что можете раскусить свою бабку, дабы понять, что делать с её вещицами в виде драгоценностей. Да?

– Отчасти так! – кивнула Нина.

– И в целом тоже! – Родислав Иванович надел очки. – Дайте-ка я на вас посмотрю! О да! Хороша! – старик, не стесняясь, окинул взглядом грудь женщины. – Но в вас нет изюминки! Поэтому вы не замужем и с мужчинами вам

не везёт! Оттого что вы любите не тех! Вот и Андромеда любила каких-то ненормальных!

– Кто такой Кв.? – задала вопрос Нина, стараясь скрыть смущение. Старик попал в точку – Нина была не очень счастлива в любви. С Федулом они расстались по весне. Навсегда. Правда, Нина пыталась его найти, несколько раз звонила по сотовому. Но абонент был недоступен. Она писала ему эсэмэски, но Федул не реагировал на них. Нина догадывалась, что Кв. – это Кваша, о котором говорил Федул. Но ей хотелось более веских доказательств, признаний – страстных и яростных. Ей хотелось раскусить орешек…Но в ответ она услышала:

– Андромеда пригласила рабочего. Твоя бабушка в нём души не чаяла. Обогрела. Приютила. Но тот её обворовал. И смылся. Так-то, детка!

– Боже, какая неприятная история. – Нина поморщилась.

– Это поучительная история! – поправил её старик. – Мы любим не того, кто нужен нам, а того, кто нам вредит!

– А вас бабушка любила?

– Что ты! Иначе бы я был самым наисчастливейшим человеком в мире.

– Значит, вы несчастны?

– Нет. Я терпелив. Я жду нашей встречи там! – Родислав Иванович показал на небо. – И тогда наши пути сойдутся. Свет наших звёзд скрестится!

«Какая красивая история!» – подумала Нина, уходя от старика.

Через неделю Родя Решетников умер. Осуществилась его мечта, он оказался рядом с ней – Андромедушкой… В тех райских кущах, где Ева отведала наливное яблочко.

Глава 12. Как не затеряться в толпе туристов

После смерти Решетникова хранить драгоценности подаренные им Андромеде не было смысла. Поэтому Коренина сдала их на продажу в «Ловцы жемчуга» и предложила Зиновьеву сделать надпись, гласящую, что «Змейка» и «Серьги от Роди» приносят счастье. Покупатели не переставали посещать ювелирный магазин. Кроме этого

Берозвонь осадили толпы туристов, пытающихся найти сказочный клад. Чуть ли не каждое утро рейсовый автобус высаживал на остановке любопытных граждан, в руках которых были лопаты. Эти люди направлялись в сторону леса, изрытого вдоль и поперёк такими же, как они, клкадоискателями. Вскоре неизведанный до этого уголок земли, забытый богом, нашей властью и всеми прочими обрёл статус популярного пристанища туристов. Многие уже не помнили, зачем сюда пришли, но манящий зов зарытых тут некогда сокровищ привлекал людей. Катерина Ивановна вместе с сыном открыли кафе под названием «Звон токманца», где желающим подавали чай и пироги с щавелем. Иван организовал прокат подручных средств, в том числе лопат для для копки клада. Кроме этого желающие могли сфотографироваться на фоне местного исчезающего облака, которое каждый вечер являлось в чащах леса и звенело колотушкой, напоминающей треньканье колокольцев. Матрёна, которая приезжала навестить подругу на даче, подрабатывала в Берозвони местным гидом. Женщина рассказывала о том, как влюблённый в Андромеду Кваша предал её, но Решетников несмотря ни на что любил красавицу до конца своих дней. Клад, утерянный и забытый, был разыскан и отправлен в магазин «Ловцы Жемчуга», но любовь к местным плотникам богатых барышень передавалась девушкам по наследству.

В один из вечеров, когда Нине было особенно не по себе от одиночества, она позвонила по сотовому Федулу.

И вдруг Ниночке ответили! О, ласкающий голос! О недра звуков! Бархатистый, заливчатый, нежный бас! Кажется, что в эту минуту женщина позабыла обиду. Тревогу! Её смертельная рана в сердце зарубцевалась каким-то сказочным образом.

– Федул! Я тебя жду в Берозвони. В нашем доме на окраине леса. Хорошо? – спросила Нина, боясь отказа.

– Это было бы здорово…– мужчина знал, что любовница простила его дурное поведение. К тому же ревность – это не самое плохое чувство среди других человеческих страстей!

Когда Федул подъехал к окрестностям Берозвони, то не узнал знакомое ему до боли место. Из маленькой деревушки с неуютными домишками, такими жалкими, что смотреть без слёз на них было невозможно, Берозвонь превратилась в город с многоэтажками, асфальтированными дорогами, в центре которого, сияя куполами, высилась церковь, чуть подальше гордо растекался кремль, на окраине в тиши и покое гнездилось кладбище. На главной площади пестрели плакаты, гласящие, что экскурсия в Место Зарытых Кладов Андромеды состоится в пять часов вечера. Повсюду были развешены рекламные щиты, объясняющие, что инвентарь можно купить в магазинах «У Ивана». Если туристы пожелают посетить труднопроходимые места, то кайло и молотки взять можно в прокатном пункте.

– Какие ещё молотки? – изумился Федул. – Для чего?

Но сам он почему-то решил зайти в магазин ради любопытства. И каково было его изумление, когда Федул нос к носу столкнулся с Иваном.

– Привет! – выдохнул бывший охранник, нынешний бизнесмен, и протянул для рукопожатия бархатную ручку. – Могу предложить новый вид лопат со складной ручкой! Недорого. Тебе как старому знакомому со скидкой!

– Вы что тут, совсем посходили с ума? – вопросом на вопрос выпалил Федул. – Что за раскопки ведут берозвонцы?

– Тс-с-с, – поднося палец к губам, произнёс Иван, – скажу тебе по секрету, что это всего лишь рекламный трюк Коренины! Никаких кладов здесь давно нет! Была малая шкатулочка, но и та давно уже найдена и оприходована.

– И что, люди верят в существование золотого дна в засиженной мухами глухомани?

– Что ты! Какие мухи? Их давно отловили и разобрали на сувениры. Приезжающие сюда туристы думают, что прикоснувшись рукой к любому виду существ или предметов Берозвони, можно сказочно разбогатеть!

– И много народу ездит?

– О да! – кивнул Иван.

Затем на пороге магазина показалась целая толпа ту-

ристов, и бывший охранник помахал Федулу ручкой, мол, иди с богом да не серчай на меня за старые обиды!

– Чего уж там…что было, то прошло… миновало, сгинуло!

Уже смеркалось, поэтому Федул поспешил дальше. Выходя на знакомую улицу, он встретил Зиновьева, который купил в Берозвони участок земли. Но не простой, а, как говорится, золотой! Дело в том, что поначалу Зиновьев попытался построить на этом участке дом. Вырыл котлован, забил сваи. Но через пару недель хозяин участка обнаружил, что вся работа пошла насмарку. Котлован сам собой исчез, а сваи провалились в тартарары. Он несколько раз пытался возобновить стройку, но безуспешно. Поначалу Зиновьев сильно расстроился. Во-первых, для покупки участка он вынужден был продать свой бизнес, чтобы раздобыть деньги, ибо земля здесь стоила как на Рублёвке, если не дороже! Но потом решил этот загадочный клочок земли использовать по назначению. Поначалу он сдавал его в аренду под городскую свалку. Весь мусор исчезал за один миг, как по мановению волшебной палочки!

Позже Зиновьев размежевал этот участок на несколько. Часть земли он использовал для себя, уничтожая мелких грызунов и прочую нечисть, другой кусок для наказания воров, третий предоставлял учёным, которые занимались анализом данной аномалии. Четырёхугольным Бермудом назвали землю Зиновьева. Оказывается, не только на наличии, но и на исчезновении предметов можно неплохо зарабатывать! Возле участка Аркадия Зиновьева располагался целый комплекс Дома учёных. Сам хозяин земли возглавлял его! А «Ловцы жемчуга» полностью перешли в руки Нины Антутиковой-Горовой, Зиновьеву заниматься бижутерией стало неинтересно! Но Федул не ведал о загадочном действии земли Зиновьева и сделал нечаянно шаг в сторону безмятежно цветущей поляны. Поначалу он почувствовал сладкий толчок в спину, затем нежный голос позвал его дальше, в центр участка. Безмятежные сирены тянули к Федулу руки и пели свои тёплые песни. Внизу был накрыт стол со всевозможными яствами. Хлебные манящие запахи влекли вечноголодного парня, призывали

откушать царские напитки. Больше Федула никто не видел на земле Берозвони!

Прощай!

Глава 13. И только небо нам судья!

Родители Коренины тоже переселились в Берозвонь.

Последнее время оба хворали. Поэтому дочери было трудно справляться с их постоянными хворобами, жалобами на врачей, демократов и непотребную власть. Тем более после признания Берозвони как центра земли, многим её гражданам производили добавку к пенсиям. Антутиковы-Горовые не замедлили обратиться в собес, расположенный неподалёку от трёх магазинов: «Всё для копки земли», «Блеск бриллиантов из-под земли» и « Зайди и найди клад!». Правда добавка к пенсиям была чисто символической, но она тешила стариков, как звуки арфы средневековых рыцарей! Вечные споры Нины с матерью временно прекратились, ибо дочь редко ночевала дома, основное время она проводила в магазине, пытаясь довести данное творение Зиновьева до ума. Ей по-прежнему помогала Матрёна Ветлянина, потакая подруге во всех её фантазиях. Преобразовать витринный вид – пожалуйста! Нате вам крашенные и подсвеченные камушки! Сделать более креативную рекламу – плиз, приглашаем артистов, наряженных в костюмы сватов для того, чтобы продать свадебные кольца. Хотите кумовьёв изобразим? Турчанок, мечущихся в неволе, тоскующих по золотым украшениям? Любой каприз воплотим ради вашей фантазии!

Когда Нина после трудовой недели решила навестить родителей, было уже совсем тепло. Она надела лёгкую куртку коричневого цвета, обтягивающие джинсы в стиле хип-хоп. Отчего-то хотелось порадовать стариков, и Нина зашла в кондитерскую, чтобы купить торт. Она встала в очередь за мужчиной в сером пальто. Сначала Нина не обратила на него никакого внимания. Мужчина как мужчина. Но когда тот попросил взвесить ему полкило конфет, Нина вздрогнула всем телом. Голос незнакомца напомнил ей фразы старика Решетникова:

– Милочка, я люблю шоколад, а не вафли. Настоящее, а не поддельное! Ибо бриллианты внутри нас, а не на поверхности!

– Родислав Иванович?– выдохнула Нина.

– Нет, его внук Алекс Решетников! – улыбнулся мужчина, протягивая женщине конфеты. – Угощайтесь!

– Что вы… я… я – Нина, – растерянно промямлила женщина.

– О, у вас прекрасное имя! Тогда пирожное?

– Прекратите! Просто я знала вашего деда. И…

– И я знал. Но не думал, что такие хорошенькие барышни вились возле него! – Алекс взял Нину под локоток, помогая ей упаковать торт.

– Ваш дед любил мою бабушку! – выпалила Нина, растерявшись окончательно.

– О, прекрасная традиция. Внук готов приударить за внучкой!

– Ну что ж, – смирилась Нина, – приударьте. Хотя это вам не поможет. Ибо бабушка отказала вашему деду. А я наверняка откажу внуку!

Лето было в разгаре. Её второе лето в Берозвони. Но когда женщина в очередной раз приехала туда, то поняла, что дело плохо! От дома отъехала скорая, несчастные пылинки взвились воздух и осели… Они умерли в один день. Оба – папа и мама! И пусть небо осудит меня!

Глава 14. Сын

Мечта Антутиковых-Горовых сбылась лишь после их смерти. Хотя подобное слово не подходит к жизнелюбивым и дорогим сердцу людям! Все слова кажутся жалкими и ничтожными, словно украденными из другого мира, сказанные на жутком вороньем инородном языке. Словно незнакомые фразы стандартно и неуклюже вылетают из твоей гортани, оседают пылинками, такими же несчастными, как ты сама. Родителей Нина похоронила на Берозвонском кладбище, возле новой церкви имени преподобного Иоанна. Матрёна, которая помогала подруге в её трудную минуту, решила обойти кладбище, чтобы посмотреть, кто

тут схоронен. Она была удивлена изобилию людей померших в маленькой Берозвони. «Понаехали и окочурились…– язвительно подумала Матрёна, – и чего им дома не сиделось? Может, ещё бы жили да жили». Матрёна ещё больше удивилась, когда обнаружила, что многие умерли в молодом возрасте. Видимо, поиск и копка кладов – дело не простое! Если это стоит жизни! А, может, дело не в этом? А в том, что ещё никому не удалось найти этот злополучный клад? Скорее всего, что причина в разочаровании. В обмане рекламщиков. В том, что чуда на самом деле нет!

После поминок у Нины начались схватки, и её в срочном порядке увезли на скорой в роддом. Матрёна, которая тоже сопровождала подругу, поделилась с ней своими размышлениями:

– Нет в Берозвони никакого клада!

– Ой, ой, – вскрикнула Нина от боли, лёжа на носилках в скорой, – ещё как есть!

– Вот и ты туда же… все вы тут того… трёхнутые!

– У меня дома, подруга, лежит шкатулочка вся доверху набитая драгоценностями. Её мой покойный папа нашёл, царствие ему небесное! – ответила Нина Матрёне, хватаясь за живот, ибо снова началась схватка.

– То есть как нашёл? Когда?

– Незадолго перед смертью.

– Вот я и смотрю ваше кладбище битком забито… кладоискателями…

– Пусть! – гордо усмехнулась Нина. – Зато они знали, что такое счастье, этот миг сладости, адреналин в крови! Бешено поющее от удачи сердце! Лучше жить немного, но с мечтой в душе, чем состариться и не познать эту минуту – поиска, предвкушения!

– Значит, ты счастлива?

– Да! Я любила и была любимой…

– Но рожаешь от проходимца… от этого Решетникова. Плута и пьяницы. – Матрёна сделала вид, что смотрит в окно, а не искажённое от боли лицо Нины.

– Я исполняю долг! – подруга не обиделась на Матрёну. Она лишь ещё больше побледнела.

– То есть?

– Во-первых, моя бабушка не влюбилась в старшего Решетникова. А мне он понравился. Тем самым я довела логическое до исхода! Замкнула круг! И второе, я обещала родителям произвести на свет божий внука. Знала бы ты, Матрёнушка, как были они рады тому, что я на сносях!

– Чудные вы… Те радуются от поиска клада и умирают от радости, родители радовались появлению внука и умерли от счастья…

– Ай-я-яй… закричала Нина, корчась от боли.

Через пару минут скорая остановилась возле приёмного отделения.

…Сын появился на свет, сияя бледно-розовым личиком…

«Новый кладоискатель»! – обрадовался Алекс Решетников, стоя под окнами родильного отделения.

Глава 15. Можно ли быть счастливым и одновременно логичным?

Сына нарекли Германом.

От счастья хотелось плакать. Это нелогично. Человеческие эмоции устроены нерационально. Если бы человек был как робот, он жил бы дольше. Как в писании: библейские патриархо жили сотни лет. Почему так долго? Потому что не были так эмоциональны и чувствительны! Пили воду из родника. Соблюдали посты. И, главное, по субботам не работали! Мужчины любили своих женщин. Другая женщина – всегда чужая. Поэтому чувство ревности были в те годы неуместно . Зачем ревновать, если всё равно нет измен? Кроме этого люди передвигались пешком. Они не садились на своих осликов, припаркованных в хлеве, когда им надо было пойти в лавку за едой. Поэтому они жили так долго! А мы? Чем занимаемся мы? Мы живём нелогично. Поэтому мало. Поэтому кладбище Берозвони больше самой Берозвони в семьсот раз. Загадочная, девственно алая, нежно розовая, сиреневая страна моя! Нелогичная, слезливая, хохочущая, гневающаяся, небесноясная, умирающая и воспроизводящая себе подобных! Ненавидящая и любящая, смертно любящая и жизненно ненавидящая!

Отсутствие логики – твоё кредо! Твоё своеобразие! Если бы ты была другой, то величали бы тебя иначе – не Берозвонью, а Осинозвонью или Дубозвонью… А может, Лаосом или Зимбабве!

Верить в тебя – это всё равно что думать, якобы земля находится на трёх китах, что она плоская, состоит из субстанций воды, огня и воздуха. Любить тебя – слыть сумасшедшим, ругать тебя всегда почётно и похвально. Свергать царей и воздвигать тиранов – любимое занятие рабочих и крестьян. Но самое большое твоё заблуждение, Берозвонь, – это верить в шоу-бизнес, возводить кумиров и зачитываться сплетнями. Но существовать без тебя невозможно! И в тебе тоже.

Здесь, главное, надо уметь держать равновесие. Надо вырваться из бедности, надо сделать шаг! Надо найти клад, хотя бы маленький, незначительный, но свой. Поэтому копай, ищи, добывай и приумножай – таков девиз берозвонцев. Этих сказочных карликов и великанов земли , занявшей почти полполушария планеты. Чудный, сердцесхватывающий остров, плывущий сам по себе, без логики! Ибо быть правильным – значит не быть одним из нас!

Герман был чудесным ребёнком. Он подавал голос лишь тогда, когда хотел кушать или был мокрым. Плакал довольно редко. И Нине не доставлял почти никаких хлопот. По ночам Герман спал, не досаждая матери, играл, лёжа в кроватке. Говорить начал раньше своих сверстников. Алекс – отец Германа изредка посещал сына, Нина не требовала от Решетникова ничего. Ей достаточно было того, что она выполнила долг Антутиковых-Горовых, который заключался в том, что любовь достойного человека к женщине не могла пропасть даром. То есть в родовое недоразумение вмешалась логика. И она победила! Герман рос здоровым мальчиком, . Далее Нина попыталась вырвать их своего сердца Федула. Это ей надо было для того, чтобы достичь вожделенного долголетия. Ибо любовь к недостойному укорачивает жизнь! Она пресекала всякие мысли в своей душе о прошлой любви. О возможности возобновить отношения. Она истребила все номера его те-

лефонов, выбросила все его вещи, особенно долго Нина не могла расстаться с воспоминаниями. Даже один раз заприметила знакомую фигуру возле остановки автобуса. И окликнула: «Федул! Милый! Я люблю тебя!» и побежала, раскрыв объятья к своему возлюбленному, прижалась, зацеловала. Но когда отпрянула, то поняла – ошиблась! Совершенно другой мужчина изумлённо глядел на Нину! «Извините!» – сказала женщина и пошла к себе домой, пожимая плечами, мол, надо же… какая я дура. Но Алекса Нина тоже не могла полюбить. А не любить отца своего сына – нелогично. Это укорачивает жизнь! Выходит, что любить нелогично, но и не любить тоже!

Таков воздух Берозвони! Таковы её привычки и обычаи! Это как звук токманца, вроде бы его нет, но он присутствует! Живёт, дышит, оберегает! Есть вещи, которые нельзя узреть, но они очевидны. Нельзя потрогать, но они осязаемы. Нельзя понюхать, но они тревожат обоняние. Они есть, но их нет. Так же, как мы ни разу не видели Бога, но он – всё! А целое никогда нельзя объять, пощупать, поцеловать, погладить по щетинистой щеке. Невозможно увидеть Лёву, но с ним можно поговорить! И Катерина Ивановна знала это! Часто она ловила себя на том, что разговаривает с ним, выкладывает Лёве свои секреты, спрашивает о том, когда выкапывать морковь – сегодня или попозжей? А тут ещё Матрёна пристала, мол, поведай, Катерина Ивановна, как присушить Ивана к себе? Как заворожить его так, чтобы тот жену бросил и к ней перебрался?

– Так в лес пойди, ромах собери, завари отвар в день всех колдунов и дай Ивану вместо чая! – предложила старушка.

– Как всё просто. Цветы. Чай. Быть того не может. Не логично это! – не поверила Матрёна.

– А ты испробуй. После того спорь! Вот молодёжь нынче, лишь бы перечить нам, старикам!

Матрёна послушала старушку, напоила Ивана чаем, тот втюрился по уши. Ходит по пятам за Матрёной, в любви признается. Сначала женщине радостно было, что добилась своего, а потом немного опостылело.

– Хочу как раньше! – сказала Матрёна, вновь обратившись к Катерине Ивановне. А той уже след простыл. Говорят, на болото пошла за купавами да и не вернулась. Берозвонь – место пропадущее, сгинуть тут – счастье для многих! А где радость – там нет логики! Нет объяснения. После и Рекса не стало. Лишь изредка перед дождём лай в лесочке слышится. Подойдёшь – нет никакой собаки! Лишь пень мхом покрытый да плесенью дыбится.

Хотя расставаться тоже не логично! Но именно отсутствием логики и живёт Берозвонь. Триста лет и ещё столько же прошарашится! Пока живы клады, пока поют птицы. Пока идут грибные дожди, поют свои песни. Для Лёвы! Это хорошо, что не для тебя одного, не для всех берозвонцев, а именно для хорошего, хотя несуществующего человека. Это нелогично, но здорово! Вот, к примеру, если ты видишь человека, знаешь, что он тебе отзовётся – логично и правильно. А попробуй для несуществующего, но для присутствующего сделать! Это всё равно, что для святого духа. Так вот и течёт жизнь, медленная Лета.

Глава 16. Продать или оставить себе?

Вообще Берозвонь – уникальное место. Нелогичное. Его название состоит из двух слов. «Беро» – это либо берёзы, либо бирюза. Либо берёзовый звон, либо бирюзовый. И то и другое нелогично! Берёзы не звенят, а шумят. Бирюза, наоборот, сияет! А вот «беро»… что это? Мы слышали, что это якобы слово, помогающее отомкнуть клад. Либо остаток фразы, где было сказано – бери токманец и звони! Герман с малых лет любил гулять по Берозвони. Он собирал грибы, ягоды, корешки целебные и мох для утепления дома. Но однажды, копая в лесу ямку, Герман наткнулся на что-то белое, твёрдое, ветвящееся. Юноша попытался вытянуть клад на поверхность, но не смог:

– Рекс! – приказал он псу. – Беги за мамой! Живо!

Когда Коренина пришла к тому месту, где поджидал её сын, то поняла: «Вот оно! То самое! Заветное!» Сердце Антутиковой-Горовой бешено колотилось.

– Что это? – спросил маму сын. – Клад?

– Это корни нашей родины! – гордо ответила женщина.

– Их можно продать. И разбогатеть? – осторожно спросил её сын, глядя на сияющее лицо матери.

– Нет, эти вещи не продаются. Они бесценны.

Лицо Германа отразило разочарование. Как так? Неимоверное богатство нельзя продать? Это нелогично, мама…

– Понимаешь, если мы достанем из земли эти белые, тёплые, нежные веточки, то они завянут. Ими даже нельзя растопить нашу маленькую печь, – пояснила Коренина. – Но, когда эти вещи находятся в земле, они имеют наивысшую цену! Ибо это – наши утраченные корни! Наши и наших предков!

– Выходит, что мы нашли клад? – согласно кивнул Герман. Он не был жадным, как его отец. Его вещее сердце щедро отбивало такт.

– Ага!

– Значит, им надо поделиться с государством?

– Скорее нет, чем да…– раздумчиво покачала головой Нина. – Видишь ли, для власти, занимающейся лишь собой, наши белые корешки не надобны! Я бы даже сказал, что они ей вредны. Ибо несут пагубное влияние инакомыслия! Наша власть пытается отвлечь нас от этого! Навязывая Берозвони кредиты, ипотеку…

– Давай его закопаем обратно…

– Давай! – согласилась мать, беря лопату в руки. – Этим самым мы сохраним Берозвонь. Её чистоту и непорочность. Нетронутую, девственно чистую!

Они вернулись домой усталыми, но счастливыми.

Дни шли за днями. Бизнес Нины процветал, требовал от неё полной отдачи. Герман, повзрослев, влюбился в красивую девушку. И вскоре они оба забросили домик в Берозвони. То Нине некогда съездить, полить огород, то Герману неохота. Поэтому Антутиковы-Горовые приняли решение – продать дом. А тут ещё воры повадились, Рекс ослеп, стал плохо охранять. Словом, логика взяла своё! Логика…И самое странное то, что покупатель, точнее покупательница, быстро нашлась. Стоило Нине подать объявление, так сразу же дом купили со всеми его недостатками. С недостроенной кухней. Со сломанным забором. С протекающей крышей. С ворами, собаками, звоном токманца, с разбитой дорогой, с серым закатом, с жёлтым рассветом, с его синими далями и долгими вечерами, тревожащими душу, бередящими сознание, зовущими искать свои корни. И это было отсутствие логики. Ибо жизнь это вьющаяся спираль, а не замкнутый круг! И свято место не бывает пусто. Нина была счастлива в Берозвони, теперича пусть другая будет так же, горестно и нежно счастлива! Уступи место, как говорят в трамвае, нуждающимся!

И грянул дождь! Счастливый! Детский! Над всей Берозвонью! Над её ёлками и берёзами! Над Катериной Ивановной и Матрёной. Над Иваном и Федулом! Над Алексом и Стальновым! Там они, там, сердешные! А как без них?

И пролился он, безгрешный, над греховодниками и праведниками! Над нами и под нами, взмыл и запереливался белой глазурью.

И пел он, и взмывался. Исчезая и появляясь вновь!

Грибной, неподкупный, тревожащий и успокаивающий одновременно. Ибо он шёл и не кончался. Ибо был бессмертный. И был он вечно. Как сама жизнь. Исполнен вдохновенно для всех нас. И, конечно, всенепременно, обязательно, величественно, вдохновенно, великоясно, песеннослёзно, веще, аж дух захватывает, во веки веков коленопреклоненно и радостно – для Лёвы!

Вехи памяти

Александр ЛОМТЕВ
Саров

ДВЕНАДЦАТЬ МГНОВЕНИЙ СЕМНАДЦАТОГО

«Да здравствует Государь Император!»
Январь

Накануне днём стоял морозец градусов в двадцать, но к вечеру поднялась метель и слегка потеплело. В новогоднюю ночь в неверном свете восковых свечек братия Саровского монастыря молила Господа о даровании измученной войной и смутой России покоя и благополучия. Монахи знали, что и в столице в это время по распоряжению митрополита Питирима во всех церквах совершалось торжественное молебствие. Сам митрополит служил в соборе Александро-Невской лавры; в Исаакиевском и Казанском служили архиереи Вениамин Гдовский и Геннадий Нарвский.

Первый день нового 1917 года в России пришелся на воскресенье, и утром, после литургии, снова состоялись молебны. Молились братии на Соловках и в Оптиной пустыни, священники в больших соборах городов и деревянных церквушках самых захудалых приходов по окраинам империи.

Молились монахи саровской обители, но не было успокоения в их душах: поневоле вспоминали они предсказания батюшки Серафима, чьи нетленные мощи хранились

тут же. Ведь всем известно было, что ещё в 1832 году Преподобный предсказывал: «Они дождутся такого времени, когда и без того очень трудно будет земле русской, и в один день и в один час, заранее условившись о том, поднимут во всех местах земли русской всеобщий бунт, и, так как многие из служащих тогда будут и сами участвовать в их злоумышлении, то некому будет унимать их, и на первых порах много прольется невинной крови, реки ее потекут по земле русской, много дворян, и духовенства, и купечества, расположенных к Государю, убьют…»

А как не верить пророчеству старца, если предыдущее не так давно – в 1903 году – сбылось. «Будет великое торжество и радость, когда Царская фамилия приедет, и среди лета воспоют Пасху…» И царская семья действительно посетила Саров и Дивеево в дни открытия мощей Преподобного… Государь с архиереями нес раку со святыми мощами, и народ пел в великой радости Пасху.

И вот – война, экономическая проруха, сумятица в умах… А тут ещё грозным предзнаменованием повисло недавнее убийство странного старца Григория Распутина с его пугающими пророчествами…

Но январь пришёл и покатился своим чередом. Первого января знаменитый генерал, главнокомандующий армиями фронта Алексей Брусилов поднял весьма оптимистичный тост: «Наступает новый, 1917 год. Я лично, как по имеющимся в моем распоряжении сведениям, так и по глубокой моей вере, вполне убежден... что в этом году враг будет, наконец, окончательно разбит... Я поднимаю бокал за верховного вождя земли русской Государя Императора, за Русь святую, за нашу Победу! Да здравствует Государь Император! Да здравствует святая Русь! Ура!». Ему и в голову в тот момент не могло прийти, что всего через два месяца, 2 марта 1917 года, он выскажется за отречение царя от престола «ради единства страны в грозное время войны».

Да, странное это было время. С одной стороны, тревога и ожидание плохого. С другой – желание жить как всегда, заниматься своим делом несмотря ни на что, и даже те-

плилась надежда на лучшее. Сейчас это кажется невероятным, но именно в январе 1917-го в России был создан первый заповедник – Баргузинский и было основано… Русское ботаническое общество!

В начале января художник Михаил Нестеров написал своему знакомому «...желаю вам вместе со всей великой Россией увидеть лучшие дни нашего отечества. Дай Бог, чтобы события настоящие и грядущие не обессилили нашей родины, она восстала бы великой и оздоровленной...» Но в январском же письме с фронта солдат 78-го пехотного запасного полка А. Бриловский изливает ненависть: «Я с нетерпением ожидаю минуты, когда фронт повернется в обратную сторону лицом и потребует оплаты по счетам... настроение у всех скверное, озлобленное».

Не напрасно, ох, не напрасно третьего января правая газета «Новые дни» написала: «Никогда еще житейские события не заставляли так близко чувствовать что-то высшее... А кто чувствует это высшее, величественное и грозное, тот полон озабоченности, какого-то священного беспокойства, тот и пытливо всматривается в даль будущего, ощущаемого в тревожности и необыкновенности каждого переживаемого дня...»

Империя обмирала в тревожных предчувствиях, а мир жил своей жизнью, не догадываясь о том, что история вот-вот сделает крутой поворот, который навсегда изменит судьбу не одной только России. Январь нового года выдался богатым на события, и западного обывателя больше волновали сообщения о том, что в Ирландском море на немецкой мине подорвался английский крейсер «Лоурентик», перевозивший более трёх тысяч слитков золота, при этом погибло 350 человек. Или арест в Париже французской контрразведкой уже тогда легендарной, загадочной, невероятной голландской танцовщицы-шпионки Маты Хари. Записные политики обсуждали новогодние новости о том, что Великобритания, Франция и Италия признали Королевство Хиджаз в Аравии; или вот Турция денонсировала Парижский и Берлинский договоры. А французские и английские генералы гадали, как скажется на ходе Великой войны Митавская операция на Восточном фронте (как оказалось, последняя военная операция русской армии в Первой мировой) или объявление Германией неограниченной подводной войны.

Впрочем, государствам Антанты наступающий 1917 год по всем признакам сулил очень ободряющие перспективы. Они уже всерьёз могли рассчитывать на победоносное окончание войны. Западные «партнёры» ещё не знают, что в конце этого года новая российская власть заключит перемирие с Германией и у немцев появится надежда на спасение. Но на сторону Антанты уже в апреле встанут Соединённые штаты Америки, и соотношение военного могущества останется не в пользу «Тройственного союза». Почувствовав это, войну Германии, Австро-Венгрии и Италии начнут объявлять одна за другой многие страны. Даже такие незначительные или далёкие от реального театра военных действий, как Боливия, Гондурас, Сиам или Куба… В общем, победа Антанты над Германией и её союзниками была лишь вопросом времени. И многим российским политикам уже грезилось, что победа в этой войне «дарует» империи черноморские проливы Босфор и Дарданеллы или, на худой конец, военно-морскую базу, закрывающую выход в Черное море из Босфора. Увы, Россия от этой победы не выиграет ни грана. Хотя вскоре в результате очередной весенней кампании на Западном фронте погибнет 5 тысяч русских солдат из состава 3-й русской бригады, присланной из России на помощь союзникам.

А в России власти изо всех сил старались показать, что всё идёт как надо. Выпускались циркуляры, тасовались правительство и госсовет, проходили приёмы и выдавались награды. Но всё шло вразнос.

Впрочем, обыватель – везде обыватель. Ему хотелось хлеба и зрелищ. Народ валом валил в «синема» на фильмы с Верой Холодной, цыганские хоры переживали свои лучшие дни, наездники на бегах зарабатывали громадные суммы. В первые январские дни 1917 года Федор Шаляпин пел в Большом, а на сцене Михайловского театра блистали знаменитые примы – Карсавина и Кшесинская. В Питере состоялся матч на кубок петроградской хоккейной лиги, а

в Москве прошли состязание на коньках.

Своей жизнью жила провинция. Первого января «прибыла в Киев и будет иметь здесь пребывание Ее Императорское Высочество Великая Княгиня Мария Павловна младшая». Второго января в Харькове «по делу об ограблении 2½ миллионов из банка общества взаимного кредита приказчиков чинами сыскной полиции арестованы 15 профессионалов-громил “кассоломов”. Все арестованные – “беженцы” из Варшавы и других городов Западного края. Попутно открыто несколько больших воровских притонов. Профессионалы-“кассоломы” обладали хорошими материальными средствами и отлично усовершенствованными машинами для взлома касс». В Сумах, на хуторе Яковенко Лебедянского уезда «крестьянка Никитенко разрешилась от бремени четырьмя мальчиками. Лебедянское земство постановило выдавать матери близнецов на воспитание их по 15-ти рублей ежемесячно и, кроме того, купило ей корову». А в Феодосии «стоит совершенно летняя погода. Температура +20º R»…

На юге империи наступала невероятно ранняя весна, а Саровскую обитель в глухих мордовских лесах то калил мороз, то заметало буранами. Денно и нощно монахи взывали к Господу. Увы, их молитва не отвратила надвигающегося коллапса. Уже через два месяца страна влетела в водоворот революций, гражданской войны, интервенции, голода… Но сам монастырь ещё целых десять лет держался теми молитвами. Лишь в 1927 году он был закрыт советской властью, и братии, изгнанной из его стен, вместе с тысячами им подобных пришлось хлебнуть лиха. Но это уже другая история.

Мело, мело по всей земле…

Февраль

Худощавый, подтянутый офицер задумчиво склонился над картой, разложенной на широком письменном столе. Однако свет вечерней лампы из-под оранжевого абажура падал не на схемы военных укреплений и стрелки направлений ударов. Это была карта Приморья, и офицеру

предстояло проложить маршрут очередной экспедиции, на этот раз в район среднего течения Амура для обследования бассейна реки Тунгуски. За окном под необычный для февраля мороз спал продрогший Владивосток, дремал заметённый снегами Амур.

С фотокарточки, стоящей на столе, смотрел на задумавшегося офицера «лесной человек», гольд Дерсу Узала, знавший тайгу лучше, чем горожанин родной город. Как пригодился бы он теперь в новом путешествии. Но, глядя на карточку погибшего друга, надёжного таёжного проводника, русский путешественник, офицер царской армии Владимир Клавдиевич Арсеньев думал совсем об ином. Вести одна тревожнее другой приходили из Петербурга. И одна невнятнее другой. Арсеньев чувствовал: назревает бунт, и боялся, что бунт этот сорвёт давно задуманную экспедицию.

Однако несмотря ни на что экспедиция состоится, окажется вполне успешной и получит название «Олгон-Горинской», так как удастся обследовать реки Олгон и Горин и ещё массу других, не исследованных ранее рек, озеро Болонь-Оджал и хребты Ян-де-Янге и Быгин-Быгинен. Во время путешествия, которое продлится до начала следующего, 1918 года, Арсеньев запишет в своём дневнике: «год принес много несчастий родине... Скорее бы кончилась эта солдатская эпоха со всеми её жестокостями и насилиями».

Раздумывая над маршрутом будущего похода, он не знал, конечно, что раздумья иного рода будут мучить его всего через несколько месяцев, когда в октябре придёт весть о том, что там, в далёком Питере к власти пришли большевики. «Революция для всех, в том числе и для меня», – скажет он друзьям, советовавшим ему уехать из России. И останется…

Мело, мело по всей земле
Во все пределы.
Свеча горела на столе,
Свеча горела…

Бескрайняя Россия под мерцание свечей, лампад и ке-

росиновых ламп лениво посапывала в заметённых февральскими вьюгами деревнях, в сытых, несмотря на войну, купеческих городках, лишь изредка приподнимая сонные веки: «Что там, в этом Питере, творится?»

А в Питере императрица Александра Фёдоровна сидела над письмом и писала супругу: «Стачки и беспорядки в городе более чем вызывающи… Это хулиганское движение, мальчишки и девчонки бегают и кричат, что у них нет хлеба, – просто для того, чтобы создать возбуждение, и рабочие, которые мешают другим работать. Если бы погода была очень холодная, они все, вероятно, сидели бы по домам. Но это все пройдет и успокоится, если только Дума будет хорошо вести себя. Худших речей не печатают, но я думаю, что за антидинастические речи необходимо немедленно и очень строго наказывать, тем более, что теперь военное время. Забастовщикам надо прямо сказать, чтобы они не устраивали стачек, иначе будут посылать их на фронт или строго наказывать...»

Хулиганское движение… Нужно прямо сказать, императрица не понимала, не чувствовала по-настоящему, что пар в столичном котле достиг предела давления и с секунды на секунду грянет взрыв.

Неизвестно, когда Борис Пастернак написал своё знаменитое стихотворение «Зимняя ночь». Однако, учитывая его утверждения, что многие стихи были созданы под впечатлением от февральских событий, строчки

Мело весь месяц в феврале,
И то и дело
Свеча горела на столе,
Свеча горела…

вполне могли быть если не написаны, то задуманы тем самым февралём 1917-го, который русской интеллигенцией воспринимался во многом метафизически, «как преображение мира, как духовное возрождение».

Впрочем, разные слои российского общества очень поразному ощутили февраль семнадцатого. В иных пределах империи никак не ощутили – жизнь текла по заведённому порядку и, казалось, ничто не может этого порядка изменить.

А мир, искоса поглядывая на странную, пугающую Россию, жил своей жизнью. В Мексике – новая конституция, в Османской империи – новый визирь, в далёкой Австралии сторонники премьер-министра Хьюза создают коалиционное, так называемое федеративное военное правительство, а в загадочном Китае честолюбивый юноша Мао Цзэдун написал свою первую остро-политическую статью.

Тем временем обыватели разных стран обсуждали странные происшествия, никак не объяснённые наукой. Например, случай, произошедший в семидесяти милях к юго-востоку от побережья Исландии: «офицеры и матросы корабля ее величества “Хилари” видели морское чудовище с шеей примерно в тридцать футов длиной и треугольным спинным плавником». Или загадочную историю с яхтой «Зебрина», которая отплыла из гавани Фалмут в Корнуэлле, направляясь в маленький французский порт Брие. «Все путешествие должно было занять не более сорока восьми часов. Не было в те дни никаких штормов и туманов, однако четыре дня спустя “Зебрина” была обнаружена в превосходном состоянии… без единого члена экипажа! Судьба команды яхты так и осталась невыясненной». Культурная публика захлёбывалась чтением романа «Неудобные деньги» популярнейшего английского писателя, рыцаря-командора ордена Британской империи Пелама Вудхауса, который переживал пик своего успеха: только на Бродвее шли сразу пять его пьес, и жизнь, далёкая от политики, была полна счастья. А вот Теодору Рузвельту в то время было не до Бродвея. Пережив неудачу в борьбе за пост сенатора в Конгрессе США, он готовился к новым штурмам вершин власти, и знать не знал, что в далёкой холодной России малозаметный член РСДРП со странным псевдонимом Сталин ломает голову над тем, кого поддержать в эти дни – Ленина или его оппонентов? Жизнь сведёт их гораздо позже…

Для России главной болью оставалась, конечно, затя-

нувшаяся война. В феврале встретил свой тридцатый день рождения раненный на германском фронте фельдфебель Василий Чапаев. Награжденный за храбрость Георгиевской медалью и солдатскими Георгиевскими крестами трёх степеней, он залечивал рану в госпитале Саратова. В это время лихой рубака Семён Буденный получал свои Георгиевские кресты в Закавказье, дерзко действуя в турецких тылах, а будущий легендарный советский разведчик, а тогда унтер-офицер немецкой армии Рихард Зорге сражался с французами на западном фронте.

Для Запада война тоже стала тяжким бременем. Острая нехватка продовольствия привела к высокой смертности среди мирного населения. В Португалии из-за нехватки продовольствия вспыхнула забастовка шахтёров, в Великобритании введено нормированное распределение хлеба. Германская подводная лодка в ходе объявленной ещё в январе неограниченной подводной войны безжалостно потопила американский пассажирский корабль «Хаусетоник» у берегов Сицилии, и США поневоле пришлось вступить в войну. И хотя официально об этом будет объявлено в марте, президент США Вудро Вильсон приказал немедленно вооружить все торговые и пассажирские суда. Тем временем молодой американский журналист Эрнест Хемингуэй носился под вой снарядов на санитарной машине по Западному фронту; несколько лет спустя он опишет свои впечатления от тех дней в книге «Прощай, оружие»…

Немцы, хватаясь за любую соломинку, пытаются вовлечь в войну Мексику, стравив её с США. Британская военно-морская разведка перехватила и расшифровала немецкую «ноту Циммермана», в которой правительство Германии предлагало правительству Мексики заключить союз против США и обещало поддержку требований Мексики возврата всех территорий, потерянных во время войны с США в 1848 году.

В Петербурге тем временем всё стремительнее раскручивалось колесо революции: разгорелась забастовка на Путиловском заводе, начались антивоенные митинги, переходящие в массовые стычки с полицией и казаками, грянула всеобщая забастовка под лозунгом «Долой самодержавие!», завязались бои между солдатами, разделившимися по принципу поддержки революции или царя. И наконец, полыхнуло вооруженное восстание, приведшее к созданию Временного комитета Госдумы под председательством Родзянко. В тот же день в Таврическом дворце начал работу Петроградский совет под руководством Н. Чхеидзе и А. Керенского, а на следующий – в последний день февраля – вышел первый номер «Известий Петроградского совета», который призвал к созданию советов в регионах...

…В те дни во Владивостоке не работал телеграф, и о событиях в столице ещё ничего не было известно. Владимир Арсеньев усиленно готовился к экспедиции. Он останется в России и отношения его с новой властью сложатся вполне терпимые. Конечно, бывшего царского офицера поставят на спецучёт, и он обязан будет раз в месяц отмечаться в комендатуре ОГПУ во Владивостоке. Его неоднократно допросят чекисты, например, по поводу высказываний, что «русские безалаберный народ», «люди, которые всегда тяготятся порядком, планом… и для того, чтобы втиснуть русского человека в рамки порядка, нужно насилие»… Однако в марте 1924 года в книге регистрации лиц, стоящих на учёте во Владивостокском ОГПУ, появится следующая запись, касающаяся полковника Арсеньева: «30.03.1924 года комиссия постановила с особого учёта снять как лояльного по отношению к Советской власти».

Новая власть будет по-своему ценить его – издавать книги, предлагать должности. Но повезёт знаменитому путешественнику в другом: он вовремя… умрёт. И не узнает, что в 1930-е годы будет посмертно обвинён в шпионаже в пользу Японии. Его жену Маргариту Николаевну арестуют и в 1938 году расстреляют. Но это уже другая история…

«Кругом измена, и трусость, и обман!»

Март

С первыми мартовскими днями неприметный старик

со снежно-белой бородкой выходил из четырёхэтажного дома № 1 по улице Фейгина на раскисшие улицы Владимира и бродил по сырому тротуару, совершенно уйдя в себя. В эти первые весенние дни воспоминания особенно сильно волновали его душу.

Случайные прохожие сторонились, давая задумавшемуся старичку дорогу, и тут же забывали о нём. Ах, если бы они знали, что за старик повстречался сейчас на их пути! А ведь это был Василий Шульгин – русский националист и монархист, политический и общественный деятель, публицист, депутат второй, третьей и четвёртой Государственных дум, один из организаторов и идеологов Белого движения. Тот самый Шульгин, который в марте 1917 года принимал отречение из рук последнего императора России Николая II...

Россия то ли скатывалась в пропасть, то ли карабкалась к новой, лучшей жизни. Монархия висела на волоске, это понимал каждый более или менее серьёзный российский политик. И у каждого был свой рецепт спасения империи. Был он и у Шульгина.

К роковому марту семнадцатого он пришёл, имея за плечами службу в армии, работу в сельском хозяйстве и зерновой торговле; он писал приключенческий роман и публицистические статьи, участвовал в усмирении еврейских погромов и был почётным мировым судьёй и земским гласным, членом трёх Дум и сторонником Петра Столыпина, был приговорён судом к тюремному заключению сроком на три месяца, от «отсидки» которого его спасла лишь депутатская неприкосновенность. Он ушёл добровольцем на Первую мировую и был ранен в атаке под Перемышлем.

Худощавый, несколько даже интеллигентски-субтильный, он не выглядел жёстким человеком. Однако не зря думские противники прозвали его «Очковая змея», а В. М. Пуришкевич написал на него эпиграмму: «Твой голос тих, и вид твой робок, но чёрт сидит в тебе, Шульгин. Бикфордов шнур ты тех коробок, где заключён пироксилин».

Поэтому нет ничего удивительного в том, что именно он отправился с лидером партии «Союз 17 октября» А.И. Гучковым в Псков, на переговоры с Николаем II. Шульгин искренне считал выходом из ситуации конституционную монархию во главе с наследником Алексеем при регентстве брата царя – великого князя Михаила Александровича.

Второго марта Шульгин и Гучков, четыре дня немытые и небритые (как вспоминал позже сам Шульгин, «с лицом каторжанина, выпущенного из только что сожжённых тюрем»), явились к царю. Их вид вызвал гнев свиты, из-за чего между Шульгиным и ортодоксальными монархистами возникла вражда, длившаяся долгие годы. Графиня Брасова написала, что Шульгин «нарочно не брился… и… надел самый грязный пиджак… когда ехал к Царю, чтобы резче подчеркнуть своё издевательство над ним».

Однако Шульгину с Гучковым ни в чём убеждать Николая не пришлось. Решение об отречении было уже принято. Даже привезённый ими проект акта об отречении не понадобился. Император сообщил, что у него есть его собственная редакция, которую он подписал и передал представителям Думы.

Выйдя из вагона, где проходили переговоры, Гучков патетически крикнул в толпу: «Русские люди, обнажите головы, перекреститесь, помолитесь Богу… Государь император ради спасения России снял с себя своё царское служение. Россия вступает на новый путь!»

В акте Николай, отрекаясь за себя и за сына, написал «…Заповедуем брату нашему править делами государства в полном и нерушимом единении с представителями народа в законодательных учреждениях, на тех началах, кои будут ими установлены, принеся в том ненарушимую присягу…» Брат Михаил, однако, понимая, что опереться ему совершенно не на кого, в свою очередь тоже отречётся. Шульгин и тут примет участие.

После встречи с думцами Николай II с горечью писал в своём дневнике: «Вечером из Петрограда прибыли Гучков и Шульгин, с которыми я поговорил и передал им подписанный и переделанный манифест. В час ночи уехал из Пскова с тяжёлым чувством пережитого. Кругом измена, и трусость, и обман!»

Да, эти отречения уже ничего не могли изменить. Ре-

волюция катилась, мало подчиняясь воле людей, по каким-то своим правилам и законам. Взбунтовались моряки линейных кораблей; офицеров, которые пытались восстановить дисциплину, попросту расстреливали. Из ссылки в Ачинске вернулся в Питер Сталин. Рвался в Россию из эмиграции и Ленин, но правительства Англии и Франции отказывались пропускать политэмигрантов, в том числе Ленина, через свои территории.

Тем временем на Украине разгорался национализм, в Киеве образована Центральная Рада под председательством историка М.С. Грушевского. Там, на юге России, в марте начал свою «политическую карьеру» неоднократно судимый и отбывавший каторгу за убийство мало пока кому известный Нестор Махно.

Империя трещала по швам, Россия готова «отпустить» Польшу и Финляндию.

В стране нарастал хаос. Чтобы хоть как-то стабилизировать ситуацию, по соглашению между Временным комитетом Государственной думы и исполкомом Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов было сформировано Временное правительство. Его тут же признали Соединённые штаты Америки, а следом – Франция, Великобритания и Италия. Не осталась в стороне и Русская Православная Церковь: Святейший Синод выпустил послание «Всем верным чадам Русской Православной Церкви о повиновении Временному правительству». Из богослужебной практики исчезло поминание царя и царствующего дома… Многим показалось, что смута вот-вот схлынет, но всё только начиналось: сложилось двоевластие, при котором Временное правительство было вынуждено согласовывать свои действия с Петросоветом, обладавшим поддержкой широких народных масс, и борьба за власть продолжилась.

События в России пока никак не отражались на жизни в мире. Правда, кровопролитная война продолжалась – Кавказский кавалерийский корпус генерала Баратова разгромил турок и, захватив в Персии Синнах, двинулся к Евфрату, в это время в Месопотамии британские войска

вошли в Багдад. На западном фронте затишье, размышляют о будущих операциях генералы Антанты и Тройственного союза, томятся в немецком плену в соседних камерах крепости Ингольштадт будущий президент Франции Шарль де Голль и будущий командарм Красной армии Михаил Тухачевский.

Однако война войной, а обед по расписанию: на рынке женской моды вызвала сенсацию тушь для ресниц компании Maybelline, «первая современная косметика для глаз на каждый день», а в Японии увидели свет первые автомобили Mitsubishi; инженеры компании «Сименс» в поте лица трудилась над усовершенствованием пылесоса, а в Австралии у аборигенов изымали детей, чтобы «цивилизовать» их, и ввели в обращение новый пенни. Жизнь на планете бьёт ключом: Далай-лама XIII пытается организовать в Тибете «перестройку» и создать боеспособную армию, чтобы противостоять Китаю, а в Бразилии на окраине города Кампина Гранде в штате Париба случайно открывают новый вид пауков-птицеедов Lasiodora parahybana.

В Европе после ранения вернулся с фронта и начал политическую деятельность энергичный капрал Бенито Муссолини, а знаменитый учёный Эйнштейн с головой ушёл в работу над статьёй «Космологические соображения к общей теории относительности»; его удручало, что «три столетия самой напряжённой культурной работы привели лишь к тому, что религиозное безумие сменилось безумием националистическим. Даже учёные разных стран ведут себя так, словно у них ампутировали мозги».

Тем временем в США впервые в мире состоялся выпуск граммофонной пластинки с записью джазовой композиции, а комедийный актёр Чарли Чаплин, создав образ печального, но неунывающего бродяги, поймал за хвост удачу, заключив со студией «Фёрст Нэшнл» контракт на 1 млн. долларов, став по тем временам самым дорогим актёром в истории. В Штатах веселились, а в Германии прощались со знаменитым дирижаблестроителем графом Фердинандом Адольфом Хайнрихом Августом фон Цеппелином, ушедшем из жизни на 79-м году жизни. В это время в холодном Петербурге без толку мыкался по учре-

ждениям другой гениальный авиастроитель – Сикорский. Он так и не найдёт себе применения в новой России, и главное его изобретение – геликоптер – будет принадлежать США.

России предстоит лишиться ещё многих и многих своих подданных, которые принесут славу и выгоду иным странам…

…А Василий Шульгин прожил долгую и сложную жизнь. В 20-е годы боролся с советской властью, нелегально приезжал в СССР инспектировать работу знаменитой подпольной антисоветской организации «Трест», после прихода в Югославию Красной армии был арестован и в 1947 году приговорен к 25 годам заключения. Отбывал срок во Владимирском централе вместе с философом Даниилом Андреевым, князем Долгоруковым и генералами вермахта, написал книгу «Письма к русским эмигрантам», которая вышла в СССР 100-тысячным тиражом. После освобождения в 1960 году Шульгину выделили однокомнатную квартиру во Владимире, где он и скончался в середине февраля 1976 года, не дожив всего одного года до своего столетнего юбилея и 60-летия со дня той памятной встречи на железнодорожной станции Пскова и события, перевернувшего жизнь России, мира, да и самого Василия Витальевича.

С Василием Шульгиным связан один весьма необычный факт. В 1965 году состоялась премьера документально-постановочного фильма «Перед судом истории», в котором Шульгин «играл» самого себя. Главную цель фильма его режиссёр Ф. Эрмлер формулировал так: «Я хочу, чтобы он сказал всем: я проиграл». Шульгин не сказал; мало того, результат получился столь двусмысленным, что, «покрутив» фильм в Москве и Ленинграде всего три дня, его с проката сняли. Несгибаемый монархист на экране выглядел явно сильнее своего оппонента – советского историка. Многое из того, о чём говорил тогда, в шестидесятых, Шульгин, оказалось пророческим. Но это уже совсем другая история …

История была пришпорена…
Апрель

По весенней улице приволжского города Самары, запыхавшись, бежал молодой паренёк. Распахнутое пальтишко, сбитая на затылок фуражка, взъерошенные апрельским ветром с реки волосы. Сердце билось радостно и нетерпеливо. В Самаре недавняя весть об отречении Николая II от престола вызвала настоящее потрясение. Только одни плакали – что теперь будет, а другие ликовали – наконец-то! Молодой чернорабочий Самарского трубочного завода Николай Кочкуров был среди радующихся. Ещё год назад он по молодости и горячности натуры прибился к самарским анархистам, но к весне семнадцатого решил, что ему ближе по духу большевики.

Да, апрель 1917 года выдался в России не менее тревожным, чем предыдущие месяцы: в Прибайкалье произошло сильное землетрясение, в Якутии вспыхнула эпидемия сибирской язвы, в Питере начинался голод. Русский поэт и драматург, офицер Сергей Бехтерев, словно предчувствуя, что в новой России места ему не найдётся, писал в те дни: «Свобода – темница! Свобода – оковы! Свобода – законный грабеж! Свобода – венец, как и прежде, терновый! Какая ужасная ложь!» Но вряд ли с ним согласился бы чернорабочий Кочкуров.

Когда в Самаре был сформирован Комитет народной власти, председателем его стал эсер Глядков. И не случайно: сюда не раз тайно приезжал его «шеф» – Александр Керенский, после чего в городе появилась «первичная ячейка» ордена масонов. Однако вошли в Комитет и представители других партий. Например, Валериан Куйбышев, имя которого Самаре предстояло потом проносить пятьдесят шесть лет.

Николай Кочкуров спешил на очередной митинг; он был весьма активным членом партии, вел агитационную работу на заводе, а когда в Самаре начала выходить большевистская газета «Приволжская правда», стал настоящим журналистом, публикуя неплохие очерки. Ему, лет с тринадцати работавшему по найму и не знавшему достат-

ка, казалось, что наступает новая эра, эра, в которой простому трудовому человеку жить станет лучше. И веселей. Может быть, поэтому несколько лет спустя, занявшись писательством, он и возьмёт себе литературный псевдоним – Артём Весёлый…

Что происходило в Самаре, происходило и по всей России. Привычная жизнь ломалась, «вывихивалась», кипела в большом революционном котле. Правда, в апреле революционная эйфория несколько схлынула. Нужно было думать о том, как, по каким законам жить дальше. Однако неясным оставался вопрос с войной. Министр иностранных дел Временного правительства Милюков направил союзникам ноту, в которой подтвердил участие России в войне до победного конца, но она вызвала бурные демонстрации с большевистскими лозунгами. Союзники, понимая, что как военный партнёр Россия ненадёжна, отправили туда миссии представителей социалистических партий с целью добиться от русских социалистов поддержки, согласия на продолжение участия в войне. Ситуация становилась зыбкой, перспективы неясными. Но из Цюриха вернулся в Петроград большевистский лидер Владимир Ленин, пропущенный через свои территории немцами, и, как писал позднее Алексей Толстой по другому, правда, поводу, «история была пришпорена, история понеслась вскачь, звеня золотыми подковами по черепам дураков…» Куда она понеслась, вот в чём вопрос. Мучился этим вопросом и муромский инженер Владимир Зворыкин, получивший образование в Питере и в Париже, отслуживший в армии и мечтавший об исследовательской карьере. Той весной он не знал, конечно, что придётся ему бежать сначала в Сибирь, где чудом избежит расстрела, на Дальний Восток и, наконец, в Нью-Йорк, где осядет и изобретёт телевизор.

А в Калуге голодал, размышляя о полётах в космос, другой великий и никому не нужный учёный-мечтатель Константин Циолковский. Он, сидя «на хлебе и воде», испытывая неимоверные бытовые тяготы, первым в мире решал (и решил!) задачу… посадки космического аппарата на поверхность планет, лишённых атмосферы. Вообще, «странных людей» в России хватало всегда. Вокруг митинги и демонстрации, и селекционер Иван Мичурин в своём провинциальном Козлове думает лишь об одном, как сберечь свою бесценную коллекцию растений, а ярославский гидробиолог Лепнев озабочен… экологией! Он ходит на лодке по реке Которосль возле Ярославля, исследуя степень её загрязненности, фиксирует стоки-сбросы городских предприятий, иначе говоря, осуществляет едва ли не первый в России экологический мониторинг. И именно в это неспокойное время молодой московский адъюнкт-геолог Сергей Обручев, несмотря на охватившую старую столицу революционную лихорадку, собирается в свою первую самостоятельную серьёзную экспедицию в пределы Среднесибирского плоскогорья.

Тем временем Яков Протазанов предложил публике новую «фильму» – «И тайну поглотили волны...» с Ольгой Гзовской и Владимиром Гайдаровым в главных ролях, а Всеволод Мейерхольд поставил на сцене Александринки лермонтовский «Маскарад».

Неожиданно закрыла границы с Россией Финляндия, и отрезанным от родины оказался художник Николай Рерих. Он пишет одну за другой картины северной «финской» серии, но мечтает о юге, о давно задуманном путешествии в Индию. А в Индии в это время Мохандас Ганди, прозванный позднее «Махатма» – «Великая душа», борется за независимость страны от Британии. Он наслышан о русской революции, но, являясь противником кровопролития, призывает к ненасильственным методам борьбы…

Пока в мире всё быстрее раскручивалась политическая карусель и не было видно конца войне, Томми Дрейк, прямой потомок знаменитого пирата, предпринимает очередную попытку в одиночку покорить океан на парусной яхте. Его называли неудачником – с необычайным упорством он пытался осуществить кругосветное одиночное плавание, но ему не везло. Три его яхты остались на морском дне. Но Дрейка называли и счастливчиком, ведь все три раза сам он оставался целым и невредимым. Там, куда стремился Дрейк, в южном полушарии планеты, волновались астрономы: к солнечной системе приближалась комета

Меллиш; и там же, в южном полушарии, заканчивалась героическая одиссея британского исследователя Эрнеста Шеклтона, который собирался пересечь Антарктиду, но, попав во льды, потерял корабль и, проявив стойкость и упорство, спас команду от верной гибели.

Во Франции… Во французской авиации сражался против немцев русский военный лётчик Владимир Поляков-Байдаров. Он уже принял решение не возвращаться в Россию. Вскоре он приобретёт известность как талантливый певец Русской оперы, у него родятся три дочери, одна из которых – Марина Влади – станет известной актрисой и женой советского барда Владимира Высоцкого. Впрочем, до этого было ещё далеко, а вот как раз в апреле семнадцатого в Тайване сочетались законным браком Ли Юнг Янгу и Янг Ван. Идя под венец, они и подумать не могли, что проживут вместе более 85 лет. В 2003 году, когда их признают старейшей супружеской парой мира, ей исполнится 102, а ему – 123 года! В это же время «стартовал» и другой «рекорд»: в голову восьмилетнего американского мальчишки Уильяма Пэйса попала пуля, случайно выпущенная братом из отцовского ружья. Хирурги побоялись извлекать её, и Пэйс проходил с пулей в голове ни много ни мало 94 года, пережив столетний юбилей…

А в России продолжало разливаться половодье революции, и по её волнам на всех парусах нёсся Артём Весёлый. Он успеет поработать редактором в местных газетах, поучиться в Москве в высшем художественно-литературном институте им. В.Я. Брюсова, а затем в Московском университете, посотрудничать в окнах РОСТА. Он окажется в числе организаторов известного литобъединения «Перевал», поработает в РАППе, но его самобытный талант не впишется в пролетарскую литературу. Ну разве могла вписаться в «рапповские» догмы фраза Весёлого «Красота спасет Мир, если она добра. Но добра ли она? Не красота спасет Мир, а светлые помыслы. Ибо какой прок от надменной и безбожной красоты?» Да, интересно переиначивает людей судьба. Героя одного из ранних рассказов Веселый «списал» явно с себя самого – молодого агитатора:

«Завертелся Алеха в работе, как щепка в весенней реке. Днем все бегал, по ночам часто дома не ночевал… Собрания, заседания, туда мотнешься, сюда – глядишь, и день весь. А вечером надо на городскую площадь, где происходят уличные митинги. Горяч был Алеха в спорах – беда. Охрип кричавши, но всегда, бывало, под утро последним уходит с площади; ежели увидит двух-трех оставшихся солдат, то и их проагитирует...» Но возмужав, научившись мыслить, спрашивает, «какой прок от надменной и БЕЗБОЖНОЙ красоты?» Да, простой рабочий волжский паренёк, бурлацкий внук станет-таки интересным и очень своеобразным писателем.

В своей автобиографии он однажды напишет: «Родился на Волге... С весны 1917 года занимаюсь революцией...» И он занимался революцией, пока революция не занялась им. В апреле 1932 года его расстреляют за руководство «писательской террористической организацией». Вспоминал ли он перед смертью тот весёлый, горячий апрель семнадцатого, когда вслед за Куйбышевым бросился строить новый мир, – неизвестно…

В 1956 году Весёлого реабилитируют, но главный его роман «Россия, кровью умытая» переиздадут ещё не скоро – лишь в 1979 году. Слишком неоднозначно изобразил он те революционные, лихие для России годы. Так уж получается, что иногда произведения «реабилитировали» гораздо позже, чем писателей, создавших их. Впрочем, это уже другая история…

Кропоткин, Троцкий и другие…

Май

– Вы с ума сошли, господин штабс-капитан! – как один твердили офицеры армейского воздухоплавательного отряда, действовавшего на юго-западном фронте в районе Тернополя. – По необходимости, при катастрофе – это было бы понятно, но добровольно?! Одумайтесь!

Свежим майским утром, забираясь в корзину аэростата, командир отряда штабс-капитан Соколов невольно вспомнил слова сослуживцев. Да, в русской армии ещё никто

добровольно не прыгал с парашютом. И он не одумался, он будет первым. Аэростат, словно невесомый мягкий кит, медленно поднимался – сто метров, двести, триста… Насколько надёжен этот французский парашют Жюкмесса, размышлял Соколов, глядя, как горстка людей там внизу, всё уменьшается в размерах. Случаи спасения с его помощью описаны, но русские авиаторы и воздухоплаватели относятся к нему с недоверием… Нужно доказать, что парашют – единственная возможность выжить в случае катастрофы, ведь сколько воздухоплавателей погибло, когда немецкие пилоты расстреливали наблюдательные аэростаты…

А под корзиной была уже пропасть в полкилометра, и аэростат продолжал набирать высоту. Когда аппарат поднялся на 700 метров, штабс-капитан взобрался на борт корзины, быстро перекрестился и шагнул в бездну…

В мае в Барнауле самый обычный вначале пожар затмил собой пожар революции. До событий ли в далёком Питере было барнаульцам, когда огонь с загоревшейся баньки вдруг перекинулся на соседние строения, а затем с дикой яростью начал пожирать дом за домом, квартал за кварталом. Когда власти спохватились, было уже поздно – полыхало полгорода. Огонь, раздуваемый сильным ветром, стер с лица земли 60 кварталов – роскошные магазины, красивые дома, конторы и склады. Без крова остались более трёх тысяч семей, то есть примерно двадцать тысяч человек – каждый третий житель города. Общий убыток составил 30 млн. руб. По оценкам местной администрации в те дни погибло не менее 300 человек. Пока люди в Барнауле приходили в себя после страшной трагедии, природа «веселилась» на другом краю земли. В США пронёсся торнадо небывалой силы. Ширина его воронки достигала километра. Почти семь с половиной часов Мэттунский смерч бесчинствовал в штатах Иллинойс, Миссисипи и Луизиана, поставив рекорд по времени существования. Он преодолел более 500 километров и убил более 100 человек.

Впрочем, никакие природные катаклизмы не могли отвлечь род человеческий от политики. Тем более в такой переломный для мира момент. Словно мухи на мёд, слетались в Россию политэмигранты. Вернулся идеолог анархокоммунизма князь Пётр Кропоткин, примчался, запыхавшись, Лев Троцкий – не опоздал?! В Москве состоялся I Всероссийский мусульманский съезд, а в Питере – Всероссийский съезд Советов крестьянских депутатов, которым заправляли эсеры. Съезд высказался за безвозмездную передачу помещичьих земель крестьянам. И всё это на фоне продолжающейся чехарды в правительстве: князь Львов в очередной раз делил портфели, стараясь всех ублажить, но это плохо ему удавалось. Военным министром князь утвердил амбициозного Александра Керенского и этим подписал себе политический приговор.

Весенним ветром с мировой политической шахматной доски сдуло сразу несколько фигур. В России ушёл в отставку министр иностранных дел Временного правительства П. Милюков, во Франции смещён с поста главнокомандующего Нивель, и его место занял Анри Петен, в Венгрии лишился поста премьер-министр граф Тиша, а в Китае – премьер-министр Дуань Цижуй.

А тут ещё не в меру активизировались женщины: дайте им, понимаешь, те же права, что и у мужчин! Американка Эпстейн «из принципа» основала в Нью-Йорке Женскую ассоциацию плавания, чтобы вывести женские состязания из-под контроля агрессивно настроенных «промужских» организаций. И добилась своего: её спортсменки внесли существенный вклад в список мировых рекордов. Впрочем, женщины показали себя и в других отраслях человеческой деятельности. Мужчины ещё могли смириться с тем, что Марион Донован изобрела подгузники, но подкосило то, что Эль Долорес Джонс сконструировала замечательный… автомобильный глушитель!

Русские женщины не отставали. Как только вновь назначенный военным министром А. Керенский разрешил женщинам служить в армии, русская пилотесса Елена Самсонова отправилась на фронт и совершила несколько боевых вылетов.

Не женское это дело, качали головами гендерные шови-

нисты во всех уголках планеты. Их дело – рожать и воспитывать, рожать и воспитывать!

А они и рожали. В мае примерная бруклинская католичка Роза Элизабет Фицджеральд успешно разрешилась мальчиком, назвали которого Джоном. Если бы только счастливая мамаша знала, что ждёт её сына. Джон Фицджеральд Кеннеди будет капитаном торпедного катера, выживет в мясорубке второй мировой, но, став тридцать пятым президентом США, погибнет от рук убийцы… Правда, до этого ещё далеко, а пока у всех на устах имя загадочного славянского учёного – Николы Теслы, которого называли «человеком, который изобрёл XX век». Гудини научного мира, в мае семнадцатого он получил медаль Эдисона и был известен американцам не меньше, чем их собственный президент. Легенды о нём возникали ещё при жизни и умножатся после его смерти. Рассказывали, что однажды он уговорил знакомых не садиться в подходивший поезд; этот поезд вскоре сошёл с рельсов и многие пассажиры погибли или получили увечья.

Пока в США прославляли гений учёного, в португальском городке Фатима в очередной раз было зафиксировано чудо – явление Девы Марии трём детишкам, которые уверяли, что им «многократно являлась дама лет шестнадцати на вид в длинном белом платье с золотой звездой на кайме, которая рассказывала им о будущем». Тогда же, в мае, лучший ас-истребитель Первой мировой «Красный барон» Манфред фон Рихтгофен столкнулся с другим чудом. Во время полёта над Бельгией Рихтгофен встретил неопознанный летающий объект, который выглядел как перевёрнутое серебряное блюдце с оранжевыми огнями. Второй пилот барона Питер Вайтцрик, рассказывал потом: «Мы были напуганы, потому что ничего подобного никогда прежде не видели. Барон немедленно открыл огонь по объекту, и он начал падать прямо в лес, ломая верхушки деревьев. Нам показалось, что из-под обломков летательного аппарата выбрались двое и скрылись в лесу». Пилоты решили, что этот летающий объект – секретный самолёт-разведчик американских ВВС. Но что это было на самом деле, так и осталось тайной. Как осталась тайной и находка, сделанная той весной группой прапорщиков царскосельского гарнизона обнаружившей… секретное метро. Из уст в уста передавались потом подробности о том, что «на глубине восьми метров в чреве бетонного тоннеля трёхметровой высоты была уложена широкая однопутка, на которой стояла электромеханическая дрезина с двумя прицепными колясками на двадцать посадочных мест, по количеству членов царской семьи и свиты. Всюду по стенам виднелись электрические кабели, небольшие прожектора в боковых проходах освещали всё подземное пространство от подвалов Екатерининского дворца до станции Александровской…»

…Шагнув с края корзины, штабс-капитан около ста метров пролетел в свободном падении, после чего парашют раскрылся. Спуск продолжался восемь минут, и вот уже сослуживцы поздравляют офицера, восхищённые солдаты кричат «ура» и бросают в воздух фуражки. «Считая такое примерное мужество заслуживающим одобрения, – написал в своём приказе инспектор воздухоплавания Юго-Западного фронта полковник Ю. Марков, – благодарю штабс-капитана Соколова за прекрасный образец понимания своего долга как командира части».

Принимая поздравления, штабс-капитан не знал, что днём позже на Северном фронте в районе Двинска с точно такими же мыслями и с той же целью поднимется в воздух подпоручик Николай Анощенко. Приземляясь на поляне в лесу, он получит ушиб правого бедра, но в своем рапорте командиру воздухоплавательного дивизиона отважный подпоручик доложит, что теперь он, его офицеры и солдаты твердо верят в парашют как средство спасания. Анощенко был уверен, что это добровольное испытание парашюта было первым в русской армии. Но он ошибался. Говорят, когда он узнал, что его обошли, в досаде даже подумывал вызвать штабс-капитана на дуэль…

Как бы там ни было, эти два прыжка изменили отношение авиаторов к парашюту.

Вскоре парашют был использован в боевых условиях. «Неприятель атаковал и поджёг в воздухе на высоте при-

вязной аэростат 28-го армейского отряда. Наблюдатель прапорщик Полторацкий покинул корзину и с помощью парашюта благополучно спустился на землю». А три дня спустя из горящего аэростата прыгнул с парашютом унтер-офицер Власенко. Он тоже спасся. Мало того, осенью этого же года на одном парашюте спаслись сразу двое. «У прапорщика Вагара, покинувшего горящий аэростат вторым, не раскрылся парашют. В падении он настиг раскрывшийся парашют поручика Токмачева и повис на нем. Оба спаслись».

Дальнейшая судьба штабс-капитана А. Соколова не известна, а что касается Николая Анощенко, то парашютным делом он занялся всерьез, в годы гражданской войны был назначен помощником начальника Воздушных сил Красной армии по воздухоплаванию и даже получил почетное звание «Первый красный воздухоплаватель». Но это уже совсем другая история.

Есть такая партия!
Июнь

Эта была странная игра. Современный футбольный фанат, быть может, даже и не сразу понял бы, что происходящее на луговине рядом с мордовским городком Ардатовом – и есть настоящий футбол. Одна команда отличалась пыльно-серой потрепанной военной формой австро-венгерской армии, а другая, разномастная, совсем не футбольной обувкой – лаптями. Тем не менее неизвестно из чего скроенный и чем набитый футбольный мяч резво летал по полю, и азарта как у игроков, так и у болельщиков хватало. И это был первый футбольный матч на мордовской земле… Среди игроков в военной форме особенной выправкой, статью и энергией выделялся один – высокий подтянутый унтер-офицер Иосип. Молоденькая мордовочка Агафья Бирюкова из ближайшей деревеньки Колазьвеле или Каласево по-русски, стояла в сторонке и следила за ним большими влажными глазами. И он нет-нет да и бросал взгляд на девушку, прислонившуюся к берёзе поодаль от галдящей толпы.

Когда военнопленных – австрийцев, немцев, венгров – привезли в мордовский Ардатов, смотрели на них с опаской – как-никак враги. Но ничего – люди как люди. А этот, высокий и статный, оказался ещё и механиком, на удивленье рукастым парнем. Как она могла не влюбиться в такого? Влюбилась. И очень обрадовалась, когда его отпустили из ардатовской тюрьмы работать на мельницу в Каласеве…

Мельницу оккупировали огромные крысы, и никакой мор их не брал. Иосип – новый механик-военнопленный – с таким безобразием мириться не мог. А выход нашёл очень простой: стал ходить по окрестным деревенькам и собирать кошек, которые и справились в конце концов с крысиным нашествием. Он, Иосип, всегда добивался своего... А с Агафьей и добиваться не пришлось. Виделись каждый вечер. Уходили подальше от села, от любопытных глаз. Да всё равно люди знали, в деревне не утаишься… Сколько ночей подарила им судьба? Сколько слов и поцелуев подарили они друг другу этими ночами под щедрыми мордовскими звёздами? Сколько бы ни было – мало…

Услышав весть о свержении царя, о Временном правительстве, ардатовцы разоружили полицию, выслали из города исправника и избрали Совет рабочих и солдатских депутатов, который в июне семнадцатого объединился с Советом крестьянских депутатов. Как это ни странно, мордовская глубинка в революционных порывах не отставала от Питера и Москвы.

Правда, и в Питере и в Ардатове мало кто тогда понимал, к чему всё это приведёт. Гораздо позже, когда будут изучены культы политических лидеров семнадцатого, выяснится, например, что «многие крестьяне, согласно наблюдениям, верили, что Керенский был новым царем».

А Керенский требовал от генералов успехов на фронте, считая, что именно это воодушевит народ и даст ему опору в правлении.

Июньское наступление русской армии было подготовлено блестяще. Артиллерия Юго-Западного фронта открыла мощный огонь по австро-германским позициям,

11-я и 7-я армии пошли в наступление на Львов, и первые два дня принесли успех. В телеграмме Временному правительству Керенский провозгласил: «Сегодня великое торжество революции, Русская революционная армия с огромным воодушевлением перешла в наступление».

Но войска уже были отравлены антивоенной агитацией. Наступление остановилось. Солдаты стали обсуждать приказы в комитетах и митинговать, теряя время, или вовсе отказывались продолжать воевать под самыми разнообразными предлогами. Один из комитетов вынес решение о том, что «своя артиллерия так хорошо поработала, что на захваченных позициях противника ночевать негде».

А вот июньское сражение между английскими и германскими войсками закончилось успехом англичан. В ходе наступления англичане захватили в плен более семи тысяч солдат, около полутора сотен офицеров и большое количество пулеметов. Началась операция невиданным по масштабам взрывом минных галерей: было сразу убито 10000 человек. Кратеры от тех чудовищных взрывов, заполненные водой, можно будет увидеть и спустя сто лет – в начале двадцать первого века.

В Питере тем временем шёл Первый Всероссийский съезд Советов, на который собралось свыше тысячи депутатов. Делегация большевиков значительно уступала как эсерам, так и меньшевикам. Однако на вопрос председателя Петросовета И. Церетели, какая из партий рискнула бы принять на себя ответственность за все происходящее в России, именно большевик Владимир Ленин ответил: есть такая партия! Раздались жиденькие аплодисменты сторонников и откровенный смех противников, на что Ленин заметил: «Вы можете смеяться, сколько угодно, но если гражданин министр поставит нас перед этим вопросом рядом с правой партией, то он получит надлежащий ответ…» Напрасно, ох, напрасно смеялись меньшевики и эсеры…

А вот анархисты не тратили время на дебаты. Они захватили дачу Дурново, а затем боевой отряд из полусотни анархистов во главе с И.С. Блейхманом занял типографию газеты «Русская воля», объявив, что прибыл «освободить рабочих типографии от гнёта капиталистической эксплуатации», при этом сама типография объявлялась конфискованной «для нужд социализма». Выбивать анархистов из типографии пришлось командующему Петроградским военным округом генералу П. Половцеву. «Публика, запрудившая все соседние улицы, устроила мне бешеную овацию, как будто бы я взял Берлин, – вспоминал потом Половцев. – Какие-то личности вскакивают на подножку автомобиля и жмут мне руки, девицы в окнах машут платочками и бросают цветы».

Да странные, очень странные это были времена. Ведь когда вскоре анархистов попытались выселить из дачи Дурново, та же толпа возмутилась, а рабочие организовали серию забастовок. Впрочем, выселять пытались и большевиков. Судебный пристав даже явился в особняк Кшесинской, чтобы исполнить постановления суда, но рабочая милиция отказались содействовать выселению, а Исполком Петросовета постановил выселение прекратить. В те же июньские дни вооружённые анархисты совершили налёт на тюрьму «Кресты», освободив шестерых своих сторонников, при этом из тюрьмы сбежало около четырёхсот уголовников.

Пока власти в России воевали с неуправляемыми анархистами, в США ловили дезертиров. По закону о воинской повинности каждый мужчина в возрасте от 21 года до 30 лет был обязан зарегистрироваться на мобилизационном пункте, что, как надеялось правительство США, давало возможность призвать на военную службу около полумиллиона человек. Только вот далеко не все хотели попасть в мясорубку Великой войны, идущей за океаном. И всё же в июне семнадцатого первые американские войска высадились во Франции.

Ах, Франция, Франция! Даже в военное лихолетье французы не забывали о развлечениях. Музы молчат, когда говорят пушки? Как бы не так! Сергей Дягилев бросил парижской богеме балет «Парад» в совершенно скандальном оформлении Пабло Пикассо. Гийом Аполлинер назвал декорации и костюмы Пабло Пикассо «сюрреалистическими», впервые употребив термин «сюрреализм». Да, музы молчать не желали. Артур Конан Дойл заканчивал

последний рассказ о Шерлоке Холмсе «Его прощальный поклон», а Сергей Прокофьев усиленно работал над Симфонией № 1 ре мажор «Классическая», которую будут считать одним из первых неоклассических произведений.

Полинезийцам в том июне было не до симфоний: в Тихом океане цунами высотой более десяти метров смыло несколько деревушек на островах Самоа. И в это же время в Греции «смыло» с престола короля Константина I…

В те дни, когда пленный австрийской армии Иосип гонял мяч в мордовской глубинке, молодой грузин Лаврентий Павлес дзе Бериа тоже увлёкся этой новомодной игрой. В одной из грузинских команд он занимал позицию левого полузащитника. Что, впрочем, не помешало ему стать членом РСДРП(б) и казначеем нелегального марксистского кружка механико-строительного училища. В июне семнадцатого Лаврентий Берия практикантом отправился на румынский фронт, не зная, конечно, что через несколько лет ему доведётся свести знакомство с другим любителем футбола – молодым коммунистом-большевиком Иосипом…

…Расставались они на той самой луговине, где Иосип организовал первый в Мордовии футбольный матч.

– Ничего, – слегка коверкая русскую речь, убеждал Иосип Агафью. – Закончится всё – приеду и заберу тебя. Никого кроме тебя любить не буду.

Таяло Агафьино сердце, но и подсказывало: вряд ли этот красавец хоть и в потрёпанной, но такой ладной и аккуратной форме вернётся сюда. А так хотелось верить… И вот, с котомкой за спиной идёт он по пыльной дороге мимо убогих домишек, оглядываясь на Агафью снова и снова шепча «я вернусь»…

Не знали они, конечно, что судьба не даст им больше увидеться, что Агафья родит ему дочь, которую назовёт Нюрой, что выйдет замуж, но так до конца жизни и не забудет своего статного весёлого Иосипа. Как не забудет её и он, куда бы судьба ни забрасывала его и кем бы ни делала. Он уходил, не зная, что ждёт его Урал, гражданская война и ещё одна большая война, немало испытаний и опасностей, и слава, и почести; шёл среди мордовских лесов и полей простой военнопленный Иосип – будущий основатель и президент Югославии Иосип Броз Тито…

Говорят, в шестидесятых Тито намеревался посетить Ардатов, о чём даже уже сообщили местным партийным деятелям, всполошив их до крайней степени. Но советским чиновникам стыдно было показывать прославленному маршалу мордовские селения, в которых сохранились ещё избёнки, крытые соломой, и визит под благовидным предлогом сорвали. Да и молодая – пятая уже – жена Тито воспротивилась этой поездке. Впрочем, это уже совсем другая история.

Акробаты совести

Июль

Пожилой господин, расположившийся на скамеечке под парковыми елями, с неохотой оторвался от книги, тяжело поднялся и, вздохнув, направился к дому. Пора было поработать с дневником. За долгие годы, исписав уже несколько «томов», он так привык к этому занятию, что не мог уснуть, не доверив бумаге мыслей, что роились в голове. А помыслить было о чём. Известия с фронта были весьма неопределёнными, туманными и тревожными, а о внутренних делах ни читать, ни говорить, ни даже думать не хотелось.

«29 июля 1917 года, – записал князь Владимир Михайлович Голицын в дневнике. – В парке так влажно, что поутру нельзя было ходить, и я прошёлся по полям, где ещё ложился густой туман…» Эту «фенологическую» запись князь сделал по привычке отмечать каждую мелочь дня. Но мысли его занимало другое. Как же всё скатилось в такую ситуацию? Давно ли он, городской голова старой столицы, разрабатывал идею соединить трамвай с железной дорогой, продвигал проект строительства в Москве метро, заботился о благоустройстве города; давно ли за демократические взгляды назвали его «светлый поборник лучших начал самоуправления». Однако революция 1905 года всё перевернула с ног на голову. Князь как истинный

либерал не приветствовал ни революционную горячку, ни правительственные репрессии. Тогда, в октябре девятьсот пятого, ужасаясь тому, что происходит, он сложил с себя полномочия городского головы, а через два месяца Семёновский полк под командой полковника Георгия Мина обстрелял из артиллерии восставшую Пресню.

Князь стряхнул пелену воспоминаний, и перо снова побежало по странице: «…Сделать выгодную аферу с “соблюдением нравственности”, покривить душой с целью подставить кому-нибудь ножку, успокоить совесть, изобразив ей черное белым,– все это было ходячей монетой в таких кругах, которые считались высшими и которые кичились своей благовоспитанностью, своей аристократической порядочностью и брезгливо относились к другим кругам, будто бы этим не обладавшими. Какую яркую картину всего этого мог бы я нарисовать, притом из своего собственного опыта! Надо надеяться, что все эти “акробаты совести” исчезли у нас навсегда...»

О, наивный романтический князь. Сколько их, этих «акробатов совести», придётся ещё перетерпеть России!

В Железниках – калужском имении Голицыных – несмотря на революционную карусель в обеих столицах, текла по-прежнему мирная дачная жизнь. Стояло хорошее среднерусское лето; жители имения ездили в гости, ходили по грибы, купались. В это время за тысячи вёрст отсюда, в американской Долине Смерти, температура воздуха неуклонно ползла вверх и местные власти опасались, что кто-то может погибнуть, пытаясь пересечь её. В те дни ехать туда было равносильно самоубийству: весь июль и до середины августа воздух в Долине прогревался почти до плюс пятидесяти градусов Цельсия!

В прохладной Великобритании тем временем с упорством английского бульдога пробивался к власти Уинстон Черчилль. Карьера его складывалась неровно, два года назад он стал одним из инициаторов Дарданелльской операции, которая закончилась полным провалом и привела к правительственному кризису. Какое-то время он занимал должность канцлера герцогства Ланкастерского, но потом подал в отставку и в звании полковника отправился на фронт. Однако в июле семнадцатого судьба улыбнулась ему – он был назначен министром вооружений.

А в совсем уж холодной Гренландии аборигены – инуиты, – долгое время не имевшие никакой власти в стране, вдруг обнаружили, что есть такое понятие как датское право, которому придётся теперь подчиниться вопреки вековым традициям.

В мире искусств «шёл в гору» мексиканский художник с длиннейшим именем Диего Мария де ла Консепсьон Хуан Непомусено Эстанислао де ла Ривера и Барльентос Акоста и Родригес. Закончив Академию художеств в Мадриде, он перебрался в Париж и набирался творческого опыта, а заодно и опыта политического. Среди его друзей кроме Модильяни и Пикассо бы замечен революционер из России – Илья Эренбург. Может быть, эта дружба и определила симпатии будущей знаменитости. Вскоре Ривера вступит в Мексиканскую компартию, потом приютит у себя в доме опального Троцкого, выйдет из компартии, но снова вернётся в неё. Тем летом семнадцатого они только теоретизировали и спорили о революции под голубой дымок трубки молодого Эренбурга, который как раз собирался вернуться в Россию.

А знаменитая русская балерина Анна Павлова наоборот приняла решение в Россию не возвращаться. Её блестящие выступления породили настоящую «павломанию» во всём мире: «в кондитерских магазинах публика расхватывала шоколадные конфеты “Pavlova” с её подписью на коробке, в парфюмерных – духи, туалетную воду и мыло с тем же названием, в цветочных – розы пепельно-розового цвета, как её пачка в “Менуэте”, а в магазинах одежды – расшитые манильские шали с кистями, которые она ввела в моду…»

Тем временем другая танцующая знаменитость – Мата Хари – томилась во французской тюрьме, ожидая приговора за шпионаж; адвокат советовал ей объявить о беременности, но та не согласилась.

Мировая война, как ни странно, дала толчок развитию

науки и техники. Именно в семнадцатом были изобретены ручная электрическая дрель и автомат по непрерывному изготовлению стеклянных бутылок, гидролиз целлюлозы и театральный кондиционер, пиротерапия и стабилизатор гироскопа, и даже кеды, и даже… железобетонный теплоход! Тут сказался дефицит стали.

И всё же война – не мать родна; словно в гигантском котле, перемешивала она народы и страны, перемалывала империи и создавала предпосылки к возникновению новых. На греческом острове Корфу сербы, хорваты и словенцы подписали декларацию, в которой выразили желание создать единое государство. Мало кто тогда представлял себе, что именно сейчас рождается мощное славянское государство, столицу которого восемьдесят два года спустя, на самом краю XX века, будет бомбить американская авиация. Пока же с тревогой в небо приходилось смотреть британцам. В эти июльские дни огромные германские дирижабли-цепеллины совершили массированный налёт на промышленные районы Великобритании; «в отместку» англичане изъяли из титулов все немецкие имена, в результате чего правящая Сакс-Кобург-Готская династия стала называться Виндзорской. Да, англичанам было не до событий в России, а между тем там, в Петрограде, начались бурные демонстрации рабочих, солдат и кронштадтских моряков сразу и против Временного правительства, и против Совета. После некоторых колебаний большевики присоединились к демонстрантам, однако на этот раз выступления были жёстко подавлены верными правительству войсками. Естественно, большевиков обвинили в организации вооруженного восстания по заданию германского Генерального штаба, началось их преследование. Масла в огонь добавил русский журналист Г. Алексинский, опубликовавший в плехановской газете «Единство» статью о том, что Ленин и большевики финансируются немецким правительством; и Ленину пришлось перейти на нелегальное положение: он спасся бегством в Финляндию. «Июльские дни» привели к отставке князя Г.Е. Львова, а переходный кабинет сформировал уже Александр Керенский.

Вот в такую неспокойную пору священник Вячеслав

Васильчиков производил на Белгородчине раскопки и открыл вход в основанный в XIV веке монахами Киево-Печерской лавры и затерянный к началу двадцатого века Свято-Троицкий Холковский монастырь – единственный пещерный монастырь в Белгородской области. И в это же самое время в Испании в ущелье Валторта спелеологи открыли крупнейший комплекс мезолитической наскальной живописи.

Судьба по-разному отнесётся к многочисленным Голицыным: кому-то подарит удачу и долгую безбедную жизнь, к кому-то повернётся спиной… Князя Владимира Михайловича арестуют, но отпустят по заступничеству самого председателя Моссовета Каменева, позже он будет лишён гражданских прав и сослан в Загорск, а потом в городок Дмитров. Он умрёт своей смертью в феврале 1932 года, будет отпет в Успенском соборе Дмитровского кремля и похоронен на кладбище около Казанской церкви села Подлипичье. Могила его не сохранится. Зато сохранится 33 тома его дневников, которые станут бесценным документом эпохи.

Судьба выделывает порой странные кульбиты. Несколько лет назад мне довелось участвовать в морском походе, посвящённом 90-летию исхода в 1920 году Русской эскадры из Севастополя в Бизерту. Только наш маршрут был проложен в обратном направлении – из Бизерты в Севастополь и символизировал возвращение русских, изгнанных когда-то революцией. Среди «возвращавшихся» были и потомки князей Трубецких, Шаховских и Голицыных. Трубецкой искромётно играл на балалайке (и даже в порыве вдохновения порвал струну), Шаховской всем улыбался и убеждал, что в России теперь всё будет великолепно, а совсем молодой Голицын на не очень уверенном русском всё время говорил о том, как он любит Россию и хочет переехать на родину, чтобы трудиться на её благо. Мне, ещё недавно советскому человеку, было забавно и смешно, когда за обеденным столом на корме лайнера я иногда обращался к Голицыну:

– Князь, будьте добры, передайте солонку…

В Россию он приедет. Но не останется. Впрочем, это уже совсем другая история.

«Близок, близок конец!..»
Август

Всю жизнь высшие силы подавали ему знаки, указывающие путь и предупреждавшие. И он научился прислушиваться к ним, расшифровывать и толковать. Они, эти знаки, словно готовили его к необычной судьбе, к какой-то особой миссии. Уж сам-то он в этом нисколько не сомневался. Вот только синдром Кассандры делал этот дар мучительным и бесполезным. Впрочем, не совсем бесполезным…

Год назад летним вечером он сидел у открытого окна в своём валдайском домике и писал об очередном чудесном явлении преподобного Серафима, когда среди ясного дня раздался страшный грохот и в стоящие прямо под открытым окном грабли ударила молния, расщепив их. Но ни грозы, ни дождя в тот день так и не было. Предупреждение? И когда чуть позже князь Владимир Жевахов, будущий епископ Иоасаф, пригласил Нилусов в своё имение, известный и гонимый революцией истый апологет православия, издатель «Протоколов собраний сионских мудрецов» Сергей Нилус сразу согласился. И в очередной раз избежал смерти. «Если бы они не уехали, – будет написано позже в предисловии к его книге “На берегу Божьей реки”, – они бы не уцелели. В Новгородской губернии вскоре начался голод и страшный террор. Все местные друзья Нилусов погибли…»

А ведь всё могло быть по-другому, думалось в те тревожные дни Нилусу, взгляни государь на «Протоколы» как на тайное предупреждение, на знак, поданный свыше. Лишь великий князь Сергей Александрович серьёзно отнёсся к Нилусовой находке, но и тот обречённо ответил «Поздно!»

В первые дни августа закончился VI съезд РСДРП(б), который принял решение о необходимости подготовки

вооруженного восстания против Временного правительства. И хотя не были ещё написаны Александром Блоком строчки

Мы на горе всем буржуям
Мировой пожар раздуем,
Мировой пожар в крови –
Господи, благослови!

а пожар уж вовсю полыхал. И в прямом и в переносном смысле. В августе в Казани десять дней горели пороховой завод, железнодорожная станция и депо, военные склады. «Пожар поро¬ховых и артиллерийских складов продолжается. Беспрестанные взрывы. Во многих кварталах выбиты стекла домов. Помощь раненым органи¬зована. Объявлено военное положение, разъезжают патрули войск и милиции для предотвращения мародёрства, пожар не кончился, взрывы продолжаются… Население частью бежит за город, но паники не наблюдается…», – сообщало местное начальство в Петроград, в Министерство внутренних дел. Но паника была, да ещё какая: люди бежали из города кто как мог – на лошадях, проходящих поездах, лодках, наконец, пешком…

Не успели пережить этот пожар, как вспыхнул новый, правда, иного рода: верховный главнокомандующий Русской армией генерал от инфантерии Лавр Корнилов поднял мятеж в попытке установления военной диктатуры. Как раз в это время проходила третья сессия Главного земельного комитета, участники которой в специальной резолюции выразили негодование по поводу «вылазки контрреволюционеров». Делегаты потребовали изменить нерешительную политику правительства в области земельных отношений. Закрывая сессию, председатель А.С. Посников признал создавшееся в деревне положение отчаянным. Деревня накануне гражданской войны – таков был итог развития событий в стране к концу августа семнадцатого года. Как покажет время, осень действительно станет переломным моментом в «крестьянском вопросе». Уже в сентябре крестьяне перейдут к методам, характерным для

крестьянской войны: вооруженным захватам, разгромам, поджогам, террору.

О выступлении Корнилова долго ещё будут спорить: был ли это именно мятеж или праведная попытка спасти гибнущую Россию. Сам он в обращении к народу утверждал: «Я, генерал Корнилов, – сын казака-крестьянина, заявляю всем и каждому, что мне лично ничего не надо, кроме сохранения Великой России, и клянусь довести народ – путём победы над врагом – до Учредительного Собрания, на котором он сам решит свои судьбы и выберет уклад новой государственной жизни. Предать же Россию в руки её исконного врага, – германскаго племени, – и сделать русский народ рабами немцев, – я не в силах. И предпочитаю умереть на поле чести и брани, чтобы не видеть позора и срама русской земли. Русский народ, в твоих руках жизнь твоей Родины!» И есть ли у нас основания не верить генералу? И как сложилась бы судьба России в случае его победы? Впрочем, победы не случилось. Большевики, объединившиеся с Временным правительством, остановили корниловцев; самого Корнилова арестовали и отправили в Быховскую тюрьму, недалеко от белорусского города Могилева, откуда ему после октябрьского переворота предстояло бежать на Дон, где в апреле 1918 года он погибнет в боях за Екатеринодар (ныне Краснодар)…

До смерти напуганный корниловским мятежом, Керенский созвал Государственное совещание, требуя обеспечить более широкую поддержку Временного правительства, не догадываясь, что править Россией ему остаются считанные недели.

Неспокойно было и в соседнем Китае, где партия Гоминьдан организовала в Гуанчжоу своё Временное правительство во главе с Сунь Ятсеном. Правда, как и российскому, этому правительству предстояло вскоре быть свергнутым, а Сунь Ятсен станет искать дружбы с Советами…

Тем временем в Москве открылся Поместный собор Русской православной церкви, который восстановил институт патриаршества, осудил действия большевиков и

призвал к прекращению кровопролития, а в Европе продолжала полыхать Великая война, и Папа Бенедикт XV предпринимал попытки восстановить мир; но кто в такое время прислушивается к Церкви?

Война уносила жизни молодых, здоровых мужчин, и это обстоятельство навело симпатичного, обаятельного, но безработного француза Анри Дезире Ландрю на мысль о том, как можно неплохо заработать. Он давал объявления в газетах о желании познакомиться с обеспеченной женщиной для создания семьи. Оставшиеся без мужей и женихов француженки охотно откликались. Ландрю увозил их в свою загородную виллу и… больше их никто не видел. Позже, когда его афёра будет раскрыта, окажется, что он убил, расчленил и сжёг в печи около трёхсот женщин. Через несколько лет, перед исполнением смертного приговора у гильотины ему предложат сигарету и стаканчик рома, но он ответит: «Это вредно для здоровья»…

Война войной, а жизнь идёт своим чередом. В джунглях Виргинских островов, только что выкупленных США у Дании за 25 миллионов долларов, американский учёный Томас Барбур нашёл и описал новый вид большой – больше полуметра в длину – ящерицы, названной им виргинской циклурой. Другой учёный – Освальд Роберстсон – впервые осуществил переливание консервированной крови; опыт оказался успешным, что позволило спасти множество жизней.

В России царскую семью отправили в сибирскую ссылку – на поселение в Тобольск; как раз в те дни в Кирико-Улитовской церкви северного Вологодского уезда двадцатитрёхлетняя Зинаида Райх обвенчалась с певцом уходящей Руси двадцатиоднолетним поэтом Сергеем Есениным. А в далёкой Америке появился на свет мальчик, которому предстояло стать представителем совсем иной культуры совсем иной эпохи. Пройдут положенные годы, и новорождённый Джек Кёрби станет известным художником и редактором комиксов – соавтором таких персонажей, как Капитан Америка, Халк, Фантастическая четвёрка, Люди Икс и других, которые вскоре окажутся героями культовых фильмов. Пока же Великий Немой ещё только

набирает обороты, захватывая всё больше поклонников в разных странах и городах. Даже в отсталой Румынии в Яссах состоялась премьера первой кинохроники. Не исключено, что среди зрителей был и будущий «советский экстрасенс» восемнадцатилетний Вольф Мессинг, искавший в то время счастья в Европе…

А «открывателю» и издателю скандальных «Протоколов собраний сионских мудрецов» Сергею Нилусу судьба принесёт много страданий и много радостей, мистических озарений и необыкновенных встреч. Ему довелось жить в Оптиной пустыни и общаться с мудрыми старцами, пять раз побывать в Сарове и Дивееве, где блаженная Паша предсказала ему женитьбу, и там же обрести бесценные бумаги Мотовилова. Он встречался с самим Иоанном Кронштадтским и даже получил его благословение; познакомился в Шамординском монастыре с монахиней Марией – сестрой Льва Толстого. После революции его не раз будут арестовывать, ссылать, приговорят к расстрелу, но любимый им преподобный Серафим отведёт все напасти; умрёт Сергей Александрович своей смертью в кругу любящих его родных и близких. Он уйдёт, надеясь на встречу с Серафимом, одними почитаемый за смутьяна и мистификатора, другими – за истинно православного мученика. Вспоминал ли он в последние свои дни давнюю беседу с оптинским старцем иеромонахом Сергием, который в разговоре о грядущем воскликнул вдруг: «Близок, близок конец! Наступают скоро 1913 – 1920 годы. В эти годы произойдут грозные и небывалые доселе на земле события, когда сами стихии изменятся и законы времени поколеблются. Поистине люди придут в такое дерзкое состояние против Создателя своего и Бога, что время не выдержит и побежит… ибо лукавство человеческое сделало то, что стихии и стали напрягаться и спешить, чтобы скорее окончить пророченное Богом…»

Что касается найденных и опубликованных Нилусом «Протоколов», то и поныне немалое число исследователей пытается выяснить, что это было: мистификация, провокация или всё же реальный исторический документ. Впрочем, это уже совсем другая история.

Диктатор Керенский
Сентябрь

О чём думал бодрый пятидесятидвухлетний господин в генеральской шинели со споротыми погонами и медицинским несессером в руках, шагая по гниловатому деревянному тротуару осенней тобольской улицы? Что вспоминал? Может быть, беззаботное детство в дружной семье отца – известного русского врача Сергея Петровича Боткина, лейб-медика сразу двух императоров – Александра II и Александра III, а может быть, об учёбе в Германии, где слушал лекции лучших немецких врачей, или о встрече с императрицей Александрой Фёдоровной, после которой был пригашён врачом в царскую семью… Ему было, что вспомнить. К тому дню за плечами Евгения Боткина остались и защита диссертации, на которой оппонентом его выступал сам Павлов, и русско-японская война, где он заведовал отделением Красного Креста в Маньчжурской армии, и интересная исследовательская работа… Многие однокашники завидовали его карьере, но многие ли согласились бы сегодня поменяться с ним местами – вот вопрос. Генерал-медик возвращался после посещения очередного больного тобольского обывателя в особняк губернатора, где ждали его подопечные – бывший император Николай II и его большая семья. Жалел ли он о том, что согласился отправиться в ссылку с опальным императором? Как человек военный и трезвый, он понимал, что вероятность остаться в живых с каждым днём всё уменьшается.

Со странным чувством обыватели читали в одном из сентябрьских номеров газеты «Новое время» вполне благодушный отчёт о «пребывании» царской семьи в Тобольске:

«Белый каменный дом сияет под лучами осеннего солнца... На открытом балконе, на пригреве солнышка, дети Романовых с книжками: одна в белой шляпочке, другая с открытой стриженной головой после перенесенного

тифа. Публика привыкла уже к этому белому дому, и только поворачивает голову, проходя по другой стороне, видя обычную картину. Есть любопытные, но их уже меньше. Стеснения никакого по-видимому. Посидят, посмотрят и уходят. Но дети часто отрывают поникшую голову, посматривая порой, как несется бешено Киргиз, отбивая дробью по деревянной мостовой улицы, или несется другой под седлом или в упряжке. … Рабочие военнопленные составляют красивые букеты и продают публике, и аромат цветов разносится по саду, достигая окон белого дома. Семья Романовых по-прежнему ведет затворническую жизнь. Обычная жизнь нисколько не нарушена приездом семьи Романовых…»

Но Боткина не обманывало видимое относительное благополучие тобольской ссылки, а от тревожных мыслей он спасался работой, безотказно и безвозмездно оказывая медпомощь тобольцам любого сословия…

Ситуация в сентябре семнадцатого накалилась в России до предела. Страну охватил страшный продовольственный кризис, голод стал реальным и наиболее сильным фактором развития событий. Крестьянские восстания охватили Черноземье, Поволжье, Смоленскую, Калужскую, Тульскую, Рязанскую и Московскую губернии, Украину и Белоруссию. Особенно горячо было в Тамбовской губернии, где власть перешла в руки крестьянского Совета, тут же опубликовавшего «Распоряжение № 3» которым все помещичьи хозяйства передавались в распоряжение местных Советов, вместе с землей на учет бралось, а в реальности конфисковалось, все имущество.

Керенскому, однако, было не до крестьян; став верховным главнокомандующим, он полностью изменил структуру Временного правительства. Создав так называемый «Деловой кабинет» – Директорию, Керенский совместил полномочия председателя правительства и верховного главнокомандующего.

Сконцентрировав в своих руках диктаторские полномочия, Керенский совершил очередной государственный переворот – распустил Государственную Думу, которая

собственно и привела его к власти, и провозгласил Россию демократической республикой, не дожидаясь созыва Учредительного собрания. Это, в общем-то, ничего не изменило в лучшую сторону. Наоборот, введение им смертной казни за дезертирство ухудшило положение; шесть месяцев борьбы за восстановление боеспособности армии пошли прахом. В армии нарастала анархия, офицеры в глазах солдат стали «корниловцами» – реакционерами. Мятеж Корнилова затушевал предательство большевиков. На броненосце «Петропавловск» был учинён самосуд: было расстреляно четверо офицеров. Одновременно с событиями на «Петропавловске» произошёл самосуд в Выборге: по подозрению в содействии Корнилову солдатами были арестованы, а затем утоплены три генерала и полковник. По всему фронту солдаты стали самовольно арестовывать командный состав, убивать офицеров.

Пока российская армия бунтовала, идущая, казалось бы, к поражению Германия совсем не собиралась сдаваться. Мало того, её успехи на море наносили весьма существенный урон Антанте. Особенно нагло и безнаказанно действовали подводные лодки. Сравнительно недавно возникший вид вооружений показал всему миру, как сильно может меняться характер и способы ведения войны со сменой технических возможностей. Особенно успешно действовали немецкие подводники в Средиземном море. Одна только субмарина U-35, совершив девятнадцать походов, потопила 226 и повредила 10 судов.

Правда, и с этими «хищницами морей» случались невероятные нелепости. В начале сентября 1917 года немецкая субмарина U-28 была потоплена… английским грузовиком! «U-28 задержала у мыса Нордкап в Баренцевом море английский транспорт Olive Branch, следовавший в Архангельск с грузом боеприпасов и техники, и, дав возможность команде судна пересесть в шлюпки, открыла по транспорту артиллерийский огонь. Один из снарядов вызвал взрыв находившихся на судне боеприпасов. Взрывной волной один из грузовиков был сброшен с верхней палубы и, пролетев значительное расстояние, угодил точно в U-28, которая затонула через несколько минут...»

Пока на европейском континенте продолжалась затяжная кровопролитная война, Великобритания тишком делила арабский мир, с помощью враждующих между собой феодалов отхватывая территории у Османской империи. В 1917 году хитроумные британцы имели аж три договора с тремя разными сторонами, которым обещали разное политическое будущее арабского мира. Арабы настаивали на своем арабском королевстве, обещанном британцами Шарифу Хусейну; французы рассчитывали поделить эту землю между собой, а сионисты ожидали, что им отдадут Палестину. К сентябрю семнадцатого стало ясно, что хитро задуманная англичанами «многоходовка» ведёт к успеху. Пройдёт ещё несколько лет, и на Ближнем Востоке появится сразу несколько новых арабских государств, косвенно зависимых от Великобритании. Заметную роль сыграл в этой «арабской партии» Томас Эдвард Лоуренс. Отличник Оксфорда, специалист по военной архитектуре крестоносцев и знаток арабских обычаев был одновременно и шпионом, и вдохновителем борьбы арабов за независимость. Позже он станет советником Уинстона Черчилля, послужит рядовым танкистом и лётчиком, а погибнет, разбившись на мотоцикле. И останется в истории под именем Лоуренса Аравийского, послужив прототипом романтического героя для многих фильмов и книг…

На другой стороне Атлантики в Соединённых Штатах одновременно с вестями о европейской войне обыватель активно обсуждал появление неизвестного зверя в окрестностях городка Декатура в штате Иллинойс. Жители городка неоднократно наблюдали страшного неведомого зверя, неизвестного науке. Все попытки изловить его или подстрелить оказались неудачными. Потом нечто подобное увидят и жители в других странах; много десятилетий спустя молва о подобном звере, получившем название «чупакабра», вновь пронесётся по земному шару…

А в таёжных дебрях вокруг Тобольска бродили обычные звери – лоси да кабаны, лисы да волки, скакали линяющие зайцы и медведи готовились к спячке. Осень в тот год была сырой и холодной. И всё холоднее становились

отношения между царской семьёй и охраной. Всё неопределённее рисовалось будущее. Впрочем, Боткин, как мог поддерживавший императора, сам был готов ко всему. В своём последнем письме, которое даже не успеет отправить, он напишет:

«Мое добровольное заточение здесь настолько временем не ограничено, насколько ограничено мое земное существование. В сущности, я умер, умер для своих детей, для друзей, для дела... Я умер, но еще не похоронен, или заживо погребен – все равно, последствия практически одинаковы… Надеждой себя не балую, иллюзиями не убаюкиваюсь и неприкрашенной действительности смотрю прямо в глаза… Меня поддерживает убеждение, что “претерпевший до конца спасется” и сознание, что я остаюсь верным принципам выпуска 1889-го года. Если вера без дел мертва, то дела без веры могут существовать, и если кому из нас к делам присоединится и вера, то это лишь по особой к нему милости Божьей… Это оправдывает и последнее мое решение, когда я не поколебался покинуть своих детей круглыми сиротами, чтобы исполнить свой врачебный долг до конца, как Авраам не поколебался по требованию Бога принести ему в жертву своего единственного сына».

Через десять месяцев предчувствия Боткина сбудутся: все они будут расстреляны в подвале Ипатьевского дома в Екатеринбурге.

Спустя 98 лет в феврале 2016 года Архиерейским собором Русской православной церкви будет принято решение об общецерковном прославлении страстотерпца праведного Евгения врача. А уже в марте на территории московской городской клинической больницы № 57 епископом Орехово-Зуевским Пантелеимоном будет освящён первый в России храм в честь праведного Евгения Боткина.

Правда, споры о идентификации останков, найденных под Екатеринбургом, продолжаются и поныне, но это уже другая история.

Товарищ князь

Октябрь

В Петербурге стреляли. По холодным улицам то пробегали перепоясанные пулемётными лентами матросы, то проходили, печатая шаг, юнкера, то пролетали, громыхая по мостовой, грузовики с вооружёнными рабочими или отбивала копытами дробь казачья сотня. Ахнул по Зимнему дворцу крейсер «Аврора»; обыватель со страхом выглядывал из-за оконных занавесок на суровые бесприютные дворы: началось!

После выстрела «Авроры» в Зимнем не испугался, не потерял голову лишь один человек «из бывших» – помощник начальника дворцового управления князь Иван Ратишвили. Нужно знать настроение людей, ворвавшихся во дворец, чтобы понять, как тонок был волосок, на котором висела в тот момент жизнь полковника.

Спустя сорок лет тбилисская газета «Заря Востока» расскажет об этом событии:

«В 1917 году И.Д. Ратишвили… 25 октября, когда все руководители министерства двора в панике бежали, он единственный своего поста не бросил, понимая, что надо сохранить для народа, для потомства огромные ценности, сосредоточенные во дворце. Под его руководством гренадеры охраны снесли всё наиболее ценное в сейфы подвального помещения. У сокровищницы, о местонахождении которой во дворце мало кому было известно и где хранились, среди прочего, атрибуты царской власти — скипетр со знаменитым бриллиантом Орлова в 185 карат, императорские корона и держава, он поставил для охраны своего 16-летнего сына и двоих самых надежных гренадеров…»

Кстати, дочь князя Ольга, которая была тогда во дворце, позже утверждала, что крейсер «Аврора» стрелял по Зимнему дворцу вовсе не холостыми патронами; выстрел был самый что ни на есть боевой – она сама стала очевидцем того, как снаряд влетел в кабинет.

Ленин поступок Ивана Дмитриевича оценил и назначил его главным комендантом Зимнего дворца и всех музеев и дворцов Петрограда. «Ратишвили был, пожалуй, единственный человеком в мире, удостоенным обращения «товарищ князь». Именно так его называл Владимир Ленин».

Керенский, бежавший из Питера за подкреплением, напрасно надеялся на скорый реванш, «красное колесо» покатилось, и уже ничто не в силах было его остановить. Ленин мгновенно сформировал новое правительство – Совет народных комиссаров и стал его председателем, утвердив Троцкого наркомом иностранных дел. Декретом о печати большевики заткнули рот оппозиционерам, декретом о земле на время успокоили крестьян, декретом о мире – солдат, а декретом о восьмичасовом рабочем дне – рабочих.

Никто – ни в мире, ни в самой России – не осознал ещё по-настоящему, что произошло в эти дни в Питере, и жизнь шла своим чередом. Корней Чуковский как раз закончил своего «Крокодила», не зная, что именно он, а не те серьёзные работы, что он написал раньше, принесут ему настоящую славу. Много лет спустя он сам будет удивляться этому обстоятельству: «Я написал двенадцать книг, и никто на них никакого внимания. Но стоило мне однажды написать шутя “Крокодила”, и я сделался знаменитым писателем. Боюсь, что “Крокодила”, знает наизусть вся Россия. Боюсь, что на моем памятнике, когда я умру, будет начертано “Автор “Крокодила”,. А как старательно, с каким трудом писал я другие свои книги, например “Некрасов как художник”, “Жена поэта”, “Уолт Уитмен”, “Футуристы” и проч. Сколько забот о стиле, композиции и о многом другом, о чем обычно не заботятся критики!… Но кто помнит и знает такие статьи! Другое дело – “Крокодил”. Miserere».

На европейских фронтах, пользуясь пассивностью России, оживились немцы, высадив свои войска в Эстонии и прорвав в линию фронта Италии. Спасая свою группировку в Восточной Африке, попавшую в отчаянное положение, немцы «случайно» установили мировой рекорд: осенью семнадцатого их дирижабль с грузом продовольствия и боеприпасов пролетел почти шесть тысяч километров от Болгарии до юго-восточных равнин Танзании.

В одном из сражений Великой войны получил той осенью ранения канадец британского происхождения, сын

спившегося фермера Арчибальд Билэйни. Больше года провалявшись в госпиталях, он плыл теперь в Америку, чтобы жениться на индеанке из племени ирокезов. Живя с индейцами в канадских лесах, он получит широкую известность под именем Серая Сова; здесь напишет свою знаменитую «индейскую» книгу «Люди последней границы», которой будут зачитываться романтики всего мира. Кстати, именно в Канаде той осенью парламент предоставил право голоса матерям, жёнам и сёстрам солдат, воюющих на фронте.

А в США шестнадцатилетний российский гений-скрипач Яша Хейфец с большим успехом выступил с первым концертом в Карнеги-холле. Сколько еврейских мальчиков будут потом мучиться сами и мучить скрипки под бдительным оком мамаш, надеющихся, что ребёнок повторит карьеру Яши. Тем временем русская балерина Анна Павлова продолжала покорять Латинскую Америку; она совершенно очаровала публику, и её турне прошло с большим успехом. Здесь она и узнала об октябрьских событиях. В Россию Павлова больше и не вернётся. Балерина проживёт относительно недолгую жизнь – 50 лет. За более чем два десятка лет бесконечных турне Павлова проехала на поезде более полумиллиона километров, дала около девяти тысячи спектаклей. Балерина два десятилетия давала по восемь-девять спектаклей в неделю, позволяя себе отдых лишь раз в году – 31 декабря.

Но век Маргареты Гертруды Зеле – исполнительницы экзотических танцев и куртизанки, известной под псевдонимом Мата Хари, – окажется куда как короче. В те октябрьские дни, когда Павлова покоряла Америку, Мата Хари готовилась к своему последнему «спектаклю». Французский суд приговорил её к смертной казни за шпионаж, и даже обращение к президенту Франции оказалось безуспешным: Пуанкаре был неумолим. Считается, что Мата Хари стала немецкой шпионкой ещё задолго до войны, но причины и обстоятельства её вербовки неизвестны – материалы суда до сих пор засекречены. О её казни и поныне ходят легенды. Говорят, когда рано утром за ней пришла стража, шпионка-танцовщица была возмущена

тем, что казнить её будут, не накормив завтраком. Пока она готовилась к казни, гроб для её тела уже был доставлен в здание. Утверждают, что бывшая куртизанка и знаменитый двойной агент спокойно, без тени волнения, стояла у расстрельного столба. Она отказалась от того, чтобы ей связали руки, отказалась от чёрной повязки на глаза. «Послав воздушный поцелуй двенадцати солдатам, неустрашимая Мата Хари крикнула: “Я готова, господа”. По приказу одиннадцать солдат выстрелили, и одиннадцать пуль попало в её тело. Двенадцатый солдат, совсем еще юнец, только призванный на службу, упал в обморок в унисон с безжизненным телом двойного агента, прекрасной Маты Хари».

Высшие силы чуда для шпионки не сотворили, а вот в португальском городке Фатима в октябре семнадцатого множество паломников утверждали, что чудо узрели. Одним явилась сама Дева Мария, другим довелось увидеть невероятные световые феномены. «Солнце стало вращаться и наклонилось к земле, невероятно сильно нагревая окружающую атмосферу». Это было одиннадцатое и последнее явление Девы Марии в Фатиме. Споры об этом феномене продолжаются и по сей день. Проще всего всё списать на невежество крестьян-паломников, но как закрыть глаза на ссылки о свидетельстве учёного – профессора Алмейда Гарретты из Коимбрского университета, который вспоминал: «Шёл очень сильный дождь… Внезапно луч солнца пробился через плотные облака, и все стали глядеть в этом направлении… Объект выглядел подобно диску с очень чёткими контурами. Он ярко блестел, но не слепил. У меня не сложилось впечатления, как у некоторых других, что объект был тускло-серебряным. Скорее его изменяющийся цвет можно сравнить с жемчужным… Диск был похож на хорошо начищенный металлический предмет… Я вовсе не прибегаю к поэтическим гиперболам, так как видел всё собственными глазами… И вот этот диск неожиданно начал разворачиваться, вращаясь всё быстрее и быстрее… Внезапно толпа издала вопль ужаса. Непрерывно вращающееся “солнце”, изменив цвет на кроваво-красный, камнем устремилось к земле, угрожая раз-

давить всех своим страшным весом…» Другое дело, что о самом профессоре нет практически никаких сведений.

Бесстрашный «товарищ князь» проживёт долгую жизнь – 90 лет. В девятнадцатом ему ещё раз доведётся рискнуть собственной жизнью: сопровождать «золотой эшелон» – поезд с золотым запасом, отправленный из Питера в Москву. Дело это оказалось не простым – слишком много оказалось желающих поживиться под шумок гражданской войны «народным добром»; состав не раз пытались остановить, а в Твери его даже обстреляли, но задачу Ратишвили выполнил и на этот раз. Уйдя в отставку, князь нескольких лет проработает переводчиком в различных организациях Москвы. Его, конечно же, коснутся все холодные ветра, дувшие над советской страной. В двадцать четвёртом он вместе с дочерью Ольгой и сестрой Софьей будет арестован по обвинению в принадлежности к «контрреволюционной монархической организации». Правда, та история с царскими сокровищами всё же зачтётся ему и он будет освобождён. Ему даже позволят переехать в Тбилиси, где он и доживёт свой век в качестве «персонального пенсионера за государственные услуги», вспоминая, может быть, о былых приключениях.

Ходили слухи, что не все сокровища Ратишвили сдал советской власти и где-то в тайниках Московского кремля всё ещё пылятся они, надёжно спрятанные князем… Впрочем, это уже совсем другая история

Хмельной ветер революции

Ноябрь

Театр затихал, зрители разошлись и разъехались, последние служители выходили в темноту московской ночи через служебные выходы, а он всё сидел перед зеркалом в своей гримёрной и всё никак не мог заставить себя начать снимать грим. Он и в самом деле чувствовал себя печальным Пьеро, жизнь которого одинока и холодна. Публика по-прежнему ломилась на его спектакли, по-прежнему

беззаботно внимала жалобам грустного клоуна, но что-то грозное и неумолимое надвигалось на Россию, на Москву, на жизнь самого Александра Вертинского. Как-то не вовремя пришла слава…

Казалось бы, совсем недавно сам Станиславский отказал молодому абитуриенту в артистической карьере, но вот поди ж ты, Вертинский нашёл-таки своё место на подмостках, стал любимцем публики. А ведь к тому дню он успел поработать грузчиком, продавцом, корректором и даже бухгалтером, свести знакомства с Малевичем и Шагалом, Маяковским и Ханжонковым, поставить блоковский «Балаганчик». О Блоке Вертинский напишет в своё время: «В нашем мире богемы каждый что-то таил в себе, какие-то надежды, честолюбивые замыслы, невыполнимые желания, каждый был резок в своих суждениях, щеголял надуманной оригинальностью взглядов и непримиримостью критических оценок. А надо всем этим гулял хмельной ветер поэзии Блока, отравившей не одно сердце мечтами о Прекрасной Даме…»

Да, хмельной ветер поэзии, перемешиваясь с хмельным ветром революции, кружил голову, звал куда-то, что-то обещал… Вот и очередной концерт прошёл с головокружительным успехом. Однако радость успеха заглушила тревога: жизнь в Москве для «Пьеро российской эстрады» становилась всё труднее и труднее. А тут ещё в ЧК вдруг заинтересовалась романсом «То, что я должен сказать», написанным под впечатлением гибели трехсот московских юнкеров во время штурма кремля. «Я не знаю, зачем и кому это нужно, кто послал их на смерть недрожащей рукой, только так бесполезно, так зло и ненужно опускали их в Вечный Покой...» Говорят, когда артиста вызвали для объяснений, он сказал чекистам: «Это же просто песня, и потом, вы же не можете запретить мне их жалеть!». На что получил исчерпывающий ответ: «Надо будет – и дышать запретим!»

В это время в петербургском особняке Трубецких-Нарышкиных кипела тайная суетливая работа: особо доверенные люди собирали и сносили в тайник всё ценное хо-

зяйское добро. Старинное столовое серебро, ювелирные украшения, ордена и медали, сервизы с родовыми гербами, серебряные самовары, подсвечники и канделябры аккуратно заворачивали в пропитанное уксусом – чтобы не окислялось серебро – льняное полотно, а когда полотно закончилось – в газеты. Всё укладывалось в коробки и тюки, а затем небольшая – полтора на два метра – комната была тщательно замурована. Что там говорить, и сам особняк был большой ценностью. Построенный в семидесятых-восьмидесятых годах XVII века, он принадлежал самому Абраму Ганнибалу, потом в нем жили его дети, а середине XIX века владельцем дома стал князь Петр Трубецкой, который продал его князю Василию Нарышкину. Но дом не завернёшь в полотно и не спрячешь.

Нарышкиным не доведётся больше попользоваться фамильным серебром: тайник будет обнаружен девяносто пять лет спустя рабочими во время реставрации здания. Спрятанные сокровища весьма хорошо сохранятся и будут оценены почти в двести миллионов рублей. О, сколько кладов было зарыто, спрятано, замуровано в те дни в городах и дворянских имениях, неизвестно и по сей день! Время от времени их находят: в Москве в Юсуповском дворце, в замурованной нише, обнаружили сундук, полный изделий из серебра и золота и скрипку знаменитого Страдивари. В Чудовом монастыре и в Сарове находили даже несколько кладов, схороненных монахами; то и дело открывались клады бежавших от революции то в одном городе, то в другом; а сколько их ещё ждёт искателей под спудом…

Война между тем катилась по-прежнему ни шатко ни валко. Казалось бы, вот-вот немцы со своими союзниками падут, но война всё затягивалась, выматывая обе стороны. Правда, на Ближнем Востоке удача сопутствовала британским войскам, которые захватили Газу и отобрали у турецкой армии Яффу. Это привело в возбуждение сионистов, которые всё настойчивее призывали к созданию еврейского государства на священной земле Палестины. Учитывая, что многие британские политики симпатизировали этому политическому течению, сионисты решили добиться от

британского правительства разрешения по окончании войны поселиться в Палестине. В ноябре министр внутренних дел Великобритании Артур Бальфур даже отправил лидеру сионистов барону Ротшильду письмо, в котором заявил об официальной поддержке британским правительством идеи создать сионистское государство в Палестине: «Правительство Его Величества с одобрением рассматривает вопрос о создании в Палестине национального очага для еврейского народа и приложит все усилия для содействия достижению этой цели; при этом ясно подразумевается, что не должно производиться никаких действий, которые могли бы нарушить гражданские и религиозные права существующих нееврейских общин в Палестине или же права и политический статус, которыми пользуются евреи в любой другой стране». К возникновению Израиля, однако, вёл долгий и тернистый путь, но не Великобритания, а рождавшееся в эти дни советское государство даст в своё время карт-бланш на его создание.

Тем временем Ленин провозгласил в новой России равенство и суверенность народов и их право на свободное самоопределение вплоть до отделения. Этим тут же воспользовалась Финляндия, парламент которой принял решение о выходе из состава России и получении статуса независимого государства. Те же процессы разворачивались и на Украине, и в Закавказье. В Баку, например, появилась националистическая Тюркская демократическая партия «Мусават». Но всё это не беспокоило большевиков, ведь они надеялись в скором времени установить свою власть во всём мире, так что финны и украинцы никуда не денутся. А пока нужно удержать и укрепить власть, которая к этим дням уже захвачена в Ярославле, Твери, Смоленске, Рязани, Нижнем Новгороде, Казани, Самаре, Саратове, Ростове, Уфе и даже… в Ташкенте! Куда опаснее собранные Керенским и генералом Красновым в Гатчине войска. Однако большевикам и тут везёт: опытным агитаторам удается склонить красновцев на сторону революции и арестовать генерала. Правда, вскоре ему удастся сбежать из-под домашнего ареста и пробраться на Дон, где он примет участие в формировании Белой гвардии. Сбежал, перео-

девшись матросом, и Керенский, опасаясь, что будет выдан. В Новочеркасске он пытался было договориться с генералом Калединым, но тот его даже не принял. Он будет скитаться по городишкам между Питером и Новгородом, безуспешно надеясь вновь вернуться в политику до января следующего года. Но, почувствовав, что оставаться в России становится слишком опасно, вновь переодевшись (на этот раз сербским офицером), с помощью британского шпиона Сиднея Рейли сбежит – уже окончательно – на Запад.

Парадоксальные вещи происходили в то горячечное, сумасшедшее время. В самый разгар войны в Канаде возникла Национальная хоккейная лига (НХЛ), в которую вошло четыре клуба – «Монреаль Канадиенс», «Монреаль Уондерерз», «Оттава Сенаторз» и «Квебек Булдогз». А в Москве Военно-революционный комитет назначил скандального автора «Чёрного квадрата», председателя общества «Бубновый валет» Казимира Малевича комиссаром по охране памятников старины и членом Комиссии по охране художественных ценностей, в чью обязанность входила охрана ценностей Кремля. Прежде чем любовь новых властей остынет к нему, комиссар Малевич успел выступить с докладом «Заборная живопись и литература». Вскоре художник переедет в Петроград, а потом в Витебск, где будет руководить мастерской в Народном художественном училище «нового революционного образца», которое возглавит Марк Шагал.

А Вертинский в самый разгар революции отправился с гастролями на юг. В Одессе ему довелось встретиться с белогвардейским генералом Яковом Слащёвым, который рассказал, насколько популярным стал его романс о погибших юнкерах. «Ведь с вашей песней... мои мальчишки шли умирать! И ещё неизвестно, нужно ли это было...». Позже, в тридцатых, в Германии Вертинский запишет романс на пластинку фирмы «Парлафон».

Россию артист вместе с частями генерала Врангеля покинет в двадцатом. Потом он не раз будет размышлять, отчего оказался вне родины, зачем покинул Россию. «Что

толкнуло меня на это? Я ненавидел Советскую власть? О нет! Советская власть мне ничего дурного не сделала. Я был приверженцем какого-либо другого строя? Тоже нет: очевидно, это была страсть к приключениям, путешествиям. Юношеская беспечность…»

Да, попутешествовать по белу свету и «хлебнуть романтики» доведётся ему немало. Турция, Румыния, Польша, Германия, покоривший сердце артиста Париж. «Моя Франция – это один Париж, зато один Париж – это вся Франция! Я любил Францию искренне, как всякий, кто долго жил в ней. Париж нельзя было не любить, как нельзя было его забыть или предпочесть ему другой город. Нигде за границей русские не чувствовали себя так легко и свободно. Это был город, где свобода человеческой личности уважается… Да, Париж… это родина моего духа!» Потом будут Ливан, Палестина, Соединённые Штаты и Китай. Будет дружба с Анной Павловой и принцем Уэльским, знакомство с Чарли Чаплином, королём Швеции Густавом, с Марлен Дитрих и Гретой Гарбо… Будут успех и признание, и… неутихающая тоска по Родине. И неоднократные обращения к советскому правительству с просьбой о возвращении. Вернуться на родину он сможет лишь в 1943 году. Будет ли он, замалчиваемый советской культурой, жалеть об этом? И как сложилась бы его судьба, останься он за рубежом? Об этом можно только гадать. Впрочем, это уже совсем другая история.

Маховик раскрутился

Декабрь

Он пробирался на юг. Трясся в разбитых вагонах, шёл пешком, маялся на корявых крестьянских телегах… Он чувствовал, что звезда его славы идёт на закат, но никак не мог, не хотел смириться с этим. Давно ли его – Кирпичникова Тимофея Ивановича – величали «Первым солдатом революции», давно ли Временное правительство чествовало его как «первого солдата, поднявшего оружие против царского строя», и сам генерал Лавр Корнилов лично вру-

чал ему Георгиевский крест четвёртой степени на красном банте?!

Раз за разом вспоминал он те февральские дни, когда однажды утром, подняв своих солдат «в ружьё», не только не подчинился командиру – штабс-капитану Лашкевичу, собиравшемуся вести отряд на подавление беспорядков, но и хладнокровно застрелил его. А потом повёл солдат поднимать соседние полки. Преодолевая сопротивление часовых и офицеров, он в течение нескольких часов вывел на улицы Петрограда многие тысячи вооружённых людей, которые в лихорадочном возбуждении открывали огонь, штурмовали казармы, занятые жандармерией здания, что, в конце концов, заставило чиновников госучреждений, включая правительство, разбежаться.

Ах, какие перспективы открывались перед ним, простым унтер-офицером из крестьянской семьи, сыном старообрядца из небольшой деревушки под Саранском! Какие необозримые дали…

Однако вскоре, в апреле, Кирпичников сделал большую ошибку, пытаясь организовать солдатскую демонстрацию в поддержку Временного правительства. Это привело к резкому падению его авторитета. Позже, в ноябре, он вновь попытался поднять бунт среди солдат против новой власти, но и эта попытка провалилась. И вот теперь отвергнутый «герой революции» пробирался на юг, на Дон, где хотел примкнуть к формируемой генералом Лавром Корниловым Добровольческой армии…

К декабрю семнадцатого маховик истории раскрутился в полную силу. По всему миру что-то полыхало и взрывалось – и в политическом, и в физическом смысле. В самом начале декабря в гавани канадского города Галифакса прогремел страшный взрыв: французский военный транспорт «Монблан», гружённый тротилом, пироксилином, пороховым хлопком и пикриновой кислотой, столкнулся с норвежским кораблём «Имо». В результате взрыва весь порт и значительная часть города были полностью разрушены, погибло около двух тысяч человек, а около девяти тысяч получили ранения. Этот взрыв и поныне считается мощнейшим взрывом доядерной эпохи.

Не успели французы оправиться от трагической потери своего корабля, как в ночь с 12 на 13 декабря на железнодорожной линии Кюло – Модан у городка Сен-Мишель-де-Морьен произошла ужасная железнодорожная катастрофа. «Воинский эшелон № 612, в котором ехало около тысячи французских солдат, из-за недостаточной обеспеченности тормозами на спуске в альпийскую долину Мерьен разогнался до высокой скорости, после чего сошёл с рельсов». Утверждается, что в крушении погибло в тот день от 700 до 800 человек, и оно стало крупнейшим в XX веке.

Да, неспокойно было в мире на исходе семнадцатого. Разгоралась война в Тибете. После первых военных успехов против китайских войск правитель Тибета решил увеличить армию с 5 до 15 тысяч человек, несмотря на недовольство этим руководителей трёх великих монастырей. Продолжалось брожение и в самом Китае. Полыхала Мексиканская революция. Вспыхнуло очередное вооруженное восстание на Кубе, которое привело к четвертой оккупации острова войсками США. Продолжалась и оккупация американскими войсками Никарагуа. Взметнулись народные волнения с требованием мира в Берлине. Провозгласила о своей независимости Бессарабия. Активизировались националисты Ирландии.

Даже в сугубо мирном деле – строительстве Квебекского моста с самой длинной в то время в мире консолью над рекой Св. Лаврентия – было потеряно 87 жизней.

Нужно ли говорить, какова была ситуация в это время в распадавшейся Российской империи. В Питере голод, хлебная норма упала до 150 граммов на человека, новая власть формировала продотряды для реквизиции продуктов у крестьян. Горели дворянские гнёзда; на Украине, на Северном Кавказе, на Дону бесчинствовали сотни вооружённых «революционных» банд, шли беспорядочные бои в Казахстане и Средней Азии, где возникали и исчезали автономии и независимые республики.

Увы, народ России окончательно размежевался, и к концу года всё было готово для начала затяжной полномасштабной и кровопролитной Гражданской войны.

В предпоследний день 1917 года Владимир Ильич Ленин написал из горящей России своей горячо обожаемой Инессе в Цюрих: «Дорогой друг!.. Ходите ли на лыжах? Непременно советую: архиполезно...»

Год уходил в прошлое. О чём думали пережившие его? Какой представляли свою дальнейшую судьбу? Надеялись на светлое будущее?..

Инесса Арманд умрёт осенью двадцатого от холеры; Ленин – четырьмя годами позже; Шаляпин проживёт, в общем-то, безбедную и насыщенную жизнь и несмотря на уговоры на родину не вернётся. Правда, прах его осенью 1984 года всё же будет возвращён в Россию и захоронен на Новодевичьем кладбище Москвы. Василий Чапаев будет лихо воевать на фронтах Гражданской и погибнет, преданный своими же, а вот Семён Будённый доживёт до преклонных лет и несмотря на промахи во время Второй мировой так и останется в истории легендарным создателем Первой конной. Неровно, но в целом нестрашно сложится судьба поэта Бориса Пастернака, в отличие от многих литературных собратьев, он не будет репрессирован, советская власть даже простит ему присуждение Нобелевской премии по литературе, тем более что он благоразумно откажется от её получения. А вот «герою польского похода» Михаилу Тухачевскому повезёт меньше: прославленный маршал будет расстрелян летом тридцать седьмого; он станет первым в длинном списке офицеров Красной армии, погибших во время репрессий тридцать седьмого – тридцать восьмого годов. Троцкий так и останется пламенным революционером до самого конца, которому вряд ли кто-то позавидует. Лейбу Давидовича Бронштейна карающая рука Кобы достанет в далёкой Мексике: ранним августовским утром сорокового года агент НКВД Рамон Меркадер прервёт его жизнь ударом ледоруба по голове. Один из самых влиятельных теоретиков анархизма князь Кропоткин благополучно не доживёт до начала репрессий, тихо скончавшись на семьдесят девятом году жизни. Он даже удостоится траурного объявления Президиума Московского совета рабочих, крестьянских и красноармейских

депутатов, опубликованного на первых полосах центральных газет, которое известит о смерти «старого закаленного борца революционной России против самодержавия и власти буржуазии». А вот с его соратником-анархистом Иосифом Блейхманом, бравшим в июне в Питере типографию «Русской воли», большевики разберутся быстро, «пристроив» на принудительные работы на лесоповале, где он получит воспаление лёгких и умрёт. Скорее всего такая же, если не более жестокая судьба ждала и журналиста Г. Алексинского, опубликовавшего в плехановской газете «Единство» статью о том, что Ленин и большевики финансируются немецким правительством, после чего Ленину пришлось перейти на нелегальное положение. Но он вовремя почувствует опасность и через Эстонию переберётся в Париж. Сколько людей, столько судеб… Одни долго сияли на историческом небосклоне, складываясь в причудливые – то зловещие, то вдохновляющие – созвездия и диктуя народам и странам свою волю, другие, мелькнув, вспыхнув на минуту, тут же пропадали во тьме забвения.

А что же Кирпичников? Он пробирался на юг. Трясся в разбитых вагонах, шёл пешком, маялся на корявых крестьянских телегах, мечтая вновь вознестись на крыльях славы. Каким же он был, первый солдат революции? Рыцарь без страха и упрёка? Товарищ обер-прокурора Святейшего синода князь Николай Жевахов, которому довелось пообщаться с Кирпичниковым, вспоминал о нём в эмиграции: «Я не видел человека более гнусного. Его бегающие по сторонам маленькие серые глаза, такие же, как у Милюкова, с выражением чего-то хищнического, его манера держать себя, когда, в увлечении своим рассказом, он принимал театральные позы, его безмерно наглый вид и развязность – все это производило до крайности гадливое впечатление, передать которого я не в силах...»

Он доберётся-таки до Дона, но попадёт не к Корнилову, который когда-то вручал ему Георгия, а к полковнику Кутепову, одному из последних защитников самодержавия в февральском Петрограде. О том, что произошло тогда,

Кутепов напишет в воспоминаниях: «Однажды ко мне в штаб явился молодой офицер, который весьма развязно сообщил мне, что приехал в Добровольческую армию сражаться с большевиками “за свободу народа”, которую большевики попирают. Я спросил его, где он был до сих пор и что делал, офицер рассказал мне, что был одним из первых “борцов за свободу народа” и что в Петрограде он принимал деятельное участие в революции, выступив одним из первых против старого режима. Когда офицер хотел уйти, я приказал ему остаться и, вызвав дежурного офицера, послал за нарядом. Молодой офицер заволновался, побледнел и стал спрашивать, почему я его задерживаю. Сейчас увидите, сказал я и, когда наряд пришёл, приказал немедленно расстрелять этого “борца за свободу”».

Был ли это действительно Кирпичников или нет – достоверно не известно. Говорят, что его видели в Белой армии значительно позже; но как он погиб и где похоронен, никто не знает. И сколько их было, таких «солдат революции» надеявшихся на одно, а получивших в итоге совсем иное… Впрочем, это уже совсем другая история.

Евгений ЧИРИКОВ
(1864–1932)

КАК МЫ БЕЖАЛИ*

Хаос мыслей, переживаний, ощущений. настроений, в котором пока трудно разобраться. Тяжело покидать родину и до самой последней минуты я колебался. Большинство русских писателей давно уже выбралось пз России в стало оседать в Париже. Там обосновался центральный скит русской художественной литературы во главе с такими дорогими русскому сердцу именами, как Куприн, Бунин, Бальмонт, Толстой. Я крепился до последнего момента и лишь, когда в России уже не оставалось клочка земли, на котором можно было бы честно и искренно писать и говорить, я решил покинуть родину...

– Зачем вам бежать? – говорили мне некоторые из знакомых, – вас они не решатся расстрелять… Им это неудобно… Вы слишком известный человек...

– Быть может, и так. Но что я буду делать в Совдепии? Разве я не буду там мертв как писатель и как честный искренний гражданин? Чтобы жить с ними такому, как я, писателю, надо прежде всего похоронить свою совесть, а следовательно и душу...

Большинство друзей торопило меня уезжать:

– Вы не переставали и пером и словом бороться с большевизмом. Неужели вы думаете, что они не отблагодарят вас так, как им вздумается? Допустим, что они не

* Опубликовано в журнале «Листья», Константинополь, 1921.

будут вас приговаривать к расстрелу, но разве есть мало путей отделаться от такого беспокойного человека? Вот писатель-критик Ф. Д. Батюшков – умер голодной смертью в тюрьме…

Впереди рисовалась и моральная писательская смерть и возможность закулисной расправы. Большевистский деспотизм превзошел времена древнеримских тиранов. А ведь те были тоже довольно виртуозны: древний римский обычай, например, запрещал предавать смертной казни девственниц, но это не остановило Тиверия: дабы не нарушать обычая и все-таки убить девственницу, он приказал палачу перед казнью изнасиловать свою жертву.

Не во имя корысти какого-либо характера, а исключительно по долгу писательской, человеческой и гражданской совести, я три года боролся с большевизмом, но разве эта «политическая девственность» остановит торжествующее невежество и фанатизм?

Панического настроения я не испытывал, но многочасовые старания сесть на какой-нибудь пароход, блуждание с вещами на спине по улицам, запруженным потоками бегущих людей, обозами сгрудившихся телег с вещами, панические сцены и эпизоды, – все это так утомило меня, что я уже решил оставаться… Совершенно случайно зашел к давно знакомому мне генералу-летчику Ткачеву, тот усадил меня н а грузовик и погрузил на борт французского угольщика «Сегет». Пароход стоял уже на рейде, и нам пришлось лезть на огромную высоту по веревочной лестнице. Пароход был битком набит военным и штатским народом. Часа три пришлось стоять без движения. А люди все лезли и лезли. За бортом шумели, кричали, плакали дети и женщины. Трагическое, как всегда, перемешивалось с комическим. Какой-то толстяк, привязанный под мышки веревкою, перехватил ее и держался а мускулах в то время, как его втягивали на борт; руки оборвались, он перекинулся вниз головой и стремглав полетел с веревкою в воду. Вытянули! Все облегченно вздохнули, многие перекрестились. А спасенный, увесь мокрый, очутившись на палубе, попыхтел, схватился за карманы и закричал в диком исступлении:

– Где же мои бриллианты? Где мои бриллианты?

Это было так омерзительно, что кто-то из спасавших злобно заметил в пространство:

– Спекулянт! Не стоило спасать…

Уже стемнело, когда пароход медленно и осторожно стал выбираться из поля минных заграждений. Я стоял и грустно смотрел на огни уходящего Севастополя, этого последнего звена с Россией. Там остались дорогие мне люди… там осталась вся прожитая жизнь… Ярко вспыхнуло прожитое счастье, только счастье, и так заныло сердце! Навернулись слезы, душа рванулась назад и промелькнула мысль: «зачем я сделал это?!» и вспомнилось шиллеровское:

Не оставляй своей отчизны милой,
Всем сердцем, всей душой к ней прилепись!
В ней твердый корень сил твоих хранится…
А там, в чужой среде, ты – одинок,
Как тонкий прут, сломаешься от бури!..

Появился донской казак Тихон, тронул меня за рукав и сказал:

– Енерал с барыней к себе зовут! Идите со мной…

Оторвался от огней, мигавших нам на прощанье с родных берегов, и пошел, а вернее – полез за Тихоном. Долго и неумело опускался в самый глубокий трюм с опасностью ежеминутно сорваться и полететь. Но вот и самая преисподняя. Похоже на катакомбы с первыми христианами. Черный мрак, тусклые огни свечек и фонариков и около них группы то лежащих, то стоящих людей. Здесь поместилась вся авиационная часть во главе со своим любимым начальником, генералом Ткачевым. Летчик-генерал – это уже настолько необычный случай, что Ткачева так и называли в армии: «летающий генерал»! Молодой, энергичный, беззаветно любящий свое дело, этот человек сумел поставить авиационную часть армии на такую высоту, что она была ужасом для красноармейцев и огромной силою для маленькой армии Врангеля. Ткачев сорганизовал свое дело, как художник-дирижер оркестр. Не раз

его летучая эскадрилья спасала положение дела. Тщетно он молил о предоставлении в его распоряжение 2000 новых аэропланов, гарантируя в этом случае неприступность Крыма. Не нашлось денег!.. страшные морозы во время последних решительных боев помешали генералу Ткачеву использовать свою в большинстве далеко не новую эскадрилью… Хотя и тут были эпизоды, когда летчики спасали целые части, временами терявшие связь…

«Енерал с барыней» расположились в углу трюма и приютили меня. Я выехал экспромтом, а потому не имел ни денег, ни пищи. Авиационная семья сопричислила меня к своим членам и это длао мне возможность доехать до Константинополя сытым…

Весь трюм был пропитан углем, и все мы, обитатели угольной ямы, напоминали негров. Духота и угольная пыль – были нашими мучителями, а затем… Без ужаса нельзя вспомнить: одна наскоро сколоченная из досок уборная на семь тысяч народа! Унизительное и омерзительное стояние в очереди по пяти часов, чтобы очутиться в клоаке нечистот!..

Говорят, что несчастие сближает людей. Нет наше русское несчастие столь глубоко, столь необъятно, что мы перешагнули границу этого психического явления. Наше несчастие уже перестало сближать нас. Напротив, оно распыляло нас еще больше и глубже. Люди стали злы.ю озлобленны, безжалостны, эгоистичны, раздражительны, до смешного обидчивы и оскорбляли друг друга да самой глубины души! Из-за всякого пустяка вспыхивала крупная ссора, готовая кончиться кровью… я избегал палубы и предпочитал угольную преисподнюю, где ютилась дружная братская семья летчиков. Говорили о будущем. Авиационная организация целиком сохранилась как крупная боевая единица, готовая в любой момент сесть на своих крылатых коней и помчаться в бой: летчики, механики, наблюдатели – все в неприкосновенности…

– Нам не надо распыляться! – это главное. – Наша сила в организации. Борьба не кончена и родина скоро призовет нас! – говорит Ткачев.

И он, конечно, прав: было бы неразумием распылять эту прекрасную боевую организацию, созданную с таким трудом и любовью генералом Ткачевым. Не такое это легкое дело – создать такую организацию:

– Наше дело иное, чем любая военная часть. Мы – как оркестр. Мы имеем одну душу, единое идейное настроение, взаимное доверие, содружество… – говорит Ткачев.

И это сквозило на каждом шагу. Все летчики – интеллигентная молодежь, прямо боготворящая своего «летучего генерала» – сотоварища и его жену, прекрасную молодую женщину, излучающего свою ласку и приветливость на каждого, кто к ней приближался. Она так сроднилась с авиацией, что говорила о ней как о своем любимом ребенке!

В дружной и ласковой семье летчиков смягчалось и личное и гражданское горе и как-то верилось в неизбежность окончательной победы человеческого духа над фанатическим мракобесием. Так было до Константинополя, куда мы прибыли через две ночи, рано утром…

Дальше началось томление: что будет с нами? Еще две ночи провели мы на пароходе, затем началась сортировка публики: всех не военных начали подготовлять к посадке на паровые баркасы и отправке… куда? Это оставалось тайною.

Двое суток томились на якоре, погруженные в полную неизвестность. И это рождало тревогу и самые невероятные слухи. Наконец, на третьи сутким началась сортировка живого груза: приехала на катере какая-то особая комиссия и стала отбирать паспорта у невоенных. Дело оказалось нелегким: английское обмундирование и кокарды чинов и служащих давали французскому комиссару повод подозревать многих в желании дезертировать и н начались крупные недоразумения.

– Я не военный! Я – мировой судья!

Комиссар брезгливо морщился, махал рукой.

Были ли дезертиры, т. е. военные, пожелавшие попасть на берег в числе частных лиц? Да, были. Последняя катастрофа, столь быстрая и неожиданная, сделала свое дело: у многих пропала вера в победу и борьба стала казаться бесполезной и бесцельной.

– Пока большевизм м не сгорит внутри – его не побе-

дишь… Гражданская война только помогает ему! – говорили такие, потерявшие веру.

Таких однако было на нашем пароходе не так много. Огромное большинство военных радовалось слуху, что армия будет высажена, приведена в боевой порядок и переброшена на западный фронт.

Наконец началось и самое отделение: всех не военнообязанных с нашего парохода перевезли на русский – «Трувор». Сперва нас было человек пятьсот. Чистота, простор, никаких очередей! После угольных ям «Трувор» показался раем!.. прекрасная погода, дивный вид на Константинополь и надежда, если не сегодня, то завтра попасть на берег – повысили общую жизнерадостность. Все подобрели, сделались приветливее, стали знакомиться. Турки-лодочники подвозили хлеб, фрукты, консервы, началась бойкая торговля через борт. Подплывали катера и завязывались сношен я с берегом… Прошел день и началась новая сортировка по национально-государственным признакам: поляки, украинцы, литовцы, финляндцы и прочие народности России оказались в рубрике «иностранцев» и подлежали спуску на берег в первую голову… Все, кроме русских, оказались впереди. И первые оказались последними! Кто я такой? Где моя родина и государство? Я и все такие, как я, оказались в положении бродяг, не помнящих родства!

– Кто мы? Что мы-то собою теперь представляем? – с обидою говорил я, поглядывая на укладывающих вещи грузин, хохлов, поляков. Кто-то из русских подхватил мою реплику:

– Кто мы? русские! Мы имеем славное прошлое, великое будущее и великую опасность в настоящем для тех, кто этого не понимает и занимается вот такой сортировкой!..

Русские люди усиленно говорили по-польски, по-малороссийски, притворяясь иностранцами, а огромное большинство насмешливо посматривало в их сторону и подшучивало:

– Слышите! Он по-польски хуже меня говорит.

Как бы то ни было, а иностранцев высаживали на берег, нас держали в неизвестности и пополняли значительными

партиями с других транспортов и кораблей. Снова военные смешались со штатскими. Опять началась теснота. Опять начались очереди. Трюмы были так забиты народом, что с великим трудом удавалось выбираться на палубу. А здесь тоже негде приткнуться. Пищевые запасы, у кого они были, быстро истощились, началось полуголодное существование. Лодочники с продуктами пользовались несчастием людей, чтобы драть с них последнюю шкуру. Рождалась зависть к покупающим хлеб, фиги и лимоны… Особенно же было завидно смотреть, как с подплывающих катеров звали родных и знакомых, привозили счастливцам письма и обещания снять с парохода на берег. Среди нас было немало русских, имевших визы и право на высадку, но и тех не пускали! Почему? Непонятно… Появились случаи брюшного тифа. Появилась зловещая вошь… Тесною, омерзительно грязно, ибо экскременты из импровизированных уборных растаскивали ногами о нарам и… погода резко изменилась: ветер и дождик, мелкий, настойчивый. Скверно было в трюмах, но теперь тем, кто ютился на палубе под открытым небом, обитатели трюмов, похожие на сельдей в бочке, казались счастливцами. Являлась мысль: а вдруг заболеешь? Кончено! И так проходит три, четыре, пять дней… Слухи, слухи, слухи… то мрачные, то оптимистические…

– Завтра штатских спустят на берег!

– Господа! Выпустят только тех, у кого есть поручители на берегу!

Берег близко, а рукой не достанешь. Все пишут, даже те, кому не к кому писать. Говорят, надо написать самому Мартелю и непременно на французском языке. Благо пишущим по-французски, но дорого заплатили они за это благо! Осаждают, умоляют не знающие французского…

Радостная весть: привезли продукты! Общее волнени, толкотня, протянутые руки… О, как это напоминало кормление зверей в зверинце! И так же мало! Пришлось делить круглый хлеб средней величины на 8 человек, а коробку консервов на 6 человек!.. Между тем аппетит – волчий! Я радостно вздрогнул, когда женский незнакомый голос произнес:

– Г. Чириков! Это вам от поклонниц!

Получил первое в жизни подаяние : женская рука протянула мне ломоть хлеба с мясной котлеткой! Ушел в трюм и, отвернувшись к стене, с жадностью проглотил…

За семь дней сидения на «Труворе» все-таки один раз пообедал! Это вышло тоже неожиданно: буфетчиком на пароходе оказался бывший актер С. Он узнал меня и, затащив к себе, сытно накормил и даже… выпили мы с ним! Это было высокоторжественным днем моего желудка!

Но вот м весточка с берега: подъехал матрос Баткин и сообщил, что Бурцев хлопочет о спуске меня на берег!..

– Земля! Земля!

На девятыйсдень с момента выезда из Севастополя я, наконец, очутился на земле! В Константинополе…

Вспоминая все пережитое за это время, я могу назвать его сплошным унижением!

Чувство унижения человеческой и гражданской личности – вот основной мотив всех моих переживания и ощущений. Унижение и оскорбление, как человека, как гражданина и как человека специально русского. Отличная школа для выздоровления от интернационализма. О, как наглядно мы увидали и испытали на себе, что значит человек без родины и государства! Право, что ни делается с нами, а все к лучшему: ведь для воскресения России прежде всего необходимо национально-государственное сознание, но не то сознание, которое занимается вот таким же унижением своих сограждан, какое все мы переживали в эти дни!..

О чем ушибся, тем и лечись!..

Фёдор СУХОВ
(1922–1992)

ПИСАТЕЛЬ ЗЕМЛИ И ЧЕЛОВЕКА*
(А.М. Горький И С.А. Есенин)

Навстречу 150-летию со дня рождения А.М. Горького

– Все началось с легкой руки Блока, – говорил Сергей Есенин о начальной поре своего стремительного и ослепительного поэтического восхождения. Действительно, Блок первый услышал чистые, голосистые стихи самолично нагрянувшего в Петроград белокурого рязанца. Но к чистым, голосистым стихам не остались равнодушными и те, кто был далек от Блока, кто даже резко относился к его поэтическим вкусам и пристрастиям.

Алексей Максимович Горький, по свидетельству Дмитрия Семеновского (начинающий поэт из г. Иванова, с ним Горький вел активную переписку, живя на Капри, полемизируя о путях становления крестьянской поэзии) весьма заинтересовался досель неведомым рязанцем и возымел необоримое желание встретиться с ним. Возможно, как раз об этой встрече и вспоминал впоследствии Алексей Максимович:

«Впервые я увидел Есенина в 1914 году, где-то встретил его вместе с Клюевым... Не помню, о чем говорили, кажется, о войне; она уже началась:

* Эта статья поэта, автора 30 сборников стихов, лауреата литературной премии им. А. Фадеева нижегородца Федора Григорьевича Сухова была опубликована в 1980-х годах в газете «Горьковский университет».

Повестили под окнами сотские
Ополченцам идти на войну.
Загыгыкали бабы слободские,
Плач прорезал кругом тишину».

По всей вероятности С. Есенин уже сложил эти строки, но А.М. Горький прочитал их после:

«Позднее, когда я читал размашистые, яркие, удивительно сердечные стихи, не верилось мне, что пишет их тот самый нарочито картинно одетый мальчик, с которым я стоял ночью на Семионовском…»

Вскоре С. Есенин сам пришел к А.М. Горькому, пришел, конечно, со стихами. Одно из них печатается в «Летописи», другое, более значительное, тоже должно было появиться в «Летописи», но на него последовал цензурный запрет:

А пойдемте, бойцы, ловить кречетов,
Отошлем дикомытя с потребою царю:
Чтобы дал нам царь ответ в сечи той,
Чтоб не застил он новоградскую зарю..

В былинном складе стиха отчетливо слышался призыв дать отчет «в сечи той», в той войне, что уже началась, что застила не только новгородскую зарю, но и горько опечалила всю русскую землю.

Следует заметить, что впоследствии Сергей Есенин гордился тем, что он при всей своей сыновней любви к рязанским полям не написал ни строчки на тему «гром победы раздавайся». Это-то обстоятельство и привело «законченно русского поэта» к великому глашатаю революционной, передовой России.

«В годы революции был всецело на стороне Октября», – писал С. Есенин в своей краткой автобиографии, и не случайно в эти годы почти снова (по свидетельству В. Маяковского) у А.М. Горького. Выходят одна за другой бунтарские, революционные поэмы теперь уже широко известного поэта, прочно утвердившего свое имя, бывшего ратника рязанского воинского присутствия.

«Через шесть-семь лет я увидел Есенина в Берлине, в квартире А.Н. Толстого. От кудрявого игрушечного мальчика остались только очень ясные глаза, да и они как будто выгорели на каком-то слишком ярком солнце».

Встреча эта тоже не была случайной. А.М. Горький сам изъявил желание увидеть приехавшего в Берлин «российского скандального пиита».

...– Зовите меня на Есенина, – сказал Алексей Максимович жене А.Н. Толстого-Крандиевской.

Никто: ни сам хозяин квартиры, ни «прославленная тысячами эстетов Европы» Айседора Дункан, ни жалкий гитарист Кусиков – не заслонил от пристального горьковского взгляда мятущейся трагической фигуры первого певца обновившейся русской земли.

И что характерно, Алексей Максимович видит не только глаза, но и беспокойные руки, их размотанные, как у барабанщика, кисти. А самое главное – увидена и удивительно верно подмечена ненужность всего, что окружало изумительного, своеобразно талантливого поэта:

Хорошо бы, на стог улыбаясь,
Мордой месяца сено жевать.

Надо прямо сказать, не всякий способен понять подобные вздохи. И уж, конечно, вряд ли кто мог понять в сущности-то очень простые строки:

В тихий час, когда заря на крыше,
Как котенок, моет лапкой рот,
Говор кроткий о тебе я слышу
Водяных, поющих с ветром сот.

Водяные, поющие с ветром соты... Соты эти не что иное, как стрижиные гнезда по берегам многих наших озер и рек. Алексей Максимович, безусловно, еще в детстве видел и слышал, как поют эти гнезда. Поэтому видел и слышал он и поющего Есенина.

«Есенина попросили читать. Он охотно согласился, встал и начал монолог Хлопуши. Вначале трагические вы-

крики каторжника показались театральными... Но вскоре я почувствовал, что Есенин читает потрясающе, и слушать его стало тяжело до слез». Алексей Максимович, как он сам признавался, невольно подумал: «Сергей Есенин не столько человек, сколько орган, созданный природой исключительно для поэзии, для выражения неисчерпаемой “печали полей”, любви ко всему живому в мире и милосердия, которое – более всего иного – заслужено человеком».

«Помнится, я не мог сказать ему никаких похвал, да он – я думаю —и не нуждался в них».

«Убил он себя не как безвольный человек, а с явным и твердым сознанием кончить жизнь», – пишет Алексей Максимович своему французскому другу Ромену Роллану, который заинтересовался трагической гибелью Сергея Есенина.

«Жизнь русских литераторов богата драмами, драма Есенина одна из самих тяжелых», – добавляет Алексей Максимович и признается, что он чувствует себя ошеломленным.

«Если бы Вы знали, друг мой, какие чудесные искренние н трогательные стихи написал он перед смертью, как великолепна его поэма “Черный человек”, которая только что вышла из печати. Мы потеряли великого русского поэта», – так категорично и неоспоримо заявляет А.М. Горький в письме к бельгийскому писателю Францу Эллеису.

Потерю великого русского поэта Алексей Максимович переживал как личную, ничем не восполнимую утрату.

«А вот прочитал я первый том стихов Есенина и чуть не взвыл от горя и злости. Какой чистый и какой русский поэт» (Из письма к А.П. Чапыгину).

«Максиму Горькому, писателю земли и человека» – так написал Сергей Есенин на своей первой, подаренной Алексею Максимовичу книге. И надо обладать большой мудростью, больший внутренней культурой, чтобы так написать.

Писатель земли и человека! Пожалуй, это всеобъемлющее и исключительно верное определение того, кто отдал всего себя, всю свою гигантскую работоспособность земле и человеку.

«Скажу Вам только одно, что вся Советская России всегда думает о Вас, где Вы и как Ваше здоровье. Оно нам очень дорого», – с такой сыновней любовью обратился Сергей Есенин к тому, перед кем он благоговел, обратился в личном письме, но письмо, наверное, по робости не отослал. Алексей Максимович получил его после смерти поэта.

А.М. Горьким буквально болел Есениным, интересовался каждой его строчкой, не уставая говорил о нем не только как о поэте, но и как о социальном, исключительно знаменательном явлении.

Далекое – близкое

Павел ШАРОВ

ЛЕСНЫЕ СКИТАЛЬЦЫ

Я мельтешил по своим запланированным на сегодня делам, которых было много, и если разобраться, то можно было бы большую их часть выбросить из головы и заняться более серьёзными, которых тоже было много.

Зазвонил мобильный телефон. Я взглянул на экран. «Такого номера не помню».

– Алло. Кто это?

– Это я, Анатолий Иванов.

– Анатолий?! Привет! Очень рад тебя слышать.

– А видеть?

– А видеть тем более. Ты где?

– У себя дома. А рядом известный тебе Женя Баймуратов, литературный псевдоним Карель. Стихи свои нам с Майей читает.

Пятьдесят пять лет назад мы – инженеры Центрального научно-исследовательского института радиоизмерительной техники – штурмовали обязательные программы кандидатских минимумов по философии и английскому языку. У меня был плёночный магнитофон, и мы с Анатолием, прочитав какую-нибудь статью в газете «Москоу ньюс», на ломаном английском пытались воспроизвести прочитанное своими словами и записать это на магнитофонной

ленте. А потом недоумённо смотрели друг на друга, слушая свою несуразную болтовню.

Но время и труд всё перетрут, и в самом начале семидесятых мы уже кандидаты технических наук. Я ушёл с головой в работу научного института, а Анатолий выбрал путь доцента в Горьковском политехническом институте.

Особенностью Анатолия была обстоятельность. Он всегда и всё делал уверенно, не теряя самообладания при встрече с трудностями. Чем сложней складывалась обстановка, тем спокойнее он становился в отличие от других моих товарищей. Кажется, никакие удары судьбы не могли бы вышибить из него эмоциональной устойчивости. Он даже смеялся не как все, а как-то задумчиво произнося: «Кхы…» И то, что он на заре своей творческой деятельности увлёкся доказательством теоремы Ферма, не вязалось с его серьёзностью. Мне всегда казалось, что доказательство этой теоремы сродни настойчивому поиску способа построения вечного двигателя.

Мы ещё долго пересекались с ним, в основном в политехническом институте, где я по совместительству тоже преподавал на кафедре «Конструирование и технология радиоаппаратуры». Встречались семьями во время праздников, перезванивались. И всё это время он спокойно воспринимал неудачи в своём хобби – доказательстве теоремы Ферма.

В начале восьмидесятых я стал директором специального конструкторского бюро и перестал заниматься педагогикой. Встречи с Анатолием прекратились. Текучка, толкучка, трескучка завладели нами, каждым по своему профилю работы, и мы потеряли друг друга из виду.

Прошло тридцать лет, и вот… здрасте!

– Пашка, мы сейчас идем к Баймуратову. Подгребай. Когда сможешь подойти?

– Хорошо. Минут через сорок буду.

И вот мы за столом: Женя с супругой Ниной, Анатолий с Майей и я. Закусываем, разговариваем. Женя читает свои стихи. Он всегда отличался не только стихосочинением, но и стихочтением.

Вот уже одна бутылка пустая. Пошла вторая. А нам

каждому под восемьдесят. Мне так вообще восемьдесят пять. Женщины водку не пьют. Шампанское «Брют» пьют, а водку не пьют.

Я как поэт тоже читаю юмористические вирши. Доказываю, что все люди в юности лирики. Потом, когда Фортуна начинает трепать за шиворот, становятся юмористами. А когда она, обнаглев, начинает поддавать сзади по шее, спереди, справа, слева, да так, что не отмахнуться, юморист становится сатириком.

Все понимают, что Женя исключение. В былые кавээновские времена он был первый юморист в научно-исследовательском институте, а потом что-то случилось, и потекли лирические строчки.

Я дарю Анатолию свои книжки, в том числе повесть «Пашка с макаронки». Это о полубеспризорных мальчишках 1942–1944 годов. Разговор сам собой пошёл о нашем тяжёлом детстве, тяжесть которого мы – десятилетние пацаны – не ощущали. На то оно и детство, чтобы принимать с радостью в глазах то, что преподносит нам окружающая реальность.

– Да нет, – возразила Майя. – Вот у Анатолия детство было другое – не повеселишься.

– А что было у Анатолия? Ну-ка, расскажи.

1941 год. Начало июня. Лето.

– Чего-то вы затоптались в этой духоте. Пора бы на природе прохлаждаться. А то дожди пойдут, так дети по травке и не побегают, – обратилась тетя Надя к своей сестре Анастасии.

– Да мы уже почти готовы. А ты как? Может, с нами поедешь?

– Приеду попозже, когда с работы отпустят.

Большое семейство: Анастасия со своим мужем Петром Ивановым и теперь уже с тремя детьми, сестра Петра Надя со своим мужем Евлампием – ютилось в одной комнате коммунальной квартиры по улице Карла Маркса в Ленинграде. Лёгкая фанерная перегородка делила эту комнату на два жилища. Офицеру Красной армии Евлампию в ближайшее время обещали дать комнату в другом районе, и семья Ивановых жила в ожидании расширения жизненного пространства.

Больше всех радовались Толя, которому только что исполнилось семь лет, и его старшая сестра Люся, которой уже было двенадцать. Скоро у них будет своя комната для выполнения домашних заданий по учёбе. Несмотря на то что Толя только ещё готовился осенью ступить на первую ступеньку школьного обучения, он, так же как и старшая сестра, чувствовал важность предстоящих перемен. Серьёзность, обстоятельность уже тогда отличали его от весёлой, эмоциональной Люси. Маленькая Мира, родившаяся шесть месяцев назад, тоже радовалась. Но только тогда, когда радовалась мама. Весь мир, блага жизни, радость она ощущала только от близости мамы. Папа не в счёт. Он был всё время на работе, и только иногда, появляясь дома, склонялся над кроваткой Миры, показывал ей двумя пальцами козу и, улыбаясь, произносил одни и те же слова: «У-тю-тю-тю-тю». Для Миры это были самые понятные слова, которые произносил папа.

Пётр Фёдорович Иванов был очень занятым человеком: работал на заводе и параллельно как коммунист занимался партийной работой.

Наконец сборы закончились, и семейство Ивановых двинулось на вокзал. Папа нёс чемодан и сумку с вещами, мама несла Миру и сетку с продуктами, Люся – пакет с игрушками, а Толя помогал всем идти.

Разместившись в плацкартном вагоне поезда, следовавшего в Псков, стали прощаться с папой. Обещали через два месяца вернуться. Папа поцеловал всех по очереди, показал Мире козу, сказал ей: «У-тю-тю-тю-тю» – и вышел из вагона.

– Поехали! – радостно приветствовала Люся начало путешествия.

Путь лежал до станции Новоселье, а потом в сторону от железной дороги по просёлочным дорогам. Сначала до деревни Могутово, которую местные жители почему-то называли Завод, и дальше – в деревню Соседно, где их ждал отец Анастасии – дед Василий.

Кругом непролазный лес. Без провожатого заблудишься.

На попутном транспорте, в том числе на деревенских телегах, добрались до родной для Анастасии деревни, где их и встретил дед.

Началась деревенская жизнь: блины со сметаной, молоко, соленые грибы, ягоды, купанье в озере, игра в догонялки с Тузиком, стрельба из рогатки желудями, еловыми шишками по всему, что бегает, прыгает, летает и ползает.

– Ур-ра-а-а!!! – воинственно кричал Толя, вооружённый деревянной саблей, нападая на стаю вражеских гусей, ущипнувших Люсю за то место, на котором она привыкла сидеть.

Почувствовав опасность, гуси развернулись, и гогоча «га-га-га», стали медленно отступать на безопасные позиции. И только один гусь, претендовавший на уважение гусынь, вытянул шею, зашипел и, медленно переступая «лаптями», стал наступать на героя «гражданской войны», за что и получил палкой по голове. Противник в лице гуся на некоторое время был дезорганизован, но разворачиваться не собирался. Пока он собирал рассыпавшиеся мысли, Толя уже растворился, спрятавшись за входной дверью в сени.

С деревенскими мальчишками ходили на озеро, которое, как и деревня, называлось Соседно. Толе было всё равно, как оно называлось. Главное, что он впервые научился держаться на воде, работая руками и ногами, как говорил дед, по-собачьи. Люся уже два года назад научилась плавать и теперь следила, как бы Толя не заплывал слишком далеко.

– Что ты ко мне пристаёшь, – возмущался Толя, – как будто я маленький!

– Большой, большой. Только очень шустрый. Тебе мама говорила, чтобы ты меня слушался? Или забыл? Нырнёшь вот, а вынырнуть забудешь.

Когда загремели взрывы начавшейся Великой Отечественной войны, звуки этих взрывов и информация о войне некоторое время не доходили до лесной деревни Соседно. И только девятого июля, когда немцы заняли город Псков, это известие дошло.

Дед, умудрённый опытом и на своей шкуре испытавший, что война – это голод, стал энергично запасаться продуктами питания. Анастасия и Люся как могли стали ему помогать. К сожалению, картошка ещё не созрела, но грибы, ягоды, молодой шиповник, летние сорта недозрелых яблок уже стали появляться. Всё это собиралось, сушилось, засаливалось, мариновалось и зарывалось рядом с баней.

Через день после известия о захвате немцами Пскова на лесной дороге появились отступающие отряды красноармейцев с винтовками через плечо. Железная дорога между Псковом и Ленинградом была выведена из строя, и солдаты двигались к Ленинграду по лесным тропинкам и грунтовым дорогам.

Надежду возвратиться в Ленинград семейству Ивановых можно было забыть. Война воображаемая превращалась в реальность. Ещё через день в деревню вошёл военизированный отряд немцев. Эти пришли не пешком. Они приехали на машинах.

Что поразило Толю, так это то, что вели себя немцы не как на войне, а как на празднике. Играли на губных гармошках, смеялись, офицеры пили шнапс. Людей из домов не выгоняли. Разместились в тех домах, которые когда-то были клубами, зданиями сельсовета и другими общественными помещениями. Часть немцев уехала на машинах догонять отступавшие отряды красноармейцев, часть уехала в деревню Могутово, где, как потом выяснилось, они разместили свой штаб, и только небольшая группа во главе с офицером и переводчиком приступила к наведению порядка в деревне Соседно. Назначили старосту. С его помощью набрали блюстителей порядка – полицаев.

Переводчик собрал народ и объявил, что местная власть будет помогать жителям деревни собирать урожай.

– Часть его вы получите, – говорил он, – в качестве вознаграждения за труд. Коммунисты, руководители советской власти – это враги нового режима. Они будут держать ответ. Их родственники будут освобождены от каких-либо пайков.

Дальше он много говорил о повиновении новой влас-

ти. Из его рассуждений можно было сделать вывод, что немцам сейчас не до репрессий. Они торопились решить главную задачу – взять Ленинград.

Поведение немцев показывало, что они были уверены в скорой победе Германии и не разменивались по мелочам. Дошли слухи даже о том, что, догнав отступающие отряды красноармейцев, они не стали их расстреливать, а приказали сдать оружие и отправили эшелоном на работу в интересах рейха. Рейху нужны были рабочие руки. От немцев деревенские узнали, что участие в окружении Ленинграда принимают не только немцы, но и их союзники: финны, итальянцы и даже испанцы.

Новый порядок лишил семью Ивановых средств к существованию, так как кто-то доложил, что это семья только что приехала из Ленинграда, и полицаи решили с ней разобраться. Пай земли получил только дед. Жить стало тяжело и опасно.

Осенней ночью в деревне появился советский диверсант для организации партизанского сопротивления. Постучал в дверь.

– Кто там? – спросил дед.

– Я от Петра Иванова.

– Заходи.

– Прежде всего у меня просьба: пусть кто-нибудь из ваших выйдет к палисаднику и понаблюдает: не идёт ли кто сюда.

– А вас что? Ловят? – спросил дед.

– Пока нет, – улыбнулся незнакомец. – Но если обнаружат, будут ловить.

– Хорошо. Люся, выйди во двор да посиди там.

– А долго?

– Я позову... Так что вам от нас-то нужно? – спросил дед.

– Расскажите ситуацию в деревне. Сколько немцев, сколько полицаев, кто староста. Всех ли коммунистов забрали?

Пока дед разговаривал с дядей, Толя внимательно слушал за дверью и делал свои выводы. Когда они закончили разговор, Толя открыл дверь и спросил:

– Дядя, а вы на парашюте спустились?

– На парашюте, – шутливо ответил незнакомец.

– Иди на печку, – приказал Толе дед.

– А теперь о Петре, – продолжил незнакомец.

– Да, как там Пётр?

– Извините, это я оставил напоследок.

Дед насторожился и уставился на пришельца.

– Умер ваш Пётр, – сказал ему на ухо незнакомец. – Нет его больше. Не будите Настю, пока я не уйду. Скажете это ей сами. Я на задании.

В это время в дом вбежала Люся.

– Полицаи идут!

– Вот гады, – произнёс дед, – значит, кто-то вас заметил. Бегите задами.

Незнакомец выбежал в огород и быстро побежал в лес.

Вошли полицаи.

– Где он?

– Кто?

– Тот, кто проскочил к вам в избу.

– Никто не проскакивал. Это я выходил.

– В этой серой рубашке?

– Нет. Я плащ надевал.

Видно было, что полицаи не верят деду. Один из них вышел в огород, обошёл дом, подозрительно посмотрел в лес. Что он подумал, никто не знает. Может быть: «А чёрт с ним. Схлопочешь пулю между глаз, никто спасибо не скажет». Вернулся и сообщил:

– Всё вроде тихо.

– Ладно, дед, – произнёс старший, – сегодня пронесло. Будешь с партизанами якшаться, расстреляем. А может быть, и хуже, если за это дело Гельмут возьмётся.

Поскольку над семьёй Ивановых нависла опасность, мать решила уйти от деда и, собрав кое-какие пожитки, повела детей по лесным дорожкам в сторону станции Новоселье. Шли по лесным тропинкам вдоль дороги, опасаясь встречи с немцами или с полицаями. Пришли в деревню Могутово. Там было два каменных здания: штаб немцев, рядом стоял барак. В бараке размещались пришлые рабочие. Мать устроилась на работу по сбору картошки и по-

лучила право занять в бараке небольшой угол. Немцы не озаботились обеспечить оплату работы многодетной матери. Ей пришлось, преодолевая страх, прятать картофелины в рукавах стёганки. Тем и питались.

Толя освоился с обстановкой и безбоязненно стал гулять по деревне. По запаху набрёл на пекарню. Заглянул в открытое маленькое квадратное окно. Неожиданно в квадрате появился круглый лик немца-хлебопёка. Тот наставил на Толю указательный палец и громко произнёс:

– Пу!

– Эх… твою мать! – от неожиданности выругался Толя и отскочил от окна.

Немцы расхохотались. Тот, кто сказал «пу», поманил Толю пальцем.

– Ии…ди… тут… тут.

Толя подошёл.

– Ищё… русиш мат…ы?

Толя повторил ругательство. Снова хохот.

– Ищё… другой мат…ы?

– Иди в…! – произнёс Толя.

Хохот и аплодисменты.

Немцы пригласили Толю в хлебопекарню и настойчиво стали изучать отдельные фрагменты народного русского языка.. После первого сеанса преподавания маленький учитель получил драгоценный подарок – целую горбушку свежего вкусно пахнущего ржаного хлеба. Дома был праздник.

Зимой партизаны напали на штаб немцев, но были отбиты. В помещении штаба раздался взрыв. Возник пожар. Барак, в котором жили рабочие, тоже загорелся. Произошло это ночью. Рабочие выскакивали на улицу, прихватив только самое дорогое. Самое дорогое для Толи оказались штаны. В суматохе он никак не мог их найти. Когда мать уже волокла его на свежий воздух, он наконец нашёл свои драгоценные штаны, но надеть их не успел. Пришлось выскочить голышом и только на улице облачиться в злосчастные штаны. Все рабочие после пожара разместились в сохранившейся части барака.

Нападения партизан продолжались.

Однажды мать ушла к деду в деревню. В её отсутствие после очередного нападения партизан немцы приняли решение: деревню Могутово сжечь, всех жителей деревни и рабочих увезти в неизвестном направлении. Когда всех вывели, Мира заплакала. Подошёл немец, один из тех, кто учился у Толи русскому мату. Он погрозил Мире пальцем, чтобы она не плакала. Люся взяла Миру на руки и, когда была дана команда двигаться, вдруг появилась мама.

Деревня Могутово горела. Её жителей под конвоем повели к железнодорожной станции Новоселье. Рядом с семьёй Ивановых шёл, прихрамывая, седовласый мужчина. Когда конвойный полицай прошёл мимо и оказался в отдалении, мужчина обратился к окружающим:

– Сейчас будет поворот налево. Дорога сузится. Впереди один полицай. Остальные сзади. Они нас потеряют из вида. Бросаемся в разные стороны – одни налево, другие направо.

– А как же полицай? Он же стрелять будет, – усомнилась идущая рядом девушка.

– Во-первых, его дело – смотреть вперёд, а во-вторых, у него глаза разбегутся. Он один, а нас много.

Как только зашли за поворот, мужчина бросился направо. За ним – Анастасия с Мирой на руках, Люся и Толя. Последней за ними увязалась одна молодая девушка.

Полицай, шедший впереди, обнаружил побег, когда группа уже скрылась в густом лесу. Выстрелил наугад. Подбежал старший полицай, уточнил обстановку и скомандовал:

– Всем стоять на месте. При попытке к бегству будем стрелять.

Из подъехавшей машины к старшему полицаю подошёл немец и, выслушав короткий доклад, дал полицаю пощёчину.

– Если повторится, стрельять будем вас.

– Разрешите преследовать, – вытаращил глаза старший полицай.

– Вас там патизаны похороньят без почестьей. Как куропаток, – ответил немец.

Организовавший побег седой мужчина назвался Николаем. Участник финской войны, он потерял правую ногу (отморозил, ампутировали) и теперь, прихрамывая на деревяшке, вёл группу по непролазным снежным сугробам.

Шли долго. Уставшая, измождённая голодом и преодолением снежных завалов группа увидела впереди деревянный домишко. В домишке оказалось около двадцати человек, таких же беженцев, как и они. Среди них – несколько мальчишек. Разместились. Изучая окрестности, мальчишки набрели на огромное поле нескошенного овса под слоем снега.

– Господи, – воскликнул один из опытных хлеборобов, – это же наша жизнь.

Все толпой устремились собирать старый овёс.

Хлебороб сварил полведра овса, остудил, получилось что-то вроде студня. Стали есть. Продержались до весны.

Весной изголодавшиеся взрослые мужчины стали изобретать самодельные снасти и ловить рыбу в ближайших озёрах, собирать в ведра и банки берёзовый сок. Женщины, рискуя жизнью, приносили из ближайших деревень соль, крупу, картофель.

Летом всем коллективом собирали и сушили ягоды, грибы и другие дары природы. Надо было выживать. Уверенность в скорой победе не покидала людей, вселяла в них силы и надежду. Толя с одним из старших мальчишек предпринял поход на пожарище в деревне Могутово. Стали копаться в мусоре сгоревших домов.

– Эх, ай-ай! Смотри, чего нашёл! – показал Толя своему товарищу.

– Чего?

– Сковорода.

– Берём. Грибы будем жарить.

В это время в лесу раздался выстрел. Мальчишки бросились бежать. Под ногами у Толи что-то рухнуло, и он стал погружаться в густую жижу.

– А-а! Спасите! – заорал он.

Парень схватил его за воротник и вытащил из ямы.

– Где это я был?

– В дерьме, вот где, – ответил товарищ.

Толя посмотрел на свою одежду и увидел, что он только что по грудь купался в деревенском туалете.

– Ты слышал, кто-то стрелял? – спросил товарищ.

– Слышал.

– Так бежим отсюда, пока нас не подстрелили.

Домой Толя прибежал, распространяя амбре на много метров вокруг. Люсе пришлось раздеть его догола и долго-долго (увы, без мыла) отмывать водой. Найдя какие-то старые лохмотья одежды и выбросив в стирку ту, с удушающим запахом, в которой он прибежал, он ещё долго портил воздух в ближайшем окружении, благодаря чему его дружеские контакты с товарищами были ограничены.

Прошло лето 1942 года. Наступила следующая зима. Однажды Люся ушла к деду в деревню Соседно. В это время к дому подъехали полицаи на лыжах в сопровождении автомашины, приспособленной к прокладыванию дорог в заснеженном лесу. В машине были немцы. Старший полицай зашёл в дом и приказал всем забрать нужные вещи и выйти для следования на станцию Новоселье. Когда выселение началось, мать вытолкала Толю и двухлетнюю Миру в сени:

– Бегите к озеру. Прячьтесь.

Рядом с небольшим озером, вблизи дома, ещё с довоенных времён лежала груда мусора. Теперь она была покрыта толстым слоем снега и выглядела огромным сугробом. Толя взял Миру за руку и вывел через сени в поле. Побежали направо. Неожиданно за углом обнаружили стоящего к ним спиной полицая, который только что застрелил четвероногого весёлого друга детей Шарика. Мира собралась заплакать, но Толя закрыл ей рот рукой и потащил в другую сторону. И опять неудача. Навстречу шёл немецкий солдат с автоматом. Остановились. Толя сообразил, что надо делать, и показал немцу, что Мире нужно в туалет. Немец махнул рукой в сторону сугроба. Забежали за сугроб. От дома доносились команды старшего полицая. Раздался выстрел. Толя вздрогнул. «А вдруг маму убили?» Первая мысль – бежать обратно, к маме. Но увидев, что Мира опять собирается плакать, приложил палец к губам.

– Молчи, Мира. Мама сказала, чтобы мы спрятались. Она нас найдёт.

И стал лихорадочно по-собачьи рыть в снегу яму. Оценив глубину ямы, посадил туда Миру, закрыл ей рот и глаза шарфом и стал её закапывать. Затем так же торопливо начал рыть в непосредственной близости ещё одну яму – для себя. Забрался в неё и стал сгребать снег на себя. Кто-то закричал. Раздался ещё один выстрел. Толя стал зарываться глубже. Добрался до мусора. Услышав шуршание мусора, Мира тихо захныкала.

– Тише, Мира, – прошептал Толя. – Я тут. Ничего не бойся, скоро придёт мама.

Затаились. Время шло. Оно казалось бесконечным. Заработала машина. Послышались команды полицаев. Звуки команд становились всё тише и тише. Люди удалялись вслед за машиной. Анатолий снова услышал выстрел, потом крик. Через некоторое время крик раздался совсем близко. Толя по голосу узнал мать. Выбрался. Прислушался – никого больше не слышно.

– Мама! Мы здесь!

Мать с дрожью в голосе обнимала своих детей. Как потом выяснилось, она успела нырнуть в подпол, туда, где хранились остатки собранных и высушенных прошлым летом ягод, грибов, овса и прочих даров природы. Риск был велик. Если бы полицаи подожгли домик, то в нём сгорела бы и мать.

Похоронили Шарика, а рядом молодую девушку, пытавшуюся убежать в лес и застреленную из винтовки. Стали ждать Люсю из деревни. Дождались. Получили привет от деда и узелок с тем, что ему бог послал. Узнали, что всё молодое поколение деревни увезено, а куда – точно не известно. Говорят, что в Германию.

Оставаться в этом доме стало опасно, и, собрав в узлы всё заготовленное летом пропитание, которое можно унести, вчетвером углубились в лес. Нашли старый продуваемый амбар, а рядом землянку из двух комнат с перегородкой между ними. В землянке оказалось полно народу. Жили во второй комнате, поскольку в первой было холодно. Прежние хозяева оставили в землянке огромную бочку квашеной капусты. Зиму все беженцы питались в основном этой капустой и кое-какими летними запасами. Над первой комнатой у входа в землянку было стеклянное окно.

Однажды по стеклу что-то звякнуло. Старая бабушка вышла в прихожую и, чтобы напугать незваного гостя в виде какого-нибудь животного, крикнула:

– Кыш! Кыш!

В ответ, разбив стекло, в комнату влетела граната. Бабушка скорей от неожиданности, чем из чувства опасности, упала. И вместе с её падением прогремел взрыв. Бабушке оторвало половину кисти руки. Рядом с землянкой стояли пять полицаев и два немца на лыжах.

– Выходите, – крикнул один из полицаев, – иначе сейчас всех взорвём.

Люди от неожиданности и при виде истекающей кровью бабушки, оказались в шоковом состоянии. Первым из землянки вылез Толя. За ним – все остальные. Двое мужчин вынесли бабушку, одна из женщин перевязывала ей раненую руку. Бабушка была без сознания.

Полицаи открыли амбар и стали загонять туда детей и стариков. Остальных построили для препровождения на железнодорожную станцию Новоселье. Люди с опущенными головами стояли в строю, не в силах поднять потухшие взгляды друг на друга. Всякое сопротивление было подавлено свалившимся на них горем. Среди них стояла Люся. По её щекам текли слезы. Она смотрела на свою мать, которую с Мирой на руках, приняв за старуху, заталкивали в амбар. Мать взглянула на Люсю ободряюще. «Постарайся выжить, – шептали её губы. – Ты должна жить! Жить!» Полицай запер амбар на засов, и процессия двинулась по заснеженному полю. Через щели прогнивших стен амбара дети и старики со слезами на глазах безмолвно провожали своих родных в неизвестность. Один из полицаев, сказав чего-то немцу, вернулся, собирая по дороге редкие кусты. Сложил их у стены амбара и попытался зажечь спичкой. Не получилось. Ветер задул спичку. Тогда он полез в карман, вынул газетный лист, приготов-

ленный для самокруток, и… наткнулся на взгляд раненой старухи. Та смотрела на него через широкую щель деревянной стены барака горящими, испепеляющими глазами, проникая этим взглядом в его мозг, душу, порождая дрожь в его теле, страх и желание провалиться в преисподнюю, лишь бы не видеть этого пронизывающего взгляда. В это время со стороны уходящей колонны послышалась команда немца, и полицай, возвращённый этим восклицанием в сознание, плюнул и поспешно заработал лыжными палками, догоняя уходящих.

Мама перебинтовала бабушке руку, Толя и его сверстники разломали полусгнившую стену амбара и выбрались из него.

Большинство стариков и детей решили оставаться в землянке. Анастасия с двумя детьми решила ещё дальше углубиться в лес. И снова поиски жилья. Анастасия знала эти места, поскольку прожила здесь молодость до замужества. Она шла всё дальше и дальше, чтобы уйти от населённых пунктов. Толя, несмотря на усталость, не хныкал, а молча шёл за мамой. Её расчёт оправдался. Она нашла избу лесника. Изба была до отказа заполнена беженцами. Анастасии уступили одно место на лавке. Под лавкой – Толя. Мира на руках у мамы. Жизнь в этом доме была недолгой. Где-то после Нового года стала доноситься артиллерийская стрельба, бомбовые взрывы. Обитатели лесного дома залегли на полу. Когда канонада закончилась, Толя вышел из дома.

– Выходите. Всё закончилось.

И действительно, стрельба утихла. Люди стали расходиться в поисках лучших условий жизни. Анастасия собрала небольшую группу и повела её в тот дом, где Толя с Мирой прятались в снегу. В доме неподалёку от сгоревшей деревни Могутово дожили до весны. Взрослые всё время сдерживали порывы мальчишек. Бесполезно. Мальчики нашли винтовку, заряженную патронами. Вдвоём держали её, а третий нажимал на спуск. Прозвучал выстрел. С дерева упала срезанная пулей ветка.

– Ура-а! Есть чем защищаться.

Затем нашли гранату. Развели костёр и бросили гранату

в огонь. Почему-то граната не взрывалась. Выглянули из-за дерева. И тут жахнуло! Появились взрослые и надрали уши.

Тишина побудила Анастасию заглянуть к деду в деревню Соседно. Деревня сожжена, немцев нет. Дед предусмотрительно снял соломенную крышу с бани, чтобы не привлекать к ней внимание. В результате только баня и осталась не сгоревшей. Анастасия привела в деревню детей. Наладили крышу, поселились в бане.

Из леса стали приходить люди, попрятавшиеся в начале войны в разбросанных по лесу домиках лесничих. Полицаи, чувствуя близость расплаты за измену, напротив, рассыпались по лесам.

Из госпиталя пришёл младший брат деда Фёдор. Пришёл с одной рукой.

– Хорошо, что правая уцелела, – весело говорил он, – да голова без дырок.

Этой рукой, вооружённой топором, он вместе с дедом быстро соорудил домушку-времянку. А баню оставили для использования по назначению. Ей приходилось напряжённо пыхтеть, обмывая выстроившихся в очередь жителей деревни, проживающих кто в землянках, кто в небольших деревянных строениях. Деревня стала оживать, люди поверили в будущее.

Но не все. Анастасия, перенёсшая тяжелейшие физические и моральные испытания, вдруг расслабилась и слегла. Удерживая троих детей на грани жизни и смерти, она всё отдавала им, почти ничего не ела, страшно похудела и теперь, когда напряжение спало, перестала принимать совсем пищу. Дело усложнилось простудой после стирки белья у ручья. Воспаление лёгких.

– Дистрофия, – сказал местный ветеринар, выполняющий по совместительству функции фельдшера. – Надо травами лечить.

Но ничего не помогло, и она, погладив по головке Миру и Толю, отошла в иной мир, наказав на прощание Толе:

– Иди учиться. Подрастёшь – найди Люсю.

Осенью в деревне отстроили школу, появился учитель

и собрал детей.

– Сколько тебе лет? – спросил он Толю.

– Девять.

– Учился?

– Я газеты старые читал.

– Сам читал?

– Нет. Сначала с Люсей. Потом сам.

– А ещё чему тебя Люся научила?

– Таблице умножения.

– Ну-ка, сколько будет семь помножить на шесть?

– Сорок два.

– А складывать ты умеешь?

– И складывать, и отнимать. А ещё делить.

– А ещё что умеешь?

– Грибы собирать, ягоды, рыбу ловить, из рогатки стрелять.

Учитель одобрительно посмотрел на Толю и определил его прямо во второй класс.

Жизнь в деревне налаживалась. Где-то под Ленинградом шли бои, а здесь, в лесу, не было ни немцев, ни красноармейцев. Возникали проблемы с одеждой. Штаны в дырах, ботинки просят каши, подмётки отваливались, и их приходилось подвязывать верёвками. Дед нашёл где-то в лесу шкуру коровы. Промочил, просушил её и стал делать так называемые «порины». Согнул пополам лоскут шкуры, зашил спереди и сзади. Получилась лодочка. Надевай и ходи.

Фёдор из льна делал паклю, из пакли – верёвку. Наматывал эту верёвку на деревянную колодку и связывал. Получались тёплые лапти, изготовленные из пакли. Однажды Фёдор ушёл в лес и через пару дней пришёл, неся на себе связку валенок с разрезами сзади.

– Дядя Федя, это чьи валенки? – спросил Толя.

– Теперь мои.

– А были чьи?

– Солдатские были, Толя. Этих солдат по лесу много лежит. Надо было их похоронить. Ну, а валенки – чего их хоронить?! Пригодятся.

Валенки были большого размера. Дядя Фёдор делал из них детские. Устанавливал валенок на бревно.

– Анатолий, подержи.

Толя держал валенок, чтобы не упал, а дядя Фёдор размахивался единственной рукой, вооружённой топором, и… хрясь! Носовая часть валенка отвалилась.

– Тащи деду. Пусть зашивает носопыру. Будут тебе валенки по размеру.

Неугомонный дядя Фёдор постоянно что-то делал. Ловил рыбу в озере Соседно, раков, собирал ягоды, грибы. Для ловли рыбы он смастерил непотопляемую лодку. Срубил сосну, в толстом бревне выдолбил место для пассажиров. Чтобы лодка не переворачивалась, по бокам укрепил вдоль бортов два бревна потоньше.

– Теперь её силой не перевернёшь, – хвалился он Толе. – Сбегай за удочками, и поехали.

– И я, и я хоцу лыбу удить, – увязалась за Толей Мира.

– Вырастешь, как я, будешь удить. А сейчас – только есть. Маленькая ещё. И не хнычь. Иди деду помогай грибы разбирать.

Весло Фёдор сработал хорошее – из свежей доски. А вот управляться этим веслом одной рукой было неудобно.

– Дядя Федя, давай я погребу.

– Держи. Только весло не потеряй, а то ушами грести придётся.

– Дядя Федя, а давай на этот корабль парус поставим. А сзади руль… А ещё трубу и гудок.

– Ага, ехать и дудеть. Разбегайтесь, рыбьи стаи, – матрос Толя вас ловить едет.

– Ладно, согласен. Дудеть не будем. А плавать будем. Ты будешь капитаном, а я рулевым.

– Ты, Толя, в будущем моряком стать хочешь?

Толя задумался, а потом сказал:

– Нет. Я профессором буду.

Ещё через год немцев погнали туда, откуда они пришли, и дед всерьёз задумался о судьбе Толи и Миры. Годы брали своё. Написал письма родным, чтобы забирали детей.

Из Ленинграда откликнулась тётя Надя, сестра отца. Она одна среди родных пережила блокаду. Её муж Евлам-

пий погиб, защищая Ленинград. Остальные поумирали от голода и болезней.

Из Рязани откликнулась мамина сестра тётя Клава.

«Одного возьму, того, кто постарше. Помощником будет. Двоих не потяну, – писала она. – Привози. Самой ехать тяжело».

Дед почесал лысину и приказал собираться. Проблем с отъездом было много, и главная из них – деньги. Что такое деньги, дед уже забыл. Нет денег – нет билетов, нет питания.

Собрав кое-что в узелок, махнул рукой и решился: «Поехали».

Маршрут: Новоселье – Ленинград – Москва – Рязань.

До станции Новоселье добирались сутки: где пешком, где на попутных телегах. Миру часто приходилось нести. За три с половиной года своей короткой пока жизни Мира набрала вес, и Толя, как ни старался помочь деду нести Миру, сделать этого не мог. Приходилось кряхтеть деду. До Ленинграда ехали зайцами.

В Ленинграде Толя поразился происшедшим за время блокады переменам. Город стал полупустым и каким-то унылым.

Встретившая их тётя Надя была совсем не похожа на ту, весёлую, полную тётю Надю, которую помнил Толя. Она страшно похудела, волосы стали седыми, под глазами чёрные круги, глаза впалые, но в них светилась прежняя радость жизни. Она обняла Миру и заплакала. Теперь у неё появилась цель жизни – вырастить этот маленький цветочек в большой бутон и выпустить его в полнокровную счастливую жизнь.

Комната, в которой когда-то жили две семьи из семи человек, была совершенно пуста, если не считать одной катастрофически постаревшей женщины. Всё, что можно было сжечь в буржуйке, было сожжено. В углу на двух кирпичах лежала электрическая плитка, на которой закипал чайник.

– Чайник есть – жить можно, – сказал дед и устроил праздник из того, что было заготовлено у него в узелке.

Дальше путь лежал в Москву.

На вокзале дед пристроился к отряду солдат. Вместе с ними разместились в плацкартном вагоне. Пара прибауток, и молодые солдаты закинули Толю на третью полку и заложили ранцами. Когда поутихло, его снова достали с полки и стали угощать всем тем, что было в солдатских пайках.

Принцип перемещения был проверен и далее совершенствовался в поезде, везущем деда с внуком в Рязань.

Тётя Клава оказалась очень приветливой женщиной. Сначала расцеловала Толю, потом прослезилась по поводу кончины своей сестры Анастасии и, наконец, накормила деда и Толю мясным борщом и блинами с мёдом.

Жизнь налаживалась.

Дед уехал к себе в деревню, а Толя пошёл в школу, теперь уже в третий класс.

Однажды учитель по русскому языку дал задание ученикам написать сочинение о войне под названием: «Что я знаю о Великой Отечественной войне».

Толя не стал излагать пройденный в школе материал. Он написал о том, как они с Мирой прятались от немцев в сугробе снега, а потом с мамой скитались по лесам в районе Пскова. Учительница зачитала это сочинение ученикам и похвалила Толю. Похвалили его и товарищи по классу.

– Здорово сочинил, – заявил один, – писателем будешь.

– Пушкиным, – добавил другой.

– Нет, не Пушкиным, – поправил первый, – Львом Толстым.

– Перестаньте шутить,– вступил в разговор третий,– на эти темы не шутят. У меня в Ленинграде все родные с голоду умерли. Один я остался. Меня по Дороге жизни вывезли. Сейчас у бабушки живу. Так что молодец, что выжил, и что написал – тоже молодец.

– Интересно, – сказал первый, – а ты можешь о Дороге жизни написать?

– Напишу, – ответил третий, – если это вам интересно.

Когда я написал рассказ о лесных странствиях семьи Ивановых, я позвонил Анатолию и между прочим сказал:

– А знаешь, что теорема Ферма с формулировкой: сум-

ма двух целых чисел, каждое в степени *n* (для любого натурального числа *n* больше двух) не может быть равна целому числу в той же степени, давным-давно доказана?

– Кхы… – сказал Анатолий. – Когда доказана?

– В 1994 году. Неким Эндрю Джоном Уилсоном. Он уже и премию получил.

– Ты чего, хочешь лишить меня главного удовольствия? Не выйдет.

– Это почему?

– Потому что решение было найдено с использованием сверхсовременной математической теории – теории эллиптических кривых, которой в семнадцатом веке и в помине не было. А Ферма в те времена доказал эту теорему простейшим способом. Так что не всё ещё потеряно.

– Значит, поиск продолжается?

– Конечно. До тебя, Паша, великие мира сего из трёх десятков букв нашего алфавита создали великие шедевры: «Евгений Онегин», «Война и мир», «Тихий Дон» и многое-многое другое. А ты всё ещё находишь удовлетворение в перестановке этих букв для отображения своего мироощущения. А правда увлекательно?

– Правда, – ответил я. – Кстати, какова судьба Люси?

– Война кончилась, она и вернулась.

– И где она теперь?

– Теперь её уже нет. Её унесло время.

Александр ЦИРУЛЬНИКОВ

ДОРОГА ДЛЯ ГРОМЫКО

Летом 1985 года, в первый перестроечный год генсека Михаила Горбачева, Андрей Андреевич Громыко был избран Председателем Президиума Верхового Совета СССР, то есть стал номинально Президентом страны. И тут выяснилось, что за многие годы работы в Министерстве иностранных дел, новый глава государства этого государства совсем не знает, нигде внутри страны давно не бывал, а если куда-то и наезжал, то давно забыл, куда и когда это было.

Было принято решение совершить поездку из Москвы на периферию, для начала недалеко – в Горьковскую область. Дату назначили на осень и начали готовить визит. Поинтересовались у самого Андрея Андреевича, что бы он хотел повидать. И очень удивились, когда он назвал колхоз «Красный маяк» Городецкого района. Оказалось, не далее как вчера о полевых работах в этом хозяйстве рассказала телевизионная программа «Время». Так как это был мой репортаж, то помню, что речь шла о том, что надо строить твердые и надежные дороги к полям и от полей, чтобы во время доставки семян для сева и нового зерна или овощей с мест уборки в хранилища, не терять десятки тонн продукции при тряске на колдобинах и ухабах. Об этом говорил председатель колхоза Иван Порфирьевич Железов.

Между прочим, к тому времени в «Красном маяке» уже были построены асфальтовые дороги от центра села ко

всем животноводческим фермам, чтобы, по словам председателя, «доярки могли ходить на работу в лодочках»…

Короче, этот колхоз под Городцом оказался в утвержденном плане визита наряду с посещением сборочных цехов автозавода и поездкой на одно из оборонных предприятий. Руководство области решило использовать приезд столь высокого лица для ускорения строительства атомной станции теплоснабжения на окраине города Горького. Тут была разработана и предложена особая программа, которая была утверждена в Москве.

Забегая вперед скажу, что благодаря содействию Громыко были глубокой осенью снова открыты уже задраенные на зиму шлюзы волжского каскада, лед на реке был разбит мощными ледоколами и по зимней воде из Атоммаша под Ростовом был доставлен в Горький собранный на этом заводе атомный реактор. Его в автозаводском порту на Оке перегрузили с сухогруза на спецавтомобили для доставки групногабаритных грузов «Ураганы», по ходу их движения выровняли дороги, поснимали трамвайные и троллейбусные провода и плавно, не спеша повезли к месту строительства станции на бывших полях совхоза «Ждановский» Кстовского района. За этим событием наблюдал весь город.

Признаюсь, что у меня настроение было испорчено телефонным звонком из Ростова моего друга и коллеги Николая Чеботарева – собкора программы «Время» на Дону:

– Саша, – говорил он мне, – зачем вы поспешили взять этот реактор, он же еще совсем сырой. Атоммашевцы специально затянули с его отправкой, чтобы за зиму его довести до кондиции и весной передать вам. А твое областное начальство подключило к этому делу Громыко, он проявил власть, и теперь реактор надо будет готовить к работе на самой станции. На это уйдет уйма времени, потому что сейчас он не работоспособен!

Я на следующий день пришел с этим известием к Александру Александровичу Соколову, он мрачно выслушал меня и развел руками:

– Мы все понимали, что в Азове мухлюют, что они завалили план сдачи и хотят спрятаться за зимние обстоятельства, но не было никаких гарантий, что они весной нам его отдадут и не сдвинут это дело на годы! А твоему коллеге и тебе спасибо за информацию, будем бдительными…

Реактор так и не был отлажен и подготовлен к работе. А потом в городе началось движение против пуска АСТ. На этом сделали карьеру многие засветившиеся в то время случайные люди, ставшие потом громкими политиками и депутатами. Это совпало со сломом советской властной системы, роспуском КПСС и гибелью СССР.

Помню, я спрашивал тогда начинавшего свой взлет Бориса Немцова, что это – подлинное беспокойство о благополучии горьковчан или спекуляция на страхе возможного местного Чернобыля? От академика Федора Михайловича Митенкова я знал, что в реакторе задействованы несколько уровней нагревателей, когда один контур из труб с водой нагревает последующий, а тот последующий, и только самый последний, лишенный даже следов радиации, транслирует горячую воду в систему теплоснабжения.

Немцов отвечал, что считает опасной саму систему доставки тепла по старым, изношенным за многие годы коммуникациям. Не дай бог авария на реакторе или прорыв на трубах, и, несмотря на разные контуры, в дома придет беда… К сожалению, катастрофы на водоводах и тепломагистралях – обычное дело…

Здание атомной станция теплоснабжения вот уже больше трех десятилетий сиротливо белеет среди пригородных полей. Глубоко в земле закопан, а по сути, захоронен в бетоне тот самый реактор, который был с таким техническим размахом доставлен в город Горький. Какое-то время над ним, в здании станции, изготовлялась и хранилась совсем другая энергетическая продукция – водка… Так завершилась эта непридуманная история.

Но тогда, летом 1985 года, была актуальной и другая.

На одном из организационных заседаний члены бюро обкома КПСС озаботились вопросом, как доставить Громыко в Городецкий район, в колхоз «Красный маяк».

Тогда из Горького туда вела одна автомобильная дорога – через Балахну, Заволжье, плотину Горьковской ГЭС. Далеко, да и сама трасса тяжелая, требовавшая серьезного ремонта и обновления. Кто-то высказал мысль, что

дешевле, легче и, в итоге, полезнее будет проложить новую дорогу с асфальтовым покрытием от Кантаурова до Городца, сделав ответвление влево от автотрассы из Горького на Семенов и Киров.

Через несколько дней мне позвонили из программы «Время»:

– У тебя в области строится новое шоссе от какого-то Кантаурова до Городца, – говорил мне дежурный редактор по связям с регионами Константин Грудкин, – тебе нужно поехать туда и показать, как там ведутся работы. Здесь, на самом верху, этим очень интересуются. Догадываешься, кто?

– Догадываюсь, – ответил я.

Вообще, работы велись споро и добротно. В течение лета я несколько раз приезжал туда на съемки, перегонял репортажи по радиорелейке в Останкино, и программа «Время», простите за тавтологию, находила время, чтобы показывать ход строительства провинциальной трассы внутрирайонного значения. Это вызывало удивление у моих коллег-собкоров из других областей: «Что там у тебя за секретная стратегическая стройка?» – спрашивали они меня по телефону. Я не имел права что-то объяснять и загадочно помалкивал. Хотя понимал, что все съемки ведутся для одного важного телезрителя в столице.

Потом, когда в ноябре он наконец приехал в Горький, стало ясно, что не столько для него, сколько для нее – его супруги Лидии Андреевны. Она сама мне сказала, что знает теперь меня по этим репортажам и после каждого показа рассказывала Андрею Андреевичу о том, что видела. Ему самому было некогда постоянно смотреть программу «Время».

Когда строители довели трассу до колхоза «Красный маяк», их там встретили хлебом-солью, духовым оркестром. И это был мой заключительный репортаж об этой выдающейся стройке. То, как шоссе пришло в Городец, моих московских коллег уже не интересовало… Хотя оно до райцентра тихо-мирно тянулось и дотянулось. И, вероятно, его там тоже встречали хлебным караваем и музыкой. И съемками для местного телевидения…

Горьковчане на всех уровнях очень тепло и радушно принимали Андрея Андреевича Громыко, чувствовалось, какое огромное уважение он снискал в народе за долгие годы государственной службы.

Он принял участие в работе сессии областного Совета народных депутатов, посетил новостройки города, ознакомился с перспективными разработками горьковских автомобилестроителей, побывал на одном из оборонных предприятий. Все пребывание в Горьком подробно снималось и каждый день освещалось в программе «Время» и «Новостях» Центрального телевидения. Оставалось съездить на село.

И тут выяснилось, что ветеран мировых политических баталий, заседаний ООН и длительных переговоров с оппонентами устал от встреч и бесед с согражданами, комментариев и обсуждения решений на внутреннем фронте. Встал даже вопрос, встречаться ли вообще с крестьянами, но, учитывая, что бывший секретарь ЦК КПСС по вопросам сельского хозяйства стал теперь Генеральным секретарем ЦК партии, сочли неуместным игнорировать поездку на село. Но внесли коррективы: несмотря на то, что дорога до «Красного маяка» содержалась в ожидании правительственного кортежа, каждый день очищалась от снега и наледи до черного асфальта и в самом колхозе готовы были принять высокого гостя, все-таки решили не везти 76-летнего политика так далеко, а показать ему совхоз «Запрудновский» Кстовского района, по сути, пригородный, знаменитый своим молочным и мясным стадом в пять тысяч голов, кормодобывающей бригадой специалистов во главе с Героем Социалистического Труда Михаилом Ивановичем Гогиным, строящейся на центральной усадьбе улицей из коттеджей для семей работников. Встречу наметили провести в новом совхозном доме культуры.

Нас попросили не досаждать Андрею Андреевичу вопросами для интервью, хотя их нам и раньше предоставлял его помощник, он же, как мы понимали, снабжал нашего уважаемого собеседника ответами на них.

Правда, тут возник неожиданный нюанс. Помощник передал просьбу Громыко сделать интервью с его супругой

Лидией Андреевной, чтоб она поделилась впечатлениями от поездки и встреч с людьми.

Я сказал, что мне надо согласовать это с главной редакцией информации и позвонил куратору корреспондентской сети Олегу Борисовскому.

Вскоре Олег перезвонил мне:

– Руководство передает тебе: спускай эту просьбу на тормозах, это инициатива не Громыко, а его жены. Он слишком опытный царедворец, чтобы о таком просить. Объясни помощнику, если он вернется к этой теме, что у нас уже есть первая леди – Раиса Максимовна и во второй страна не нуждается. Он сам поймет, в какую опасную штуку ввязывается, и найдет мягкое решение… Во всяком случае, если что, ему отсюда подскажут…

Больше эта тема не возникала…

К дому культуры совхоза «Запрудновский» мы с оператором приехали минут за двадцать до официальных лиц, и на крыльце нас встретил первый секретарь Кстовского горкома КПСС Вячеслав Александрович Черепанов. Вид у него был несколько растерянный:

– Скажи, что у него на голове?..

– У кого, у Громыко?.. Серая каракулевая шапка…

– Да, нет – на Христораднове…

Тут только я увидел, что на самом Черепанове серая фетровая шляпа, а за ним с каракулевым «пирожком» в руках стоит инструктор из его орготдела.

Пока мы с оператором вспоминали, что́ на голове у первого секретаря обкома, официальные лица прибыли, и Черепанов отдал своему помощнику серую фетровую шляпу и быстро натянул на себя каракулевый «пирожок», такой же, как у первого лица области.

… Дорогу, которая была проложена для Андрея Андреевича Громыко, он своим присутствием так и не почтил. Но дорога есть, работает и люди охотно по ней ездят из Нижнего Новгорода в Городец, в санаторий «Городецкий», в колхоз «Красный маяк». И вряд ли, кто знает и помнит непридуманную историю про нее, о которой я вам рассказал…

Сергей КРИВОРОТОВ
Астрахань

БЕГИ, СОБАКА, БЕГИ

(Детский опыт метемпсихоза)

Событие предстояло незаурядное, просто из ряда вон. В наш город впервые прибывал глава государства. Тот, кто занял единовременно и единолично должности Первого Секретаря ЦК КПСС и Председателя Совета министров. К тому же, избавившийся недавно от главной угрозы своему правлению, по иронии судьбы и предоставившего ему этот трон – министра обороны, маршала Жукова. Короче, сам Никита Сергеевич Хрущёв, неутомимый борец за мир, пожелал осмотреть здешний рыбный край. Власти восприняли эту весть с испугом и настороженностью, едва ли не с паникой, зато рядовые жители с небывалым энтузиазмом.

Поезд с главой государства прибывал на единственный древний железнодорожный вокзал, построенный в мусульманском стиле. Тротуары на протяжении трёх-четырёх километров пути до обкома партии старательно оградили натянутыми канатами и милиционерами в парадной форме. Толстые верёвки привязали к побеленным по такому случаю стволам растущих вдоль дороги деревьев.

Мне исполнилось тогда… Точно не помню. Но в школу я ещё не ходил. Наша квартира в доме, бывшем полицейской управой во времена царизма, выходила окнами

на центральную улицу, по которой неминуемо должно было проследовать невиданное высокое начальство из Москвы.

Часа за два до предполагаемого времени приезда стали собираться зеваки, и пока их набиралось по двое-трое на каждом участке меж обвязанных канатом соседних деревьев, я несколько раз бегал наружу. Но когда бесконечно прибывавшие зрители образовали сплошную живую стену по обеим сторонам дороги, меня оставили дома и разрешили смотреть только через окно. Впрочем, высокий подоконник позволял хорошо видеть проезжую часть улицы поверх моря людских голов.

Постепенно народу набралось столько, что перед верёвочным ограждением стояли уже пять-шесть рядов. Настроение у всех царило приподнятое. В ожидании зрелища многие оживлённо переговаривались со своими знакомыми и незнакомыми соседями по толпе, смеялись, даже пытались жестикулировать в этакой тесноте. Стоял несмолкаемый гул, вливавшийся в распахнутое окно квартиры. Минуты ожидания растягивались до бесконечности.

Когда многие уже начали видимо изнывать от нетерпения, внезапно издалека, со стороны вокзала донёсся неясный шум, вскоре стали различимы свист, улюлюканье, беспрерывное хлопанье множества ладоней. Неужели так встречают самого важного гостя? Все тянули шеи, стараясь заглянуть за стоящих впереди и не пропустить незабываемого момента. Я последовал их примеру, хотя меня удерживали сзади, чтобы не выпал из окна. Уже все на улице хлопали, смеялись, свистели и кричали что-то несуразное. И эта волна передавалась дальше и дальше. Я тянулся изо всех сил, но пока ещё ничего не происходило. И когда гвалт и свист достигли, казалось, своего предела, я увидел.

Почти ровно по центру свободной полосы дороги, что есть мочи неслась вперёд небольшая испуганная собачонка.

Как она оказалась там, случайно ли? Может быть, кто-то зло пошутил и нарочно выбросил её за ограждение?

Свалявшаяся, далеко не белая шерсть с коричневыми подпалинами, уши плотно прижаты, хвост жалко подогнут – дворняжка бежала, почти пластаясь по самой поверхности мостовой. Видно было, что силы её на исходе, при малейшей попытке свернуть к тротуару, свист и улюлюканье усиливались, вновь возвращая её на середину улицы. Развеселившиеся люди сбились в плотную стенку и на нашей стороне, и напротив, у собаки не имелось ни малейшего шанса проскочить меж их ног.

Поравнявшись с нашим окном, она сделала новую попытку свернуть к тротуару, и снова моментально усилившийся смех, свист и крики вернули её на среднюю линию. Затравленная псина ничего не видела, кроме нескончаемой живой стены без малейшей лазейки, изрыгающей жуткие страшные звуки, ей ничего не оставалось, как бежать дальше из последних сил.

Конечно, бедная дворняжка никак не могла увидеть меня, даже если бы подняла на бегу низко опущенную морду с далеко высунутым книзу языком. Но внезапно я как бы оказался на её месте, с удивительной ясностью ощутил животный испуг перед враждебными шпалерами двуногих. Свист, хлопки, как выстрелы, улюлюканье усилились в разы, причиняя физическую боль. Лапы сами несли вперёд, нарастающий ужас и отчаянье не оставили места ни малейшему проблеску соображения...

Всего лишь миг – и я снова осознал себя стоящим на подоконнике, придерживаемым сзади заботливыми руками близких. Несчастная собака находилась уже далеко, продолжая свой безысходный бег.

Как такое могло произойти? Я запомнил этот момент на всю жизнь. Даже сейчас, давно став взрослым, иногда я вновь ощущаю себя до смерти напуганной собачонкой, бегущей вдоль враждебной людской массы, а где-то позади за мной несётся бездушная и безжалостная машина хозяев жизни.

Вскоре в закрытом чёрном ЗИМе пронёсся, блестя безволосым черепом, дорогой гость. Сидя рядом с водителем, он вяло помахивал из окна лёгкой летней шляпой. Сзади не отставали машины сопровождения. И, хотя за резво

мчащимся кортежем катилась несмолкаемая овация восторженных жителей, никто на этот раз уже не свистел и не улюлюкал.

Иной раз я думаю, а чтобы я мог предпринять, окажись тогда на самом деле в шкуре несчастной собачонки: так и продолжал бы одурело бежать по прямой под пронзительный свист и улюлюканье в тщетной надежде найти хоть какую лазейку, пока не сдох бы в конце концов, или же бросился на живую стену в попытке пробиться прочь? И так и не могу найти ответа.

Детские странички

Алина РЕЙНАР
Королёв, Московская область

НОВОГОДНИЙ БИЛЕТИК

Маленький Вова бойко топал во Дворец культуры, проговаривая про себя: «Сначала хоровод вокруг ёлки, конкурсы с Дедом Морозом и Снегурочкой, потом постановка на сцене, а после самое главное».

Дыхание перехватывало при мысли о сладком подарке.

Но не «Мишки на Севере» и не «Белочка», которые лежали внутри, вызывали трепетный восторг. Там было ещё кое-что. В советских пятидесятых сезонные мандарины не валялись на прилавках. Появлялись только в декабре и мигом сметались. Многие не успевали купить на стол ароматный символ Нового года. Вот и родители Вовы работали без выходных с утра до вечера и обычно не попадали в число везунчиков.

Потому Вова с замиранием сердца представлял, как открывает картонную коробку и видит в ней оранжевую кожурку в пупырышках, достаёт кисленький фрукт из россыпи приторных леденцов и делится им и бесконечной радостью с большой семьёй: угощает долькой маму, папу, старших сестру и брата, и уже остальное довольно уминает за обе щеки.

Отдавая добро, Вова чувствовал себя счастливым. Он хоть и был младшеньким, но эгоизмом не отличался.

Вова рос послушным, отзывчивым и самостоятельным ребёнком. В свои шесть лет он не испугался присутствовать на новогоднем празднике без присмотра взрослых. Сестра только подвела братишку к зданию, подсказала, как выглядит гардеробная, куда придётся сдать верхнюю одежду, и удалилась на полтора часа по своим делам, а мама, отправляя сыночка на мероприятие, передала яркий билетик с перфорацией по бокам. На отрывных сторонах красовались завитые надписи: «Контроль» и заветный «Подарок». Первую часть должна была забрать тётя на входе, а вторую – другая тётя в окошке домика, стоящего в холле, чтобы вручить долгожданный набор из конфет и печенья…

Поднявшись по парадной лестнице, Вова примкнул к толпе, которая просачивалась в стеклянные двери. За ними суровая женщина в очках казалась стражником у ворот в сказку. Вова протянул ей билетик, она небрежно оборвала левый край, сунув Вове то, что осталось, и велела проходить. Вова скорее посеменил в громадный светлый зал с высоченным потолком.

Он остановился посередине, впечатлённый. Повсюду сновали люди, люди, люди... Очутившись в страшном скоплении народа, Вова крутил головой и не знал, куда двигаться. Вспомнив, что нужно раздеться, он нашёл деревянную стойку с вешалками за ней, скинул ворсистое пальтецо и шапку, в обмен получил номерок.

В другом конце зала у нарядной ёлки собирались дети. Вова поторопился присоединиться к ним и тут увидел маленькую избушку из картона.

– По-да-рок, – по слогам прочитал он вывеску.

«Тот самый домик в холле, про который говорила мама!»

Но окошко было ещё закрыто. Вова помнил, что новогодние сладости раздадут только после спектакля.

Вздохнув, он пошагал к ребятне. Вова успел втиснуться в кольцо из юных зрителей. Чтобы не загораживать собой обзор, мальчики и девочки постарше и повыше пропустили малышей вперёд.

Суета, наконец, прекратилась, заиграла музыка. В центре круга появилась ведущая. Она рассказывала увлекательную историю про далёкий Север, неведомые чудеса… Неожиданно свет погас, послышался звук лихих саней, снежная вьюга ворвалась в окно незваной гостьей и принесла со стремительным вихрем Дедушку Мороза и его внучку Снегурочку.

Дети захлопали в ладоши, все вместе трижды прокричали: «Ёлочка, гори!» – и разноцветные огоньки зажглись на лесной красавице.

Общее веселье продолжили конкурсы. Победители получали ценные призы: игрушки и книжки из волшебного мешка Деда Мороза. Когда ведущая объявила финальное состязание – на выносливость, Вова тоже вызвался поучаствовать. Требовалось за минуту присесть как можно больше раз. Очень просто.

По команде: «На старт, внимание, марш!» яростные соперники приступили к упражнению. Когда прозвучало слово: «Стоп», Вова чуть не упал, ноги подкосились от напряжения. К сожалению, в ожесточённой борьбе верх одержал не он.

Поражение, конечно, расстроило. Утешительный приз – крохотная шоколадка – не повысил настроение.

«Но меня ведь ждёт подарок!» – приободрился Вова. Проигрыш мигом забылся. Прежний задор вроде бы вернулся…

Тем временем детей пригласили в актовый зал, чтобы показать новогоднюю сказку.

Вова влился в поток. Смотреть представление приходилось с пятого ряда, места поближе заняли. Театрализованное действо началось. По сцене прыгал серый зайчишка, подметала пол пушистым хвостом рыжая лисица... Но Вова не вникал в суть. Он думал и думал о подарке, уже с некой тревогой. Он вдруг стал бояться, а что если подарков не хватит и он уйдёт домой ни с чем. И не будет праздника! Не будет детского счастья! Его детского счастья! Беспокойные мысли не отпускали. Вова сидел как на иголках.

Когда спектакль закончился, он поскакал к выходу среди первых.

Он выбежал в холл и понёсся к избушке. Около неё вы-

строились друг за другом несколько ребят. Вова встал за ними. Позади образовалась длинная вереница.

Из окошка домика милая женщина передавала каждому ребёнку фигурную коробочку с ручкой. Кто-то тут же раскрывал её и пробовал вкусности.

Очередь Вовы подошла быстро. Он полез в карман брючек за билетом, но там оказалось пусто. Вова пихнул руку во второй карман. Пальцы проскользнули по гладкой ткани, не нащупав ничего, кроме носового платка. Вова достал его и потряс. Очевидно, билетик застрял где-то в складках материи, но нет!..

Вова запаниковал. Женщина в окошке вежливо попросила не задерживать других и отойти пока в сторонку.

Вова не понимал, что происходит. Куда делся билетик? Неужели он потерял его? Но как он мог его потерять?! И где теперь искать?!

«Надо посмотреть в шубке. Наверняка, положил туда второпях. Точно!»

Вова ринулся в гардероб, отдал номерок, с нервной дрожью взял зимнее пальтишко и принялся шарить по карманам, выворачивая подкладку наружу. Он проверял еще и еще, и еще… Тщетно. Билет пропал.

Навернулись слёзы. Вова крепился, чтобы не разреветься. (Даже в отчаянной ситуации он не должен проявлять слабость). Перед ним мельтешили сияющие дети в обнимку с подарками. Они будто нарочно смеялись над его бедой.

Вова сел на корточки, закрыв лицо ладошками. Он не плакал, хотя сдерживаться удавалось с трудом, он соображал, где мог обронить билетик.

Уныние выбивало из колеи. Не позволяя себе раскисать, Вова побрёл к ёлке, у которой зачем-то приседал как одержимый. Там-то, похоже, билет и выпал из штанишек.

Вова воспроизвёл в памяти, где стоял, куда перемещался, осмотрел все углы, даже под ёлку заглянул. Он натыкался на мишуру, пакеты, обёртки из-под конфет, но настойчиво продолжал поиски. Недалеко от входа в актовый зал он заприметил скомканную бумажку с отблеском. Вова метнулся к ней, поднял, с благоговением развернул и выпустил из рук разочарованно. Опять фантик…

Вова не сдавался, прочесал весь дворец культуры, но увы…

Помещение потихоньку пустело. Ненароком Вова бросил взгляд на ту самую избушку. Последний счастливчик уносил с собой подарок и кинул уже ненужный билет в урну-коробку рядом.

«Глупо, но быть может...»

Вова подошёл к вороху порванных картонок, высматривая среди них наполовину целую. Рыться в мусоре ему было неудобно, правда, на это и внимания никто не обращал. Вова слегка поворошил кучку. Промелькнули буквы «П» и «О». Явно показалось… Вова уже не надеялся на удачу, которая предательски отвернулась от него сегодня. Он потянул за краешек и своим глазам не поверил. На чуть помятом, но совсем новеньком билете ему так невероятно улыбалась надпись: «Подарок».

* * *

На улице лютовала метель. Снежные хлопья падали с неба, выстилая дорогу хрустящим ковром. Морозный ветер хлестал по щекам, но душа пела от эйфории. Вова вприпрыжку бежал домой, прижимая к себе дорогую для него коробочку, с новогодним мандаринчиком внутри!

Ирина ЧЕРКАСОВА

ГЕРОИ ПРИЗРАЧНОГО МИРА

Татьяна Ивановна, листая страницы журнала, вспоминала своих учеников. Лариска мечтает стать королевой. Наверное, она дома снимает занавески, скатерти и в обрамлении красивых шелковых драпировок садится на стул напротив зеркала. А дальше что происходит? Учительница пробовала представить. В ее воображении девушка произносит реплики воображаемого диалога со свитой, делая выразительные указующие жесты и широко открывая глаза. Сюжеты разыгрываемых ею сцен она, скорее всего, черпает из общения с одноклассниками. Диалоги по поводу школьных заданий и просьбы нерадивых одноклассников о ластиках и карандашах преображались сначала в предложения дружбы и назначение встреч, потом разворачивались драмами любви и ревности, поединками соперников, томительными ожиданиями признаний и подношений. По-видимому, Лариса действительно преуспела в разыгрывании главных ролей подобных сюжетов, и одноклассники незамедлительно отреагировали на это и прозвали ее Королевой. Теперь она часто оказывалась в центре внимания, особенно в компаниях мальчиков, и всегда могла поддержать разговор с ними. Еще она много читала, изучая во всех подробностях истории человеческих отношений. Формулы человеческой жизни, почерпнутые из назидательных концовок романов, из книг по психологии теперь переполняли ее. Она с готовностью анализировала поступки людей, вставляла их в эти формулы и получала ответ, которым делилась с одноклассниками: «Карнеги говорит, что можно добиться всего, нужно только расположить к себе людей», «Музыка приносит отдохновение». Одним словом, терпенье и труд все перетрут. Родители поддерживали ее интерес к книгам, давали деньги на них, радуясь, что девочка занята делом. На основании заученных формул она быстро поняла, что есть девочки и мальчики, с которыми что-то не так, а таких по ее меркам оказалось большинство, и окончательно смирилась с ролью королевы. Одноклассники обсуждали фильмы, сочиняли синтетическую музыку, ходили на дискотеку, болтали по телефону, обсуждая решения задачек. Королева играла жизнь на сцене собственного театра. Ирония окружающих по ее поводу, обсуждения за спиной – все ею списывалось на царственное положение, на исключительность. Общения со сверстниками всегда хватало, даже начало утомлять постоянное мельканье ухажеров.

А Ванечка хорошо играет в шахматы, он очень похож на героя рассказа Набокова. Как печально думать об этом сходстве. Константин любит делать все своими руками, они у него «очумелые», постоянно что-то мастерит.

Ах, Мария, опять она была сегодня с разбитым лицом. Это Жанна д'Арк.

Эти дети сегодня привлекли ее внимание, и она думала, как изменить ситуацию – им явно было не до школьных занятий, учителя приходили жаловаться. Кого-то уже предлагали исключить из школы, несмотря на то, что это был выпускной класс, так велико было раздражение взрослых. Теория педагогики, Макарено, Амоношвили, развивающие игры. Она перебирала в уме книги, которые постоянно читала. Нет, все не то, ответов в них не было. После школы учительница как обычно зашла в магазин и увидела на витрине большие желто-зеленые фрукты. «Помело» – прочитала она на ценнике. Как большие мячи они красовались на витрине, так что казалось, что это магазин игрушек. Игрушки – это то, что нужно. Фрукт был приобретен.

На следующий день, когда ее касс пришел к ней на урок, Татьяны Ивановны не было. На столе желтел замор-

ский фрукт. Все подходили и трогали его, нюхали, кто-то даже пытался укусить – остался след от зубов. «Классно! Вкусный, наверно». Королева холодно сказала: «Это помело, чему тут удивляться. Я читала о нем в энциклопедии. Обычное цитрусовое растение, как апельсин». Константин примерялся, как бы сделать из его шкурки голову со страшным раскрытым ртом – размер уж очень подходящий, или вазу с извилистым резным узором. Маша взвесила на руке и направила фрукт в броске на класс, готовая кинуть его через все помещение – девчонки завизжали. Даже Иван оторвал голову от своих шахмат. Внимание всего класса было сосредоточено на фрукте. В этот момент и вошла в класс учительница. Ее не за метили среди всеобщего оживления. Обсуждался вкус плода, его внутреннее содержимое, причины его появления, предстоящий праздник. Учительница радовалась – класс вдруг объединился и зажил какой-то одной жизнью интересной всем, дети стали интересны друг другу: спорили, соглашались, вновь спорили, рассуждали.

Когда она покупала фрукт для класса, то еще не знала, зачем ей это нужно. Может быть, просто хотелось что-то сделать для всех? А может быть, о чем-то подобном она прочитала в книгах? Непонятно.

Никто даже не удивился, когда, подойдя к ребятам, она вставила свою реплику, как будто уже давно участвовала в общем обсуждении, и оживленный разговор продолжился. Когда было выяснено, что фрукт подарен всему классу, оживление возросло. Плод перекочевал за пределы учительского стола. Что тут началось! Пришлось напомнить, что в школе начались уроки. Класс затих. Учительница просила принять подарок и в течении десяти минут решить как он будет использован. Бурные обсуждения ни к чему не привели. Через десять минут плод остался лежать на одной из парт, начался урок. Класс изучал «Мертвые души Гоголя». Учительница уверенно и радостно без прежнего отчаяния приступила к работе, хотя знала, что Гоголя дети не любят и обсуждения никогда не получалось. Но сегодня....

Галина СТРЕЛКОВА

ПРИТЧИ

Имя

Семь духов собрались вокруг одного светильника, на котором было написано имя. Наслаждаясь нежным, мягким светом, каждый дух читал это имя по-своему.

Один сказал:

– Это благодать.

Второй сказал:

– Это мудрость.

Третий сказал:

– Это терпение.

Четвертый сказал:

– Это любовь.

Пятый сказал:

– Это добро.

Шестой сказал:

– Это искренность.

Седьмой слегка подул на светильник, едва не загасив его и сказал:

– Это живая истина, и она беззащитна перед глупостью.

Суд над судьей

Судил Бог судью:

– Знаешь ли, что судить буду тебя по законам Моим: «Не суди, не судим будешь», «Каким судом судите, таким и вас судить будут»?

Судья отвечает:

– Я судил людей по закону их и по делам их.

Господь говорит Ангелам:

– Принесите судье два сосуда.

Принесли два сосуда и поставили перед судьёй. Господь говорит судье:

– В одном из сосудов солоно, а в другом сладко. Как

узнать, в котором сосуде, что намешано?

Судья отвечает:

– Попробовать надо.

Господь говорит Ангелам:

– Принесите ещё два сосуда.

Ангелы принесли. Господь спрашивает судью:

– В одном из сосудов яд. Как узнать, в котором он сосуде?

Судья подумал: «Пробовать нельзя…». Но, увидев в судилище грешников, ответил:

– Господи, пусть грешники попробуют.

– Вот, ты первый и пробуй, – ответил Бог.

Кто отворяет дверь?

Один человек пришёл к Учителю ночью и спросил:

– Я знаю, что ты Учитель и учишь Истине. Я – вор и разбойник. Видишь, я не избегаю Истины, но она избегает меня. Ответь, почему Бог не стукнет меня по голове, когда я иду делать свои дела и делаю?

Учитель ответил:

– Он стучит тебе, только ты ему не отворяешь. Он – Бог, а ты – раб. Так кто кому должен дверь отворять?

Картинка в сундуке

Однажды Сенькина бабушка открыла свой сундук, и Сенька увидел на обратной стороне крышки приклеенную картинку. На ней была нарисована девушка, с правой стороны которой стоял белый светлый ангел, а с левой – чёрный ангел, с рогами. Сенька внимательно рассмотрел картинку и спросил бабушку:

– А куда они её ведут?

– Никуда не ведут. Просто у каждого человека такие ангелы есть: и у матери твоей, и у отца, и у меня, и у тебя.

– А почему я их не вижу? – с интересом спросил Сенька.

– Люди их не видят, только слышат, – начала рассказывать бабушка. – Когда я была такая же маленькая, как ты, подошла я к колодцу, заглянула в него. А колодец глубокий. И захотелось мне плюнуть. Так вот, чёрный ангел говорит: «Плюнь», – и бабушка ткнула в него своим пальцем, – а белый говорит: «Нельзя».

Сенька немного подумал, а потом спросил:

– А ты плюнула?

Бабушка, перекладывая бельё в сундуке, ответила:

– Да я уж не помню.

Сенька насупился, потому что бабушкин ответ его не устроил.

Поздним вечером бабушка стояла перед иконами в углу и шёпотом молилась, а Сенька лежал на печи и смотрел, как она молится. Вдруг бабушка совершенно отчётливо произнесла:

– Господи, прости меня грешную, – и перекрестилась.

Сенька даже голову приподнял с подушки, подумал: «Значит точно – плюнула. Вот теперь и молит Боженьку, простить её».

Прикрыть нищету

Однажды один нищий попал на ярмарку. Медленно ходил он между лотков с товарами, ничего не покупая с них.

Вдруг глазам его предстала вывеска: «Сумы для подаяний». Подошёл он к такому товару, с интересом разглядывая его. Были здесь различные сумы по качеству и размеру: суконные и кожаные, накладные и раскладные, с замочками и потайными карманами, в руку и наперевес, броские и невзрачные – на любой вкус. Из-за занавеси вышел продавец, глаза его светились весёлым огоньком:

– Ну что, дядя, будешь суму покупать?

Нищий, недоумённо глядя на товар, медленно проговорил:

– Да ни к чему мне сума новая…

– Ну как же? Вот купишь ты, к примеру, такую суму, – продавец показал суму крокодиловой кожи с замочками, – и будут на тебя уже по-другому смотреть, не как на простого нищего, а как на богатого.

– Весёлый ты парень, – сказал нищий. – И что же, покупатели находятся на твой товар?

– Кому надо нищету свою прикрыть, покупают. Ну, будешь покупать?

– Нет, мне моей холщовой сумы хватит, в неё больше подадут.

И ушёл нищий с ярмарки со своей старой сумой, унося в ней большое изумление.

Старость – не черта характера

В сквере на скамейке сидел старичок и отдыхал. Через некоторое время на эту же скамейку сели два молодых парня. Они не обращали внимания на рядом сидящего старика и продолжали разговаривать о своём.

– Молодые люди, не хочу мешать вашей беседе… – вежливо обратился к ним старик.

– Ну так и не мешай, – прервал его один из молодых людей.

– Не уважаете вы стариков…

– А за что вас уважать-то? Ты бы, дед, шёл отсюда, а то не продохнуть!

Старик немедля приподнялся, облокотясь на свою палку, и ответил:

– Я уж и правда скоро уйду. А вот вам, молодые люди, хочу пожелать долголетия…

Галина Зеленкина
Кодинск, Красноярский край

Кораблик

Из листка тетрадки школьной
я рождён для жизни вольной.
Не смотри, что я бумажный,—
я весёлый и отважный.

По ручьям плыву и лужам,
чуть промок, слегка простужен.
Вслед за мной бегут мальчишки,
за спиною в ранцах – книжки.

Детский смех и птичьи трели,
звон ручья и стук капели –
всё смешалось. И я даже
у весны на абордаже

с ветерком в лапту играю:
то всплываю, то ныряю.
Пусть кораблик я бумажный,
но не зря зовусь «Отважный».

О дружбе

Жил да был в кирпичном доме
Рыжий кот по кличке Томми.
А в соседней с ним квартире
Жил бульдог по кличке Вилли.

Вилли с Томми не дружили,
Как собака с кошкой жили.
Потому гуляет Томми
Не в саду, а на балконе.

А в саду гуляет Вилли
Из квартиры сто четыре.
Томми с грустью наблюдает,
Как бульдог с мячом играет.

Разве это справедливо?
Некрасиво, неучтиво
По соседству в доме жить
И с соседом не дружить.

Павел ТИМОФЕЕВ

Вологда

Верховая прогулка

Кто-то едет на коне,
Кто-то даже на слоне
По всему по белу свету.
Ну а я на папе еду!

– Дядя, дотянись до неба!
Что, не можешь? Я – легко!
Правда, тоже не до неба,
До берёзовых листков!

Я на папе. Я всех выше.
Папа добрый. Так уж вышло.

Только есть один секретик.
Я могу его раскрыть:
Чтобы мне на папе ездить,
Нужно папу не сердить!

Русский смех

Евгений ОБУХОВ
Москва

ЭНТОТ

Сначала тёща родила мне жену. Потом жена немного выросла, и, когда ей исполнилось пять лет, мои будущие тесть и тёща купили поросёнка. Назвали Васькой.

Моя будущая жена часто, подставив табуретку, доставала на кухне из буфета толстенный том «Книги о вкусной и здоровой пище», садилась с ним за стол и, тыча пальчиком в фотографии несуществующих в той советской стране угощений, рассуждала:

– Чем Ваську коми-ить?

А чем его кормить – тем, что от скромного стола остаётся. Васька сделался своим, и, когда наступила осень и тестя стали переводить на новое место службы, у них рука не поднялась сделать из Васьки сало и отбивные. Его отдали кому-то на дальнейшее воспитание.

Узнав эту историю, я сразу сказал:

– Всё потому, что вы поросёнку дали имя. А если имя есть, то гораздо труднее совершить смертоубийство.

Это я к чему? На рыбалку вырвался. Взял удочку, купил в рыбацком магазине банку червей. Над тихой старицей Оки кучерявились облака, солнышко грело затылок, где-то далеко на середине плескалась большая рыба, за чем внимательно наблюдала с противоположного берега без-

мятежная цапля. Я открыл банку, выбрал и стал насаживать червяка.

– Эй, полегче там!

– Кто говорит? – я начал озираться.

– Я говорит, Семён Семёныч.

Чуть не выронив удочку, я уставился на червяка.

– Да, да, – подтвердил он. – Правильно смотришь.

Как вы догадываетесь, я не смог пересилить себя и насадить на крючок червяка, имеющего такое звучное имя. Я кинул его на свеженасыпанный кротом холмик, и Семён Семёныч быстро зарылся в мягкую землю.

Второй червяк был Игнатом Егоровичем. Третий и вовсе оказался не в меру разговорчивым.

– Загадку хочешь? – поинтересовался он.

– Н-ну, давай… те…

– Кто такой: убивает многих, чтобы убить немногих?

– Н-н… не знаю… Гитлер, что ли?

– Тьфу! Это ж рыбак насаживает наживку. Её много по количеству изводится, а рыбка не всякий раз клюёт. Вот и выходит: «многих – немногих».

– Ну вы прям философ!

– Да уж! На том, как говорится, ползём! Кстати, батенька, я – Владимир Ильич.

– Ой, матушки!..

Наконец, один из червяков заявил, что он – Борис Николаевич.

Тут у меня сердце не дрогнуло: я смачно плюнул на снаряжённый крючок и закинул наживку. Клюнуло сразу.

– Позвольте представиться, – сказал окушок. – Аристарх Иванович.

Потом я вытащил из воды и отпустил Матвея Евгеньевича, Виктора Альбертовича…

«Ну, что ж это такое?! Нет уж – следующую рыбку точно не отпущу!»

Так решительно я подумал, но следующая рыбка шаркнула мне по руке хвостом:

– Матильда Степановна. Неужели, у тебя на женщину хватит кровожадности?!.

В общем, после такой вот рыбалки я на следующий

день опоздал на работу почти на полдня. Отчего-то болела голова и было сухо во рту…

Входя в офис, услышал разговор о себе:

– …Да не помню я, как того чувака зовут… Он в отделе развития числится… В общем, энтот…

Эх, если я у начальства в памяти без имени прохожу, перспективы, надо полагать, фиговейшие. Точно, как у энтого… Ну, который в пятнадцатом веке на костёр пошёл… Кричал народу чего-то умное, а имя никто не запомнил, особенно из тех, кто ЕГЭ сдаёт. Вот и сгорел, можно сказать, при исполнении.

Чую: скоро искать мне другую работу. Главное, чтобы было по рекомендации – войти и сказать: «Я к вам на работу от энтова… Ну, который, в общем!» И дело в шляпе.

ШЛАГБАУМ

Мы тут по телевизору насмотрелись, как в соседнем государстве фуры с товарами останавливают и дальше по своей территории не пропускают. Нас это до самых душевных глубин проколдыбачило, вот и решили мы всей деревней дать адекватный ответ.

Даже деньгами скидываться не пришлось – у Витьки Митрюхина на заднем дворе уж лет пятнадцать полосатый шлагбаум валялся, ржавел. Витька его в своё время откуда-то трактором приволок. Ну, то есть, в дымину пьяным где-то в него въехал, своротил и так торчком на капоте трактора и привёз. Потом даже вернуть порывался, но кому? Как по трезвянке, то не мог вспомнить, где именно на эту конструкцию наехал; а как в нормальном состоянии – то сразу, конечно же, вспоминал и слюняво с прилипшим к губе окурком бундел, махал руками куда-то в сторону военного городка, но мужикам из его мычания внятную конкретику извлечь никак не удавалось. А тут, значит, и пригодился, шлагбаум-то.

Вкопали его на грунтовке при въезде в нашу Олишаевку, потому как там, в пределах прищуренного взгляда, федеральная трасса с фурами проходит. Правда, до сих пор за все годы ни одна фура с асфальта на грунтовку даже случайно не съехала. Но мы всё равно рядом со шлагбаумом времянку поставили, чтобы, значит, дежурным не на ветру разливать-то. Ну и всех деревенских мужиков по дежурствам распределили, сугубо добровольно – кто с кем закусывать привык.

И что вы думаете? В первую же смену, не успели ещё и огурцы порезать – сворачивает громадина. Так-то дальнобойщикам ни в жисть сюда не надо, а как шлагбаум с трассы углядели – у них рефлекс, что ль, сработал: типа того, зря заграду ставить не будут, наверное, тут дорога привилегированная.

Вот уж когда мы вспомнили про телерепортажи из забугорья. Выскочили и с чувством справедливости кепками, носовыми платками да полупустыми стаканами замахали. Типа того: нельзя, проезду нету! А фура прёт, что тебе на ралли Париж – Дакар, скорость не сбавляет. Мы, конечно, на более доступный язык перешли – навстречу гурьбой бежим, материмся. Не гляди, что фура иностранная – этот язык всем понятен. Санёк Охрюпенков вообще бутылку, как гранату, над собой поднял и, будто на танк, пополз по траве…

Но нам прямо какие-то стеклянные попались: едут и едут! Видя такое дело, Вовка Брыкин бросился шлагбаум поднимать, а то ведь не хуже того трактора не только шлагбаум, но и будку с закуской своротят! Я же из последних усилий рядом с кабиной бегу, сигнализирую:

– Куда вас несёт?! Сказано – фурам через деревню нельзя! Непонятно, разве, черти забугорные?! Нельзя ехать через деревню-у-у!..

А им хоть кол на голове теши – знай, по газам! И… ну как сказать… вот от шлагбаума до ивняка в низинке, где ручей, фура эта метров пятьдесят только и проехала. И, конечно же, блин, со всего маху ка-ак… в общем, ка-ак въедет в неровность нашей деревенской грунтовки. Кабина сразу по самые стёкла утопла, колесо отскочило и по луже поплыло, прицеп со всем товаром – на бок…

Вот ведь, блин, ё-ё, какая, бубёнтыть, коллизия приключилась! А ведь предупреждали мы их – нельзя ехать! И даже шлагбаум поставили, чтобы фуры эти треклятые через нашу деревню по нашей дороге ни под каким видом не пропускать!

Григорий ДОЛГАНСКИЙ,
Владимир ДУБИНСКИЙ

ЗАЩИТА ЛУЖИНА,
или Первый шаг в членкоры

Задумал один крутой бизнес мэн регионального масштаба подзащититься на кандидата наук. Фамилию его настоящую мы, конечно, не приведем из соображений личной безопасности (Жизнь прекрасна!), но как начитанные люди (Набокова почитываем!) назовем его скромненько так – Лужиным. Нам с вами, простым обывателям, не понять: зачем этому Лужину это нужно? Добра и бабла (в смысле денег и в смысле женщин) у него и так навалом. За час наваривает столько, сколько все сотрудники кафедры от профессора-светила до приходящей уборщицы (тоже со степенью) не получат за год. Но у богатых свои причуды. Тем более что его иностранные партнеры по бизнесу все как на подбор доктора, один он неостепененный – визитку даже стыдно показать: просто «гендиректор Лужин.».

Пришел он на кафедру и говорит без экивоков: помогите – пособите, я за ценой не постою. И сразу же оказал отечественной науке посильную спонсорскую помощь. Оборудовал компьютерный класс с быстродействующим выходом в интернет через опто-электронную связь, а главное, все двери на кафедре заменил на дубовые сейфового типа. Еще в общаге покрыл полкрыши и отштукатурил два подъезда, остальные полкрыши и три подъезда после защиты обещал.

На кафедре сразу же создали временный творческий коллектив (ВТК) из двух аспирантов, что живут на медные деньги, и большегрудой девицы Веруси-заочницы, что на компьютере лихо печатает и на микроволновке вкусно готовит. Тему, диссертабельную и на сто пудов проходную, с экономическим эффектом с пятью нулями, оторвал от себя замзавкафедрой (он ее на докторскую готовил). Лужин как порядочный человек обеспечил им всем достойный приварок в у.е., усиленное питание с икрой минтая и работу на свежем воздухе в одном из своих загородных домов. Злые языки еще говорили, что якобы семья завкафедры ездила на три месяца отдыхать в Куршавель на полном пансионе, но слухи эти не подтвердились.

В течение полугода ВТК выдал на-гора 7 научных статей в центральных научных журналах: два в соавторстве и пять – соло. После чего кандидатскую спаяли махом, за два месяца, а Верусик за три дня отпечатала и красиво смакетировала в «Пэйджмейкере». Плакаты для защиты нарисовал заслуженный художник республики Мари Эл. Спекли «пирожок» на совесть – хоть сейчас на стол подавай. Соискателю степени Лужину диссертация очень понравилась.

– Молодцы, – говорит, – ребята, но это еще не все. Теперь помогите, чтобы защита прошла без сучка-задоринки, за ценой, вы уж убедились, не постою. Я хоть ваш вуз не так давно закончил, но, сознаюсь, из высшей математики помню только номер аудитории – 202. А позора я не перенесу.

Продумали весь сценарий защиты. Поперву сочинили речь, потом отрепетировали с режиссером студенческого театра, который поставил дикцию, мизансцены и паузы. Тоже, конечно, не бесплатно. Потому что был на кафедре такой случай. Защищался директор крупнейшего завода, назовем его Кашкадавов. Человек богатырской силы и железной воли. Пожарный лом в узел завязывал, на стрелку один ходил против двадцати. Но речь не отрепетировал, положился на русский «авось». Вышел к доске, открыл рот и замолчал – полный ступор. Минута проходит, четыре, восемь. Двадцать пять минут молчал! Все в панике: салаты вянут, второе стынет…

Второго такого прокола допустить было нельзя. Ввели ноу-хау. Написали диссертанту на бумаге все вопросы и ответы, а чтобы не попутал от волнения, вопросы пометили цифрами и к каждой цифре приклеили фотки вопрощающих.

Основного оппонента пригласили из Сибири. Он по этой теме еще полвека назад корефанил, а сейчас плохо видел, слышал, на защитах в основном спал и не выходил из дома без врача- кардиолога. Оплатили проезд, командировочные, премиальные ему самому, кардиологу и молоденькой сестричке: его «кузине»-реаниматорше. В соседней аудитории оборудовали на всякий случай походный госпиталь с капельницей и кардиостимуляторами.

Начало защиты прошло, как по нотам. После последнего запланированного вопроса присутствующие не удержались и зааплодировали, как на концерте Петросяна. И это чуть не погубило дело. От шума овации проснулся сибиряк-оппонент, протер очки, посмотрел на плакат и к ужасу присутствующих спросил ласково:

–ьНе кажется ли вам, коллега, что на тринадцатом плакате в тринадцатой строчке сверху формулка немножко не того. Как мне видится, при решении второй краевой задачи Коши – Римана при разложении бесселей вы некорректно выбрали граничные условия…

Несчастный диссертант-бизнесмен от неожиданного вопроса подпрыгнул вверх, как кот от гальванического разряда. Приземлившись, он несколько раз пересмотрел на бумаге все вопросы-ответы, сверил фотки, побелел, потом побагровел и рухнул замертво на пол.

– Реанимация! Реанимация! – нечеловеческим голосом закричал завкафедрой.

На крик из соседней аудитории выскочили реаниматоры и бросились к сибиряку. Первой добежала длинноногая «кузина»-медсестра и стала делать искусственное дыхание рот в рот, едва не придушив его этим действием. С трудом старичок отбился от ретивой спасательницы со словами: «Да не меня! Да не в такой момент!».

В течение двух часов, пока Лужина откачивали в соседней аудитории, сибирячок-бодрячок все сокрушался:

– И что меня, старого пня угораздило, и кто меня за язык тянул! Скорее всего, я и сам не прав. Давно ведь это было…

Через два часа хорошо отреанимированный Лужин вернулся в аудиторию, подбежал к тринадцатому плакату и уверенным голосом стал доказывать свою правоту, приводя по памяти ужасающие формулы с восьмизначными цифрами. Присутствующие так и не поняли: то ли это его пробило на науку во время микроинсульта, то ли кто-то из аспирантов нашептал в реаниматорской. Но только председательствующий его остановил:

– Достаточно, достаточно, коллега! Вы уже защитились, единогласно. Все тринадцать шаров – белые. Поздравляем от души!

Так и хотелось бы закончить нашу правдивую историю на мажорной ноте, только хочется, да не можется. После стресса и реанимации что-то действительно произошло в организме несгибаемого Лужина. Он охладел к бизнесу, передал все дела первому заместителю, а сам ушел с головой в науку. Записался в областную библиотеку, обложился учебниками и справочниками, щелкает всякие там интегралы с дифференциалами, как кедровые орешки. Регулярно, два-три раза в месяц летает в Сибирь к бывшему оппоненту, который стал его новым научным руководителем по докторской. Правда, злые языки (жены, трех любовниц и полногрудой Веруськи-заочницы) говорят, что докторская – это так, для отмазки, а на самом деле он в Сибири тайно встречается с длинноногой медсестрой-реаниматоршей. Но слухи про реаниматоршу не подтверждаются, зато число научных статей, написанных в соавторстве с ее «кузеном» перевалило за чертову дюжину, и новая защита Лужина не за Уральскими горами. Такова она – сила науки!

Ефим ГАММЕР
Иерусалим

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛФАВИТ РУССКОЯЗЫЧНОГО ИЗРАИЛЯ

* * *

Прибойная волна репатриации девяностых вынесла на берег Земли обетованной писателя на букву Э.

В этом контексте как представитель законной буквы русского алфавита он и зазвучал в Израиле.

– Вы слышали, к нам приехал писатель на букву Э?

– Э-э-эх-ох, – разносилось эхом. – А он еще пишет?

– Он свое еще напишет!

И написал: «Как из пункта А пройти в пункт Я, не запятнав свою личность в пунктах К-Г-Б».

Гонорар ему заплатили. Поговаривают, что приличный. Но в каком пункте – тайна. Опять-таки поговаривают: там, где он не запятнал личность.

Что с них возьмешь, с говорунов этих? Репатрианты новые – мысли старые, не доношенные еще в советской России.

* * *

Писатель Ж. в России был просто писателем на букву Ж. В Израиле он тоже хотел быть просто писателем на букву Ж. Но откройте справочник израильских писателей, и при всем старании там вы его не найдете.

Что же, скажете, это такое? Дискриминация?

А ничего такого! Причина в том, что в древнееврейском алфавите нет в наличии буквы Ж.

Писателя Ж. надо искать в Израиле на другую букву.

Ищите и найдете, если он, конечно, вам нужен на иврите.

* * *

У писателя Н. родилась в Израиле дочка. Он назвал ее Сионата. Для созвучия со временем приезда в страну. Дело в том, что писатель Н. делал только то, что созвучно времени. При поступлении в университет первую свою дочку он назвал Сталина. После окончания университета первого своего сына он назвал Никита. При защите кандидатской второго своего сына он назвал Леонидом. Затем, в годы перестройки, у него родилась Раиса, а перед отъездом в Израиль Борис. И все бы хорошо при таком количестве детей, но в Израиле – не паспортный стол, а Раввинат. А он не пропускает в еврейскую метрику не созвучное еврейским корням, хотя и созвучное времени иностранное имя Сионата.

Дилемма! Или жить в созвучии со временем, как привык. Или в созвучии со своими еврейскими корнями, чего отродясь не случалось.

Как быть?

Станешь тут Гамлетом. А ведь не артист – всего лишь писатель.

* * *

Тот, кто числился на букву Х., был очень, хм… еловый поэт. Но стихи, однако, писал. И стихи его х-м… еловые, однако, печатали.

А потом он приехал в Израиль и потребовал денег на издание книги, состоящей из, хм… еловых стихов. Деньги ему выдали. Из фонда министерства абсорбции. Стихи он написал самостоятельно. Затем издал их тоже самостоятельно. После этого Х. считался уже абсорбированным. И теперь этого поэта можно было послать по адресу его же, хм… еловых стихов.

И послали.

Пиши дальше.

ЛЕКАРСТВО ОТ ИЕРУСАЛИМСКОГО СИНДРОМА

Сеня был дурак, хотя и родился в России.

Приехав в Израиль, он назвался Соломоном. Но это ему ума тоже не прибавило. Тогда он стал писать книжки о еврейских пророках. Полагал, что теперь его уже однажды назовут мудрым.

Однако, как выяснилось, на один маленький Израиль иметь двух Соломонов Мудрых – это большая глупость и лишняя капля яда для чувствительных антисемитов. И его отправили в дурдом. Нет, не на принудительное лечение. А для того, чтобы клиентам этого богоугодного заведения читал свои книжки. По теории вероятностей, больным, попавшим в плен иерусалимского синдрома, идет на пользу такая пропарка мозгов, позволяющая предметно познакомиться с чудотворной деятельностью коллег-предшественников – пророков древности.

Некоторым из умалишенных под влиянием примеров прошлого хочется ходить пешком по воде или воскрешаться из мёртвых. Вот и выздоравливают, убеждаясь после реанимации, насколько они смертные.

Николай СИМОНОВ

Надменные потомки

С презрением взирая на старьё –
(Не уживалось новое со старым) –
Потомки понесли в утильсырьё
Старинные родные самовары…

Юрий Симонов

Эх, детство, – памяти утеха!
Хоть поросло быльём быльё,
Но ясно помню, как приехал
Старик – собрать утильсырьё.

Он принимал макулатуру,
Бросал в фургон цветмет, тряпьё…
А детвора тащила сдуру
Не только всякое старьё.

И выдавал он нам за это
Всё, что угодно для игры:
Свистки, машины, пистолеты,
Мячи, воздушные шары.

Тогда мы жили небогато,
Но самовар горел, как жар…
И мы, вдвоём со старшим братом,
Стащили этот самовар.

Нет самовара, но в корзинке
Такое чудо – погляди!
Бумажный мячик на резинке
И два свистка «уди-уди».

А после, под ремнём орали –
Был неплохой кордебалет,
Но что тогда мы маху дали,
Дошло лишь через много лет.

И вот я слышу голос громкий –
Мой брат кричит на весь базар:
– Эй вы, надменные потомки!
Зачем вы сдали самовар!

Олег ЗАХАРОВ
Кстово

ПАРОДИИ

Веселые флаги

Старые фляги осушены,
В новых – отрава и яд…
Старые флаги приспущены,
Новые не веселят.

Геннадий Красников, Москва.

Вот парадоксы сознания,
Не пожелаешь врагу:
Выйдут на площадь со знаменем:
Я хохочу – не могу!

Господи, как было весело!
Вот уж – живи не тужи!
В голос смеялись до вечера –
Нам только флаг покажи!

Им лишь помахивай в стороны
Где-нибудь там в вышине –
Падали замертво вороны –

Гогот какой по стране.

Что ж языки-то прикушены
Нынче? И смотрите зло.
– Старые фляги осушены.
Это похмелье пришло…

И слава богу!

Браку нашему «многая лета»,
И не видно пока что предела:
Слава богу, что ты – не Джульетта,
Слава богу, что я – не Отелло!

Владимир Дагуров, Москва

Дездемону своею богиней
Звал Ромео в часы тет-а-тета.
И хотя двести лет между ними,
В браке главное – «многая лета».

В браке главное – жить не по-свински.
Не разрушить привязанность флиртом.
Слава богу, что ты – не Левински,
Да и я, к сожаленью, – не Клинтон!

И теперь я лишь тем очарован,
Что из скромной, безвестной девчушки
Стать могла бы ты Н. Гончаровой,
Только я, слава богу, не Пушкин!

Татьяна УТКИНА
Кстово

СКАЗКИ В ЛИМЕРИКАХ

Золушка

И готовила Золушка вкусно,
И в любви была очень искусна,
Но жила она, Феи
Средь родни не имея,
Да и с принцами нынче не густо.

По щучьему велению

На деревне Емеля-дебил
Рыбаком небывалым прослыл.
Не имея снастей:
Ни крючков, ни сетей –
Щук ведром регулярно ловил.

Красная шапочка

Встретил девочку волк на пути,
Только к ней не успел подойти:
С перебитым хребтом
Волк хрипит под кустом –
В день десантника дома сиди.

Снежная королева

Кровоточила в сердце утрата,
Герда плакала в поисках брата.
Кай на плач не поддался,
Со старухой остался,
Ведь она нереально богата.

Курочка Ряба

Раз яйцо Фоберже деду с бабой
Снесено было курочкой Рябой.
А они во всю прыть
Принялись его бить:
Интеллект у них был очень слабый.

Золотая рыбка

Дедка рыбку поймал золотую,
Но профукал удачу такую.
Он бы, старый дебил,
Ерунды не просил,
А старуху просил молодую.

Павел ТИМОФЕЕВ
Вологда

Под древом

Ледащий йог сидел себе под древом.
Сидел и жил, точнее, умирал.
Ни правым он не числился, ни левым.
Не консерватор и не либерал.

Еду-питьё миряне подносили,
А он как птичка, брал совсем чуть-чуть.
Его ещё о милостях просили,
Считая, что он знает жизни суть.

А он не знал. Сидел себе под древом.
Лохов слегка благодарил кивком.
Ни правым он не числился, ни левым.
И плохо он не думал ни о ком.

Да и вообще, он сильно не кумекал.
Работой свои руки не марал.
Сидел под древом он зимой и летом.
Сидел и жил, точнее — умирал.

Прошло сто лет, и я иду по полю.
Вот древо, вот твой йог, всё есть как есть.
Иду и думаю – дать чувствам волю,
Шугнуть пинком и самому засесть!

Людмила ЕДИГАРЬЕВА

Константину Евгеньевичу

Владелец иномарок разных
(А среди них есть джип «Ниссан»)
Серьезен, подчинит всех сразу,
Укажет пальцем старикам,
Что мы идем не той дорогой:
Спешим иль топчемся в пути.
Бывает и посмотрит строго,
И сникнешь враз. Как ни крути,
Разговорить его обычно,
Не удается – недосуг!
Спешит тропинкою привычной
В песочницу двухлетний внук!

Юрий ТУБОЛЬЦЕВ

Регенсбург, Германия

МИНИАТЮРЫ

Все люди на Земле без исключения или недозавариваю-т, или перезаваривают чай. Идеал недостижим.

Быку не нужно прекрасное, если в прекрасном его не дразнит красное.

Чем серьезнее ты мечтаешь, тем несерьезнее твои мечты.

Кто вошел в роль – рискует из нее никогда не выйти.

Любой флирт без любви - это сизифов флирт...

Где властвует метафора, там стоит ждать революции буквализма.

– В видимости нету сущности, – говорил великий адепт, который, чтобы прочитать, специально закрывал глаза.

Убивая в себе раба, я убил человека, а раб остался.

Пустоты нет, иначе всё давно бы провалилось в пустоту.

Встретились два сверхчеловека, посмотрели друг на друга свысока, но друг друга не заметили.

Встретились два дистрофика и не дали друг другу проходу.

Стихи по кругу

Николай ПЧЕЛИН
Богородск

Свеча на ветру

Вновь в Афанасьеве нынче Крещенье –
К нам снизошло сквозь безверья года.
Вновь Крестный ход возрождает свеченье,
Хоть не горит нынче в небе звезда.

В срезанных пластиковых бутылках
Свечи пылают на тихом ветру.
Как мотыльки, лучезарно и пылко
Крыльями машут, затеяв игру.

Фосфоресцируя в сказочном мраке
Средь голосов, силуэтов и лиц,
Эти живые дрожащие маки
В даль нас ведут – без оков и границ.

«...Святый Бессмертный…» – как льется-то пенье!
Льется святейший источник, журча.
Благоговейная полночь. Крещенье.
В правой руке – золотая свеча.

Воду, набрав, пью я с левой ладони –
Блики на ней, словно звезды, горят.
Все, что вокруг, в мягких сумерках тонет.
Только свеча пред глазами – заря!

Пусть же душа – мотылек мой вечерний
Даже и после того, как умру,
Бьется в мирах, излучая свеченье,
Так же, как эта свеча на ветру.

Заповедь

Какая боль ни подступила,
Лекарство – не этилов спирт.
В одном лишь емком слове сила -
Терпи!
Терпи уколы боли терпкой,
Венец терновый на челе.
(Не легче плач казачки терской,
Живущей на чужой земле.)
Борись с собой, а не с другими,
Живи, не презирая риск.
Судьбою жертвуй, но Во Имя...
Борись!
Невыносимых ран глубоких
На свете не было и нет.
Ведь даже в смертный час – высокий
Узреть бы свет.
Захочешь – все на свете стерпишь.
Пусть даже закрывают дверь.
И даже в лапах дикой смерти –
Верь!

Татьяна БОБЫШЕВА

* * *

Вечер багряный навис над рекою,
Где-то вдали проскрипел журавель,
Стерлась черта меж землей и водою,
Месяц готов окунуться в купель.

И, замерев в величавом покое,

Дремлет зеленый задумчивый лес.
Только на сердце творится такое…,
Спеть бы от счастья, да голос исчез.

Всё поддалось колдовству мирозданья,
Словно в гипнозе природа сама.
Тёплый июль своим мятным дыханьем
Нежит, баюкает, сводит с ума.

На Крещение Господне

Зачерпну святой водицы
В иордани на пруду,
И в ладонях заискрится
Образ Божий наяву.
Прикоснусь к воде устами,
Словно к Богу прикоснусь,
Тихо влажными губами
Сокровенно помолюсь.
По особому сегодня
Взор на небо возношу
И в Крещение Господне
О прощении попрошу!
Я водой лицо омою
И колено преклоню,
Душу Господу открою,
Каясь, поблагодарю
За любовь его, терпение
И за то, что каждый час
Наставленьем о смирении
Направляет в жизни нас.

* * *

Эх, повернуть бы время вспять,
Нет, не за тем, чтоб возраст сбавить,
И не за тем, чтоб поменять
Все то, чего уж не исправить,–
Увидеть мамы нежный взгляд,

Погладить бабушкины руки,
Им рассказать, о чем галдят
Их многочисленные внуки,
Попасть в тот благодушный мир,
Когда ключи под коврик клали,
Где каждый праздник общим был,
И всех живущих рядом знали,
Где в миг падения звезды,
Наивно, искренне гадали –
Что были лучшими мечты,
Теперь лишь только осознали…
И, напитавшись добротой,
Спокойно путь земной продолжить,
В извечной суете мирской
Любить живых, ушедших помнить.

* * *

Я дышу, как дышится,
Я пою, как слышится,
Я пишу, как пишется.
Жизнь по кругу движется.
День за днем – неделями.
За зимой с метелями
Вновь весна с капелями.
Вы не проглядели ли?
Шлет поклон колосьями
Лето щедрой осени,
Скрипнет под полозьями
Снег, что межполосьями…
И пойдет все заново!
Ничего в том странного,
Ничего обманного
В сути Богом данного!
И земля все вертится,
Во вселенной светится.
И душа надеется!
В бесконечность верится!

Пётр РОДИН
Воскресенское

Володя Андрианов

Андрианов? – он же наш, с Ветлуги.
Его снимки каждый узнавал.
Он реке был предан, как подруге,
Он с неё Россию рисовал.

Мужики на пристани паромной,
Как ветлужский схвачен колорит!
Плотник с бородищею огромной:
Кажется, вот-вот заговорит…

Капельку росы в густой осоке
Высмотрел на зорьке окуляр.
Пару лодок в люндовской протоке,
Сказочный туманный Светлояр.

Мастер, ты уснул навеки рано.
У портрета сгрудился народ.
– Улыбнись, Володя Андрианов,
До сих пор тебя Ветлуга ждёт

Елена СОМОВА

* * *

Что значит берёзовый листик среди быстрых ног,
Спешащих сбежать от детей по делам в перспективы
Иные, чем сказки, шевелящие архивы,
На остров для взрослых забав на скрещенье дорог?
Он значит скорей и надольше вернуться в игру,
Где правила тайно записаны в детской ладошке.
И все отступленья от правил – игра понарошку.
Так в сердце щемяще откликнется радость в пору
Для сбора в корзину мячей – не камней, не грехов,

В избытке накопленных и перемноженных в спешке.
И это – загадки судьбы, нам в ладони орешки,
Которые грызть в одиночку труднее без слов,
Когда в горле песня, что к вам прилетела от птиц,
И нежностью сердце щекочет, и душу приводит
К ручью русской речи, откуда Кирилл и Мефодий
Зачерпывали рукавом, омывая свет лиц.

* * *

Погреюсь у костра, в котором я сгорела,
В котором сердце жизнью задыхалось,
Поймаю неба сахарную алость
И мельничные жернова предела.
Листом раскроюсь высоко над птицей –
Она не знает, где блуждает искра
Звезды, которая глядела в лица
Летящих и сгорающих так быстро.

Владимир ЛЕБЕДЕВ

Тени

Былой поры забытые года,
Бегут эпохи, судьбы, поколенья,
Крутых событий грешных череда,
Ушедших дней несчастья и затменья.

Мелькают повелители, царьки,
Одна буза спешит сменить другую.
Вот слуги «верные» от гнева и тоски
Своих господ в бараний рог согнули.

И заморив разгулом червячка,
Мечту о славе утолив разбоем,
Взошли на пьедестал, став с кондачка
Героями из времени изгоев.

Мелькали лица, тени, парики,
Ливреи, бороды, портреты-изваянья,
Фигуры, позы, маски и мазки,
Кумиры не свершившихся деяний.

О, сколько их, ушедших без следа,
Из тех, что видеть вам уж не придется,
Но тени, тени снова, как тогда,
Встают над нами, заслоняя солнце.

Ксения БУРЛАК

Письмо

Вот бывает так: живёшь неспешно,
план вперёд построен на недели.
И одет с иголочки, конечно,
в мыслях носишь не мечты, а цели.

Эти цепи, может, неизбежны...
Общество диктует: «статус важен».
Только знай: тебя я помню прежним,
не владельцем золота и скважин.

Ты был славным – солнышко в штанишках,
говоря, немного шепелявил,
что-то рисовал в любимых книжках,
не любил, чтоб в играх много правил.

А теперь – другие салки, прятки...
И не помешало бы тебе
полетать по жизни без оглядки,
следуя за ветром в голове.

Вспоминай меня, хоть ненадолго,
с нашими улыбками, слезами...
Старая любимая футболка,
маленький кораблик с парусами,

яркий змей воздушный и ракетки,
любопытный и игривый мальчик,
был ты... ну не то чтоб очень меткий:
что ни день – потерянный воланчик.

Улыбнулся? Здорово! Ты помнишь.
Радо – помогло тебе согреться.
Не забудь: ценнее всех сокровищ –
быть чуть-чуть детьми.

Целую,
Детство.

Вита ПУНСКАЯ

* * *

Ты помнишь детства первые ступени?
Те игры силуэтов на стене...
А может, на земле мы просто тени,
Трехмерные проекции извне...

* * *

Наш мир – плывущая ладья…
Приподними морей края
И за узором бытия
Узришь Любовь… Она – твоя…

* * *

Растает пена минувших дней...
Ум станет тоньше... Душа - умней...
Ночная смена дневных огней
Раскроет тайну... Утонешь в ней...

Ксения ГОРОХОВА
Арзамас

* * *

Безмолвие – избыток тишины
заполонило всё моё пространство.
Я принимаю правила иных,
других – чужого странного мне братства.

Пусть будут, но моей души в них нет.
Пускай. Я к этому привыкла.
Осенняя страница – в ней ответ
на всё, что есть. Жива моя улыбка.

И если заглянуть без зла в глаза
не те, что знает собственная данность,
то можно грань ещё одну познать,
познав, в любых задачах плюс всегда есть.

* * *

В окне увидеть сосен твёрдый стан
такой прямой среди ветров и судеб.
В апреле волноваться перестать.
О чём? О том, что было, есть и будет.
Понять – реальность лучше всех наград.
Она всегда с тобой – почувствуй кожей.
Как светел мир, как он безмерно рад
тебе. Не бойся и скажи: «Я тоже».

Михаил СТРИГИН
Челябинск

* * *

Когда в маме рождается бабушка?
Когда на кухне спектакль, там лепят оладушки
С внучкой. В гостиной как на работе,

Только руководство отделом сведено к заботе.
И те же процессы: строительство с внуком
автомастерской, ремонт машин,
(Нужно заправить борщ луком
Между перебортовкой шин.)
А починив «ферарри», восторгаться друг другом.
...С внучкой отладить пошив новых костюмов,
Так, чтоб у детского флота не хватило трюмов
Для отправки изделий в соседнюю область,
В прихожую.
В трюмах с последней рыбалки хранится вобла,
Она пластиковая, на селёдку похожая.
А на пошив пожертвовать вельветовые шторы,
Поскольку в восемь вечера не купить ткани новой,
А накрытые окна - это шоры.

И звонить, звонить, звонить регулярно.
Эта любовь материнской полярна,
Контролировать каждый пробел в этом мире,
Разместить пункт досмотра в квартире,
Дать отпор скарлатине,
Поиграть с террористами в ладушки.
...Жаль, не все настоящие бабушки.

Вадим ДЕМИДОВ

Одуванчики

Главное не проспать тот день
Когда поле за ржавыми гаражами
Покроется пушистыми одуванчиками
Иначе потом придется ждать
Целый год

Извлекаешь себя из картонной коробки сна
Распаковываешься
Сверяешь вложение с описью
Все ли на месте

И лишь тогда натягиваешь футболку и джинсы

Работа предстоит каторжная
Сдувать с одуванчиков
Их серебряные парашютики
Пусть летят из ошибочного мира в правильный
Легкого им полета
До обеда легких должно хватить
Но когда понимаешь что силы уже на исходе
А даже четверть поля еще не тронута
И повсюду белеют нетронутые головки
Идешь за подмогой

Звонишь в квартиры
Вытаскиваешь человеческий материл
Из-за обеденного стола
Отгоняешь от телевизора
Насмотритесь еще
Никуда ваша пропаганда не убежит

Наконец
В поле выходят все
Даже те кто помнит финскую
Даже те кто твердый знак путает с мягким
И страда возобновляется
Стар и млад сдувают одуванчики
Не жалея легких
А зачем их жалеть

И только когда солнце скрывается
За пунктирной линией
Наступает конец работы
Ни одной шапочки
Не осталось на одуванчиках
И далеко разносится серебряный пух

Радостно возвращаемся мы домой
И до глубокой ночи
Пьем во дворе вино

Из подорожника
Горькое
С капризным привкусом
Отвлекающее от одиночества

За год рваные легкие придут в порядок

Михаил ПОТАЧЁВ

Майе Кристалинской

День пролетел, месяц прошел,
Время растаяло.
Значит и мной на берегу
Что-то оставлено.

Песня «Старый причал»,
из репертуара певицы

Все от Бога: и голос дивный,
И лукавинка, и печаль.
Но для техники реактивной
Приходилось кроить дюраль.

Из-за кульмана звезд не видно.
Тянет душу нормоконтроль.
Жизнь, и это вдвойне обидно,
Навязала чужую роль.

Бросить допуски и посадки,
ОСТы, ГОСТы и класс резьбы,
И умчаться бы без оглядки,
И взлететь поперек судьбы!

Чтобы без страха расправив крылья,
Разбиваясь порою в кровь,
Эти помыслы сделать былью,
Лейтмотивом песни — любовь.

Ваши песни станут родными,
Будут помнить их наизусть,
Как весеннее Ваше имя,
Как осеннюю Вашу грусть.

Дарья МАКСИМОВА

* * *

Я Вам пишу письмо из призрачной весны
Молчаньем сжатых губ, небесною капелью
На тротуарах снов.

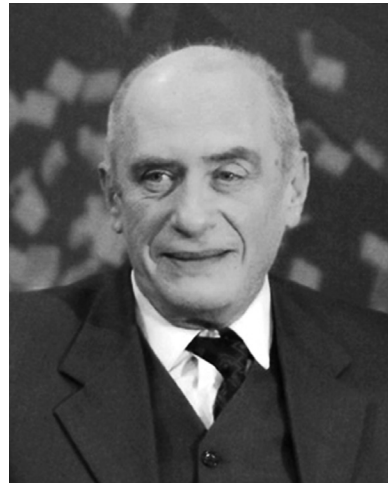
Безумьем тишины, агонией ветров –
Мне станет эта ночь. А Вам же – колыбелью
В сиянии луны.

Я к Вам пишу из сна растаявшей метелью,
Не потому что слов обыкновенных жаль.
Их нет.
Весна, февраль.

Прощальное слово

Александр ЦИРУЛЬНИКОВ

ВСПОМИНАЯ СЕРГЕЯ ЧУЯНОВА



Во второй половине июля 2017 года, 21-го, 22-го или 23-го числа, точно не помню, в половине первого ночи у меня на даче в Рекшине подал голос сотовый телефон, на экране зажегся номер звонившего и имя Сергея Петровича Чуянова. Я ответил, но по ту сторону звонка какое-то время было молчание, а потом я услышал голос Чуянова: «Это кто говорит?» – Я удивился: – «Сережа, ты, что меня не узнаешь? Это же ты мне позвонил. Ты кому позвонил?» В ответ прозвучало что-то невнятное. У меня создалось впечатление, что мой собеседник не вполне адекватен, но, тем не менее, я спросил: – «Как жизнь?». Я думал, что звонок Сергея связан со сменой руководства телекомпании ННТВ, которая не могла не волновать Чуянова. Но услышал равнодушное: «Жизнь? Жизнь идет…»

Поняв, что серьезного разговора не будет, я спросил: «Ты знаешь, что уже половина первого ночи. Пора спать! Спокойной тебе ночи! Поговорим утром…»

Он ответил: «Спокойной ночи!» И отключился. Это был наш последний разговор. Почему он звонил так поздно? Что ему было нужно? Предполагаю, что он увидел на своем мобильном сообщение о моем телефонном звонке, который остался без ответа сутки тому назад. И решил позвонить. Но тогда почему он не знал, с кем говорит?.. Жене я сказал, что звонил Чуянов, и что он был не совсем в форме, скорее всего, подвыпивший…

Случилось так, что в июне с 13-го числа по утро 26-го мы вместе были в санатории Городецком. Я приехал к 8 утра 13 июня и сразу же зашел в контору за путевкой, там же вскоре появился Чуянов. Сказал, что пришел встретить меня, так как знал о моем приезде.

На нем была летняя куртка с капюшоном, надетая на майку, внизу – широкие укороченные летние штаны, чуть-чуть прикрывающие икры, и большие растоптанные кроссовки на босу ногу. Для него это был привычный курортный наряд, в котором он ходил все полмесяца нашего пребывания в Городецком санатории. И, надо сказать, выглядел грузным, отяжелевшим и малоподвижным, хотя вроде старался много двигаться.

Правда, один раз он переоделся в пиджак и костюмные брюки, когда в клубе санатория встречался с отдыхающими и рассказывал о своих книгах и журналистской работе. Разговор получился очень интересный и доставил ему радость.

Сергей вспоминал эпизоды своих многочисленных заграничных поездок по странам Европы, встречи с интересными людьми, в частности, с Мариной Федоровной Шаляпиной, 91-летней дочерью Федора Ивановича, которая возила Чуянова по Риму после бокала красного сухого вина, за рулем собственной автомашины…

Рассказывал, как старая крестьянка в Спасском районе Нижегородской области лечила ему головную боль таблетками, которые остались от когда-то живших у нее студенток, приехавших «на картошку», а таблетки оказались противозачаточными. Бабка волновалась: «Что теперь, сынок, с тобой будет?» – «Рожать не буду!» – отвечал Сергей…

Мы виделись каждый день и по нескольку раз на дню, ходили по парковым аллеям, много говорили, обсуждали разные темы. Его очень волновал вопрос его дальнейшей работы в телекомпании ННТВ и самой судьбы этой телекомпании. В начале второго квартала Сергей, по сути, оказался без работы, его программы были закрыты. И будущее выглядело туманным. Он обратился с письмом к своему руководству, предлагал разные варианты решений, но ни в чем не был уверен. И даже тот факт, что компания за свой счет приобрела ему санаторную путевку, вызывал у него двоякое чувство: с одной стороны – благодарности за заботу о его здоровье, с другой – как «спасибо на прощание». И эта неопределенность его все время удручала. Особенно после телефонного звонка из Нижнего Новгорода о том, что все сотрудники ННТВ, кроме редакции новостей, до сентября уходят в неоплачиваемый отпуск из-за отсутствия средств на подготовку новых программ и оплату труда в летние месяцы. Между прочим, в санаторий Сергея привезла «Волга» директора ННТВ, она же приехала за ним в день возвращения домой.

Для Чуянова работа на телевидении была всем. Без нее он чувствовал себя опустошенным и никому не нужным, хотя, конечно, обладал замечательным багажом знаний и интересов, выдающимся опытом журналистского и писательского труда. Но и это все тоже было приобретено благодаря телевидению.

Он не видел себя без работы на ТВ. Может быть, со временем все как-нибудь бы определилось и образовалось. Но тут оборвалась сама жизнь! И в этом ее печальная суть и логика.

Среди его интересных дел, я бы даже сказал достижений в эфире, был в феврале 1997 года телемарафон «Помогите Пушкинскому Болдину!», проведенный за два года до 200-летия со дня рождения Александра Сергеевича и прозвучавший не только на Нижегородскую область, но и на всю Россию. В результате были собраны средства на ремонт музея-заповедника, восстановление церкви Успе-

нья Богородицы и на другие добрые дела. А организаторы марафона – Сергей Чуянов и Ольга Носкова – были отмечены премией Нижнего Новгорода.

Юрий Адрианов выступил на марафоне с только что написанными стихами, которые потом выходили в его книгах с посвящением Сергею Чуянову:

Слава Богу, не в жанре плача,
Но уже на пределе сил
Наш народ, все же веря в удачу,
Обездоленно запросил,
Как на паперти храма с кружкою,
Как в каком-то тяжелом сне:
– Помогите вотчине Пушкина –
Светло-болдинской стороне!
Прежде так никогда не просили,
Как сегодня,
В тревожный час:
– Помогите своей России,
Чтобы пламень святой не угас!
Помогите великой песне,
Славе пушкинского стиха.
Если нынче не встанем вместе –
Нам вовеки не смыть греха!
Так протянем друг другу руки,
Откровенно,
Не пряча глаз,
Чтобы наши дети и внуки
Не сжигали проклятьем нас!

Сергей придумал и организовал телевизионный конкурс самодеятельных коллективов и индивидуальных исполнителей из сельских домов культуры и клубов районов области «Душа России». В итоге губернатор учредил одноименную премию, которой удостаиваются лучшие артисты из народа.

Без его участия не проходил ни один ежегодный фестиваль оперного и балетного искусства «Болдинская осень» в нижегородском академическом театре оперы и балета

имени А.С. Пушкина. Об истории и развитии этого коллектива Чуянов написал одну из лучших своих книг «Сотворение театра».

Он был очень увлечен своей работой и искал новые пути для своего телевизионного творчества. Однажды сказал мне, что тоже хочет заняться космической тематикой и попросил, чтобы я свел его с нашим земляком-космонавтом Вячеславом Зудовым. Я позвонил Славе и попросил принять Сергея и его съемочную группу в Звездном городке. Их встреча и съемки состоялись, правда, все завершилось одной передачей. Длительного интереса к космосу и к космонавтам у Сергея не было. Его больше занимали темы культуры и искусства. Он стал одним из лучших знатоков и ценителей «в области балета». И пишу об этом без всякой иронии. Был автором очень серьезных публикаций по истории и современном развитии балетного искусства. У него установились тесные и даже дружеские отношения с выдающимися актерами Большого театра – Майей Плисецкой, Марисом Лиепой, Владимиром Васильевым и Екатериной Максимовой, Александром Годуновым, с которым он меня познакомил, когда тот приезжал в Горький на двухдневные гастроли вместе с Майей Плисецкой. Кстати, Годунов привел нас с Сергеем в грим-уборную Майи Михайловны, и я взял у нее интервью для телевизионной программы «Время». Сергей много лет работал над книгой о Плисецкой и успел издать ее за полгода до ее смерти. Я знаю от него, что она благосклонно восприняла это издание и была благодарна Чуянову за книгу. Его балетные друзья видели в нем серьезного исследователя и комментатора их творчества и приглашали его на премьеры в Большой театр. Он откликался на эти приглашения и ездил на спектакли в Москву. В родном Нижнем Новгороде он чутко следил за становлением и последующим творчеством молодых и уже зрелых танцовщиков и танцовщиц и помогал им квалифицированными советами.

Сергея хорошо знали и ценили в Нижнем Новгороде и области, он был единственным в регионе нижегородцем – почетным гражданином трех областных районов – Городецкого, Больше-болдинского и Балахнинского. Таким признанием были отмечены местными властями его лич-

ные заслуги и вклады в добрые дела на этих периферийных территориях…

Все это скрашивало его бессемейное одиночество и помогало выживать и жить. Хотя ему всегда было нелегко, и он улучшал настроение испытанными в России способами.

Теперь я понимаю, что мудрый доктор Шведов из Городецкого санатория что-то тревожное почувствовал и даже предчувствовал. Виталий Васильевич говорил и Сергею, и мне для передачи Чуянову, что у того есть «три грешка»: ходит на солнце с непокрытой головой, курит трубку, выпивает в одиночку, сам с собой.

Пятнистую зеленую панаму, напоминающую солдатскую каску, Сергей купил в Городце за 90 рублей и носил, объясняя всем знакомым, что выполнил указание доктора Шведова.

Со вторым и третьим «грешками» дело было серьезнее.

– Ты понимаешь, – говорил мне Сергей, – я курю трубку много лет и получаю удовольствие от того, что набиваю ее ароматным табаком и раскуриваю. Я глубоко и не затягиваюсь, но трубка для меня – удовольствие и отдых.

– А третий грешок?

– Ты впрямь считаешь меня пьяницей?

– Во всяком случае, человеком очень увлеченным этим делом. Ты вспомни, каким ты пришел ко мне на запись передачи по твоей книге о Плисецкой. Вся студия запахла перегаром. Режиссер Евгений Глушаков хотел отменить запись, но я не решился тебя травмировать подобным отказом. В эфире все было хорошо, и телезрители не поняли, в каком ты был состоянии… Все же видят, как на любых застольях ты придвигаешь к себе ближайшую бутылку с коньяком или с водкой и не расстаешься с ней, пока не опустошишь…

Ему было трудно оправдываться, и он старался быстро поменять тему разговора.

Юрий Адрианов в своей «Чуяновиаде» тоже высказался по поводу «третьего грешка» своего друга:

Ах, Сережа Чуянов, хранитель искусства!
Журналист, собиратель,
А в детстве – поэт!

Оркестровая яма…
«Театральная люстра»…
И два вечных пути:
То в балет, то в буфет.
1996 год

Два коротких пояснения: Сергей, будучи студентом, писал стихи. На филфаке их почти все писали, а признанными поэтами стали единицы. «Театральная люстра» – название программы Сергея Чуянова о театре.

И, наконец, чтобы закончить о «третьем грешке», еще одна эпиграмма Юрия Адрианова в адрес Сергея Чуянова на тему их «сотрудничества» по этому поводу:

Пусть ты порвал веселья нить,
Но дружбою со мной повязан.
Чуянов, можешь ты не пить,
Но напоить меня обязан!
1997 г.

Я помню его молодым стройным и худеньким, с тонко прорисованными чертами лица, когда он поступил учиться на первый курс историко-филологического факультета Госуниверситета имени Н.И. Лобачевского. И был похож на фигуриста Александра Горшкова, который танцевал с Людмилой Пахомовой.

Мы с Адриановым уже были пятикурсниками-дипломниками. Нас с Сергеем познакомила наша сокурсница Ирина Теплова, которая, как и Сергей, жила на Автозаводе.

– Это замечательно талантливый мальчик! – сказала Ирина. И оказалась права. Сама она стала доцентом кафедры русского языка.

На факультете нам довелось общаться очень редко и мало, все-таки сказывалась разница лет. Серьезное общение началось уже на телевидении, куда Чуянова приняли на работу в молодежную редакцию в декабре 1968 года. К тому времени он уже успел по окончании филфака поработать директором клуба «Строитель» треста «Железобетон» на Автозаводе.

На телевидении он сразу стал своим человеком. Помню, в день, когда мы узнали о его смерти, кто-то спросил меня, сколько лет Чуянов проработал на ТВ, я ответил: «Не знаю, он был рядом всегда!» Эти слова я повторил в некрологе, который написал по просьбе Ольги Носковой для публикации от Союза журналистов.

Я здесь преднамеренно точен в словах «в день, когда мы узнали о его смерти», и не иначе, потому что мы до сих пор не знаем, когда случилась его кончина и как она случилась. Может быть, в ту ночь, когда он не узнал меня по телефону, может быть, на день-два позже. Когда 31 июля многие из друзей и знакомых звонили ему, чтобы поздравить с 72-м днем рождения, ни сотовый, ни домашний телефоны не отвечали. На стук в двери и дверной звонок Сергей тоже не откликнулся ни разу, и все, кто приходил поздравить, ушли ни с чем. Судя по всему, хозяин находился дома, но был мертв. Но до поры до времени эти безответные с его стороны звонки никого не встревожили, потому что это было в порядке вещей, все знали, что он глуховат, и часто Сергей сам потом оправдывался: «Наверное, когда ты звонил, я был в другой комнате или на кухне и не слышал звонка…»

Его обнаружили лежащим на полу приехавшие из Рязани племянница с мужем, у них были вторые ключи от квартиры. Сергей считал дочь сестры и ее семью своими самыми близкими родственниками, а их детей своими внуками. Много лет он жил вдвоем с мамой, а после ее смерти остался один. Помню, он мне однажды сказал: «Раньше я заботился о маме, а теперь мне приходится заботиться о самом себе, потому что больше некому, я один каждый вечер и ночь. Стараюсь приходить попозже, но ночи все равно длинные…» Он вслух не сказал, но я понял, чего он опасался. Того, что случилось…

Чтоб меньше оставаться одному, он нагружал себя работой, готовил по нескольку передач сразу, писал книги о нижегородских живописцах и скульпторах, о мастерах местных народных художественных промыслов, о старухах-хористках из пушкинского Большого Болдина. Обо всем, о чем писал, он имел глубокие знания, сопряженные с его творческими интересами. Его долго не принимали в

Союз писателей РФ, и в период ожидания он сумел вступить в Союз журналистов, в Союз художников, в Союз театральных деятелей и везде был активным и авторитетным членом то ли президиума, то ли правления.

Я шутил по этому поводу, что у него ползарплаты уходит на членские взносы в эти организации…

Во время нашего санаторного житья-бытья он несколько раз уезжал в Городец, несколько раз городецкое начальство наведывалось к нему в номер. Шли какие-то переговоры, я не расспрашивал Сергея, о чем речь, пока он сам не заговорил со мной об этом. Оказывается, руководство Городца решило при районном краеведческом музее открыть специальный отдел, посвященный Сергею Петровичу Чуянову, и просило его безвозмездно передать туда собранные им за многие годы уникальные работы городецкой художественной росписи, книги из личной библиотеки и материалы личного архива.

– Саша, – говорил он мне, – если я соглашусь, то останусь при пустых стенах. А с другой стороны, у меня дома некуда ногу поставить – нет свободного места, все забито книгами, рукописями, документами, картинами… Видно, придется согласиться, дата открытия моей личной экспозиции уже назначена на День города Городца, это вторая суббота сентября – 9-е число.

Ему предстояло до этого дня со всем разобраться и определиться, описать, пронумеровать, задокументировать, короче требовалась масса времени, чтобы подготовить разнообразную коллекцию, а по сути – самую жизнь к переезду из родных стен в другое место.

Я думаю, что он ничего не успел сделать и вряд ли принимался за это дело вообще. А вот родные стены покинул – навсегда.

Его беспокоила еще одна проблема. Мне он как-то давно рассказывал, что в Москве живет женщина-искусствовед (он, кажется, называл ее имя, да я не помню), которая так же, как он увлечена балетом и музыкальным театром. Судя по всему, у них были отношения больше, чем товарищеские. Когда он приезжал в Москву, то останавливался у нее. Вообще он говорил о ней, как о родном человеке.

О ее смерти он узнал через несколько недель. Корил себя, что не проводил в последний путь. А она помнила о нем до последней минуты и завещала ему свою квартиру в центре Москвы и весь свой богатейший театральный архив.

И, бродя вместе со мной по липовым аллеям санатория, он мучился вопросом, что ему делать с этим неожиданным наследством. Он несколько раз возвращался к этому беспокойству.

– Куда мне все это? Самое лучшее было бы оставить все в этой квартире и передать ее вместе со всем содержимым Бахрушинскому театральному музею. Но как сделать филиал музея в обычной квартире обычного жилого дома? Согласятся ли с этим власти Москвы?..

Я думаю, что за оставшееся ему после санатория время он не нашел ответа на эти вопросы и опять же ничего не успел сделать.

Как сложится судьба этой, по его словам, замечательной и удивительной московской коллекции? Кто обеспокоенно ей займется, если мы не знаем имя дарительницы и ее адрес в Москве? Может быть, ответы найдутся среди материалов нижегородского архива дома у Чуянова, а может быть, этим займутся сотрудники Городецкого музея, когда Сережин архив окажется у них. Конечно, хорошо бы, чтобы все это выяснили прямые наследники Сергея Петровича, которыми он считал свою племянницу, ее мужа и их детей. Еще вопрос, согласятся ли они бесплатно передать все накопленные их дядей документальное и художественное богатство Городецкому музею? Не думаю, что Сергей не оставил никакого завещания на квартиру в Нижнем и на то, что в ней находится. Все последние годы он жил с опаской за свое здоровье и знал о возможном скором уходе…

Закрытый гроб с телом покойного Сергея Петровича Чуянова черный «мерседес» доставил к новому двухзальному городскому ритуальному дому на Бугровском кладбище. Два человека спешно вынули его через задние двери из чрева автомобиля, спешно занесли в левый пустой зал и поставили на подиум. Прислонили к внешней стене

у дверей зала металлический крест с табличкой с фамилией, именем и отчеством усопшего и датами рождения и смерти: 31.07.1945 – 03.08.2017. Дату ухода написали весьма предположительно, чтобы не слишком пугало расстояние от начала небытия до дня похорон. Хотя и оно было долгим – 8 дней. Сели в машину, на которой доставили печальный груз и уехали. Люди с венками и цветами потянулись к закрытому гробу. Ставили венки, клали к подножию цветы. Я осторожно постучал по полированной крышке. Попрощался с Сережей и вышел на улицу. Здесь народ прибывал и прибывал. Было наглядно, что значил этот ушедший от нас человек в нашей общей жизни. Здесь были самые разные люди: его коллеги по телевидению из разных телекомпаний, товарищи по писательскому и журналистскому Союзам, актеры, деятели науки, «веды» из различных сфер искусства, представители районов области, пришедшие проститься с легендой нижегородской журналистики. Этим высшим званием областного Союза журналистов Сергей Чуянов был отмечен в первой десятке, кому оно было присвоено. Он вообще очень дорожил присужденными ему премиями и званиями. Перед тем самым выступлением перед отдыхающими в санатории Городецком интересовался у работника клуба Саши Тихонова: «А вы посмотрели в Интернете все мои звания и лауреатства, чтобы меня представить?»...

Дмитрий Анисимов открыл гражданскую панихиду. Она проходила на улице. Ораторы сменяли друг друга перед входом в зал, где одиноко пребывал оставшиеся считанные часы на белом свете в закрытом гробу Сергей Петрович Чуянов. Он и тут был одинок в своем последнем жилище…

Похороны состоялись на Автозаводском кладбище, рядом с могилой мамы и могилами других дорогих ему Чуяновых…

ЗЕМЛЯКИ

НИЖЕГОРОДСКИЙ АЛЬМАНАХ

Выпуск двадцать третий

Редактор-издатель *Олег Рябов*
Составители *Андрей Иудин, Олег Рябов*

Редактор *Андрей Иудин*
Макет *Арсения Костромина*
Дизайн обложки *Геннадия Щеглова*
Корректор *Лев Зелексон*

В оформлении обложки использована
фотография

Подписано к печати . Выпущено в свет ... Бумага 60x84 1/16.
Гарнитура «Times New RomanC». Печать офсетная.
Бумага офсетная. Усл.-печ. л. 26,97. Тираж 1000 экз.

Издательство «Книги»
603057, Нижний Новгород, ул. Бекетова, 24/2. Тел. (831) 412-16-04

Отпечатано в типографии «Растр»
603024, Нижний Новгород, ул. Белинского, 61